

Институт философии РАН
Научный совет РАН «История мировой культуры»
Чувашский гос. педагогический университет им. И.Я. Яковлева
Междисциплинарное общество социальной теории

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Научный альманах. 2007. Том I. Вып. 1.
ФИЛОСОФСКИЕ И НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Под редакцией Ю.М. Резника

Москва 2007

Научный альманах «Вопросы социальной теории» рекомендован к печати Ученым советом Института философии РАН, комиссией по изучению комплексных проблем человека, культуры и общества Научного совета РАН «История мировой культуры» и редколлегией журнала «Личность. Культура. Общество».

Редакционный совет:

В.С. Степин (Москва) – *председатель совета*, Г.И. Геринг (Омск), А.С. Горшков (Санкт-Петербург), Г.Н. Григорьев (Чебоксары), Г.М. Евелькин (Минск), В.Н. Егоров (Иваново), А.Л. Журавлев (Москва), И.И. Катанаев (Чита), В.Ж. Келле (Москва), А.П. Лиферов (г. Рязань), К.Х. Межуев (Москва), Ю.Н. Пахомов (Киев), Ю.М. Резник (Москва), В. Сломский (Варшава), В.Г. Федотова (Москва), В.М. Филиппов (Москва).

Редакционная коллегия:

Ю.М. Резник (Москва) – *главный редактор и руководитель проекта*, В.М. Хачатурян (Москва) – *ответственный секретарь*, В.Л. Абушенко (Минск), Т.В. Бернукевич (Чита), Л.Е. Востряков (Санкт-Петербург), П.К. Гречко (Москва), М.Б. Кожанова (Чебоксары), В.Г. Николаев (Москва), Э.А. Орлова (Москва), А.М. Орехов (Москва), К.С. Пигров (Санкт-Петербург), Д.И. Польшвинный (Иваново), В.И. Разумов (Омск), А.Б. Рахманов (Москва), Н.А. Степанов (Рязань), Е.Н. Шапинская (Москва), В.Н. Шевченко (Москва), В.В. Щербина (Москва).

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: Научный альманах. 2007. Том I. Выпуск 1. Философские и научные основания современной социальной теории/ Под ред. Ю.М. Резника. М.: «Независимый институт гражданского общества»; «Междисциплинарное общество социальной теории», 2007. 376 с.

Альманах представляет собой научно-теоретическое приложение к международному журналу социальных и гуманитарных наук «Личность. Культура. Общество». В нем публикуются научные переводы классиков современной социальной теории, статьи отечественных и зарубежных авторов, изданные в журнале «Личность. Культура. Общество» на протяжении последних лет, а также новые материалы, специально подготовленные к печати.

Данный выпуск альманаха посвящен анализу философских и научных оснований современной социальной теории. Он предназначен для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов философских и социально-гуманитарных факультетов вузов.

© – Независимый институт гражданского общества (редакция журнала «Личность. Культура. Общество»).

© – Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории».

© – Авторский коллектив.

Содержание	3
Предисловие (Г.Н. Григорьев, Ю.М. Резник)	5
Социальная теория на пути к интеграции социальных наук (Ю.М. Резник)	7

Идейные истоки социальной теории

Зарубежные исследования

КОЛЛИНЗ Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения (<i>фрагменты из книги; пер. Н.С. Розова</i>)	13
ПАРСОНС Т. Развитие социологии как научной дисциплины (<i>пер. М.В. Калашиковой</i>)	37
ТИРИКЬЯН Э. Социологизм и экзистенциализм (<i>пер. В.Г. Николаева</i>) ...	50
ХАБЕРМАС Ю. Теория коммуникативного действия. Предисловие (<i>фрагменты из книги; пер. А.Б. Рахманова</i>)	85

Отечественные исследования

ШАПИНСКАЯ Е.Н. Социальная теория сегодня: некоторые проблемы и подходы	93
РОЗОВ Н.С. Новая социальная теория интеллектуального творчества: «социология философий» Р. Коллинза	112
ГРИЦАНОВ А.А., РУМЯНЦЕВА Т.Г. Эволюция отечественной социальной теории: от парадигмальности монистического типа к рамочной модели	123
РЕЗНИК Ю.М. Социальная теория в России: поиски самоопределения и выхода из кризиса	140

Предмет и статус современной социальной теории

Зарубежные исследования

КОУЛ ДЖ. Социальная теория: основные формы (<i>пер. А.М. Орехова</i>) ...	158
ЛИНТОН Р. Личность, культура и общество (<i>пер. Л.А. Мостовой</i>)	175
МЕРТОН Р.К. Наука и социальный порядок (<i>пер. В.Г. Николаева</i>)	191
ПАРСОНС Т. Рабочие тетради по теории действия (<i>фрагменты из книги; пер. В.Г. Николаева</i>)	208
ХАБЕРМАС Ю. Теория коммуникативного действия. Понятие рациональности (<i>фрагменты из книги; пер. А.Б. Рахманова</i>)	229

Отечественные исследования

АБУШЕНКО В.Л. Социальная теория: возможности согласования дисциплинарных эпистемологических позиций	246
---	-----

ГРЕЧКО П.К. Социальная теория: проблема междисциплинарного статуса	263
ОРЕХОВ А.М. Социальная теория: опыт интерпретации	275
ОРЛОВА Э.А. Методологические ракурсы социокультурных исследований	290
РЕЗНИК Ю.М. Социальная теория сегодня: предмет и междисциплинарный статус	306

Социальная теория и общество

ГРЕЧКО П.К. Аналитическая понятийность и практическая устремленность социальной теории	321
РЕЗНИК Ю.М. Социальная теория и общество: гражданская миссия и ответственность интеллектуалов	337

Наши издатели

Междисциплинарное общество социальной теории	359
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева	362
О рефлексивном подходе в социальной теории (<i>послесловие редактора</i>)...	366
Содержание на англ.	372

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие к книге, охватывающей столь широкий спектр проблем, решение многих из которых носит дискуссионный характер, писать чрезвычайно сложно. Но возможно несколько сценариев написания предисловия к альманаху.

Первое, что сразу приходит на ум, так это написать очерк о перспективах развития теории в социальных науках.

Второе, не менее острое желание сопряжено с тем, чтобы определить пути преодоления противостояния социальной теории и всей научной рациональности в общественном сознании, с одной стороны, и постмодернистских поисков и связанных с ними попыток преодолеть научную рациональность как в онтологическом, так и эпистемологическом плане, с другой.

Наконец, третий, наиболее распространенный путь — сформулировать ключевые идеи книги, сосредоточив внимание на центральных положениях и предположениях социальной теории.

Ни один из этих путей не подходит, с нашей точки зрения, для такого типа теоретического дискурса, как собрание представителей социальной теории в рамках одного научного альманаха, предполагающего наряду с сохранением разнообразия подходов еще и поиск «общих точек пересечения» в области теоретического общественнознания.

Охват тем и проблем в работах, вошедших в альманах, столь широк и разнообразен, что всякие попытки их систематизации бессмысленны. Именно этим определяется выбор редколлегией такого жанра издания, как альманах. При этом редакционный совет и редколлегия альманаха полностью отдают себе отчет в том, что его содержание не отражает всего богатства ситуации, сложившейся сегодня в современной социальной теории.

И все же у редколлегии есть свой замысел — реконструировать по возможности интегративные процессы и тенденции, наметившиеся в последние десятилетия в теоретическом общественнознании. Поэтому в поле ее деятельности вошло несколько первостепенных задач:

— выявить некоторые идейные истоки социальной теории, опирающейся, как известно, на труды таких теоретиков, как М. Вебер, Э. Дюркгейм, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Т. Парсонс, Э. Гидденс, Ю. Хабермас (именно их отдельные работы легли в основу альманаха);

— определить в первом приближении границы предметной области социальной теории и ее междисциплинарный статус (этим объясняется выбор ряда текстов зарубежных и отечественных авторов);

– раскрыть пути взаимодействия социальной теории и общества, а также показать роль самих теоретиков и интеллектуалов в эпоху социальных перемен.

При отборе текстов для альманаха редколлегия руководствовалась правилами научного дискурса и требованиями авторского права. Научные переводы публикуются с согласия переводчиков и редакции журнала «Личность. Культура. Общество», на страницах которого они были опубликованы впервые. В альманах помещены также как уже опубликованные, так и новые статьи отечественных исследователей. Все они связаны тематическим и проблемным единством участников дискурса.

Разумеется, содержание альманаха отражает точку зрения его авторов и допускает различие, а иногда и противоположность их позиций. Мы не стремились сгладить или, напротив, усугубить эти противоречия, а предоставили самим читателям возможность присоединиться к дискуссии, выбрав близкую им позицию.

В плане издательской деятельности редакции альманаха намечена подготовка к печати очередных томов и выпусков альманаха. Следующий том альманаха будет посвящен теме «*Природа социальной реальности: концепции и методология исследования*». Мы рассчитываем на то, что первый выпуск данного тома выйдет уже в первой половине 2008 года.

Своеобразие данного альманаха заключается в том, что он представляет собой издание научного и учебного профиля. Многие из работ тех авторов, которых принято сегодня относить к классикам социальной теории, имеют хрестоматийное значение и могут послужить в качестве первоисточников при изучении различных обществоведческих курсов.

Открывая первый выпуск научного альманаха «Вопросы социальной теории», мы хотели бы надеяться, что данная попытка объединить в одном издании сборник научных текстов и хрестоматию (антологию), найдет свой отклик у наших читателей, среди которых будут как преподаватели, так и студенты социально-гуманитарных факультетов, изучающие теоретические основы социальных дисциплин – социальной философии, социологии, социальной антропологии, социальной психологии, социальной истории, политологии, социальной теории организаций и др.

Г.Н. Григорьев, Ю.М. Резник

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ НА ПУТИ К ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

В последние годы еще более усилилась тенденция к интеграции социальных дисциплин. В системе общетеоретического социального познания постепенно вызревают условия для практического осуществления проекта «*всеобщей социальной науки*», основы которого заложили еще мыслители XIX в.

Движение в сторону построения «единой» или «всеобщей» социальной науки осуществляется по разным направлениям. Можно выделить условно социально-философское направление, социологический и культурно-антропологический синтезы.

Идея синтеза всех наук об обществе разрабатывается еще русскими философами. В «Философии хозяйства» С.Н. Булгаков намечает контуры единой социальной науки и единой технологии. Подобно тому, как у С.Л. Франка есть учение о «всеобщих и объективных идеях», коренящихся в представлениях людей, у Булгакова технология определяется как «система объективных действий», как «совокупность всевозможных способов воздействия человека на природу в определенных, наперед намеченных целях». Именно такой является по своей сути сегодня социальная наука (система объективных идей) и социальная технология («система объективных действий»).

Мы согласны с Булгаковым в том, что «социальная наука несомненно нуждается в оплодотворяющей связи с философией, чтобы с помощью ее справиться с наступающим ее внутренним саморазложением, ибо незаметно подкравшийся кризис научного сознания здесь должен быть опустошительным»¹. Сегодня этот кризис налицо. Наука теряет свои идейные ориентиры и социальные связи, переставая быть наукой для общества и человека.

Синтез социальных наук на базе общей социальной теории осуществляется сразу по двум направлениям: социологическому и культурно-антропологическому.

Социологический синтез. В августе 1903 г. в типографии «Брокгауз и Ефрон» был подписан, а затем и выпущен в свет сборник статей под редакцией профессора Н.И. Кареева «Введение в изучение социальных

¹ См.: Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 5.

наук», в который вошли работы известных в России социальных мыслителей — социологов, экономистов, юристов. Достаточно привести фамилии доцента А.А.Чупрова, профессора Н.А. Карышева, приват-доцента В.М.Нечаева, профессора В.Д. Кузьмина-Караваева, чтобы понять широту научных интересов этих российских ученых, стремившихся в начале XX в. к интеграции различных научных теорий и подходов.

Уже в то время социальные науки воспринимались многими исследователями и преподавателями как единое «дерево», имеющее общую корневую систему и общий ствол. Безусловно, сам главный редактор сборника профессор Н.И. Кареев рассматривал в качестве ствола этого дерева социологию, утверждающую свое господство в российском общественном знании того времени. В своей вступительной статье «Что такое общественные науки?» он выделяет в структуре гуманитарных наук (как наук о духовной жизни людей) особый класс — социальные науки. Особенностью последних он считал то, что они «изучают практические взаимоотношения членов общества и складывающиеся из этих взаимоотношений системы общественных порядков, иначе — явления общественной организации...»².

В этом смысле социальными науками являются и искусство (точнее, знание об искусстве), и экономика (наука о народном хозяйстве), и правоведение, и многие другие, изучающие разные явления или стороны общественной жизни как организованного общежития людей. Главный признак отнесения той или иной науки к социальной заключается, по мнению Кареева, в выделении изучаемых явлений с точки зрения наличия известной организации членов общества, складывающейся на почве практических взаимоотношений между ними.

«Главным предметом социальных наук, — подчеркивает Кареев, — является, конечно, общество, как организованное целое, иногда даже прямо называемое общественным организмом»³. По его мнению, различие между социальными науками определяется в зависимости от того, какой аспект общества они изучают. За социологией закрепился статус общей социальной науки. Ее предмет фактически совпадает с предметом всех социальных наук. Хотя социология появилась значительно позже других гуманитарных наук (юриспруденции и государственоведения, экономики, искусствознания, филологии, религиоведения и т.д.), она уже с самого начала выступила в качестве обобщающей социальной науки, претендующей на изучение целого, а не его отдельных частей.

² Введение в изучение социальных наук: Сборник статей / Под ред. проф. Н.И. Кареева. СПб., 1903. С. 3.

³ Там же.

Сравнивая между собой науки о природе и обществе, Кареев отмечал, что последние не могут претендовать здесь на совершенство. Общественные процессы являются более сложными, чем природные, а их изучение имеет определенные трудности. Социальные науки только недавно освободились от господства метафизики и еще не выработали в полной мере собственную методологию познания. Наконец, серьезное влияние на состояние социальных наук оказывают умонастроения людей, их национальные и религиозные традиции, сословная и классовая принадлежность, партийные страсти и пр.⁴

Важным вкладом в современное понимание предмета и статуса социальных наук явилось представление об их мировоззренческой функции. Эти науки не могут, и пожалуй, не должны быть полностью свободны от идейно-нравственного содержания данной эпохи. Они не могут также абстрагироваться от господствующих в обществе эстетических и религиозных ценностей. Указанное обстоятельство заставляет обществоведов или социальных теоретиков искать иные способы интерпретации и объяснения социальных явлений, прибегая к их этическим и эстетическим обоснованиям, что вносит, в свою очередь, известную долю оценочных суждений в научное познание.

Концепция интеграции социальных наук приобрела законченный вид у П. Сорокина. Он разработал свою модель «интегральной» социальной теории (в его понимании – общей социологии), которая до сих пор может служить примером удачного междисциплинарного синтеза. Вместо обычного противопоставления общества и культуры, распространенного в те годы в научной литературе, Сорокин предлагает теорию социокультурного взаимодействия, закрепляя за ней изучение всеобщих, родовых явлений.

Не без влияния идей П. Сорокина в середине 50-х гг. XX в. в США выходит сборник «За науку о социальном человеке. Конвергенции в антропологии, психологии и социологии» под редакцией Дж. Гиллина. Он стал итогом многолетней деятельности междисциплинарного движения в области социально-научного знания. Авторами сборника явились известные американские теоретики Г. Беккер, Т. Парсонс и др. В пользу социально-научной интеграции Гиллин вместе со своими соавторами выдвигают следующие аргументы: «масштабы существующей конвергенции являются показателем готовности; междисциплинарное сотрудничество необходимо, так как общественные науки

⁴ См.: Введение в изучение социальных наук: Сборник статей / Под ред. проф. Н.И. Кареева. СПб., 1903. С. 5.

должны многому научиться друг у друга, и, наконец, потребность в интеграции в единую науку настоятельно необходима с социальной точки зрения»⁵.

Спустя 105 лет после выхода в свет сборника «Введение в изучение социальных наук» идея междисциплинарного синтеза социальных наук остается по-прежнему актуальной. Подчеркивая данное обстоятельство, американский профессор И. Валлерстайн писал, что пора покончить с раздробленностью социальных дисциплин и вырваться из интеллектуальной трясины, признав, что все эти дисциплины – не что иное, как одна-единственная наука⁶.

Культурологический синтез. Мы не исключаем также, что наряду с попытками социологического синтеза, акцентирующего свое внимание на изучении общих свойств и закономерностей развития различных социальных систем, имеет место проект «единой науки о культуре». Подходит ли ей название «культурология», вопрос достаточно спорный.

Позиция Л. Уайта, полагавшего, что культурология должна стать общей наукой о культуре, вбирающей в себя представления социологии, антропологии и психологии, разделяется далеко не всеми учеными.

Так, Дж. Фейблман подчеркивает тот факт, что многие науки, традиционно изучающие культуру, были неверно сориентированы. Социальная и культурная антропология сконцентрировали свое внимание на изучении примитивных общностей и групп, этнология сделала особый акцент на расовых и этнических особенностях культуры, социология ограничилась количественным (в т.ч. статистическим) исследованием процессов реального функционирования институтов в развитых культурах, рассматриваемых в широком масштабе, социальная психология много времени потеряла на исследования стимулов и инстинктов коллективного поведения, не заботясь о своей предметной области, и, наконец, физическая антропология занималась часто фактической стороной дела, т.е. исследованием параметров черепа, тела и других морфологических характеристик человека, не пытаясь реконструировать культурные феномены прошлого и настоящего⁷.

⁵ Томарс А.С. Социология и развитие междисциплинарных областей науки // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 576.

⁶ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 1998. С. 134.

⁷ См.: Фейблман Дж. Концепция науки о культуре // Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 157-170.

Согласно позиции К. Гирца, наука о культуре (прежде всего культурная антропология) должна быть не экспериментальной, а скорее интерпретативной («понимающей») наукой. Это означает, что она раскрывает не повторяющиеся связи и закономерности, имеющие количественное выражение, а смыслы и значения, которыми люди наделяют свои действия и артефакты⁸.

Общетеоретический синтез: на пути к созданию «всеобщей социальной науке». Не отмечая все ценное, что накоплено создателями единой науки о культуре, необходимо подчеркнуть, что поиски междисциплинарного синтеза, базирующегося на разработке одной из центральных категорий современной социальной науки – личности, культуры или социальной системы (организации), не могут увенчаться успехом и являются шагом назад по сравнению с «интегральной» теорией П. Сорокина. Только взаимосвязь этих трех автономных сфер как субъективной, объективной и интересубъективной сторон социальной жизни может рассматриваться нами в качестве базовой теоретической предпосылки всеобщей социальной науки.

«Внутренняя» структура всеобщей социальной науки, о которой мечтали многие поколения мыслителей, складывается, на наш взгляд, из определенных фрагментов междисциплинарного синтеза. Ее теоретическим ядром является, безусловно, социальная теория (система общих представлений о «внутренних» и «интегративных» связях социальной реальности). Вместе с тем, она содержит свою историческую часть (социальную историю), занимающуюся описанием и анализом реальных социальных событий, а также прикладную часть – социальную инженерию, которая ориентирована на создание и воспроизводство оптимальных социальных систем, и, как таковая, возможна только на основе объединения практических возможностей социологии, социальной антропологии и социальной психологии.

«Внешние» связи всеобщей социальной науки опосредуют ее взаимодействие с философскими (через социальную философию) и гуманитарными дисциплинами (через социальную лингвистику, семиотику и герменевтику).

Мы полагаем, что уже сегодня социальная теория может стать исходным пунктом и концептуальной базой для интеграции всех социальных наук в *единую науку о социальном мире* как сложном системном и внутренне дифференцированном образовании.

⁸ См.: Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Там же. С. 171-200.

Будучи убежденными сторонниками междисциплинарной интеграции в обществознании, авторы данной книги не могут стоять в стороне от современных тенденций развития научного знания. По их мнению, социальные науки в России не могут развиваться в изоляции друг от друга. Российский научный менталитет (а мы уверены, что он не только реально существует, но и успешно влияет на состояние «обыденного сознания» людей) отличается безусловным стремлением к единству теоретико-методологических ориентаций на основе высокой духовности, учета лучших интеллектуальных традиций и национально-культурных особенностей.

Ю.М. Резник

Идейные истоки социальной теории

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р. КОЛЛИНС

СОЦИОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЙ: ГЛОБАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ (фрагменты из книги)*

Из предисловия к первому изданию

Двадцатое столетие является первым, в котором стало возможно всеохватывающее постижение мировой истории. Прежние поколения ученых знали слишком мало о других частях мира. Начало не ограниченного локальной культурной или национальной традицией, так сказать, космополитического подхода к изучению истории было положено немецкой университетской революцией около 1800 г., причем исследования такого рода достигли критической массы в первые годы XX в. Так возникла первая великая попытка вырваться из рамок евроцентристских представлений и обрисовать контуры мирового масштаба: Вебер, Шпенглер, Тойнби, Кребер. Их работу сегодня оценивают неоднозначно, что неудивительно для усилий первооткрывателей; одновременное появление данных трудов указывает на то, что их основой был внутренний сдвиг в средствах интеллектуального производства. Литература этого поколения в произведениях Томаса С. Элиота, Эзры Л. Паунда, Джеймса Джойса и Германа Гессе также открывает сокровищницу мировой культуры; в «Бесплодной земле» могли быть цитаты как из древней Индии, так и из доклассической Греции, а «Cantos» Паунда расширили круг аллюзий от итальянского Возрождения до средневекового Китая.

* Перевод выполнен с любезного разрешения автора по изданию: *Collins R. Sociology of Philosophies: The Global Theory of Intellectual Change.* Belknap Press of Harvard University Press, 1998. Впервые опубликовано в журнале «Личность. Культура. Общество». 2001. Т. 3. Вып. 3. С. 24-51.

Двумя поколениями позднее мы находимся в положении, позволяющем гораздо глубже понимать мировую культуру. По иронии, в то время как гуманитарные науки заполнили лакуны и дали более четкие контуры тому, что ранее только входило в фокус внимания, перед нами встают новые препятствия для понимания. Мы страдаем от информационной перегрузки, оттого, что накопилось слишком много знаний для того, чтобы их усвоить. Дисциплинарная специализация и субспециализация предсказуемы в академической занятости, которая с 1960-х гг. выросла во всем мире настолько, что любые аналоги в прошлом представляются ничтожно малыми. По этой причине, с тех пор как европейские университеты не так давно превратились из элитарных систем в массовые, стали одна за другой появляться доктрины, нападающие на самую возможность знания. Хотя мир, разумеется, не является текстом, сегодня, когда каждый год появляется несколько сотен тысяч публикаций по гуманитарным и социальным наукам и еще миллион по естественным, вполне можно почувствовать себя утонувшими в море текстов.

Закроем ли мы глаза на познание мировой истории как раз в то время, когда у нас появились возможности и ресурсы вырваться из наших региональных культур? Нельзя сказать, чтобы совсем не было тех, кто практикует сравнения в мировом масштабе; такие ученые, как Бродель, Нидэм, Макнил и Абу-Луход, продолжали расширять восточно-западные перспективы, а Мальро открыл двери «музея без стен» мирового искусства. Хотя современные западные ученые часто огорожены забором историцистского партикуляризма (доктрины неповторимости явлений истории), азиатские ученые, такие, как Сигэру Накаяма и Хадзимэ Накамура, сделали смелые попытки написать транслокальную историю, представляя ее с другой стороны. В будущем, в XXI в., когда экономические связи и взаимная миграция действительно приведут к общей мировой культуре, образованные люди, вероятно, будут смущены тем, что знают столь мало об интеллектуальной истории других частей мира по сравнению со своей. Но что делать с этой практической проблемой? Чтобы быть грамотным человеком сегодня, надо было бы жить в библиотеке Хорхе Луиса Борхеса, где практически бесконечные коридоры книг содержат Вселенную, но у нас нет ключа к их содержанию. Моя стратегия состояла в том, чтобы сосредоточиться на интеллектуальных сетях (intellectual networks): социальных связях между теми мыслителями, чьи идеи передавались в последующих поколениях. Я выбрал философов, поскольку их интеллектуальная роль является архетипической, начало ее уходит на несколько тысяч лет в прошлое каждой из мировых цивилизаций, причем именно от философии ответвилось большинство специа-

лизированных дисциплин. Моей первой задачей было собрать такие сети для Китая, Индии, Японии, Греции, исламского мира, средневекового христианского мира и современной Европы в течение очень долгих периодов времени. Собираание этих сетей само стало малой историей; я работал над некоторыми частями этого проекта более 25 лет.

Сети являются мнемоническим приемом, способом проследить направления развития интеллектуальной истории за пределами тех немногих мест, которые нам всем знакомы. Сети являются также основой теории; я утверждаю, что если кто-то способен понять принципы, которые определяют интеллектуальные сети, то у него есть объяснение причин происхождения идей и их изменений. Строго говоря, именно сети являются деятелями (актерами) на интеллектуальной сцене. Сети являются устойчивой, продолжающейся во времени структурой или паттерном связей между микроситуациями, в которых мы живем; социология сетей глубоко проникает в сами формы нашей мысли. Сетевая динамика интеллектуальных сообществ дает внутреннюю социологию идей, избавляя нас от редукционизма традиционной экстерналистской социологии. Кроме того, историческая динамика социальных групп, сознающих внутреннюю идентичность, в сетях ставит вопрос о каноничности в ином свете. Нам не требуется впасть в платонизм вечных сущностей, чтобы избежать полемического упрощения и не сводить интеллектуальную репутацию к социополитическому господству; существует задающая уровни значимости социальная конструкция, которая воздает должное внутренним процессам интеллектуальной жизни.

О русских интеллектуальных сетях (из предисловия к русскому изданию)

«Социология философий» — это очень большая книга. Более 25 лет мною проводились сбор данных и анализ социальной истории данных сетей для избранных столетий истории Китая, Японии, Индии, древней Греции, средневекового исламского мира и Западной Европы. Если бы я мог прожить намного дольше, то с удовольствием бы включил гораздо больше материала из мировой интеллектуальной истории, представляющего огромный интерес и значимость. Пришлось оставить это для последующих книг, которые, возможно, будут написаны кем-то другим. Например, я бы хотел изучить интеллектуальную историю Китая более недавних столетий, а не останавливать свой анализ на XVI веке; я также не сумел проследить значимую историю философских течений, экспортированных из Индии и продолжавших развиваться в Тибете; то же касается и неохваченной в данной книге интеллектуальной истории Кореи,

которая послужила бы для полезного сравнения с условиями, способствовавшими развитию конфуцианских и буддийских линий преемственности в Китае и Японии.

Определенные части мира с богатым интеллектуальным развитием едва лишь затронуты в моей книге. Так, я сумел проследить процессы интеллектуального развития в России XIX в. только при демонстрации причин того, почему немецкими и французскими интеллектуальными движениями XX в., в особенности экзистенциалистами, стали так сильно восхищаться русские мыслители, считая их своими предшественниками.

Слабость моей книги в этом отношении, как я надеюсь, вдохновит ученых, более компетентных в интеллектуальной истории России, провести сетевой анализ развития соответствующих пространств творческого внимания. Моя собственная трактовка роли Бакунина, Герцена, Тургенева, Чернышевского, Писарева и Достоевского (рис. 14.2 и обсуждение в главе 14) — это лишь слабый и, вероятно, не вполне адекватный набросок некоторых русских связей, воспринятых в Западной Европе. Можно было бы гораздо больше написать о положении таких фигур, как Чаадаев, Хомяков, братья Киреевские, Леонтьев и Соловьев в соответствующих поколениях. Происходит замечательный всплеск творчества в начале XX в., включающий такие фигуры, как Шестов, Франк, Бердяев, Булгаков, Лосский, Лосев, Павлов, Выготский, Лурия и другие. Похоже, что российские интеллектуальные сети были в значительной мере реорганизованы в результате университетских реформ, произошедших на переломе XIX и XX вв. (особенно реформ, начавшихся в 1889 г. и связанных с расширением учебных программ). В XIX в., при царской цензуре, российских интеллектуалов в первую очередь поддерживала роль журналиста-критика и романиста, укорененная в расширявшемся рынке книгоиздания; результатом данного обстоятельства было то, что в тот период русская литература служила своего рода двигателем философских и политических идей, замаскированных и вмещенных в литературную форму. В других случаях мировой истории реформа системы образования, а особенно уход университетов от прямого религиозного управления и контроля, приводили к существенной перегруппировке интеллектуальных сетей и всплеску творческого производства идей. Я бы предположил, что сходный сдвиг в основах интеллектуального производства привел к значительным творческим прорывам во множестве областей, которые в начале XX в. имели место в сетях вокруг российских университетов.

Случай, представляющий особенно большой интерес для дальнейшего социологического анализа, — это движение, которое позже в XX в. стало известно на Западе как «русские формалисты». Во французской и

более поздней англоязычной семиотике и теории литературы этим собирательным именем обозначались несколько кружков, составивших некую сеть в десятилетия между 1900 и 1930 гг.; таковы футуристы вокруг Маяковского и Хлебникова; творчество этого движения подвергалось критическому анализу петербургским «Обществом изучения поэтического языка» (ОПОЯЗ), включавшим Виктора Шкловского, Юрия Тынянова, Бориса Эйхенбаума и Осипа Брика; затем последовало соперничество с Московским лингвистическим кружком, связанным с европейскими движениями благодаря ученикам Гуссерля и Соссюра и включавшим Романа Яacobсона, Григория Винокура и Бориса Томашевского. Позже эта группа вошла в Московскую государственную академию; в конце 1920-х гг. были выполнены весьма влиятельные работы Михаилом Петровским и Владимиром Проппом. В тот же период в Ленинграде, — что продолжило старое соперничество между Санкт-Петербургом и Москвой, — возникла группа антиформалистов, соединявших темы марксизма с идеями психологии Выготского; особенно Михаил Бахтин и Павел Медведев подняли некоторые формалистские техники на новый уровень рефлексивной изощренности. Таким образом, оказывается, что в основе данного всплеска интеллектуального творчества в России также действует социологическая модель соперничающих групп, соединенных сетями в некое пространство внимания, а также формирование новых позиций из этой структуры соперничества. Темой, весьма достойной изучения, является характер переоткрытия данной работы вне российского интеллектуального контекста в 1950-х гг. и последующие годы, когда в Париже росли структуралистское и семиотическое движения, а также последующий экспорт идей «русских формалистов» в университеты англоязычного мира. Отношение между российскими интеллектуальными сообществами и западным миром — время от времени включавшее и изоляцию, и заимствование, и экспорт идей, — составит весьма плодородную почву для изучения новыми поколениями социологически ориентированных исследователей.

Введение

Интеллектуальная жизнь — это в первую очередь конфликт и несогласие. Преподавание может создать противоположное впечатление, когда мы передаем начинающим то, на знание чего претендуем; но на переднем фронте, где создаются идеи, всегда была дискуссия между противоположными сторонами. Не признавать это ядро несогласия трудно, ведь отрицать данное положение — значит подтверждать его еще одним примером. Нельзя сказать, чтобы никакого согласия вообще не было. Оста-

вим в стороне вопрос, когда появляется консенсус относительно частных моментов и появляется ли он вообще. Даже в высшей точке дискуссии число мнений не возрастает до той степени, которая возможна. Интеллектуальный конфликт всегда ограничен сосредоточением на определенных темах и поиском союзников. Не борющиеся индивиды, но малое число противоборствующих лагерей является устойчивой структурой (паттерном) интеллектуальной истории. Конфликт — это энергетический источник интеллектуальной жизни, и при этом он ограничен сам собой.

Данная книга представляет динамику конфликта и альянса в интеллектуальных сетях, которые наиболее длительное время существовали в мировой истории. Замысел книги находится в сегодняшнем контексте борющихся позиций как в социологии, так и в интеллектуальной жизни в целом. Кто-то мог бы сказать, что это саморазрушительная попытка, что наше время из всех времен мировой истории является наименее подходящим для сравнительного, глобального взгляда, стремящегося раскрыть всеобщее и фундаментальное. Но противоположности структурируют одна другую; я мог бы с тем же успехом сказать, что никакое другое время в истории не соответствует должным образом данному замыслу.

Позвольте мне представить свой подход, критически осмысливая некоторые противостоящие взгляды.

1. *Идеи порождают идеи.* Традиция историков интеллектуального процесса состоит в том, чтобы войти в круг некоторых доводов и понятий, показывая, как один набор идей ведет к другому. Такая профессиональная привычка не позволяет решать, что возможно и что невозможно в качестве объяснения. Сильнейший аргумент против трактовки идей в терминах чего-либо другого, чем они сами, был выдвинут Лейбницем и повторен Серлем. «Если кто-либо представит человеческий мозг увеличенным до гигантских размеров, — говорит Лейбниц, — а себя — бродящим среди всей этой машинерии, он не увидит ничего, что напоминало бы идею, насколько бы пристально он ни изучал структуры мозга»¹. Серль воскрешает аргумент против компьютерных моделей искусственного интеллекта, а также распространяет его против любой психологической и неврологической теории, которая описывает разум как компьютер. Компьютеры созданы людьми, имеющими разум, а входы и выходы ком-

¹ «Если мы вообразим себе машину, устройство которой производит мысль, чувство и восприятия, то можно будет представить ее себе в увеличенном виде с сохранением тех же отношений, так что можно будет входить в нее, как в мельницу. Предположив это, мы при осмотре ее не найдем ничего внутри ее, кроме частей, толкающих одна другую, и никогда не найдем ничего такого, чем бы можно было объяснить восприятие». Русский перевод Е.Н. Бобровадан по изданию: *Лейбниц Г.В.* Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 415.

пьютеров всегда интерпретируются человеческим сознанием. Считать, что компьютер мог бы думать — это лишь *façon de parler*². Это мы вкладываем гомункулуса в компьютер, это человеческий разум решает, каким образом паттерн электронных ветвлений должен быть интерпретирован как осмысленные идеи. Вещи и идеи образуют несводимые друг к другу миры; просто нет пути перехода от внешнего описания вещи к внутреннему смыслу идеи.

С тем же успехом могло бы показаться, что аргумент Лейбница — Серля противостоит различным способам социологического сведения (редукции); действительно, наблюдаемые формы экономического и политического поведения классов и государств имеют иную природу, чем идеи, которые предполагается объяснить с их помощью. Тем не менее, Лейбниц указывает на ключ: связь между идеями и пространственным миром человеческих тел является бесконечно таинственной, если они действительно являются различными субстанциями; идеи и тела сопряжены, потому что они являются аспектами единого вида сущего. Действительно, не найти идей среди машинерии мозга или компьютера, если искать идею-вещь среди материальных вещей. Идеи вовсе не похожи на вещи, откуда мы не представим их в символах, написанных на материале, таком как бумага, но они являются прежде всего общением (коммуникацией), что означает взаимодействие между людьми, обладающими телесностью. Войти в физический мозг (либо внутрь компьютера) — это уж точно ложный путь для восприятия идей, поскольку идеи находятся в процессе общения между одним мыслящим человеком и другим, и мы воспринимаем идеи другого мозга, только получая их сообщенными нам. То же имеет место и с отдельным человеком: кто-либо воспринимает свои собственные идеи только откуда он(а) находится в режиме общения. Мыслители не предшествуют общению, но сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов.

В этом направлении не обнаруживается трудности сведения идей к политической экономии. Экономическая и политическая деятельность является не просто физической, но также осмысленной прежде всего потому, что она социальна. Сила антиредукционистской позиции в том, что определенные виды идей, которые нам интересно объяснить, не могут быть объяснены ссылкой на социальное действие, где этот вид общения не имеет места. Есть области социологической редукции, где объяснение грубо и не приводит к успеху. Экономические и политические макроструктуры не объясняют многое в абстрактных идеях, поскольку та-

² Оборот речи (*франц.*).

кие идеи существуют только там, где есть сеть интеллектуалов, сосредоточенных на своих собственных аргументах и накапливающих свой собственный понятийный багаж. Именно внутренняя структура этих интеллектуальных сетей формирует идеи с помощью паттернов вертикальных цепочек сквозь поколения и их горизонтальных альянсов и противостояний. Редукция является ошибочной не потому, что мы совершаем примитивную категориальную ошибку касательно идей и вещей, но потому, что мы ищем определяющую структуру коммуникативного действия, которая слишком удалена от фокуса внимания, где происходит сама интеллектуальная деятельность.

2. *Индивиды порождают идеи.* Здесь также есть долгая традиция: культ гения или интеллектуального героя. Будучи выраженным в этих терминах, данное представление кажется старомодным. Оно сохраняется, будучи очищенным от однажды окружившей его льстивой риторики, поскольку укоренено в категориях, через которые мы мыслим самих себя. Индивиды определены как ответственные лица в современном праве и политике; гофманианские ритуалы повседневной жизни обожествляют автономию и защищенную независимость (privacy) индивидуального «я». Образ героя работает столь же успешно в личине антигероя: Витгенштейн, в своем кожаном пиджаке нарушающий условности «высокого стола»³ в Кембридже, представляет собой героя-лидера не в меньшей степени, чем мраморный бюст Аристотеля или Ньютона. Попытки разрушить канон оставляют невредимой категорию столь чтимых индивидов; само представление о пренебрегаемом мыслителе, неоцененной женщине-философе или романтический образ художника, творящего на забытой мансарде, является представлением об индивиде вне рангов привилегированных представителей канона.

Мы приходим к индивидам, только абстрагируясь от окружающего контекста. Нам кажется естественным так делать, поскольку мир кажется начинающимся с нас самих. Но социальный мир следует заключить в скобки, чтобы прийти к единственному индивидуальному сознанию; и действительно, только в рамках конкретной традиции интеллектуальных практик мы научились конструировать эту чисто индивидуальную исходную позицию, подобно Декарту, забравшемуся в крестьянскую печь и решившему усомниться во всем, в чем можно усомниться. В случае идей, рассматриваемых здесь, идей, имевших историческое значение, можно показать, что те индивиды, которые выдвигают такие идеи, помещены в

³ Стол для профессоров и членов совета в столовой английского колледжа; обычно находится на небольшом возвышении.

типичные социальные паттерны: интеллектуальные группы, сети и структуры соперничества.

История философии есть в значительной степени история групп. Ничего абстрактного здесь не имеется в виду – ничего помимо групп друзей, партнеров по обсуждениям, тесных кружков, часто имеющих характерные черты социальных движений. Возьмите подъем немецкого идеализма от Канта до Гегеля и Шопенгауэра. Первое, что должно потрясти нас, – это даты: все главные работы располагаются между 1781 г. («Критика чистого разума» Канта) и 1819 г. («Мир как воля и представление» Шопенгауэра), что составляет 38 лет, то есть примерно длительность одного поколения. Есть и социальное ядро – это Фихте, Шеллинг и Гегель, которые однажды жили вместе в одном доме. Вначале Фихте берет на себя инициативу, вдохновляя остальных на общение, когда они были молодыми студентами Тюбингена в 1790-х гг.; затем благодаря усилиям Фихте Йена превращается в философский центр, где возникает течение, вскоре ставшее знаменитым; затем в бурные 1799–1800 гг. Фихте перебирается в Дрезден, чтобы быть с романтическим кружком братьев Шлегелей (где у Каролины, жены Августа Шлегеля, был роман с Шеллингом, после чего последовали скандальный развод и новое замужество). Позже Фихте направляется в Берлин, вступая в союз со Шлейермахером (также из круга романтиков) и с Гумбольдтом, чтобы основать университет нового типа; сюда в конечном счете приходит Гегель, основывает свою школу, и там же Шопенгауэр читает свои лекции в бесплодном соперничестве с ним. Еще много чего можно сказать в этой связи: анализом данного материала мы займемся в 12-й главе.

Дело не в том, чтобы превознести Фихте; у него своя роль в структуре, типичная роль организационного лидера. Движение от группы к группе, нахождение организационных ресурсов и последующее движение к установлению центров всегда типично для людей в этой структурной позиции. Организационный лидер не обязательно является интеллектуальным лидером. Теоретически успешна та группа, в которой присутствуют оба. Это позволяет нам понять роль Канта, который является интеллектуальным родоначальником идеализма, хотя в то же время социально он был несколько отстраненным, притом намного старше остальных. Тем не менее, именно в дальнем Кенигсберге формировалась растущая сеть, несколько членов которой (Гаман, ученик Канта Гердер) достигли своей творческой славы прежде самого Канта. Кант изначально не был идеалистом; его первая «Критика» запрещает как раз тот вид философии, который стали развивать его последователи. Кант играл на другой интеллектуальной арене. Его идеи были подхвачены и превращены во вздыма-

ющееся подобно волне философское движение именно тогда, когда появилась организованная группа. В своих поздних работах Кант обратился к идеализму, когда это движение уже присутствовало. Здесь вновь связующим звеном является Фихте; он был единственным из идеалистов, вошедшим в личный контакт с Кантом, и начал свою собственную карьеру благодаря его поддержке.

Фихте, можно сказать, сделал Канта тем, кем он оказался для истории философии. Но это не означает замену одного героя другим; вернее сказать, «Фихте» сделал «Канта» тем, кем он оказался. Здесь «Фихте» — это условное обозначение социального движения внутри интеллектуального сообщества. Данное движение, рекрутируя новых членов, заражало их творческой энергией и предлагало им перспективные задачи на вновь открывавшихся направлениях мышления. Это движение имело как внутреннюю структуру, так и определенные внешние условия на втором уровне социальной причинности. Идеалистическое движение появилось как раз во время борьбы за трансформацию немецких университетов, что привело к автономии философского факультета и рождению современного исследовательского университета.

Отщепенцы (dissidents) во многом являются частью той же сетевой структуры, что и фавориты: здесь мы находим Шопенгауэра, повисшего на краю данной группы, никак не способного прорваться в нее, и Шеллинга, бывшего однажды любимчиком движения, а позже ставшего горьким изгнанником. Такие паттерны тоже являются частью поля структурных возможностей, распределенных между находящимися в ядре пространства внимания и независимых относительно притяжения и отталкивания на периферии. Рассматривая развивающиеся идеи как вытянутые тени, отбрасываемые величественными фигурами, мы остаемся заключенными в рамках принятых овеществлений. Нам нужно научиться видеть сквозь личности, вплести их в сеть процессов, которые ввели их как исторические фигуры в круг нашего внимания.

Такие структуры задают линии развития философии во всех исторических регионах. Если мы обращаемся к античной Греции, мы находим историю философии, которая может быть описана в терминах последовательности взаимосвязанных групп: пифагорейское братство и его отпрыски; кружок Сократа, породивший столь много других кружков; утонченные спорщики мегарской школы; друзья Платона, которые основали Академию; отколовшаяся фракция, которая стала аристотелевской школой перипатетиков; перестройка сети и ее кристаллизация в виде противостояния Эпикура и его друзей (здесь связи были очень тесны), удаляющимися в свое сообщество Сада, с его соперниками — афинскими сто-

иками и их ревизионистскими кружками на Родосе и в Риме; последующие движения в Александрии.

Много параллелей может быть приведено для Китая. Я упомяну только одну: неоконфуцианцев в период династии Сунн – наиболее важное движение китайской философии с раннего периода Воюющих Царств. Как и немецкие идеалисты, неоконфуцианцы ворвались на сцену двумя перекрывающимися поколениями, в данном случае активными приблизительно в 1040–1100 гг., причем группой, связанной личными узами. Известными стали братья Чэн Хао и Чэн И; их учитель Чжоу Дуньи; двоюродный брат их отца Чжан Цзай и их сосед Шао Юн. В группе были трения и разногласия, и в поколении учеников от нее отщепились разнообразные направления. Вновь мы видим организующее ядро: братья Чэн играли решающую роль в установлении связи между остальными, и именно благодаря их деятельности самому раннему мыслителю, Чжоу Дуньи, ретроспективно была приписана репутация основателя. (Эта ситуация переобозначения родоначальника философского направления в некоторой степени параллельна случаю с Кантом.) Последующая политика данного движения, когда оно распалось на соперничавшие фракции и получило свою каноническую форму в четвертом поколении от Чжу Си и Лу Цзююаня, служит примером структурированных процессов, которые являются исторически общими.

В Европе такие группы структурировали главные интеллектуальные движения с 1600-х гг. до настоящего времени. Корреспондентская сеть, сформированная Мерсенном в Париже в 1620-х гг. и распространенная на Англию Генри Ольденбургом, была организационной основой того, что в конечном счете стало Французской Academie des Sciences и Английской Королевской академией в 1660-х гг. В более широком смысле «невидимый колледж» существовал более 60 лет, являясь организационным ядром для поколения основателей современной западной философии. Рост численности окружающего населения или увеличение общего числа образованных интеллектуалов не делают анахронизмом эти сосредоточенные группы, которые овладевают вниманием в инновативном ядре. В наше время мы вновь находим две тесно связанные группы, сделавшие основной интеллектуальный вклад: Венский кружок в 1920-х и 1930-х гг., чьи позднее рассеянные последователи (и визитеры, такие как Айер и Куайн) стали господствовать в англоязычной философии через полвека; а также парижские экзистенциалисты 1930-х и 1940-х гг., наследниками которых является большинство знаменитостей 1960-х и 1970-х гг.

Другим паттерном творчества являются межпоколенческие сети, печочки выдающихся учителей и учеников. Примеры их легко привести

из всех эпох, а анализом сетей мы займемся в последующих главах. Вот лишь немногие самые знаменитые: Фалес – Анаксимандр – Анаксимен; Парменид – Сократ – Платон – Аристотель – Теофраст – Аркесилай – Хрисипп; Панетий – Посидоний – Цицерон; Уайтхед – Рассел – Витгенштейн; или, подходя к настоящему времени, Brentano – Гуссерль – Хайдеггер – Гадамер (как и Хайдеггер – Маркузе и Хайдеггер – Арендт). Творчество не распределяется случайным образом среди индивидов, оно сосредоточивается в межпоколенческих цепочках.

Третьей характеристикой интеллектуальных полей является структурное соперничество. Какая-либо интеллектуальная работа почти всегда ведется в то же время, что и другая работа сходной степени новаторства и охвата. Выдающиеся философы появляются парами или триадами, причем данные соперничающие позиции развиваются одновременно (т.е. они активны на протяжении одного поколения, приблизительно 35 лет). Можно считать символичным, что Гераклит, приверженец идеи абсолютной изменчивости, был современником (ок. 490–470 гг. до н.э.) Парменида, приверженца идеи абсолютно неподвижного Бытия. Эпикур и Зенон Стоик основали с промежутком в пять лет друг от друга (306–301 гг. до н.э.) две школы, которым предстояло господствовать в эллинистической и римской интеллектуальной жизни в течение многих столетий. В более позднюю эпоху ведущие христианский и языческий философы, Ориген и Плотин, появились почти одновременно (ок. 220–250 гг. н.э.), покинув одного и того же учителя. В Китае ок. 340–300 гг. до н.э. Мэн-цзы, Чжуан-цзы и Хуэй Ши были современниками и соперниками; столетиями позже (1170–1200 гг. н.э.) рационалистическое и идеалистическое направления неоконфуцианства отстаивали знакомые между собой Чжу Си и Лу Цзююань. Ближе к нашим дням логические позитивисты, феноменологи и экзистенциалисты не только были современниками, но и развивали некоторые из своих самых памятных доктрин в противостоянии друг другу. Паттерн творчества современников-оппонентов сравнимого статуса почти универсален в истории.

Эти соперничества не обязательно носят личный характер. Современные друг другу защитники соперничающих позиций не всегда направляют свои атаки друг против друга или даже обращают на такие атаки внимание. У Эпикура и Зенона были собственные программы, они спорили в основном против философских направлений и доктрин прошлых поколений; а явное соперничество между их школами развивалось только в последующих поколениях. В моменты основания школ открываются пространства, которые наполнены не просто индивидами, но малым числом интеллектуальных движений, которые перестраивают простран-

ство внимания, оттесняя друг друга в противоположных направлениях. Таковы конфликты на линиях различия между позициями, имплицитно являющиеся наиболее высоко ценимыми приобретениями интеллектуалов. По этой причине история философии есть история не столько разрешенных проблем, сколько создания новых линий противостояния, дающих возможность дальнейшей эксплуатации.

Не забыли ли мы индивида? В конце концов, не все интеллектуалы принадлежат к этим группам. Горделивый, замкнутый Гераклит не является единственным в таком роде. Некоторые влиятельные интеллектуалы (хотя и немногие) изолированы в течение некоторого времени, лишены современников, которые могут выступать как структурные соперники. Помимо этих эмпирических возражений, есть более основательное и принципиальное. Творческие интеллектуалы обычно интроверты, а не экстраверты. Интеллектуальное творчество осуществляется не в групповых ситуациях, но в индивидуальной работе, обычно занимающей много часов в день. Противоречие это только кажущееся. Интеллектуальные группы, цепочки учитель – ученик и линии соперничества между современниками вместе создают то структурное поле сил, в котором и происходит интеллектуальная деятельность. Причем, есть путь от таких социальных структур к внутреннему опыту индивидуального разума. Группа присутствует в сознании индивида, даже когда он один: для индивидов, являющихся творцами исторически значимых идей, именно это *интеллектуальное* сообщество является первостепенным, когда он(а) находится в одиночестве. Человеческий разум как вереница мыслей в отдельном теле конституирован историей личного участия человека в цепочке социальных столкновений. Для интеллектуалов это особые виды социальных цепочек и тем самым особые виды разума.

Социология разума не является теорией того, как на интеллектуалов влияют «неинтеллектуальные» мотивы. Поставить вопрос таким образом – значит предположить, что мышление обычно осуществляется независимо, в чистом самодостаточном царстве, и не движется ничем, кроме как самим собой. Но мышление было бы вовсе невозможно, если бы мы не были социальны; у нас бы не было ни слов, ни абстрактных идей, ни энергии для чего-либо за пределами сиюминутного чувственного опыта. Урок 1-й главы в том, что мышление состоит в создании «коалиций в разуме», интериоризированных из социальных сетей, мотивированных эмоциональными энергиями социальных взаимодействий. Моя задача не в обращении к «неинтеллектуальным мотивам», но в том, чтобы показать, чем являются сами интеллектуальные мотивы.

То, что идеи не зарождаются в индивидах, трудно принять, потому что это кажется направленным против ключевой точки зрения эпистемологии. Аналитически здесь вопрос уже не касается склонности к почитанию интеллектуальных героев. В эпистемологии предполагается, что сама по себе объективная истина зависит от существования чистого наблюдателя или мыслителя, не ограниченного ничем, но лишь созерцающего истину. Согласно такому представлению, социальное есть по необходимости вмешательство и нарушение, чуждое вторжение в эпистемологию; если идеи детерминированы социальными взаимодействиями, то они не могут быть детерминированы истиной. Это возражение возникает настолько естественно, что трудно мыслить как-то иначе, вне этой дихотомии: либо есть истина, которая независима от общества, либо истина социальна и в силу этого не является объективно верной. Здесь есть два предубеждения. Одно состоит в предпосылке, что конструирование идеализированного индивида, вне социального, дает такую выигрышную точку зрения, которую социальные сети не могут обеспечить. Напротив, гораздо труднее соединить такого бестелесного индивида с миром, чем соединить социальную группу с миром, поскольку группа уже в некоторой степени распространена в мире времени и пространства.

Второе предубеждение или молчаливая предпосылка состоит в том, что критерий истины существует в свободно витающей реальности вместе со свободно витающим мыслителем-наблюдателем. Но само понятие истины было развито внутри социальных сетей и менялось вместе с историей интеллектуальных сообществ. Сказать это не означает автоматически утверждения ни сомневающегося в себе релятивизма, ни несуществования объективности. Мы просто указываем на исторический факт, говоря, что мы никогда не ступали за пределы человеческого мыслящего сообщества; а социология мышления предполагает, что мы никогда и не выйдем за эти пределы. Само понятие выхода за пределы было развито исторически конкретными ветвями интеллектуальных сетей; то же касается и полемики о якобы разъедающем воздействии социологии идей. В Эпilogue я буду детально доказывать, что в основе социального устройства познания лежит реализм, а не антиреализм и что утверждение социальности познания является более надежной защитой реализма, чем обычные методы утверждения нашей веры в объективную реальность.

3. *Культура порождает себя.* Современная аргументация обычно утверждает автономию культуры. Эпитет «редукционистский» берется как самоочевидное опровержение того, к чему он может быть применен. При этом нет неоспоримых доказательств того, что культура автономна, что ее формы и изменения объяснимы только в ее собственных терминах.

Некоторые социологи приводят антиредукционистский довод, указывая на то, что многие культурные установки – этническое сознание, религиозная вера, политические идеологии – не коррелируют с социальным классом или иными привычными социологическими переменными. Культура автономна в том статистическом смысле, что нельзя предсказать культуру личностей лишь по их социальной позиции.

Напротив, культура развивается своими собственными путями; например, французские округа, которые поддерживали революционных левых, делают это снова и снова в разные исторические периоды; среди американских профессионалов высшего слоя среднего класса были как прогрессисты, так и их оппоненты. Скрытой предпосылкой здесь является рассмотрение социального только как относящегося к социальному классу и нескольким иным переменным традиционного обзорного исследования, оставляющего за скобками этническую принадлежность, религию, идеологию и подобные вещи. Это неспособность продумать до конца, какая данная в опыте действительность лежит за такими терминами, как «этничность» или «политическое убеждение». Каждое из этих явлений является типом социального взаимодействия, особой формой дискурса, имеющего смысл для конкретной социальной сети, набором взаимодействий, который отделяет некоторых людей как имеющих конкретное этническое или религиозное, или политическое самосознание от тех, у кого такого самосознания нет. Культура не автономна от общества, поскольку мы никогда не узнаем ничего, стоящего за этим термином, кроме как описывая вещи, которые происходят во взаимодействии.

Сказать, что культура автономна, что культура объясняет саму себя, и неточно, и избыточно: неточно, если культура определена как нечто исключают социальное, поскольку такая культура никогда не существовала; избыточно, если она определена широко, поскольку в таком случае понятие культуры совпадает в объеме с понятием социального, что делает культурные объяснения социологическими. В лучшем случае, метафорическое представление об «автономно культурном» указывает на определенные регионы, сети и зоны направленного внимания внутри социального.

Иногда приводится более абстрактный аргумент: культура есть нечто метасоциальное, та основа, которая делает возможным социальное. В племенных обществах большая часть поведения структурирована правилами родства; при еще более общем рассмотрении социальная жизнь состоит в занятии социальными играми, которые конституированы правилами этих игр. Обычно в данную теорию включается утверждение, что такие метаструктуры являются исторически специфическими; различные

племена, группы, исторические эпохи играют в различные игры и живут в несводимо отличных друг от друга мирах.

Применительно к истории идей эта линия аргументации в пользу партикуляризма (как принципа несводимости культур друг к другу) принимает форму представления о том, что пределы и возможности мышления задаются языком; будто бы сама природа синтаксиса определяет, какие философские учения могут быть сформулированы на его основе. Если это так, то философии мира являются герметически замкнутыми из-за различия языков, таких как индоевропейские, семитские и китайский.

Согласно этой аргументации, именно китайский язык с его нехваткой эксплицитного синтаксиса мешал философским направлениям развивать формальную логику силлогизмов и прокладывать путь к эпистемологии. Время осталось в пренебрежении, поскольку у глаголов нет грамматических времен. У существительных нет различий между единственным и множественным, абстрактным или конкретным. Без определенного артикля предметы в основном предстают как обозначенные вещественными существительными (как «вода» – «water» в английском языке) без четкого обозначения отдельности («данный стол» – «the table»).

Целые царства философских рассматриваний как бы отрезаны. То, что строится в характерном для китайцев мировоззрении, укоренено в языке. Одно и то же слово может часто использоваться как существительное, прилагательное или глагол, давая западающие в память множественные смыслы китайской поэзии, в то же время избегается греко-европейский стиль философствования через сшивание отдельных абстрактных различий. Этому свойству языка обязаны своим центральным положением такие понятия, как *дао*, где характерно китайское смешение процесса и субстанции. Для китайского языка невозможна никакая абстрактная метафизика; характерное для него мировоззрение состоит *suī generis*⁴ в том, чтобы быть одновременно конкретным и бесплотным.

Однако язык не является статичным. Благодаря процессам философской аргументации производятся новые концептуальные термины; развитие философии есть развитие ее языка. Это не означает, что языки не могут оказывать сопротивления и что не требуется времени для его преодоления; но поступь философского движения довольно медленна во всех частях мира и редко приводит более чем к одному концептуальному шагу в каждом поколении, длящемся 35 лет или около того.

⁴ В своем роде (*лат.*).

Скорость концептуальной трансформации китайской философии в периоды наиболее интенсивных споров, в 365–235 гг. до н. э., равна скорости такого рода трансформаций в каком-либо ином месте.

Приведенный аргумент, будучи примененным к китайскому языку, имеет лишь частное, локальное значение. Другие языки точно так же создают свои затруднения для философии. У греков не было слов, чтобы различать «сходное» и «тождественное»; оба значения передавались как *сѣмпѣпт*, что создавало проблемы уже для пифагорейцев и софистов. В арабском языке нет глагольной связи; а в индоевропейских языках есть трудность в различении экзистенциального значения глагола «быть» («to be») и значения его как связки. Тем не менее, философы сделали явными эти различия, попавшие в фокус внимания благодаря их дебатам. Ибн Сина хорошо осознавал отсутствие связи, трудности, к которым это приводило, и модифицировал глагол «существовать» (*ваджада*), чтобы привлечь внимание к «экзистенциальным предложениям» (*вуджудийя*), в противоположность предложениям из длинного списка позициональных типов.

Средневековые латинские философы использовали этот арабский философский капитал, чтобы заострить смысл различных значений глагола «быть», окружая их следующими друг за другом метафизическими изменениями, основанными на различии между существованием и сущностью, причем это делалось в противоречии с существующим строем языка. У ранних греков идиоматическое сочетание прилагательного с артиклем («этот беспредельный» – «the unlimited», «этот холодный» – «the cold») приводило к тому, что естественной была неспособность различать между абстрактным и конкретным; однако Аристотель преодолевал эту трудность с помощью своего арсенала различений, созданных для занятия выигрышной позиции более высокого уровня абстракции.

Все философские сообщества начинают с конкретных слов в их обычных значениях. В архаичном Китае *дао* имело лишь конкретный смысл дороги или пути; оно начало приобретать первое из многих своих абстрактных значений в книге «Беседы и суждения» («Лунь Юй»), когда вокруг Конфуция формировалось интеллектуальное сообщество. Как и все языки, китайский язык заставил старые конкретные слова служить для передачи абстракций. То же самое у греков: слову *БЮс* (туман, мгла, темнота) было дано значение «вещества», «субстанции» Анаксименом; *лѣгпт* (логос) было общепринятым греческим словом со множеством значений, пока для него не было создано философское значение Гераклитом. Когда работа китайских философов опиралась на достаточно плотную аргумен-

тативную сеть⁵, они расширяли в смысловом объеме и заново истолковывали взятое из ресурсов собственного языка (в том числе с помощью уточнения посредством частиц и объяснений) для проведения новых различий и достижения более высоких уровней абстрактности, что устанавливало передний край их дебатов; к середине 200-х гг. до н.э. монеты прорвались через конкретные слова к явным абстрактным различиям и сформулировали правила логической аргументации.

Короче, язык — это не *deux ex machina*⁶, объясняющий философию. Не является он и навечно фиксированным; как язык, так и философия, изменяются, и именно изменения интеллектуального сообщества продвигают язык к более абстрактным и точным терминам.

Все тот же аргумент в более общем виде — любая культурная деятельность нередуцируемо задана своими отличительными метаправилами — может критиковаться тем же способом. Исторически неверно, что культурные практики являются фиксированными и неизменными, хотя этнографические описания их выборочных срезов, вырванных из времени, и могут создать такое впечатление. Также в социологической теории не является необходимым принимать предпосылку, что социальная деятельность подобна игре, полностью заданной правилами. Совсем иной путь постижения социального действия будет представлен в 1-й главе.

4. *Все течет; невозможно определить какие-либо контуры или выстроить четкие объяснительные концепции.* Этот аргумент в пользу автономии или особого (particularistic) течения культуры объединяется с более общей позицией, называемой постструктуралистской, постпозитивистской или постмодернистской. Никакие общие объяснения невозможны; не может быть общей теории идей, ни социологической, ни какой-либо еще. В то же время парадоксальным образом постмодернизм сам является общей теорией идей. Элементы этой теории накапливались в интеллектуальных сетях в течение нескольких поколений. Одним из ее истоков было феноменологическое движение, в котором велся поиск сущностей сознания и которое было развито Гуссерлем в учение о кризисе европейской науки, а Хайдеггером — в доктрину о кризисе живого смысла. Другой поток шел от соссюровской семиотики структуры языка через формалистическую теорию литературы и поиск Леви-Строссом кодов, лежащих в основе каждого элемента общества и культуры. Был сделан вклад и аналитической философией Витгенштейна с соответствующими

⁵ Под аргументативной сетью (argumentative network) автор понимает совокупность лично знакомых мыслителей, ведущих оживленные дискуссии на протяжении длительного времени.

⁶ Бог из машины (*лат.*).

доводами о раздроблении мышления на множество языковых игр. Популяризирующей все это движение была его смесь с марксизмом и фрейдизмом, широко распространившаяся среди французских интеллектуалов после 1960 г.; затем при повороте, отделившем интеллектуальную победу от политического поражения, произошел сдвиг к постмарксизму, возглавленному потерявшими иллюзии активистами, которые обернули марксистскую технику идеологического разоблачения (и родственную технику фрейдистского разоблачения) против самих этих великих нарративов.

Наложившись друг на друга, данные течения конституировали теорию идей, соединяясь в своей рефлексивности и отрицании любой фиксированной позиции, с которой могло бы быть проведено объяснение. В то же время постмодернизм сам является объяснением. Большая часть его объяснительной установки параллельна (или даже происходит из ветви) социологии, изучающей социальное производство идей. В поколении Манхейма и Шелера эта линия исследований была названа социологией знания; около 1960 г. данное направление стало областью исследования для социологии науки, изучающей сети ученых, публикации и карьеры; в конце 1970-х гг. этот подход был углублен микросоциологическими этнографами, изучающими повседневную жизнь посредством лабораторных исследований локального социального устройства научного познания и теоретизирован неодюркгеймианцами, такими как Дэвид Блур и представители Эдинбургской школы. Широко распространенное постструктуралистское представление о том, что мир составлен из условных оппозиций, имеет корни в классической социологии: Соссюр находился под влиянием дюркгеймовой социологии идей, другим путем структуралисты восприняли эту тему от Леви-Стросса (ученика племянника Дюркгейма — Марселя Мосса) в форме кода бинарных оппозиций, отвергая в то же время специфику структуралистской теории. Этнометодология Гарфинкеля, которая была парадигмой для изучения локального производства знания в научных лабораториях, вышла из той же линии гуссерлианской феноменологии, которая в другом сетевом ответвлении дала Жака Деррида.

Постмодернисты радикализируют социологию идей, отвергая возможность общего объяснения, включая сюда причинные или динамические принципы Маркса, Дюркгейма или Леви-Стросса. Разоблачение (срывание масок) оборачивается против самого себя. Идеи не могут быть объяснены через социальное, потому что ничто не может быть объяснено чем-либо еще главным образом потому, что сама фиксация жестких, вещных границ подрывается этим разоблачением. Обернуть, таким образом, рефлексивность против самой себя в некоторых отношениях оз-

начает вернуться к прежним позициям философского скептицизма, сходного с пирроновской традицией скептиков эллинистическо-римского периода; хотя постмодернизм и отличается от пирроновского квиетизма, поскольку принял агрессивно морализирующую и полемическую позу в альянсе с движениями радикальных феминисток, теоретиков гомосексуального освобождения и сторонников этнического и расового бунта.

Стирание границ служит для нападков на привилегии и открывает возможность перестройки социальных категорий (хотя бы только временно) решительно различными путями. На самом общем теоретическом уровне мы должны признать, что постмодернизм здесь является дюркгеймовским социальным детерминизмом категорий, радикализированным в такое последующее неустойчивое состояние, из которого уже выброшена дюркгеймовская эволюционная направленность; постмодернизм является марксовской социологией идеологий, порвавшей с его идеей последовательной смены способов производства ради состояния перманентной эпистемологической революции.

Не обязательно отвергать общее социологическое понимание динамики исторических путей для понимания того, что дюркгеймианский или марксистский однолинейный эволюционизм слишком ограничены. Признание того, что социальные сущности не являются подобными вещам, не заставляет нас считать, что процессы, которыми они, в сущности, являются, не имеют ни структуры, ни причинно обусловленных контуров.

Предметом этой книги является социология философий, иначе говоря, абстрактные концепции, произведенные сетями специализированных интеллектуалов, обращенных внутрь к их собственной аргументации. Данная сеть демонстрирует определенную социальную динамику по мере развертывания мировой истории. Предмет исследования — не то же самое, что производство популярной культуры, такой как реклама, «раскручивание» поп-звезд, индустрия туризма, одежда, электронные сети и множественные перекрестные сочетания всего этого, составляющие предметы постмодернистской социологии культуры. Даже сегодня остается различие между интеллектуальными сетями и этими коммерческими рынками, а в прошлом данное различие было даже еще острее. В общей риторике постмодернистской критики обычно объявляют неправомерным очерчивание любых аналитических границ; но это всего лишь голословное утверждение.

Можно говорить, что личное — это политическое, утверждать отсутствие жесткой границы между тем, что делают интеллектуалы, и экономическими, политическими, этническими и гендерными отношениями в рамках соответствующей исторической эпохи. Но степень, в которой

являются верными такого рода утверждения, не может быть определена прежде исследования того способа, каким действуют интеллектуальные сети. Действительно, личное есть политическое, но политика интеллектуальной практики в рамках обращенной внутрь себя сети специалистов не является тем же самым, что политика достижения власти в государстве или политика домашних отношений между мужчиной и женщиной, или политика сексуальных столкновений. Завоевание центра внимания в соревновании среди философов осуществляется с помощью специфических интеллектуальных ресурсов, которые для интеллектуальных сетей являются особыми социальными ресурсами. Есть изобилие исторических свидетельств того, что при попытке игроков на этой арене проложить себе путь единственно с помощью оружия внешней политики они выигрывают битву лишь ценой утери своей интеллектуальной репутации в сообществе большой исторической длительности. Интеллектуальное и политическое — это не одна и та же игра; и в тех случаях в истории, когда одна игра сводится к другой, интеллектуальная игра не уступает настолько, чтобы исчезнуть, возрождаясь тогда, когда внутреннее пространство вновь становится для этого приемлемым. Без внутренней структуры интеллектуальных сетей, порождающих свою собственную матрицу аргументации, нет идеологических влияний на философию; в таких случаях мы находим только внешние для интеллектуального сообщества идеологии, грубые и упрощенные.

В некоторых кругах модно декларировать, что нет различий между внутренним и внешним, между микро- и макро-, местным (локальным) и обширным, продолжительным. Силу таким утверждениям дает то, что микро- и макро-, местное и отдаленное действительно связаны; макропостроено из цепочек микростолкновений в локальных ситуациях. В каком-то отношении аналитически первичными являются локальные ритуалы, устанавливающие сиюминутную реальность в этих цепочках и заряжающие символы значительностью. Это дает возможность человеческим существам сохранять от одной микролокальной ситуации до другой чувство непрерывной целостности. Такое представление не означает разложения всех понятий такого рода: невозможно сформулировать представление об отношениях между микроситуационным и транслокальным, если нет понятий для их обозначения. Любая социология, которая пытается устранить такие термины, скоро обнаруживает, что сама вновь проводит контрабандой все те же различия, только другими словами.

Постмодернизм является радикализацией социологии идей, отчасти побуждаемой освобожденным от иллюзий эксмарксизмом, а отчасти — воинствующими идеологиями новейших социальных движений. В ака-

демическом мире его альянсы со специализированными факультетами литературы и культуры, как правило, ведут к ослаблению сосредоточенности социологической теории на объяснении. Эти несколько уровней интеллектуальной политики не делают социологию философий невозможной. На самом же деле они делают ее еще одной в семье воюющих между собой двоюродных сестер; но конфликт в межпоколенных линиях наследования отнюдь не является аномальным: в действительности это и есть основной паттерн интеллектуальной истории.

Если имеется родство среди всех ветвей социологии идей, означает ли это, что моя социология философий, как и все ее родственницы, является рефлексивно сама себя подрывающей? Некоторые ветви данной семьи воспринимают этот парадокс с охотой или даже с энтузиазмом; другие его отвергают. Моя собственная позиция состоит в том, что социология философий не является саморазрушительным скептицизмом или релятивизмом; у нее есть определенные исторические контуры, как и у общей теории интеллектуальных сетей, которая, будучи далекой от подрыва самой себя, является сама для себя примером и тем самым саму себя подкрепляет. Этот аргумент лучшим образом приведен в конце данной книги, в Эпилоче, после рассмотрения всего полновесного материала исторических сетей.

Возражение, опирающееся на якобы скептические или саморазрушительные выводы из социологии идей, является эпистемологическим возражением. Другой тип возражения имеет моральный характер: будто бы социология идей с ее общими принципами социальной причинности является антигуманной. Индивиды суть узлы сетей социального взаимодействия, человеческие тела, где накапливаются эмоциональные энергии и потоки идей-символов кристаллизуются как коалиции в разуме. Не клевета ли это на нас — сводить наш живой опыт к эпифеноменам и наше с трудом завоевываемое человеческое достоинство — к результату тоталитарного давления со стороны группы? Я специально представил эту позицию резко, чтобы опровергнуть любые выводы такого рода.

Разве мы не способны на активную деятельность? Этот вопрос относится к аналитической перспективе. «Активность» («agency») является отчасти термином для обозначения первичных основ социологического объяснения, отчасти кодовым названием свободы воли. Разве человеческие существа не делают усилий, не напрягают каждый нерв — или не позволяют себе расслабиться; разве они не принимают решений или не избегают их? Опыт такого рода существует, эти переживания являются частью микроситуационной реальности, потока человеческой жизни. Я отрицаю только то, что анализ должен на этом остановиться.

У кого-то есть опыт силы желания или воли; он меняется, он приходит и уходит. Откуда он приходит? Как вы желаете желать или волите во-леть? Ведущая назад причинная цепочка заканчивается после очень малого числа звеньев.

То же самое может быть сказано относительно мышления. Разве не являются чьи-то мысли его или ее собственными? Конечно, являются; но почему они приходят в чью-то голову в определенный момент либо выходят из губ или из-под пальцев в определенной последовательности сказанных или написанных слов? На эти вопросы нельзя ответить на основе одной лишь микросоциологической теории мышления. Объяснять мышление — не значит отрицать, что мышление существует, равно как объяснять культуру — не значит отрицать, что культура существует. Культура на макроуровне является средой, в которой мы движемся, в точности как мысль и чувство являются средой микролокального опыта в наших собственных наделенных сознанием телах. Ничто из этого не есть конечная точка, отделенная каким-либо барьером от возможности дальнейшего анализа.

Продолжим рассуждение. Понимать, каким образом наши эмоции и мысли являются потоками в социальных сетях, не означает отрицать условие нашего человеческого существования. Можно воспринимать все эти уровни одновременно. Вы и я, *именно* будучи конкретными индивидуумами со всей нашей уникальностью, в то же время являемся уникальным образом конституированными потоками чувства и мысли внутри нас и через нас. Напряжение между конкретным и локальным, с одной стороны, и окружающими связями, которые являются социальными и определяют саму нашу конкретность, с другой стороны, — вот в чем условие человеческого существования.

Проследивать социальную причинность везде, без исключений для каких-либо привилегированных областей, не означает, что история является лишь жесткой последовательностью явлений. Социальная структура интеллектуального мира, предмет данной книги, является продолжающейся борьбой между цепочками личностей, заряженных эмоциональной энергией и обладающих культурным капиталом, за заполнение малого числа центров внимания. Эти точки фокусировки, которые составляют ядра интеллектуального мира, периодически перегруппировываются; есть ограниченное количество внимания, которое может быть распределено через всю интеллектуальную сеть, но кто и что находится в этих узлах, варьируется по мере того, как старые интеллектуальные движения сходят на нет, а новые начинаются. Эти узлы в пространстве внимания являются растущими; возникая при первых малых успехах осно-

вателей, они усиленно развивают начинания прошлого, накапливая и монополизировав внимание, так что в то же самое время это внимание уходит от альтернативных узлов. Не являются фиксированными идентичности, которые мы называем интеллектуальными личностями: великими мыслителями, если они энергетически заряжены импульсом роста господствующих узлов внимания, менее значительными мыслителями или вовсе недостойными упоминания, если они не столь заряжены.

Именно из-за того, что социальная структура интеллектуального внимания является текучей, мы не можем овеществлять (*reify* – представлять как нечто вещественное, субстанциональное) индивидов, героизируя деятеля, который будто бы является жестко определенным носителем силы воли и сознающего прозрения, который вступает в столкновение, оставляющее лишь пыль на его психической оболочке. Такая овеществленная индивидуальность может быть увидена только ретроспективно, если начинать анализ с личностей, известных по их конечным репутациям, и проецировать эти репутации в прошлое, будто бы они обусловили жизненный путь этих личностей. Моя социологическая задача как раз в противоположном: увидеть сквозь интеллектуальную историю сеть связей и энергий, которые придавали форму самому появлению и развитию этой истории во времени.

Перевод Н.С. Розова

Т. ПАРСОНС

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ*

С исторической точки зрения, все теоретические знания высшего уровня о социальном поведении людей получены в самое последнее время благодаря достижениям в области экономической теории и статистики. За короткое время социология совершила стремительный рывок. Но культурный рост настолько сложен, а время настолько продолжительно, что социология сейчас находится только в начальной стадии своего развития.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что различие между социальной наукой, с одной стороны, и большинством тесно связанных с ней ненаучных или частично научных компонентов общей культуры — с другой, является пока еще нечетким, неустойчивым.

Я говорю об отделении социальной науки от «социальной философии» и «социальных проблем». Научная область не может институционализироваться до тех пор, пока нет достаточно ясной ориентации на собственные исследовательские проблемы, ориентации, на которую не влияли бы социально важные, но по большей части своей ненаучные сферы интереса. Третья проблема разграничения сводится к определению места социологии среди научных дисциплин, особенно среди тех, которые изучают человеческое поведение. Обсудим по порядку каждую проблему.

Во-первых, в рамках самого общего разграничения социальной науки от философской матрицы, в которую она первоначально была включена, мы можем говорить о религиозном, философском, в широком смысле научном аспекте такой матрицы. Относительно, преобладание этих аспектов частично соответствует основным этапам западной интеллектуальной истории.

На ранних этапах произошло отделение светской социальной мысли от религиозной апологетики; это движение стало заметно только в XVII в. Главным содержанием раннего этапа секуляризации явилась политика в

* Перевод выполнен по изданию: American Sociological Review. 1959. Vol. 24. P. 547-559. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Личность. Культура. Общество». 1999. Т. 1. Вып. 1. С. 22-36.

широком смысле; светское общество рассматривалось как политически организованное «государство» в противовес церкви. Как только был сделан первый шаг, постепенно возникала дифференциация основных направлений внутри данной области.

Только к концу XVII в. экономика выделилась из диффузной политической матрицы. Адам Смит был первым выдающимся мыслителем, способствующим формированию классической экономики. Фокус политической теории значительно сузился, центр внимания сместился на формы правления в различных типах общества, возникавших в тот период. Так, наряду с историей, не пожелавшей идентифицировать себя ни с каким отдельным направлением, в XIX в. сформировалось широкое поле деятельности для политической науки и экономики.

Эта интеллектуальная ситуация подготовила почву для развития социологии по одному из своих главных направлений, а именно, для анализа тех макроскопических объектов общества, которые не получили адекватного объяснения в рамках утилитарной традиции, которая серьезно повлияла на политическую теорию и экономику.

Опираясь на О. Конта, как на одного из своих главных предшественников, и на К. Маркса, доказавшего важную роль «экономических факторов», Э. Дюркгейм и М. Вебер в Европе явились теми великими теоретиками, которые создали атмосферу, необходимую для возникновения нового социологического подхода, одновременно занимавшегося анализом институциональных рамок, внутри которых протекали современные экономические процессы, в определенной степени независимые от действий политических организаций. Они были ориентированы на «коллективистский» способ мышления, отталкиваясь при этом от Ж.-Ж. Руссо и немецкого идеализма, которые предоставили им базу для критики утилитаризма. При анализе ключевых понятий они оперировали, скорее, «идеальными» факторами, такими как ценность и институционализированные нормы, нежели «материальными».

В рамках «научного» аспекта философской матрицы социального мышления, о которой говорилось выше, этап, толчком к развитию которого послужила биология Ч. Дарвина во второй половине XIX в., имеет особое отношение к социологии. К. Спенсер и американские эволюционисты У. Самнер и Л. Уорд отталкиваются именно от этого основания в его сложной взаимосвязи с утилитаризмом и позитивистским рационализмом. В дополнение к их влиянию, оказанному на развитие социологии, понятия эволюции и широкий контекст взаимосвязи между конкуренцией и кооперацией, свободным предпринимательством и планированием образовали интеллектуальную матрицу, из которой выросла ант-

ропология в Великобритании и которая лежит в основе развития современной психологии. Благодаря Фрейдю образовалась сложная связь между психологией и медицинской биологией; а антропология, находившаяся в этой стране под сильным влиянием Франца Боаса, была инспирирована немецким историко-идеалистическим мышлением. В Соединенных Штатах «социальная психология» Ч.Х. Мида стала мостом, соединяющим оба интеллектуальных течения.

Таково схематичное представление основных тенденций в интеллектуальном развитии социальных наук на Западе. Легко видеть, что границы, отделяющие их друг от друга, очерчены нестрого. По сравнению с макроскопическими дисциплинами, какими являются наука и экономика, социологию часто рассматривали как остаточную категорию, либо как более или менее «эмпирическую» сумму знаний в обществе. В частности, в Германии наблюдалась склонность отождествлять социологию с философией истории и видеть единственное различие между ними в большей эмпирической направленности социологии. Тем не менее, внимание ученых в возрастающей степени начало фиксироваться на феномене ценностей и норм в их взаимосвязи с личностью, независимо от технических интересов, в частности — от экономики.

Внутри комплекса наук, концентрирующихся вокруг биологии Ч. Дарвина, обнаружились не менее сложные проблемы разграничения их с антропологией и психологией. До тех пор, пока антропологи занимались исследованием дописьменных сообществ людей, подобные вопросы не возникали, но в последнее время различие между социологией и антропологией стало не таким очевидным. Непростой вопрос о том, ставить ли акцент на «культуре», как это делают многие американские антропологи, или на социальной системе, как поступают некоторые социологи, служит достаточным основанием для разграничения двух дисциплин. В отличие от них психология, кажется, совершенно ясно сконцентрировалась на изучении четко различимых при помощи анализа компонентов поведения, характеризующих «индивида». Поскольку все человеческое поведение является не только индивидуальным, но и социальным (а также культурным), трудности на пути проведения четких аналитических границ до конца не сняты, отсюда — двусмысленность положения социальной психологии.

Видимо, в самой природе этих дисциплин заложено то обстоятельство, что, во-первых, при изучении эмпирических явлений любая аналитическая классификация обязательно пересекается с классификациями, основанными на здравом смысле. Так, экономика не может быть теорией «бизнеса» в некотором упрощенном смысле, политическая тео-

рия не может быть теорией «правления», так же как психология не может быть теорией индивидуального поведения в большей степени, чем физиология — исследование живых организмов, а химия — неживой материи. Во-вторых, нельзя провести четкую границу между научными компонентами этих дисциплин и их ненаучной философской матрицей. К примеру, такие вопросы, как позитивизм и онтологический статус личности в рамках утилитаризма, не могут быть полностью исключены из теоретической дискуссии в социальных науках.

Эти интеллектуальные проблемы, которые вряд ли поддаются быстро и легкому решению, оказывают важное влияние на позицию и поведение профессиональных групп, которые ими занимаются. Они служат источником напряжения как внутри, так и между дисциплинами. Социальные науки сформировали «семейство», которое достаточно хорошо структурировано для определенных рабочих целей, но которое содержит пока еще много неясностей, а также создает зону для потенциальных и даже реальных конфликтов. Возможно, лишь малая часть членов соответствующих профессиональных групп постоянно проявляет интерес к подобным проблемам, что не оправдывает отношения к ним как к тривиальным с точки зрения их значимости для профессиональной ситуации.

Я думаю, что исторический процесс разграничения социальных дисциплин так тесно переплетен с процессом их постепенного выделения из общей философской матрицы, что необходим общий подход к этим двум тенденциям. Обращаясь к третьей проблеме разграничения — дифференциации между научными дисциплинами и практическими предписаниями, могу только заметить, что самым поразительным является факт недавнего возникновения окончательной дифференциации: и политическая, и экономическая теория на этапе своего формирования были непосредственно связаны с предписаниями общественной политики и не принимали серьезных попыток отделить, хотя бы концептуально, основания эмпирической генерализации от оценочного базиса политических рекомендаций.

Марксизм представляет собой яркий пример экономической теории, которая не стремилась к подобному разграничению, напротив, отрицала его легитимность. Макс Вебер, вероятно, был первым из крупных теоретиков, кто заявил о фундаментальной важности тщательного разграничения между проблемами научной генерализации, с одной стороны, и проблемами оценки и политики — с другой, разработав четко методологическую базу для такого разграничения. Лишь при жизни последнего поколения подобное разграничение получило признание среди представителей социальных наук, но проблема до конца так и не решена...

В сегодняшней ситуации важно подчеркнуть одну особенность истории американской социологии, которая отличается от европейской (особенно континентальной). Европейские социальные науки в целом и социология в частности, как правило, занимались макроскопической интерпретацией общественного развития. Отсюда и выдвижение таких общих тем, как капитализм и социализм. Однако в Соединенных Штатах макроскопической интерпретации уделялось намного меньше внимания. Схематичное представление об обществе и его основных ценностях принималось как нечто само собой разумеющееся, а акцент ставился на отдельных «социальных проблемах». Глубокий интерес проявлялся к тому, как реальные ситуации отклоняются от ценностей, которые являлись прежде всего ценностями либерального протестантизма в эпоху, когда «социальная проповедь» была особенно популярна. В центре внимания оказались такие проблемы, как трущобы, сельский образ жизни, иммиграция, отношения между черным и белым населением.

Такая направленность интереса помогает нам лучше понять, почему американская социология, в отличие от европейской, в меньшей степени касалась проблемы демаркации с философией. Она оказалась в большей мере подготовленной к отделению от политической теории и экономики, поскольку те развивали макроскопический подход к обществу. При подобных обстоятельствах самые серьезные проблемы дифференциации для американской социологии коренятся в ее прикладных интересах. На более ранней стадии своего развития социологию отождествляли с религиозно-этическими обстоятельствами, а также с филантропией, которые институционализировались в качестве разделов комьюнити-сервис и социальной работы. Так, ранее американские социологи обучались в соответствующем министерстве, а некоторые университетские департаменты объединили социологию и социальную работу. Однако резкая критика такого рода объединения привела к превращению этих дисциплин в самостоятельные области вначале в Чикагском университете, а позднее в Гарварде.

Хотя проблема демаркации с прикладными интересами оставалась сугубо американской, концентрация на менее глобальных вопросах дала ряд преимуществ. Она привела к разработке разнообразной техники эмпирического исследования, в частности, метода включенного наблюдения, анализа личных документов, интервьюирования и опросных методов. Особенно важно то, что быстрое развитие техники совпадало с соответствующим развитием статистики. В атмосфере всеобщего интереса американцев к практическим вопросам акцент на технике, намного ярче выраженный, чем в Европе, ускорил превращение социологии в эмпирическую науку.

Важно и то обстоятельство, что микроскопический акцент американской социологии привел ее к более тесной взаимосвязи с психологией и с антропологией, в частности, в изучении малых сообществ (комьюнити), которые выступали первым крупным объектом антропологических исследований в современном обществе. Психологи и антропологи были теми, кто разными путями проявили наибольшую активность в разработке детального эмпирического исследования. Европейская континентальная социология столкнулась со значительно большими трудностями в процессе интеграции с общим направлением эмпирического исследования в сравнении с Соединенными Штатами. Трудно переоценить роль сильной традиции эмпирического исследования для отграничения социологии как научной дисциплины от ее прикладных разработок в области социальной политики.

Подводя итоги, скажу, что на протяжении жизни последнего поколения социология как научная дисциплина достигла того, что можно было назвать первым уровнем зрелости. Хотя процесс дифференциации еще далек от своего завершения и остается еще много областей, не имеющих четко обозначенных границ, социология, наряду с другими социальными науками, приобрела относительную автономию от философской матрицы. Несмотря на неясности, она занимает определенное место в общем комплексе научных дисциплин, которые изучают человеческое поведение. Социология освободилась также от существовавшего прежде отождествления ее с набором специфических практических задач, решаемых обществом, став самостоятельной, относительно «чистой» дисциплиной с собственной исследовательской базой и теоретической традицией. Однако мы видели: проблемы, связанные с дифференциацией, стоят еще достаточно остро, и неясность культурных границ является источником напряженности во многих отношениях. Я бы сказал, что проблема идеологической контаминации (загрязненности) является наиболее важной в рамках философского контекста; проблема междисциплинарного вторжения и конфликта является наиболее актуальной в плане взаимоотношения с родственными дисциплинами; наконец, (проблема) приверженности идеалам чистого исследования и обучения, а не формирования социальной политики является самой насущной на прикладном фронте.

Институционализация социологии в университетах

В настоящее время социология признается в качестве регулярной академической дисциплины в большинстве университетов Соединенных Штатов – после того, как Джону Хопкинсу удалось составить их список. Лишь в нескольких элитарных колледжах свободных искусств, напри-

мер, в Амхерсте, Уильямсе и Суарморе, этот процесс еще не закончен. Такое положение дел резко противоречит тому, что есть в Европе, где общее число кафедр составляет лишь малую часть общего числа кафедр в Америке. Незначительное признание социология получила лишь в Оксфорде и Кембридже, а на континенте лишь половина университетов к северу от Альп проявляет к ней некоторый интерес.

Если принять концепцию социологии как профессии, которая организовалась в рамках научной дисциплины, то значимость факта ее широкого распространения в Соединенных Штатах будет трудно переоценить. Прочное положение, которое занимает эта дисциплина на университетских факультетах, послужит структурной базой для научной ориентации профессиональных кадров. Социология, таким образом, вовлечена в процесс становления научных профессий, особенно в области социальных наук. И все-таки ничто другое не смогло послужить такой надежной основой для дальнейшего прогресса социологии, как ее превращение в научную дисциплину и ее влияние в обществе...

Поскольку социологии отведена ведущая роль на университетских факультетах, возникает немаловажный вопрос о ее месте в кругу родственных ей дисциплин. Как указывалось ранее, существует множество критериев, с точки зрения которых, в терминах интеллектуального содержания, демаркационные линии проведены нечетко. И хотя многие аспекты разграничения не получили ясного определения как по существу, так и организационно, в целом ситуация достаточно удовлетворительна. С точки зрения профессиональной институционализации в академическом сообществе, существует два обнадеживающих факта. Во-первых, социология как «предмет» получила академическое «гражданство». Во-вторых, хотя социологию организационно пытаются объединить с другими дисциплинами — иногда с комплексом политико-экономических наук, иногда с психологией, антропологией или и с той, и с другой, — нет угрожающего единообразия в том, как это делается.

Промежуточное по отношению к другим «поведенческим наукам» положение социологии, несомненно, является стратегически выгодным. Нет ни малейшей опасности того, что данная профессиональная группа будет поглощена соседней группой; более того, социология обогащает родственные дисциплины. Например, экономистам и политологам она предоставляет возможность более глубокого понимания «институциональных» факторов, чем это достижимо в пределах собственной дисциплины. Психологам она помогает увидеть такие «социальные» факторы, которые нельзя описать в индивидуальных терминах. Что касается антропологии, то демаркация здесь не столь очевидна, но, не желая никого

обидеть, можно было бы сказать, что антропологам, базирующимся на исследовании относительно недифференцированных обществ, весьма полезен анализ современных обществ со сложной структурой. Это как раз та область, где социологи достигли ведущих позиций...

Последний пункт, касающийся отношений социологии с родственными ей дисциплинами, связан с растущим участием социологов в разработке междисциплинарных исследовательских проектов. Одним из главных видов междисциплинарного исследования является «региональное», но существует много других типов исследований, таких как изучение организаций и локальных сообществ. Эти проекты важны с точки зрения прояснения природы участвующих в них дисциплин.

Я кратко обрисовал укрепление позиций социологии в качестве научной дисциплины и учебного курса в университетах, развитие ее исследовательских и обучающих функций; я также коснулся вопроса о том вкладе, который социология может внести в развитие родственных дисциплин. Осталось рассмотреть еще два важных момента. Предваряя в чем-то последнюю дискуссию, во-первых, можно сказать, что влияние социологии на идеологическое «определение ситуации» в нашем обществе за последнее время значительно возросло. Частота, с которой термин «социология» появляется в массовых дискуссиях, хотя употребляется он технически не всегда правильно, служит наглядным показателем изменившейся ситуации. Во-вторых, хотя социологи все еще отстают от своих коллег в экономической, политической и психологической областях, происшедшие за последние двадцать лет изменения, в результате которых социология завоевала прочное положение в практическом мире, очевидны. Следствием подобных изменений, где ни один фактор не играл решающей роли, может стать постепенное превращение социологии из наименее уважаемой науки в наиболее дискуссионную.

Вклад социологии в современную идеологию

Важным показателем взаимосвязи между изменениями в самом обществе и тем местом, какое занимают в нем профессии из сферы социальных наук, выступает тот факт, что термин «социология» все больше становится центральным символом в массовых идеологических течениях нашего времени. В этом смысле можно говорить, что в идеологии наступила «социологическая эра», пришедшая на смену «экономической», а затем и «психологической» эрам.

Возникновение индустриальной экономики стало не только новым выдающимся событием в промежутке между последней четвертью XIX в. и началом нашего столетия; в интеллектуальном плане экономическая

теория в ее различных вариантах выработала термины, определяющие сущность данного периода. Школы теоретические, простирающиеся от крайне ортодоксальных, оправдывающих капитализм, различных форм либерализма и реформизма до радикального социализма, в конечном итоге кристаллизовались в марксизм; но их основу составлял набор общеизвестных утверждений о решающей роли «экономических факторов». Эта идеологическая эра, последней фазой которой стал период «нового курса», теснейшим образом была связана с процессом утверждения экономики как науки в академическом мире. Роль экономики как идеологического фокуса в то время значительно снизилась, хотя, разумеется, она продолжала занимать важное место в различных вопросах общественной политики. За экономической эрой последовала, хотя и не в таких масштабах, психологическая эра. Изменения, ставшие очевидными в 30-е гг., ознаменовались возрастающим интересом к роли рациональных (в противовес «иррациональным») факторов в мотивации человека. Как и в предыдущем случае, произошедшие изменения были тесно связаны с быстрым развитием психологии как научной дисциплины.

В то время как экономическая эра в идеологии была привязана к самому факту индустриализации, психологическая эра ограничивалась последствиями индустриализации для индивида. Если психологическое движение поставило под сомнение адекватность упрощенных экономических интерпретаций человеческого поведения, то ясное понимание сложности и изменчивости крупномасштабного общества и его «массовых» явлений потребовало чего-то большего, нежели просто анализ индивидуального поведения. Новую идеологическую эру, которая совпадает с психологической, можно описать как диалектическую связь, существующую между направленностью психологов на индивида и направленностью интересов социологов на общество. В этом комплексе проблема подавления человеческой свободы неизбежно становится центральной. Она лежит в основе современного интереса к проблеме «конформности». Отмечу, что акценты сейчас и тогда — в эпоху господства экономики в идеологии, когда основная проблема формулировалась как «производительность или равенство» и сводилась к тому, чтобы найти подходящий способ «удовлетворения потребностей», — расставлялись по-разному. В определенном смысле проблема конформности специфична для «общества изобилия».

Появление столь обширной идеологической проблематики повлияло на статус социологической профессии: теперь социолог воспринимался широкими слоями общественности как эксперт по интеллектуальным проблемам, имеющим общественный характер. Тот факт, что подобная

экспертиза проводилась со значительной долей амбивалентности, не снижает статус профессии социолога в обществе...

Прикладная функция

Еще одной важной сферой профессиональной включенности в структуру общества является прикладная деятельность. Как уже отмечалось, этот интерес особенно ярко проявился на ранней стадии развития социологии, особенно в области социальных проблем, но затем последовал резкий уход в сторону построения академического ядра дисциплины. В последнее время, однако, отмечается возврат к прикладным интересам даже в более широком масштабе, чем прежде. Отправным моментом послужила попытка мобилизовать социальные науки для военных целей во время Второй мировой войны. То было движение, в котором социология играла значительную, но далеко не ведущую роль. Достижения в таких областях, как индустриальная социология и маркетинговые исследования, также дали толчок для непрерывного расширения прикладной функции.

На начальных этапах развития новой дисциплины, имеющей выход на практику, для представителей данной профессиональной группы характерно непосредственное выполнение практических функций, а в некоторых профессиях подобная модель поведения сохраняется и становится все более распространенной. Химия, возможно, — та сфера, которой в наибольшей степени присуща такая модель; велико число ученых со степенью доктора философии в химии, которые в действительности выполняют технологические работы для промышленности и по заказам правительства; их численность, вероятно, даже превышает инженеров-химиков. Подобная практика отличает и современное развитие социологии.

Возможно, что и в дальнейшем прикладные исследования будут широко применяться на промышленных предприятиях, в правительственных организациях, особенно в вооруженных силах; в изучении общественного мнения и установок; и в различных социальных агентствах, интересующихся проблемами здравоохранения, криминологии и т.д. Но пока еще значительное число социологов со степенью доктора философии — около 86% — работают в колледжах и университетах, уступая по численности только историкам, литературоведам и представителям других гуманитарных наук, но превосходя численность ученых со степенью доктора философии из политических наук и экономики (76% и 69% соответственно).

Важным и быстро расширяющимся местом соединения академической и неакадемической сфер занятости является консультативная работа в различных неакадемических организациях. Она проводится в фор-

ме индивидуального обслуживания клиентов, а также в виде «конференций», когда междисциплинарная группа профессионалов собирается вокруг широкой практической проблемы.

Различие между психологией и социологией в части прикладных функций состоит в том, что в социологии реже встречается такая «практика», как индивидуальное обслуживание за определенный гонорар. Предпочтительнее, чтобы социологов нанимали на полный день или в статусе консультанта – такие структуры, как коммерческие фирмы, правительственные организации, социальные агентства, исследовательские учреждения, которые не нуждаются в защите от всякого рода шарлатанов и авантюристов. Защита, скорее, необходима частному лицу, прибегающему к услугам профессиональных служб. Следовательно, в социологической профессии больше возможностей избежать тех сложных проблем, связанных с законным получением сертификатов и лицензий, с которыми столкнулись сейчас психологи.

В последнее время возникла новая сфера прикладной деятельности: социологи совместно с представителями других «базисных наук» участвуют в исследованиях и обучении специалистов для целого ряда прикладных профессий. Исторически самый тесный союз социологии с прикладной специальностью существовал в сфере социальной работы. Когда социологи ушли, социальные работники заключили союз с психиатрией. Лишь недавно прерванные связи возобновились главным образом через участие социологов в обучении аспирантов, специализирующихся на социальной работе, и через исследования, проводимые в области социальной работы.

Выдающихся успехов новая сфера достигла в области здравоохранения, особенно в области психического здоровья. После того, как в первой половине нашего столетия окончилось господство «научной» медицины в статусе «органической» медицины, появился интерес к психологическим и социальным факторам заболеваний и здоровья. В этом направлении именно социологи, а не представители других «поведенческих» наук продвинулись дальше всех, сотрудничая и дружески конкурируя с антропологами и, несомненно, опережая психологов, хотя последние составляют по численности и организованности более сильную группу. По-видимому, такое стало возможным из-за того, что на социологов не возлагался контроль за процессом лечения отдельных пациентов. Социолог помогает разобраться с проблемами, с которыми сталкивается медицина и народное здравоохранение, но его функции нельзя сводить к практике в традиционном медицинском смысле. Следовательно, социологию, в отличие от клинической психологии, нельзя рассматривать как помеху в психиатрическом лечении пациентов.

Сегодня хорошо известно, что работа в медицинских учреждениях и организациях здравоохранения составляет одну из основных сфер занятости социологов, вероятно, самую крупную область, за исключением сферы образования и исследовательской деятельности. Характер предоставляющихся здесь возможностей разнообразен, но, вероятно, наиболее престижной можно считать преподавательскую работу в медицинских колледжах и институтах сферы здравоохранения. В настоящее время, безусловно, можно говорить о включении социологии в число базисных наук, лежащих в основе медицинской практики, и, следовательно, об объединении социологов с представителями других поведенческих наук и о получении ими такого же организационного статуса, какой имеется у физиологов, биохимиков, биофизиков, бактериологов и т.д.

Сфера медицины, однако, является лишь одной из нескольких прикладных областей, на которые направлена деятельность социологов. Хотя и не в таком объеме, подобная тенденция наблюдается по отношению к социальным наукам в целом и к социологии, в частности, в школах бизнеса и паблик-администрейшн, в области образования, права и даже богословия. Пожалуй, наибольший прогресс достигнут в школах бизнеса, а предшествовал такому процессу период аграрной социологии и сельскохозяйственные колледжи.

Двумя основными направлениями развития социологии в школах бизнеса являются индустриальная социология и выборочные обследования. Вероятнее всего, той областью, где роль социологии в ближайшем будущем заметно возрастет, является образование, и не в последнюю очередь из-за потребности нашего общества в расширении и улучшении условий образования. Проникновение социальных наук в область права происходит достаточно медленно вопреки мнению декана юридической школы Вашингтонского университета Эрвина Грисуолда о том, что право само по себе является социальной наукой. Однако можно предполагать, что в конечном счете положение дел изменится...

Заключение

Этот обзор дает достаточно ясную картину. Социология – профессия, сформировавшаяся вокруг быстро развивающейся научной дисциплины, которая в последнее десятилетие достигла нового уровня зрелости и заняла достаточно высокое стратегическое положение среди социальных наук. Социальные науки, в свою очередь, в нашем столетии заняли такое место в жизни общества, какое раньше им никогда не отводилось. В течение жизни последнего поколения достигла высокого уровня техническая база социологии, усовершенствовалась исследовательская тех-

нология, на новый уровень поднялась социологическая теория. В исследованиях получено много интересных результатов, а их качественный уровень в среднем существенно повысился.

Что касается социологической профессии, то база для ее развития в университетах существенно расширилась и укрепилась: теперь каждый крупный американский университет предоставляет место для социологии. За двадцать лет почти в три раза возросла численность профессиональных кадров, и она, несомненно, будет еще увеличиваться. Социология заняла центральное место в современном интеллектуальном мире. Расширилось привлечение социологов для решения практических задач. Начался процесс утверждения социологии в качестве базисной науки, лежащей в основе целого комплекса прикладных профессий. Увеличилось количество профессиональных ассоциаций, а их положение укрепилось. Я думаю, во всех областях социологии будет наблюдаться прогресс.

Перевод М.В. Калашниковой

Э. ТИРИКЬЯН

СОЦИОЛОГИЗМ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ*

Предисловие

В период быстро растущей специализации и научной разобщенности стало очень трудно поддерживать контакты не только между дисциплинами, но и в пределах одной и той же области исследования; «мастер на все руки» стал редкостью не только в медицине, но и едва ли не во всех профессиях и научных областях. Все более возрастающие в числе области специализации становились обособленными одна от другой не только под влиянием новых ярлыков, но и вследствие совершенно разных способов восприятия, анализа и работы. Эта маниакальная активность рождает новые жаргоны, дающие каждой отдельной дисциплине все большую ясность выражения для самой себя, но в то же время усугубляющие ее непрозрачность для человека со стороны.

Поскольку специализация со всеми ее следствиями вплетена в развитие цивилизации, пытаться остановить этот процесс было бы так же тщетно и так же глупо, как и пытаться повернуть вспять процесс энтропии. И тем не менее мы бы утверждали, что совершенно оправданно наводить мосты для переправы через постоянно образующиеся реки человеческой интеллектуальной активности, пусть даже такие мосты периодически нуждаются в реконструкции. В пользу таких попыток можно привести два довода. Во-первых, в результате междисциплинарного сотрудничества между физикой и химией, между химией и биологией и т. д. были совершены великие прорывы в естественных науках. Во-вторых, постижение человека во всей целостности его бытия невозможно без попыток понять его интеллектуальную деятельность в разных ее сферах. Интеллектуальные деятельности человека — будь то в зоологии, физике, психологии или экономике — определяются отнюдь не только объективными явлениями, но и глубочайшим субъективным фактором, который

* Перевод выполнен по изданию: *Tiryakian E.A. Sociologism and Existentialism: Two Perspectives on the Individual and Society.* Englewood Cliffs, N.J., 1962. P. VII-VIII, 1-7, 151-171. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Личность. Культура. Общество». 2002. Т. 4. Вып. 3-4. С. 240-277.

нисколько не ограничивает значимость открытий в каждой отдельной области изучения. Всякая интеллектуальная деятельность есть человеческий продукт, собираемый воедино разными людьми в разных местах в разные времена. Даже физика и математика не лишены исторического человеческого отпечатка, хотя и являют собой совокупность очень абстрактных положений, относящихся к далеким от человека явлениям; Эйнштейн, Михельсон, Ом, Кулон, Евклид, Лаплас, Риман, Гаусс, Тейлор и бесчисленные другие косвенно увековечиваются в физике и математике отраслями, явлениями или абстракциями, носящими их имена.

В настоящем исследовании мы пытаемся воссоединить две исторически связанные дисциплины, чьи глобальные точки зрения на человека дополняют друг друга. Эти дисциплины – социология и философия. Философия, в конце концов, есть систематическое изучение всего человеческого знания. Социология же – это наука, которая ищет универсального знания об условиях социального существования человека, в их конкретных и общих проявлениях; ее *raison d'être* кроется в установлении следствий, вытекающих из утверждения Аристотеля, что человек есть животное общественное (или «политическое», в том смысле, что человек таков, каков он есть, благодаря своей жизни в *полисе*). Истинное и плодотворное сотрудничество между социологией и философией может, на наш взгляд, привести не только к дальнейшему развитию их областей исследования, но и к новому синтезу в нашем сегодняшнем взгляде на человека...

Глава I. Введение

Мир общества всегда был важной данностью для размышлений человека о природе вещей. По крайней мере, в цивилизации всегда была в ходу та или иная социальная философия. Конфуцианство – одна из великих, по сути дела, социальных философий Востока, современница ранней западной мысли – на протяжении веков пронизывало в Китае все социальные отношения. Ближе к нашему времени и нашей части света мы находим учения Ибн Хальдуна, великого мусульманского социального философа и раннего предшественника социологии. На Западе имена – а, возможно, и идеи – Платона, Аристотеля, Св. Августина, Локка, Гоббса, Руссо и Гегеля (если привести лишь некоторых) известны едва ли не каждому, кто имеет хоть какие-то познания в социальной философии. Однако социальная философия долго оставалась на спекулятивном уровне, на котором она начала заниматься прежде всего нормативными и метафизическими вопросами: какова *должна быть* социальная ситуация; какой принцип объясняет образование человеческого общества; чем характеризуется хорошее (и дурное) общество; какие обязательства имеет

индивид перед государством, и наоборот? Социология как объективное изучение конституции, эволюции и феноменов общества – короче говоря, действительной социальной ситуации – появилась на свет из куколки социальной философии только в начале XIX в., да и то лишь под влиянием социетального кризиса.

Кризисом была Французская революция и последовавший за ней период, один из самых драматичных и влиятельных в европейской истории. Прямое и косвенное воздействие этого кризиса обернулось глубокими социальными преобразованиями в ткани европейского общества. С 1789 по 1814 гг. большая часть Старого Света оказалась втянута в войну. Одно из последствий войны – причинение непоправимого ущерба традиции: те старые институты, которые не подверглись разрушению, выходят из нее по крайней мере ослабленными. Но что, возможно, еще важнее, изменяются *чувства* людей по отношению к старым институтам: обнаружить, что издавна почитавшиеся институты не являются ни непоколебимыми, ни незаменимыми, значит сорвать с них ту святость, которая их питала. Европа пребывала в чудовищной социальной смуте, в состоянии такой социальной дезорганизации, какую она еще не переживала со времен Реформации и, возможно, со времен падения Римской империи. Социальная мысль этого времени формировалась под влиянием Французской революции. Ее волновали такие вопросы: что вызвало кризис; какими должны были быть его последствия; как можно с ними справиться?

Многие полагали, что кризис был по своему существу политическим; другие видели в политической революции всего лишь симптом более глубоко коренящейся социальной болезни. Анри де Сен-Симон, урожденный дворянин, пытаясь разобраться в проблемах Французской революции, пришел к мнению, что события 1789 г. окончательно смели старый социальный порядок. Для него реставрация прошлого как программа социальной реконструкции, отстаиваемая такими консервативными социальными философами, как де Местр и Бональд, представлялась делом напрасным и бесплодным. Болезнь европейских обществ, по предположению Сен-Симона, свидетельствовала о глубоких изменениях в интеллектуальной точке зрения, поскольку социальная система виделась им как приложение системы идей. Революция разрушила систему идей, из которой произрастали и черпали свое существование старые институты, но не заменила эту систему идей другой. Сен-Симон призвал к созданию нового набора идей, основанного на научном подходе к реорганизации общества. Он предложил создать науку, которая собирала бы систематическую информацию об условиях социального существования. Из этой информации и сложилась бы основа для реконструкции европейского общества. Ника-

кой такой науки не существовало. Поэтому Сен-Симон очертил грубыми штрихами новую область исследования и дал ей название *la physiologie sociale*. Однако, увлекшись многочисленными другими проектами, он не определил сколько-нибудь систематическим образом структуру и метод своего детища. Эту задачу взял на себя его ученик и бывший секретарь Огюст Конт, «отец» социологии, какой мы ее сегодня знаем.

Конт был подготовлен в естественных науках, математике и инженерном деле, но не в гуманитарных дисциплинах. Главной задачей социологии он, как и Сен-Симон, считал переустройство общества. Но в то время как Сен-Симон подчинял метод задаче достижения этой цели, Конт всячески подчеркивал равноценность метода и цели. Чтобы установить на прочном основании, социология должна была избавиться от связи с философией. Социологии надлежало стать позитивной, т.е. научной: она должна была отбросить все метафизические предпонятия и вместо этого принять такой подход к изучаемым явлениям, какой последовательно применили к своим предметам математика, астрономия и физика и начинала применять к своей области биология. Этот посыл Конта, защищающий разлучение социологии с социальной философией, стал драгоценным наследием для поздних поколений социологов, особенно в Америке.

Первое поколение социологов после Конта интересовали, прежде всего, онтические и генетические вопросы: какова природа эмпирического общества, семьи, различных социальных институтов? Какие социальные силы существуют в обществе и которые среди них главные? Каково происхождение социальных институтов и какой принцип, или закон, мог бы объяснить их развитие? К какой конечной форме движется общество? Эти темы привлекали основное внимание.

Пришедшее далее поколение социологических внуков Конта восстало против кабинетных спекуляций своих академических отцов. Этот бунт был особенно заметен в Соединенных Штатах, где социология рано пустила корни и к началу I Мировой войны стала весьма солидной академической дисциплиной. Отчасти в результате войны, отчасти вследствие широких социальных изменений — например, иммиграции — американские социологи столкнулись с острыми социальными проблемами. Ввиду увлеченности теорией своих европейских коллег и учителей они располагали скудным запасом знаний, которые были бы полезны в решении проблем американского общества. «Дайте социологии прочную эмпирическую и практическую базу!» — такой лозунг объединил социологов Нового Света, и тем самым философская традиция была предана анафеме. Чтобы социология стала наукой, на которую можно было опереться в желании помочь обществу, она должна была прекратить заботиться

о природе социальных проблем и приступить к их решению. Хорошо это или плохо, данная установка преобладает до сих пор.

Отчуждение между социологией и философией было взаимным. В общем и целом, философы прохладно относятся к социальным наукам, в том числе и к социологии¹. Даже философов науки не интересовали область социологии, ее методология и открытия. Скорее, за редкими исключениями², они проявляли интерес к отслеживанию более впечатляющего развития естественных наук. Притом, что философия произвела на свет столь много других академических отпрысков, кажется странным, что она сегодня так мало заботится о развитии социологии и даже, похоже, забыла, что та — ее родное дитя.

В противоположность такому положению дел, фундаментальная задача этой книги состоит в воссоединении социологии с философией. Что заставляет нас считать, что дело стоит свеч? Лучше всего ответить на этот вопрос обзором негативных последствий, вызванных их продолжающимся разделением.

Задача философии — создавать универсально достоверное знание на высшем уровне обобщения. Но пренебрежение социологией пестовало скрытый компонент западного антропоцентризма в большинстве философских систем, конструируемых западными философами, будь то в области общей философии, аксиологии, этики или эпистемологии. Ясно, что такая философия не выполняет своей задачи. Она далека от высокого уровня обобщения и замкнута в границах своей культуры; она говорит о человеке, его природе и его артефактах, не имея адекватных эмпирических оснований и оправданий. Рассматриваемая в этом контексте, философия остается в границах того, продуктом чего она является, а именно: философского осмысления западной цивилизации. Расширительные конструкты традиционной философии выводятся из понятий о человеке, взятом *in vacuo*. Брать человека отдельно от его социальной среды — значит оставлять пробел во всех философских обобщениях касательно человека и человеческого знания³.

¹ Эта тема рассмотрена в статье: *Handy R. Philosophy's Neglect of the Social Sciences // Philosophy of Science. 1958. Vol. XXV (April). P. 117-124.*

² См.: *Kaufmann F. Methodology of the Social Sciences. L.; N.Y., 1944; Nagel E. Logic Without Metaphysics. Glencoe, 1956 (особенно часть I, глава 10 и часть II, главы 10 и 11); Hempel C.G. The Logic of Functional Analysis // Symposium on Sociological Theory / Ed. by L. Cross. Evanston, 1959.*

³ В последние годы это медленно, но неуклонно осознавалось. Вернер Штарк, например, показал, что традиционной эпистемологии присущи две основные черты: индивидуализм и тесная связь с точными науками. Он предполагает, что перед эпистемологическим рассуждением стоит насущная задача охватить социальные разновидности знания, а для это-

Поскольку развитие социальных наук в основном происходило лишь в последние сто лет, а зрелости они достигли только в нашем столетии, мы можем простить великим философам прошлого то, что они не принимали во внимание социальные условия как важную переменную в философском познании. Но что может извинить современную философию за то, что она не пересматривает себя в свете данных, открытых социологией и антропологией?

Возьмем социологию. Каковы последствия ее отрыва от философии⁴? В положительном плане можно сказать, что оно позволило социологии стать самостоятельной дисциплиной, свободной от оков субординации. Разойдясь с метафизикой и социальной философией, социология стала эмпирической наукой. Но какой ценой? Оказывается, что в наше время социология тяготеет к сосредоточению на проблемах, относящихся к микроскопическому уровню. Для большинства практикующих социологов социальных проблем глобального масштаба, похоже, не существует. Необходимость ставить такие проблемы, искать самый общий уровень анализа, развивать глобальную перспективу (а все это невозможно без философской подготовки) редко кем признается. В итоге число исследовательских проектов растет, но они не кумулятивны. Общая и систематическая социологическая теория выглядит чем-то эзотерическим и невразумительным и не рассматривается как практическая необходимость для развития социологии.

И разве удивительно тогда, что лишенная внутренней связности, не знающая саму себя социология ищет руководства и вдохновения у других, более изощренных и отполированных наук? Когда наука создала рабочую методологию, связывающую теорию с изучаемым эмпирическим содержанием, и когда она установила свой собственный *corpus*, тогда она вполне в состоянии обратиться к другим наукам за дальнейшим вдохновением, за аналогиями, за новыми методиками исследования, которые способствовали бы ее развитию. Встречи между разными науками очень полезны для развития Науки. Наиболее плодотворны встречи *inter pares*⁵, встречи, так сказать, симбиотического характера. Но когда социология искала встреч с другими дисциплинами, она обычно не знала точно, какой вклад она может внести в эту встречу и что она от нее может полу-

го нужно обратиться к открытиям социальных наук. См.: Stark W. Towards a Theory of Social Knowledge // *Revue Internationale de philosophie*. 1950. T. IV (Juillet). P. 3-14.

⁴ После того, как это было написано, наше внимание привлекла статья видного социолога Жоржа Гурвича, в которой проявляется поразительная солидарность с нашей позицией. См.: Gurvitch G. Reflexions sur les rapports entre philosophie et sociologie // *Cahiers internationaux de sociologie*. 1957. T. XXII. P. 3-14.

чить. В сущности, социология никогда не была уверена, что ей нужно что-то со стороны. Сплошь и рядом результатом было то, что социология либо использовала неподобающим образом, либо не замечала то, что другие дисциплины имели ей предложить, либо свет, излучаемый более развитыми науками, настолько ее слепил, что она поддавалась соблазну забыть свое лицо.

В противоположность встрече с естественными науками, обладающими более развитым теоретическим и методологическим багажом, с философией социология может встретиться на равных; и такая встреча может быть взаимно полезной, поскольку структура одной области не будет подчинена другой. Из этого воссоединения социология могла бы почерпнуть не какой-то *ad hoc*** технический прием, а новый способ концептуализации всего своего предмета, строгий и всеобъемлющий взгляд на вещи, который является прерогативой философии. Философии же это воссоединение предложит новую перспективу в ее поисках универсального знания: богатые данные о человеке, существующем в обществе, данные, открываемые и интерпретируемые социологией.

Если признать желательность восстановления связей между социологией и философией, то следующим шагом будет выбор темы, в которую обе области могли бы внести равноценный вклад. И здесь у нас необычайно богатый выбор. Поскольку социология и философия — дисциплины глобальные, многие возможные точки соприкосновения прямотаки бросаются в глаза: например, эпистемология (или теория познания) и социология знания⁵, социология науки и философия науки, социология искусства и философия искусства, и это далеко не все.

Кроме того, необходимо принять во внимание, какая точка зрения будет представлять каждую из этих дисциплин, поскольку обе они поддерживают идеологический раскол. Делая выбор, мы руководствовались прагматическим соображением, что взаимодействие между социологией и философией должно быть как можно более плодотворным для обеих и что встреча, составляющая содержание настоящего исследования, должна иметь важные последствия для обеих дисциплин и должна предложить каждой из них новые направления и новые проблемы для дальнейшего исследования.

* Между равными (*лат.*)

** Здесь: подручный, применимый к отдельному случаю (*лат.*)

⁵ Жак Маке попытался воссоединить философию и социологию в этой области в своей прекрасной работе: *Maquet J. La Sociologie de la connaissance*. Louvain: Institut de Recherches Economiques et Sociales de l'universite de Louvain, 1949.

Имея это в виду, мы решили рассмотреть отношение между индивидом и обществом, как оно выглядит с точки зрения социологизма и экзистенциализма. Эта тема волнует не только социологов и философов, но и весь мир в целом, где она проявляется во множестве различных проблем и идеологических вопросов. В демократических обществах, например, основы уголовного права заключают в себе фундаментальную дилемму: защита общества и охрана прав индивида. Ни одна из сторон этой дилеммы не может быть максимизирована без ущерба для самой структуры уголовного права, и эта дилемма рельефно обнаруживает связь между индивидом и обществом.

Другие примеры, отражающие важность этой темы, – вопросы гражданских прав и академических свобод. На более общем уровне взаимоотношение индивид-и-общество создает главную основу для идеологического раскола между странами западного и советского блоков; первые подчеркивают непреходящую ценность индивида, вторые настаивают на первичности коллектива. Какую бы сторону в этом споре мы ни заняли, нельзя отрицать практическую значимость указанной главной темы.

Сказать, что эта тема чрезвычайно важна, еще недостаточно для того, чтобы оправдать ее выбор в настоящем контексте. На самом деле, вопрос о *противоположении* индивида и общества не находит отклика в социологии как теоретическая проблема. Пятьдесят лет назад американский социолог Чарльз Хортон Кули указал на их органическую взаимосвязь, утверждая, что на конкретном уровне они неразделимы, что одно не существует без другого. Вся нынешняя социологическая теория приняла этот взгляд и трактует индивида (или, скорее, личность) и общество как аналитические части одной конкретной реальности⁶. Рассматривая социализацию, интернализацию норм, социальные роли, политическое поведение, девиантное поведение, социальный престиж, социальную мобильность, предрассудки и дискриминацию, а также иные темы, социологи явно или неявно имеют дело с индивидом и обществом.

В качестве точки зрения социологии мы выбрали социологизм Эмиля Дюркгейма. Он сделал больше кого бы то ни было для превращения социологии в прочную академическую дисциплину, имеющую свой предмет и свои методы изучения. Если Конта можно назвать отцом социологии, то Эмиль Дюркгейм – основоположник современной социологии; его невероятно богатые идеи по широкому кругу вопросов по сей день остаются неисчерпаемым источником для исследований и теории. Но что,

⁶ Ясное изложение этого можно найти в статье: *Ginsberg M. Individu et societe // Bulletin international des sciences sociales (UNESCO). 1954. T. VI. P. 156-165.*

пожалуй, еще важнее, в решающий момент он внес в социологию целеустремленность и дерзание, чувство энтузиазма и вдохновения, убеждение в ее внутренней ценности. Выбрать Дюркгейма на роль представителя социологии в деле воссоединения с философией будет логично для наших целей, ведь он один из немногих социологов, имевших обширные познания в философии и понимавших философское значение социологических проблем, которыми он занимался, релевантность социологии для философии, и наоборот. Более того (и это не менее важно), тема индивида и общества была лейтмотивом всех его социологических изысканий, придавая им внутреннюю связность.

В качестве представителя философии в воссоединении экзистенциализм показался из современных философий наиболее подходящим, поскольку он, в противоположность логическому позитивизму или аналитической философии, проявляет принципиальный интерес к человеку в целостности его ситуации. Экзистенциализм дал философии новое дыхание, новую жизненную силу, новое измерение, спросив самым решительным образом: что значит для человека быть экзистенциальным существом?

В основе как социологизма, так и экзистенциализма, лежит глубочайшая озабоченность *кризисом*: для социологизма Дюркгейма это кризис, угрожающий существованию современного общества; для экзистенциализма — кризис, грозящий существованию современного человека. Эта озабоченность напрямую касается темы индивида и общества. Если между двумя дисциплинами, как мы увидим, есть много точек содержательного схождения, то имеются также и не менее серьезные расхождения в их оценках. Наша задача, следовательно, будет состоять в том, чтобы сравнить и противопоставить точки зрения социологизма и экзистенциализма на тему индивида и общества, обеспечив таким образом плодотворную встречу между социологией и философией.

Глава VIII. Заключение: столкновение социологизма и экзистенциализма

В этом исследовании социологизма и экзистенциализма мы выяснили, что оба в основе своей являются реакциями на дезорганизацию современного мира. Этот общий знаменатель важен для нашей попытки достичь сближения между социологией и философией, ибо предполагает возможность общего мира дискурса. Также мы выяснили, что социологизм и экзистенциализм предлагают разные истолкования природы современного кризиса и средств выхода из него. Теперь, прежде чем думать, какими могут быть плоды этой встречи, требуется провести систематическое сравнение их взглядов.

Чтобы организовать встречу между социологизмом и экзистенциализмом в духе «братского поединка», необходимо честно признать наличие зон явного несогласия между ними, и, прежде всего, – в оценке общества.

Дюркгейм подчеркивал реальность общества как психической сущности, как коллективного сознания, производимого ассоциацией и взаимодействием индивидов. Коллективное сознание проявляется в общественном мнении. В противоположность этому, Габриэль Марсель предостерегает от представления, будто элементы *A* и *B*, наделенные, соответственно, сознаниями *C* и *C'*, могут сформировать целое, обладающее синтетическим сознанием *C''*. Такая идея – «чистая фикция, от которой не всегда были защищены, в частности, французские социологи»⁷. Замечания Марселя явно направлены в сторону Дюркгейма. В них выражается прямое отрицание экзистенциализмом понятия коллективного сознания – краеугольного камня социологизма и основы его настаивания на реальности общества как чего-то внешнего по отношению к индивиду. В экзистенциальной традиции, начатой Кьеркегором, который считал общественное мнение абстракцией, лишенной экзистенциальной реальности, Марсель говорит, что нет в мире ничего более податливого, чем общественное мнение, что оно плывет, подобно густому испарению, между индивидуальными сознаниями, что оно «вещь довольно гнусная и вряд ли может служить опорой режиму»⁸. Фоконне и Мосс, последователи Дюркгейма, указывали на то, что общественное мнение диктует и санкционирует моральные правила и что любое институциональное изменение есть, в основе своей, изменение в общественном мнении как системе коллективных представлений⁹. Общественное мнение для социологизма вовсе не фикция; оно рассматривается им как динамическое проявление общества, особенно действенное в сфере морали. Экзистенциализм явно не разделяет предлагаемого социологизмом истолкования природы и зна-

⁷ Marcel C. *Les Hommes contre l'humain*. Paris, 1951. P. 125. Правда, Марсель добавляет, что *Ci* Смогут соответствующе развиваться в результате их взаимодействия, но чуть далее делает оговорку, что «новое сознание, новое единство не появится до тех пор, пока *A* и *B* не увидят друг друга имеющими автономную реальность, наделенными достоинством, *a такое случается редко*» (курсив мой. – Э.Т.).

Сартр в этом отношении еще радикальнее, чем Марсель; он вообще отрицает возможность эмерджентного опыта «мы»: «...мы не является ни интерсубъективным сознанием, ни новым бытием, которое возвышает и включает свои части в качестве синтетического целого наподобие коллективного сознания социологов» (*Сартр Ж.П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000. С. 427).

⁸ Marcel G. *Op. cit.* P. 44.

⁹ *Fauconnet P., Mauss M. Sociologie // La Grand Encyclopedic*. Т. XXX. P. 171.

чения общественного мнения. Все экзистенциальные мыслители отказывают обществу в какой бы то ни было аутентичной, подлинной реальности. Как бы они его не интерпретировали, все они рассматривают его как силу, враждебную и чуждую аутентичной природе индивида. Это не значит, что все они считают общество внешним для индивида. Хайдеггер и Марсель, например, смотрят на общество как на интернализованную составную часть человеческого бытия. И все же это ограниченное признание, ибо эти двое философов считают, что тем, что внедряется внутрь человека, является сфера *das Man*, безличной самости, а ее они рассматривают как в подлинном смысле ничто и, по сути дела, то самое, что мешает человеку осуществить и сберечь его истинную природу. В общем, экзистенциальная перспектива рассматривает общество как вместилище объективности и, следовательно, считает его антагонистичным субъективному существованию индивида. Чтобы найти себя и стать самим собой, индивид должен бороться за освобождение себя от оков общества. Общество видится экзистенциализмом как клетка для индивида, во многом так же, как греческая религиозная мысль рассматривала тело как клетку для души.

В противоположность этой точке зрения, Дюркгейм не видел никакого фундаментального конфликта между индивидом и обществом. Он рассматривал их как сущности не только взаимопроникающие, но и взаимно полезные друг другу. В то время как Хайдеггер считал социальное Я неподлинной частью человеческого бытия, Дюркгейм полагал, что именно оно дает нам подлинную человечность, делая нас цивилизованными. При этом связь между индивидом и обществом не односторонняя: Дюркгейм признавал, что без индивидов не было бы никакого общества и что особую полноту обществу придает взаимодействие индивидов. Симбиотическое взаимопроникновение индивида и общества также отчетливо присутствует у Дюркгейма в представлении о морали как сущностно социальном феномене. Источником и целью морального действия является коллектив. Вместе с тем Дюркгейм признавал, что исторически *содержание* морали стало сосредоточиваться почти исключительно на достоинстве, которое общество сообщает человеческой личности.

В противоположность Дюркгейму, экзистенциальная точка зрения на мораль более неоднозначна и двойственна. Ницше, как и Дюркгейм, признавал социальное происхождение морали и даже придавал ей полезность, однако, с его точки зрения, мораль полезна только для «стадного» сознания. По Ницше, полезность общественной морали не есть доказательство ее обоснованности. Дабы найти что-то лучшее по сравнению с жалкой «рабской моралью», которая выхолащивает и кастриру-

ет индивида, Ницше вышел за пределы социальных категорий «добра» и «зла» и обратился к поискам новой несоциальной морали, пригодной для сверхчеловека, морали для «свободных духом». Кьеркегор также занимал по отношению к морали двусмысленную позицию. Для него этическое есть высшая сфера существования по сравнению с эстетическим. Вести себя нравственно, или этично, значит выбирать, и индивид обретает экзистенцию благодаря акту наполненного страстью выбора. Тем не менее Кьеркегор пришел к убеждению, что есть сфера экзистенции, высшая по сравнению с моральной, ибо мораль – это все еще царство общего (общественно универсального), а не истинная экзистенциальная сфера частного, каковой является религиозная сфера. Экзистенциальная мысль постоянно удерживала эту амбивалентность по отношению к морали, вплоть до того, что у Сартра в истолковании неизбежного конфликта между разными Я мораль, или этика, становится невозможной.

В отличие от Кьеркегора, Дюркгейм не видел противоположности между моралью и религией, и не только ввиду их общего социального происхождения (а, следовательно, и их общей реальности), но и ввиду того, что мораль, по его мнению, развивается из религии. Можно сказать, что для Дюркгейма мораль – высшая форма человеческого самовыражения. Уместно привести в связи с этим проницательное замечание Жака Маритена о том, что проблема современного атеистического экзистенциализма, поскольку он отрицает сущности (речь идет о Сартре), «сродни проблеме французских интеллектуалов 1880 г., которые пытались сформулировать мирскую этику без Бога, удерживая при этом буржуазные ценности»¹⁰. Дюркгейм, находившийся под влиянием этой группы и состоявший в ней, решил проблему места морали в безбожном мире, наделив общество реальностью, превосходящей индивида, но имманентной миру. Такое решение недоступно атеистическому экзистенциализму (особенно в выражении Ницше и Сартра), который, отрицая всякое бытие, большее по сравнению с индивидуальным, и всякую объективную реальность, не может позитивно допустить мораль, не впад в самопротиворечие.

Исследуя далее контраст между экзистенциализмом и социологизмом, важно дополнить их оценки общества кратким обзором того, как они оценивали индивида. Экзистенциализм – философия неистребимого индивидуализма: экзистенциальное мышление рассматривает существующего индивида вне какой бы то ни было объективной определенности его положения в мире, без каких-либо привязок к когнитивно объективной постигаемой реальности, без каких-либо внешних опор, посредст-

¹⁰ *Maritain J. Court traité de l'existence et de l'existant. Paris, 1947. P. 10.*

вом которых он мог бы закрепиться в мире и чувствовать себя в безопасности. Следовательно, все экзистенциалисты в конечном счете придерживаются общего мнения, что индивиду следует самому решать свои экзистенциальные проблемы, особенно проблему собственного становления. Осознание того, что аутентичное Я никогда реально не «чувствует себя как дома» во внешнем мире, не содержащем в себе ничего «прочного», толкает существующего индивида, сознающего свою «заброшенность» в мир, к переживанию таких экзистенциальных состояний, как тревога, усталость, отчаяние, тошнота и, в общем и целом, Ничтожность всего. От этого общего ствола ответвляются две «школы» экзистенциализма.

Преобладающая школа (представленная откровенно религиозными экзистенциалистами Кьеркегором, Унамуно, Бердяевым, Бубером, Марселем, а также Хайдеггером и Ясперсом, избегающими религиозных признаний) в той или иной мере признает трансцендентную реальность, совершенно отличную от реальности эмпирического мира. Парадоксальным образом эта трансценденция имеет экзистенциальную связь с индивидом. Кьеркегор называет эту высшую реальность Богом, Ясперс — Трансценденцией, Хайдеггер — Бытием; но главное состоит в том, что эти экзистенциальные мыслители видят реальность человека укорененной в чем-то таком, что превосходит индивида.

Другая школа экзистенциализма, у истоков которой стоит, скорее всего, Ницше, вообще отрицает какую-либо реальность вне существующего индивида и оставляет его в положении анклава в иррациональном и бессмысленном мире. Наиболее заметными фигурами в этой второй ветви являются Сартр и его последователи (включая Камю, по крайней мере, времен ранних сочинений).

Социологизм находится в оппозиции непоколебимому индивидуализму, лежащему в основе всего экзистенциального мышления, так как принимает в качестве основных посылок солидарность индивидов и объективную реальность общества. Однако было бы серьезной ошибкой думать, что Дюркгейм не сознавал экзистенциальных проблем индивида. На самом деле Дюркгейм не только напрямую работал с проблемой Ничтожности, но и отчасти вследствие признания этого экзистенциального состояния и его последствий для индивида так настойчиво подчеркивал реальность общества. Однажды он даже заявил, что восприятие Ничтожности (*le nuant*) для индивида невыносимо. Ничтожность окружает нас повсюду, и единственный способ уйти от нее — жить в будущем. Ни одна из наших задач, продолжал он, не имеет абсолютной ценности, даже счастье; они всегда с чем-то соотносятся. Если бы мы не видели ничего, кроме нашей активности, жизнь стала бы бессмысленной и неинтересной.

И, писал он в конце этой ранней статьи, «индивидуализм, поскольку он отрывает индивида от вещей и лишает его какой бы то ни было перспективы, прямо ведет к пессимизму»¹¹. В этом утверждении Дюркгейма слово «индивидуализм» легко можно заменить на «экзистенциализм»!

Дюркгейм далее развил эти мысли в своем исследовании самоубийства и особенно в своей интерпретации «эгоистического самоубийства» (самоубийства как способа, выбираемого индивидом для прерывания своей солидарности с обществом). Продолжая свою раннюю мысль, Дюркгейм писал в *Le suicide*, что жизнь терпима для индивида лишь при условии, что у него есть какая-нибудь достойная цель, к которой он мог бы стремиться. Однако сам индивид слишком узко ограничен временем и пространством, чтобы быть целью собственной деятельности. Дюркгейм утверждал, что индивид, ориентированный на самого себя как на цель, в конце концов поймет, что его усилия обречены затеряться в небытии. Мысль о собственном исчезновении наполняет нас ужасом.

Исходя из этого, Дюркгейм занял принципиально негативную позицию в отношении *погруженности вовнутрь*, упорно превозносимой экзистенциальной мыслью в качестве аутентичного опыта. Бесплодно, писал он, всматриваться в самого себя и изолировать свое Я от внешнего мира. Кроме того, продолжал он, внутренняя жизнь черпает свои первичные данности извне индивидуального сознания. Мы можем думать только об объектах, но не о чистом сознании; определяет сознание и воздействует на него нечто от него отличное. Если наше сознание слишком индивидуализируется, если оно отрывается от других бытия (людей или вещей), оно теряет способность общаться с самими источниками, с которыми оно в нормальном случае должно связываться, чтобы питать самое себя. Когда сознание отрывается от внешней реальности и рассматривает эту реальность как ничто, ему не остается размышлять ни о чем, кроме собственной нищеты. Единственным объектом его созерцания становится его внутреннее ничтожество¹². *Exnihilonihilfit*.

Таким образом, Дюркгейм, хотя и признавал полностью экзистенциальные проблемы индивида, считал, что индивид не может быть самодостаточным в этом мире, по крайней мере без мучительных последствий для него. Более того, Дюркгейм всячески подчеркивал, что общество проникает внутрь индивида: он не может, не вступив в противоречие со своей природой, избавиться от границ, навязываемых ему его участием в

¹¹ Durkheim E. La science positive de la morale en Allemagne // Revue philosophique. 1887. T. XXIV. P. 33-58, 113-122, 275-284.

¹² См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. СПб., 1998. С. 240.

социальном мире, как не может укрыться от физического мира¹³. Общество без индивидов — химера, но такая же химера и человеческая личность без социальных связей¹⁴. Подлинная самость (selfhood) человека проявляется лишь через его участие в коллективе, в социальной реальности. Этот взгляд диаметрально противоположен экзистенциалистскому. Однако Дюркгейм согласился бы с экзистенциализмом в том, что подлинность в современном обществе, как оно сегодня устроено, недостижима. По мнению Дюркгейма, существующая разрушенная форма общества мешает реализации подлинной самости; и это одна из причин, побудивших Дюркгейма призвать к восстановлению традиционной профессиональной группы как нового источника социальных связей, которые восстановили бы не только целостность общества, но и целостность человека.

Как мы уже ранее говорили, начиная с Кьеркегора, все экзистенциальные мыслители сознавали уравнивающую силу процесса цивилизации и были этим крайне огорчены. Экзистенциальная перспектива рассматривает этот процесс как угрозу индивиду, как кражу у него аутентичной, уникальной экзистенции. Процесс уравнивания порождает равенство за счет стирания индивидуальных различий. Кьеркегор, Ницше, Марсель, Хайдеггер и Ясперс, считая социальное равенство эквивалентом массовой посредственности, образуют единый фронт в осуждении как поборников эгалитаризма, так и самого этого процесса.

Дюркгейм тоже иногда задумывался об этом процессе уравнивания. Он отмечал, что цивилизацию обычно считают источником увеличения социальных сходств (это должно соответствовать экзистенциалистскому понятию массового общества). Это мнение, продолжал он, покоится на смешении индивидуальных типов с коллективными, как провинциальными, так и национальными¹⁵. Если провинциальные различия, утверждал он, стираются, то в пределах провинции индивидуальные различия возрастают. В сущности, первое — условие второго. С распространением общей культуры через средства массовой информации и возрастанием географической мобильности индивидов из сельской местности в города региональные различия все более тускнеют, тогда как гетерогенность индивидов становится все более явной.

Более того, в социологической перспективе процесс уравнивания позитивно принимается. Чтобы разделение труда связало членов совре-

¹³ См.: *Durkheim E. L'Education morale*. Paris, 1938. P. 58.

¹⁴ См.: *Durkheim E. Lessons de sociologie: Physique desmoeursetdudroit*. Paris, 1950. P. XV.

¹⁵ См.: *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда*. М., 1996. С. 145.

менного общества в гармоничное, функциональное целое и чтобы можно было избежать патологического состояния аномии, *принципиально необходимо*, чтобы внешние условия для людей были выровнены¹⁶. Античность, писал Дюркгейм, нуждалась в общей вере в порядок, чтобы выжить, и у нас есть такая же потребность – в справедливости и социальном равенстве. Чтобы разделение труда производило органическую солидарность, которая есть *sine qua non* социального порядка, индивиды должны выполнять социальные функции, к которым лучше всего приспособлены их естественные дарования. Это возможно только в отсутствие принуждения и в отсутствие внешних социальных неравенств. Следовательно, заключает Дюркгейм, организованные общества должны активно пытаться устранить внешние неравенства (включая наследование состояний) и оказывать поддержку эгалитаризму. От этого зависит само их существование.

Рассмотрев зоны противостояния экзистенциальной и социологической мысли, покажем теперь почву, на которой они могут сблизиться.

Делая упор на общество как, в сущности, этико-религиозную реальность, превосходящую индивида, Дюркгейм в некоторых отношениях демонстрирует нам интересное сближение с экзистенциальными мыслителями в подчеркивании трансценденции, особенно с Ясперсом. Понятие трансценденции чрезвычайно важно для экзистенциального мышления, хотя и обладает двусмысленностью. Валь указывал, что в экзистенциальной мысли *transcendence* может обозначать экзистенциальную активность (или процесс) и/или то бытие, на которое направлена активность Я¹⁷. Для Кьеркегора, говорит Валь, трансценденция есть то, на что ориентирует себя экзистирующий индивид (следовательно, Бог); для Хайдеггера трансценденция есть временной процесс индивидуального шествования-впереди-самого-себя, проектирования собственных возможностей; у Ясперса под трансценденцией имеется в виду и процесс ориентации, и то, на что ориентируется экзистирующий.

Позиция Дюркгейма во многих отношениях не очень далека от позиции Ясперса. По Ясперсу, экзистенция индивида ограничена эмпирическим бытием индивида и сферой трансценденции. Дюркгейм, возможно, легко бы с этим согласился, поскольку рассматривал человеческую личность (а это, по существу, то же самое, что Ясперс понимает под экзистенцией) как бытие, ограниченное биолого-физической природой индивида (которая соответствует ясперсовскому понятию *Daseiri*) и обще-

¹⁶ «Дело идет о гармонии функций и, следовательно, о существовании обществ» (там же. С. 397).

¹⁷ См.: *Wahl J.* La Pensee de l'existence. Paris, 1951. P. 106.

ством (которое эквивалентно тому, что Ясперс называет Трансценденцией). Ясперс считает, что именно Трансценденция, т.е. то, на что направлен процесс выхода за пределы самого себя, дает индивиду его Я и его свободу¹⁸. Без всяких содержательных искажений можно сказать, что Дюркгейм разделял этот взгляд. Он видел человеческую личность, отдельную *humanitas*, как нечто, данное индивиду его участием в реальности, выходящей за пределы его биологической реальности, а именно – в обществе. Кроме того, Дюркгейм считал, что именно щедрая трансценденция общества дарит человеку свободу и вскармливает ее.

Дюркгейм считал, что свобода (занимающая фундаментальное место в экзистенциальном мышлении) состоит, прежде всего, в освобождении человека из плена слепых физических сил природы. Дюркгейм утверждал, что человеку для обретения свободы нужна поддержка со стороны великой духовной мощи, которая могла бы обуздать эти силы, а именно – общества. Теоретики могут пытаться доказать, что человек имеет право на свободу, писал Дюркгейм, но единственное, что можно утверждать наверняка, это что человек обладает свободой в обществе и благодаря обществу¹⁹. Кроме того, Дюркгейм не считал свободу чем-то извечно данным и фиксированным, но, скорее, рассматривал ее как нечто, эволюционирующее с развитием общества; человеческая свобода возрастает вместе с ростом социальных обязательств²⁰. По мере того как коллективное сознание становится с ходом истории более рациональным и менее принуждающим, свобода человека быстро развивается под воздействием возрастающей личной инициативы. Количественный рост населения в обществе также способствует увеличению свободы от надзора со стороны других²¹.

Взгляды Дюркгейма на свободу не совпадают со взглядами Ясперса и других экзистенциальных мыслителей. Свобода для них – не дар общества, а неотъемлемая часть человеческой экзистенции. Однако любопытно отметить, что дюркгеймовский акцент на динамическом аспекте свободы напоминает экзистенциалистский акцент на самостановлении.

Бытие, которым для Ясперса служит Трансценденция, может продолжать существовать лишь до тех пор, пока мы продолжаем верить в трансцендентное; по Дюркгейму, общество превосходит нас и может существовать лишь до тех пор, пока индивиды верят коллективным пред-

¹⁸ См.: *Jaspers K. Von der Wahrheit*. München, 1947. S. 107.

¹⁹ См.: *Durkheim E. Sociologie et philosophie*. Paris, 1951. P. 79.

²⁰ См.: *Durkheim E. La science positive de la morale en Allemagne*. P. 54.

²¹ См.: *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда*. С. 139, 290 и далее; *Lessons de sociologie*. P. 74 и далее.

ставлениям, конституирующим его реальность. Как Ясперс видит Трансценденцию как нечто всеобъемлющее и заключающее в себе индивидуальную экзистенцию, так и Дюркгейм смотрит на общество в соотношении с человеком. Ясперс рассматривает трансценденцию и как процесс самотрансценденции, и как конечную реальность; дюркгеймовская мысль аналогичным образом содержит понятие трансцендентного (общества) и понятие самотрансценденции (возвышения человека над своей биологической природой через участие в обществе).

Сосредоточение нашего внимания на некоторых моментах сходения между Ясперсом и Дюркгеймом не должно скрывать явно глубокого различия в их взглядах на трансцендентное. Ясперс утверждает, что Трансценденция как высшая всеохватность не может быть познана духом рассудочно; к ней можно приблизиться лишь через тайнопись, поскольку понятийное мышление может говорить о ней лишь тавтологиями, противоречиями и логическими кругами. В свою очередь, для Дюркгейма общество как трансцендентное может быть объективно и позитивно изучено наукой. Вместе с тем, Дюркгейм не считал, что глубинные аспекты социальной реальности, такие как солидарность, могут быть напрямую схвачены наблюдателем. Их можно изучать только косвенно, пользуясь различными показателями, внешними проявлениями, выполняющими роль ясперсовских шифров. Ясперс предполагает также, что мифы выражают Трансценденцию в шифрах, и здесь можно усмотреть параллель с акцентом Дюркгейма на значимости мифов как символических выражений психической реальности общества.

Последней обширной областью, на которой мы остановимся в этой книге для сравнения социологизма с экзистенциализмом, будут их соответствующие оценки истины. Начнем с дюркгеймовского изложения прагматизма²². Это прольет свет не только на собственные представления Дюркгейма относительно истины и реальности, но и на то, какой могла бы быть его оценка современного экзистенциализма. Американская философия прагматизма служит любопытным посредником между экзистенциализмом и социологизмом.

Чувства Дюркгейма в отношении прагматизма были отмечены глубокой амбивалентностью. С одной стороны, он признавал, что его весь-

²² Свои взгляды на прагматизм Дюркгейм изложил в лекционном курсе, прочитанном в 1913–1914 гг. в Сорбонне. Его мысли об этом философском течении, хотя и не были прижизненно опубликованы, впоследствии были собраны из студенческих записей его лекций и опубликованы под редакцией Армана Кювилле в томе под названием «Pragmatisme et sociologie» (Paris, 1955)

ма привлекает преклонение прагматизма перед жизнью и действием; с другой стороны, как ярого приверженца рационализма, Дюркгейма смущали нападки прагматизма на понятия разума (*reason*) и истины. Хотя прагматизм, по его словам, «не столько четкая организация идей, сколько общий толчок в определенном направлении», именно содержащаяся в нем теория истины делает его особенно интересным для социологии²³.

В центр прагматизма, отмечал Дюркгейм, ставится принцип, согласно которому *истинно то, что полезно*²⁴. Эта мысль (сформулированная Уильямом Джемсом) совершенно противоположна «догматическому» пониманию истины как фиксированного, статичного слепка с внешней для человека безличной реальности – реальности, в которой человек лишен какой бы то ни было активной роли. В традиционном понимании истины как верной копии внешнего образа нет никакого проку. Для прагматизма, отмечал Дюркгейм, важно то, что человек делает с реальностью и каким образом он ее использует. Помимо этого, прагматизм критикует рационализм (рассматриваемый Дюркгеймом в качестве «традиционного догматизма») на том основании, что если реальность является для нас внешней, то мы не можем ничего о ней знать. Традиционный догматический рационализм отделяет мышление от существования, что ведет к эпистемологической пропасти между объектом и нашим представлением о нем; прагматизм же, напротив, рассматривает мысль как часть существования.

Для прагматизма, говорил Дюркгейм, истина не есть нечто безличное и в равной мере относящееся ко всем людям. Нет *истины вообще*; скорее, есть конкретные *истины*, которые соотносятся с человеческими обстоятельствами и человеческими целями. Человеческие истины все время меняются, и то, что сегодня считают истинным, завтра будет считаться ложным. Для прагматистов, продолжал Дюркгейм, мир остается чем-то незавершенным, никогда до конца не осуществленным; мир полон неограниченных возможностей.

²³ Ibid. P. 44.

²⁴ Ibid. P. 31. Дюркгейм пишет, что основоположником прагматизма можно считать Ницше, поскольку, по мнению Ницше, в качестве истины декларируется социально полезное. Вместе с тем, отмечает Дюркгейм, есть глубокое различие между Ницше и прагматизмом, так как Ницше был убежден, что *кажущееся* истинным на самом деле ложно и что существует некая высшая истина, истина художника, освободившегося от стадного образа мышления. С другой стороны, продолжает Дюркгейм, для прагматизма этого отличия между кажущейся и реальной истиной не существует. Это единственная ссылка на экзистенциального автора, которую я нашел у Дюркгейма, и, к сожалению, она не дает нам прямой оценки Дюркгеймом мыслей Ницше об обществе.

Прагматизм дает новую интерпретацию самого мышления. Прагматизм подчеркивает гетерогенность реальности и логического мышления. Поскольку понятия относятся к неизменным, дискретным вещам или сущностям, понятийное мышление, основанное на дистинкциях, не может «проникнуть» в то, что является непрерывным и пребывает в потоке. С другой стороны, как отмечает Дюркгейм, прагматизм принимает радикальную ориентацию, пытаясь устранить традиционные логические оппозиции. Знание и существование, мысль и реальность образуют одно: они — аспекты «чистого опыта». Мысль не просто копия реального; она сама является творческой. Наши интеллектуальные суждения порождают действия, которые меняют характер будущей реальности, особенно когда этими суждениями являются верования, ведь верования творят саму реальность. Мысль и реальность представляют собой части одного и того же процесса; разум (mind) и внешние вещи взаимно проникают друг в друга. У прагматизма лейтмотив, стало быть, таков: *мысль, соединенная с действием, в некотором смысле создает саму реальность*²⁵. Как мы творим истины, так же творим и реальность: своими действиями мы делаем мир.

Экзистенциализм и социологизм разделяют в сущности один и тот же критический взгляд на традиционный рационализм. Экзистенциализм пытается преодолеть дихотомию «субъект—объект», утверждая, что мысль укоренена в существовании. Как и прагматизм, экзистенциализм подчеркивает первичность *становления* над статическим *бытием*; существование, или экзистенция, всегда есть становление возможным невозможного. В конечном счете, экзистенциализм критикует господствующее в традиционной философии понимание истины в тех же самых основных направлениях, что и прагматизм.

Экзистенциализм не считает истину чем-то внешним для человеческого субъекта; скорее, без человеческого существования не было бы никакой истины. Все экзистенциальные мыслители неявно принимают императив Кьеркегора «Субъективность есть Истина»; иными словами, нет в мире истины выше, чем истина существующего субъекта.

Как Ницше подчеркивал, что истина не есть объективное изображение реальности, так и Хайдеггер отвергает традиционный философский взгляд на истину как на объективно правильное суждение о внешней реальности. Хайдеггер рассматривает истину как «открытость» сущностей и как нечто «внутренне присущее бытию»²⁶. Истина — не только состояние, но и процесс, не только открытие (*Entdecktheit*), но и открывание

²⁵ Ibid. P. 65.

²⁶ Heidegger M. Introduction to Metaphysics. New Haven, 1959. P. 21, 102.

(*Entdeckendsein*)²⁷. Хайдеггер усматривает значение истины в исходном греческом смысле слова «*алетеия*» как непотаенности сущего; именно раскрытие Бытия заставляет сущности стать тем, что они есть²⁸. Поскольку человек единственный среди сущностей живет в осознании Бытия, поскольку Бытие раскрывается только человеку, Хайдеггер утверждает, что всякая истина относится к бытию *Dasein*²⁹.

Сравнивая экзистенциализм и прагматизм в вопросе понимания истины, мы не можем не упомянуть точку зрения Ясперса. Прагматисты считали, что есть множество истин, отражающее множественность человеческих интересов. Ясперс также подчеркивал, что есть много экзистенциальных истин. Индивид, считающий, что *его* истина есть истина *вообще*, должен отдавать себе отчет, что его истина убедительна не для всех. Каждая истина, даже научная, есть истина с особой точки зрения. Тем не менее, вера Ясперса в единую Трансценденцию, выходящую за пределы эмпирического мира, позволяет ему утверждать, что в Трансценденции истина одна (хотя в экзистенции она множественна). Ясперс и прагматисты едины в признании того, что мир, в котором мы живем, является не закрытой системой, а одной из «неограниченных возможностей».

Предположив родство прагматизма и экзистенциализма, по крайней мере в вопросе об истине и реальности, вернемся опять к Дюркгейму и его оценке прагматизма. Дюркгейм легко соглашался с прагматизмом насчет творческой способности мышления, так как считал, что есть важная область реальности, сотворенная духом: социальная реальность. Также Дюркгейм одобрительно относился к положению прагматистов, что истина и реальность не обладают непреложностью, а составляют части единого динамического процесса. Он заявлял, что социология рассматривает человеческие события в исторической перспективе: человек — продукт истории и, стало быть, становления; в нем нет ничего, что было бы дано или предопределено заранее³⁰. Поскольку истина и разум порождаются человеком, они должны быть также продуктом истории и не являются вечными и статичными.

Между тем, Дюркгейм возражает против прагматистского фундирования истины в психологических, утилитарных потребностях индивида. Индивиду, как отмечает Дюркгейм, истина всегда является в сопровождении внешнего морального ограничения; более того, она не субъектив-

²⁷ См.: *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1997. § 44 (6). С. 219-226.

²⁸ См.: *Heidegger M.* Introduction to Metaphysics. P. 102, 189 и далее.

²⁹ См.: *Хайдеггер М.* Время и бытие. С. 227.

³⁰ См.: *Durkheim E.* Pragmatisme et sociologie. P. 142.

на, а безлична. Прагматизм не может объяснить тот парадокс, что принятие людьми истины не всегда соответствует их личным желаниям³¹.

Что касается понимания истины как чего-то личного, то тут социологизм и экзистенциализм расходятся. Экзистенциализм, как мы указывали, настаивает на субъективности истины, укорененной в индивиду. Так, Бердяев утверждает, что единственный критерий истины «дается интеллектуальным и нравственным сознанием Эго», и, более того, «всякий объективный критерий истины мог бы задаваться только коллективным сознанием, что только усложняет проблему»³². Это прямо противоположно взгляду Дюркгейма, который считал, что истина имеет объективный критерий, причем именно потому, что источником истины является коллективное сознание. Именно *коллективное* происхождение истины, утверждает Дюркгейм, делает истину стоящей над индивидом и принуждает его к ее принятию³³.

В позиции прагматизма, по мнению Дюркгейма, истина как коллективное представление неявно отрицается. Убеждение Дюркгейма, что не только истина, но также разум и понятийное мышление являются продуктами коллектива, неизбежно ставило его в некоторую оппозицию к прагматической атаке на традиционный рационализм. Отношение Дюркгейма к предложенному прагматизмом пониманию истины усложнялось следующим: как рационалист, Дюркгейм не мог принять идеи о том, что истина аморфна и изменчива, что реальность все время меняется и что интерпретаций истины так же много, как и индивидов; с другой стороны, социология Дюркгейма отдавала предпочтение релятивистской трактовке истины как связанной с историческими состояниями обществ, каждое из которых имеет представление об истине, достоверное для данной социокультурной системы³⁴.

Какой же выход нашел Дюркгейм из этой дилеммы? Во-первых, он принял тезис прагматизма, что истина не является копией вечной реальности. Но разве не может истина, рассуждал он, быть изменчивой копи-

³¹ Ibid. P. 153 и далее.

³² *Berdyayev N. Solitude and Society. L., 1947. P. 32.*

³³ См.: *Durkheim E. Pragmatisme et sociologie. P. 173.*

³⁴ Он считал также, что и внутри общества существует множество истин. Во-первых, общество, возрастая в сложности, утрачивает единое представление о себе, поскольку его пронизывает множество разных социальных течений; следовательно, эволюция обществ сопровождается возрастающей умственной разнородностью (*Durkheim E. Pragmatisme et sociologie. P. 157 и далее, 187*). Во-вторых, в пределах любого общества всегда есть две антитетичные системы истины: *мифологическая*, в основе своей религиозная и нерациональная, и *научная*, объективная и рациональная; обе являются продуктом коллектива, хотя и могут по-разному им акцентироваться (*Ibid. P. 175-184*).

ей некоторого меняющегося образца?³⁵ Если истину обозначить буквой *I*, а реальность — *P*, то Дюркгейм сказал бы, что в некоторый данный исторический период для общества будут существовать реальность *P*₁ и соответствующий ее образ *I*₁, в более поздний период — *P*₂ и *I*₂ и так далее. Во-вторых, Дюркгейм утверждал, что сменяющие друг друга исторические изменения не порождают радикально иных реальностей; иначе говоря, между *P*₁ и *P*₂ нет радикального разрыва. Реальность и истина обогащаются через комбинирование новых элементов, образующих новые синтезы, сохраняя в ходе этого процесса историческую или эволюционную преемственность. Так, физическая реальность мира оставалась одной и той же с незапамятных времен (например, закон гравитации одинаково применим к телам как сегодняшним, так и древним). Но эта базовая реальность обогащалась и усложнялась позднейшими реальностями: например, появлением органической реальности живых существ и (позднее) развитием социальной реальности. Каждая фаза сложнее предыдущей; каждая обладает своей истиной.

С точки зрения социологизма, есть множество социальных реальностей; каждая социальная среда образуется из особой и уникальной комбинации элементов (так же, как и у каждого индивида уникальный генетический состав). Социальные институты разных обществ, хотя и различаются по содержанию, выполняют одни и те же функции, удовлетворяют одни и те же основные социетальные потребности; следовательно, они имеют одинаковую ценность в качестве истины. Все космологии как примеры коллективного спекулятивного мышления могут быть названы одинаково истинными, поскольку выполняют одну и ту же функцию: глобального постижения универсума. Поскольку каждый коллектив воспринимает реальность по-своему, истин, или образов реальности, неизбежно должно быть много; однако это нисколько не подрывает социальной значимости истины.

Хотя Дюркгейм поддерживал традиционно проводимое различие между практическим и спекулятивным мышлением, он принял тезис прагматистов, что истина имеет творческую функцию. Спекулятивное мышление, например, способствует добавлению к реальности сложного измерения: цивилизации, которая в основном строится на духовной жизни социального мира.

Короче говоря, в подчеркивании того, что реальность мира есть процесс становления или развертывания возможностей, социологизм соединяется как с прагматизмом, так и с экзистенциализмом.

³⁵ Ibid. P. 73.

Таким образом, собственная оценка Дюркгейма обнаруживает глубокое родство между его социологизмом и прагматизмом. Оба течения отвергают традиционную философскую перспективу, из которой истина и реальность если не явно, то скрыто видятся как неизменные, навсегда фиксированные. Для них истина и реальность, напротив, являются развивающимся процессом, в котором человеческие деятели (agents) играют творческую роль. Эта позиция связывает социологизм с прагматизмом и экзистенциализмом через подчеркивание того, что реальность мира есть процесс становления, развертывания возможностей.

Еще одну связь можно найти в утверждении Дьюи, что прагматизм есть «учение о том, что реальность имеет практический характер»³⁶. Социологизм и экзистенциализм согласны с тем, что истина и реальность не просто объекты спекулятивного мышления, а связаны с человеческими деятелями; иначе говоря, истина и реальность значимы для существования человеческих деятелей. Кроме того, они соглашаются с тем, что поиски истины и реальности должны иметь практический аспект.

В отвержении истины и реальности как чего-то радикально отделенного от субъекта все три течения разделяют общую фундаментально релятивистскую перспективу: нет никакой единой для всего мира истины и реальности, но есть множество истин, проистекающих из многочисленных перспектив человеческих деятелей. В этом отношении позиция Дюркгейма несколько отличается от двух других: он подчеркивал, что истина соотносится с коллективом, а не с образующими его индивидами. Кроме того, поскольку истина располагается в коллективе, она имеет объективную реальность, превосходящую реальность индивида, и это заставляет индивида чувствовать ее принудительный характер.

Возможно, прагматизм и социологизм обладают даже более глубокой общностью взглядов, чем признавал Дюркгейм. Концепции демократии, этики, образования и даже религии Дьюи демонстрируют примечательное сходство с идеями Дюркгейма на эти темы. Возможно, это обусловлено развитым у Дьюи чувством общности, чувством, которое проходит сквозной нитью через весь прагматизм и лежит в основе сознания человеческого общества. А, стало быть, следующие слова Дьюи (написанные позже дюркгеймовского исследования прагматизма) являются по духу глубоко дюркгеймианскими: «Внутри мерцающих, непоследовательных актов отдельных Я обитает чувство целого, которое требовательно вызывает к ним и наполняет их достоинством. В его присутствии мы отмечаем смертность и живем во всеобщем. Жизнь сооб-

³⁶ Цит. по: Moore E. C. American Pragmatism: Pierce, James and Dewey. N. Y., 1961. P. 206.

щества, в коем мы живем и имеем наше бытие, — вот подходящий символ для этой взаимосвязи»³⁷.

Также в этом контексте стоит обратить внимание на требование Пирса, чтобы реальность (в том числе научная) была общей для сообщества исследователей, делающего реальность социальным понятием³⁸; эта идея вполне согласуется с социологизмом.

Вдобавок к тому, на что уже было указано, убеждение Дьюи, что наши понятия о нравственности, добре и зле укоренены в человеческих опытах, явно должно быть одинаково близким Дюркгейму и Ницше. Акцент Дьюи на том, что этика должна признать «сущностное единство Я и его актов»³⁹, является краеугольным камнем всей экзистенциальной мысли, например, мысли Сартра, который считал, что человек — не более чем то, что он делает. Таким образом, в ретроспективе прагматизм служит интересным и важным посредником между экзистенциализмом и социологизмом.

Итак, социологизмом и экзистенциализмом движет общее сочувствие к положению индивида в современном обществе, который, будучи отрезанным от традиционных уз, оказался вырван с корнем. В чем они, конечно, расходятся, так это в предлагаемых методах лечения. С точки зрения экзистенциализма, необходимое моральное переустройство мира, если оно возможно, может быть только индивидуальным, внутренним делом: теперь, когда социальный порядок утратил свою устойчивость и лишился традиционных оснований, лишь индивид может взвалить на свои плечи бремя существования. С другой стороны, для социологизма — поскольку моральный кризис, постигший мир, в основе своей социален, — принести исцеление может лишь некоторая форма коллективной реорганизации: социологизм видит выход в реинтеграции индивида и общества, в развитии новых социальных группировок, которые предложили бы индивиду смысл существования, даровав ему чувство участия в чем-то большем, нежели он сам. Экзистенциализм видит в разрушении связей индивида с повседневным обществом путь к спасению; социологизм видит в нем путь к гибели.

Если социологизм и экзистенциализм имеют один и тот же общий источник в осознании того, что современный мир оказался в состоянии

³⁷ Dewey J. *Human Nature and Conduct*. N.Y., 1930. P. 331 и далее.

³⁸ См.: Moore E.C. *Op. cit.* P. 70.

³⁹ *Ibid.* P. 218.

морального кризиса, то обязательно ли они находятся в оппозиции в силу своих противоположных оценок связи индивида и общества и подходов к этой связи? Если поставить вопрос несколько шире, должны ли социология и философия продолжать оставаться и далее в состоянии «холодной войны»?⁴⁰

Микель Дюфренн обратился к этой проблеме в одной из немногих работ, напрямую посвященных социологии и экзистенциальной мысли. Он ставит вопрос так: почему экзистенциальная философия относится к социологии столь равнодушно и даже враждебно? И отвечает, что экзистенциализм выступает против объективной трактовки того, что, с экзистенциальной точки зрения, неразрывно связано с субъективностью; экзистенциальная мысль терпеть не может, когда социальные факты истолковываются как «вещи», а общество — как трансцендентное в отношении индивида. Короче говоря, пишет Дюфренн, экзистенциализм отвергает базовые постулаты, предложенные Дюркгеймом⁴¹.

Означает ли эта оппозиция, что мы зашли в тупик, что от плодотворного сотрудничества между социологией и философией, использующего в качестве плацдарма социологизм и экзистенциализм, придется отказаться? Мы полагаем, что ни в коем случае нет, что контрастирующие перспективы экзистенциализма и социологизма можно рассматривать как взаимодополнительные.

Мы исходим из того, что основным интересом Дюркгейма было на самом деле объективное изучение *субъективной* реальности, а вовсе не *объективной* реальности, как иногда предполагается (в т.ч. экзистенциалистами). При такой точке зрения общество может рассматриваться как психическая реальность, состоящая из верований, ценностей и идеалов; это *существующая* реальность, реагирующая на свою среду и взаимодействующая с ней, реальность, способная сознавать саму себя. Однако это реальность, которая не существует отдельно от людей, и в этом смысле ее можно назвать имманентной трансценденцией. С точки зрения любого отдельного индивида, общество обладает объективностью, поскольку индивид способен дифференцировать себя как особую личностную систему от более крупной и «обволакивающей» его целостности общества; общество не может быть сведено к конкретным личностным системам. В этом отношении общество можно наделить особой реальностью, но при

⁴⁰ См.: Мерло-Понти М. Философ и социология // Мерло-Понти М. В защиту философии. М., 1996. С. 66.

⁴¹ См.: Dufrenne M. Existentialisme et sociologie // Cahiers internationaux de sociologie. 1946. T. I. P. 162.

этом нельзя забывать, что оно порождается взаимодействием и ассоциацией человеческих существ, субъективных экзистенций.

При таком взгляде на вещи *в будущем возможно будет исследовать, в какой степени экзистенциальные измерения человеческого бытия* (описанные разными экзистенциальными мыслителями) *отражаются или находят внешнее проявление в социальной экзистенции*. Если бытие человека экзистенциально ориентировано на мир и если социальное существование вызывается к жизни взаимодействием человеческого бытия, тогда можно утверждать, что в самом обществе должна проявляться экзистенциальная ориентация на эту ситуацию.

Соответственно, если мы примем тезис Дюркгейма, что человек таков, каков он есть, благодаря своему участию в обществе, что человек обретает свою человечность благодаря проникновению социального в индивидуальное, тогда в такой же степени возможно принять, что *бытие-в-обществе есть внутренняя экзистенциальная структура человеческого бытия*. Признание этой взаимной связи должно возвести важный мост между социологией и экзистенциальной философией.

Кто-то мог бы высказаться, что этот синтез не нов, ибо Хайдеггер уже установил, что бытие-с-другими есть экзистенциальная черта человеческого бытия. Однако Хайдеггер не только не может «прорваться сквозь поверхность социальных феноменов», как справедливо замечает Бервальд⁴², но, кроме того, склонен возражать против этого, когда дело касается аутентичной экзистенции; бытие-с-другими не трактуется Хайдеггером как часть подлинной экзистенции. Мы говорили также о том, что другие экзистенциальные мыслители обсуждали важность интерсубъективности; но даже в этом случае в качестве первичной структуры человеческого существования выдвигалась скорее коммуникация Я с конкретными другими, нежели социальность как таковая.

Осознание фундаментальной значимости общества для человеческого существования, осознание того, что бытие человека нерасторжимо связано с его участием в обществе, мы находим в работах Фейербаха и Маркса. В этом плане обоих можно рассматривать как подлинных предшественников социального экзистенциализма. Где они потерпели неудачу, так это в материалистическом истолковании общества; они так и не разработали до конца анализ общества как субъективной, экзистенциальной реальности. А именно такой анализ является кульминацией дюркгеймовского социологизма.

⁴² *Baerwald F. A Sociological View of Depersonalization // Thought. 1956. Vol. XXXI. P. 72.* Бервальд тоже, как и Дюфренн, предлагает основания, на которых могли бы сойтись экзистенциализм и социология, однако они отличны от тех, которые предложили мы.

Какую пользу могут вынести социология и экзистенциальная философия из той встречи, которую мы попытались осуществить? Начнем с того, как может сказаться экзистенциальная перспектива на социологических исследованиях.

Если брать общество как экзистенциальную реальность (а не как грубую сущность или чистую абстракцию), то становится крайне важно понять, как экзистенциальная структура человеческого бытия проявляется в социетальном существовании. Раз все основные экзистенциальные мыслители подчеркивают фундаментальное онтическое различие между аутентичным и неаутентичным существованием, то нужно социологически исследовать условия, при которых общество (или коллектив, или социальная система) существует «аутентично» или «неаутентично». Можно бы было предположить, что эта дифференциация подспудно присутствует в трудах Дюркгейма, ибо понятия «солидарности» и «аномии» можно рассматривать как социетальные аналоги «аутентичного» и «неаутентичного» существования индивида. Социология могла бы исследовать типы ситуаций, в которых в наибольшей степени проявляется солидарность или любой другой сложный показатель коллективной аутентичности, а также типы ситуаций, в которых проявляется аномия или иной показатель неаутентичности. Конфликтующие тенденции аутентичности и неаутентичности легко наблюдать в кризисных ситуациях как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Социология в этом плане должна уделять больше внимания *катастрофическим* ситуациям, в которые попадает коллектив *in toto*, ибо катастрофа (и природная, и антропогенная) расшатывает повседневный мир общества (соответствующий миру *das Man* у Хайдеггера), а формы реагирования на катастрофы могут быть солидарными, аномическими или смешанными. Следовательно, действуя на систематической и сравнительной основе, социологи могут плодотворно изучить условия, вызывающие эти два противоположных способа реагирования.

Таким же образом социология могла бы рассмотреть проявление других экзистенциальных модусов при изучении социетальных феноменов. Хайдеггер устанавливает, что забота является фундаментальной структурой человеческого бытия и что существующий (*the existent*) разделяет свой мир на области заботы. Если принять это как рабочую гипотезу, можем ли мы сказать то же самое об обществе? И если можем, то что конституирует основные области заботы для данного общества или коллектива? Кроме того, если крайним проявлением заботы является тревога, то можно ли продемонстрировать этот феномен также и в коллективном существовании?

В плане дополнения своего позитивного (или объективного) метода социология могла бы многое получить от использования феноменологического метода, применяемого многими экзистенциальными мыслителями. Социология могла бы прозондировать, как общество и коллективы воспринимают мир и как социальные акторы ориентируются на социальный мир. Мы бы предположили, что сам «мир» есть социальный продукт — то, что Бервальд называет «местом сосуществования»⁴³.

Между социальным миром и физическим миром есть некая разнородность. Социальный мир и физический мир имеют разные параметры. Местоположение и движение в одном отличаются по типу от местоположения и движения в другом. Социологи это, разумеется, знают⁴⁴ и часто пользуются терминами «социальная дистанция», «социальное движение», «социальная мобильность» и т. д., однако эти понятия обычно используются *ad hoc*; вместе этого можно было бы осмысленно встроить их в общую феноменологическую перспективу. Важной задачей экзистенциальной социологии стал бы анализ множественности социальных миров, находимых в любом данном обществе (например, миров разных социальных классов, родственных и политических структур, профессиональных страт). Она пыталась бы также проанализировать миры разных обществ и взаимосвязь между разными социальными мирами.

Кроме того, в экзистенциально-феноменологическую перспективу легко интегрировать интерес к «теории референтных групп»⁴⁵; это позволило бы нам рассмотреть референтные группы не только индивидов, но и коллективов. Так, Хайдеггер отмечает, что человеческому бытию присущ такой экзистенциальный модус, как поднесение вещей на близкое расстояние. Это феноменологическое наблюдение не только могло бы оказаться полезным в теории референтных групп, относящейся к индивидуальному поведению, но его можно было бы перенести на коллективы, ибо общество может воспринимать какое-то другое общество как «более близкое», чем

⁴³ Baerwald F. Op. cit. P. 74.

⁴⁴ Питирим Сорокин — главный среди современных социологов, кто привлек особое внимание к этому различию. См. его книгу: *Sorokin P. Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics*. N.Y., 1947. Роберт Мертон и Жорж Гурвич независимо друг от друга переняли некоторые идеи Сорокина и применили их к проблеме социокультурного времени, в отличие от математико-физического времени. Здесь: не систематически, по случаю (*лат.*).

⁴⁵ См.: *Merton R.K., Lazarsfeld P.F. (eds.) Continuities in Social Research: Studies in the Scope and Methods of the «American Soldier»*. Glencoe, 1950. P. 40-105; см. также: *Riley J.W., Jr., Riley M.W. Mass Communication and the Social System // Merton R.K., Broom L., Cottrell L.S., Jr. (eds.) Sociology Today*. N.Y., 1959, особенно P. 547 и далее. (Примечание переведено в урезанном виде ввиду полиграфического дефекта в книге. — Прим. перев.)

прочие, и также это должно касаться меньших по размеру социальных групп. Феномен приближения вещей является не только пространственным, но и временным, и было бы очень интересно социологически изучить факторы, заставляющие некоторое общество в тот или иной момент чувствовать свою «близость» к обществу предшествующей эпохи.

Возьмем другую область. В последние годы в социологии вырос интерес к феноменам «массового общества» и «массовой культуры», и она могла бы многое почерпнуть из экзистенциальной точки зрения на массовое общество, поскольку эта тема давно интересовала экзистенциальных мыслителей, таких, как Кьеркегор, Ортега-и-Гассет, Марсель и Ясперс. Вместо разрозненных социологических исследований по этой общей теме можно было бы выработать всесторонний подход на основе сотрудничества социологии с экзистенциальной мыслью⁴⁶.

Наконец, есть еще одна область, в которой социология могла бы извлечь пользу из взаимодействия с экзистенциализмом. Это общая социологическая теория, особенно та ее часть, которая была разработана Толкоттом Парсонсом и его коллегами и пользуется известностью в социологических кругах как «теория действия»⁴⁷. Теория действия занята в основном разработкой концептуальной схемы, которая на самом высоком уровне обобщения описывала бы ориентацию социального актора на его ситуацию. Можно было бы указать на важную точку соприкосновения между теорией действия и экзистенциальным истолкованием ориентации индивида на мир. Так, понятие Ясперса о том, что существующий индивид всегда втянут в ситуацию, и связанное с ним понятие, что экзистенция всегда ограничена пограничными ситуациями, вполне можно интегрировать в схему действия как структурные аспекты ориентации актора на других. И точно так же отношение «это—альтер», проанализированное Сартром, имеет много аспектов, которые можно было бы с пользой вплести в теорию действия.

Помимо этого, *типовые переменные*, сформулированные Парсонсом в отношении личностей и социальных систем⁴⁸, могут быть рассмотрены

⁴⁶ Дэвид Рисмен в «*Одинокой толпе*» пытается социологически объяснить такой феномен, как «извне-ориентированный» тип, характерный для современного общества; его анализ обнаруживает интересные точки схождения с экзистенциальной мыслью. Проницательное исследование взгляда социологии на массовое общество см. в книге: *Bramson L. The Political Context of Sociology. Princeton, 1961.*

⁴⁷ См.: *Parsons T., Shils E.A. (eds.) Toward a Theory of Action. Cambridge, 1951; Parsons T. The Social System. Glencoe, 1951; Parsons T. Some Comments on the State of the General Theory of Action // American Sociological Review. 1953. XVIII. P. 618-631.*

⁴⁸ См.: *Parsons T., Shils E.A. (eds.) Toward a General Theory of Action. P. 49.*

в новом свете не только как структурные аспекты социального действия, но и как фундаментальные социальные выборы, которые приходится делать актору или коллективу акторов; и их можно даже переформулировать как социальные пограничные ситуации. В этом плане мы можем указать на важное схождение социологической теории и экзистенциальной мысли в акцентировании выбора и принятия решения в человеческом существовании. Теория действия могла бы извлечь пользу из экзистенциализма, увидев, до какой степени могут быть инкорпорированы в ее общую схему эти и другие экзистенциальные понятия, например, хайдеггеровское понятие *двусмысленности* как фундаментальной экзистенциальной ситуации в повседневном мире *das Man*⁴⁹. Не только саму двусмысленность можно рассматривать как фундаментальное условие ситуации актора, но и типовые переменные можно трактовать как попытки решения проблемы двусмысленности посредством структурирования ситуации актора. Конечно, экзистенциальное понятие двусмысленности могло бы найти более широкое социологическое применение, нежели только в теории действия.

Если перед социологией при включении экзистенциального измерения в ее подход к социальным феноменам могло бы открыться несколько различных направлений исследования, то какую пользу из встречи с социологией могла бы извлечь экзистенциальная философия?

В начале этого исследования мы рискнули покритиковать философию за ее невнимание к социальной среде человека, к социальному измерению бытия человека в мире. Хотя, на наш взгляд, экзистенциализм стал большим шагом вперед в развитии философии, отбросив обычную академическую абстрактную трактовку человека и выдвинув на передний план целостного человека как экзистирующую реальность, тем не менее, недостатки традиционной философии не исчезли полностью из экзистенциальной мысли. Если экзистенциализм предпринял важную попытку открыть доселе не привлекавшие внимания грани человека, то он все-таки не смог полностью связать человека с его ситуацией в мире — и не смог это сделать именно потому, что экзистенциальное мышление абстрагирует человека от общества. А следовательно, экзистенциалистский портрет человека как существующего остается неполным.

⁴⁹ Бервальд (op. cit. P. 76) высказал весьма интересное предположение, что «история человечества может быть рассмотрена как ряд последовательных двусмысленных социальных ситуаций». Дальнейшее развитие этой идеи было бы плодотворным для исторической социологии и социологической теории.

Возможно, из-за того, что экзистенциализм абстрагирует существующего от мира общества, современная экзистенциальная мысль не способна уловить смысл человеческого существования в современном мире. Это можно увидеть в хайдеггеровском анализе человеческого бытия. *Dasein* — это падшее существо (being), которое находит себя заброшенным в мир и которое обнаруживает, что его существование есть «данность», над которой оно не имеет никакой высшей инстанции; единственный смысл, который оно может найти для собственного существования, состоит в аутентичном видении самого себя как одинокого бытия-к-смерти. Но это изображение человеческого бытия, как и изображение его у других экзистенциальных мыслителей, совершенно упускает из виду факт социализации: то, что человеческое существо всегда, от рождения и до смерти, пребывает в непрерывном процессе формирования его личности социальными контактами и инкорпорацией социетальных элементов в личностную систему. Хайдеггер отмечает, что человеческое бытие есть в сущности бы-тие-в-мире и что *Dasein* уже несет с собой свой мир. Но чего он не замечает, так это того, что мир есть всегда социальный мир; на самом деле, без социальной экзистенции вообще бы не было никакого мира; мир образуется в первую очередь и прежде всего из коллективных представлений. Динамика мира не может быть понята в терминах *Dasein*, а гетерогенность социальных миров не может быть выведена из бытия индивидуальной экзистенции.

Аналогичным образом и полезное ясперсовское понятие «пограничной ситуации», чтобы обрести емкость, должно быть расширено: в круг базовых пофаничных ситуаций существующего всегда входит социальная ситуация, ведь человек всегда играет социальную роль. Комбинируя элементы из Ясперса и Хайдеггера, можно сказать, что если человеческое бытие и характеризуется «открытостью», то только потому, что социальные роли всегда связывают человека с миром; роли все время меняются, и именно этим поддерживается экзистенциальная точка зрения, что экзистенция есть возможное бытие. Так социологический взгляд мог бы обогатить экзистенциальную философию.

Более того, экзистенциализму немало бы помогло правильное понимание социологизма. Социологизм, если повторить еще раз ранее высказанную мысль, не рассматривает связь между индивидом и обществом как связь, отмеченную конфликтом, ибо превыше всего подчеркивает потребности и вклады каждого в другого. Дюркгеймовская концепция общества как исторически развивающейся реальности вполне могла бы быть использована для придания человеческому существованию динамического измерения, которым в экзистенциальной мысли до сих пор пренебрега-

ли. Поскольку экзистенциализм понимает существование человека как процесс становления, он должен чутко отнестись к положению Дюркгейма, что существование общества есть исторический процесс становления. Кроме того, социологическое понятие социализации вполне могло бы подвести базу под важное экзистенциальное понятие становления. Если бы экзистенциализм признал, что бытие человека имеет аутентичное, внутреннее социальное измерение – измерение, чья форма остается постоянной, но чье содержание меняется, поскольку статусы и роли индивида в обществе никогда не бывают застывшими, это дало бы прочные основания для понимания экзистенции как динамического процесса.

Если рассматривать индивида и общество как взаимно проникающие друг в друга, значительная часть ориентации существующего на мир обретает новый смысл. Если Хайдеггер обнаруживает, что человеческое бытие – бытие проектирующее, выступающее, то не благодаря ли участию человеческого бытия в обществе? Ведь само человеческое общество является экстаичным, проецирующим, бросающим себя к идеалам будущего, которые пересекаются с традициями прошлого в актуальности настоящего. Разве мы не вправе сказать, что эти широчайшие социетальные течения персонализируются в индивиде и лежат в глубине его экзистенциальной природы выдвигания проектов?

Поскольку человек – существо чувствующее, экзистенциалисты придавали большое значение телу. Именно мое тело служит посредником между моим Я и окружающим меня миром; именно мое тело дает мне мое чувство присутствия, мое чувство реальности. Это внимание, уделяемое телу, является важным вкладом в философию со стороны экзистенциализма. Тем не менее, он мог бы быть основательно обогащен систематическим изучением социокультурных вариаций во временных и пространственных характеристиках применений тела. Как я думаю о моем теле и как другие думают о моем теле, – на это оказывает большое влияние общество, в котором я живу, и этот факт экзистенциализмом до сих пор не признавался. Следовательно, для экзистенциальной мысли было бы очень полезным сотрудничество с социологией в этом вопросе. В этом плане можно отметить, что видный представитель школы социологизма Марсель Мосс много лет назад подчеркнул необходимость создания всеобъемлющего инвентаря социальных вариаций в техниках использования людьми своего тела и сделал набросок такого инвентаря⁵⁰. Если это дело

⁵⁰ См.: *Леви-Стросс К.* Предисловие к трудам Марселя Мосса // *Мосс М.* Социальные функции священного. СПб., 2000. С. 411. См. также: *Мосс М.* Техники тела // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М., 1996. С. 242-263. – *Прим. перев.*

довести до конца, данные, полученные в эмпирическом исследовании на эту тему (некоторые из них уже можно найти в антропологических монографиях), оказались бы неопределимы для интереса экзистенциализма к телу.

Противоречит ли экзистенциалистское представление об уникальности индивида социологической перспективе? На самом деле нет, ибо Дюркгейм подчеркивал, что личность есть пересечение общества и биофизической сферы, а это предполагает, что каждая личность отличается от всех других, ведь у каждого человека имеется уникальный опыт контактов между его органической конституцией и социальным миром.

Иными словами, мы предположили, что подход экзистенциализма к человеку несколько не подрывается социологическими соображениями. Более того, без инкорпорации подлинного социального измерения экзистенциализму грозит неудача в его попытках освободить интегрального человека из мертвой хватки традиционной философии. Абстрагируя человека от общества, трактуя индивида и общество как полярные сущности, экзистенциализм смог построить величественное здание без ряда существенных строительных блоков; и вместо того, чтобы прийти к всестороннему пониманию экзистенциальной реальности человека, современный экзистенциализм оставляет человеческое бытие без экзистенциальных корней в мире. Без основополагающих социальных связей экзистенциальный человек все еще остается абстракцией, а это может привести лишь к пленению экзистенциальной мысли абстрактным мышлением, против которого она восстает. Короче говоря, нам кажется, что если экзистенциальная философия хочет сохранить в будущем свою жизнеспособность, а не потерпеть крах после того, как ее импульс и ее прозрения окажутся исчерпаны, она должна пересмотреть существование человека в свете антрополого-социологической перспективы. Она должна занять иную позицию в отношении социального аспекта человека, принять перспективу, в которой участие человека в обществе рассматривалось бы не как эпифеномен, а как аутентичный экзистенциальный модус бытия.

Соединение социологии и философии, если осуществить его должным образом, основательно углубит наше знание человека, а также всеобъемлющей связи индивида и общества. Как хорошо подметил Дюфренн, объективность и субъективность — необходимые взаимодополнительные подходы; не может быть «никакой рациональной науки... без экзистенциального знания. Но и наоборот... [не может быть] никакого экзистенциального знания без рациональной науки»⁵¹. И наконец, поль-

⁵¹ Dufrenne M. Op. cit. P. 171.

за, проистекающая из взаимодействия социологии и экзистенциальной философии, могла бы не ограничиться только теоретическим уровнем, а распространиться также на сферу практического. Если Дюркгейм и экзистенциальная мысль правы в диагнозе критического состояния индивида и общества в современном мире, если это состояние есть глубинный феномен, проявляющийся во множестве конкретных социальных и индивидуальных проблем, то, как минимум, потребуются совместные усилия социологии и философии, чтобы достичь осмысленной реабилитации индивида и общества.

Перевод В.Г. Николаева

Ю. ХАБЕРМАС

ТЕОРИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ* **(предисловия к 1 и 3 изданиям)**

Предисловие к первому изданию

Немногим более десяти лет назад, в предисловии к «Логике социальных наук», я пообещал разработать теорию коммуникативного действия. Тем временем, методологический интерес, который я первоначально связывал с «лингвотеоретическим основанием социальных наук», уступил место субстанциальному. Теория коммуникативного действия — это не метатеория, а начало теории общества, которая стремится к тому, чтобы предъявить свою критическую мерку. Я не рассматриваю анализ всеобщих структур ориентированного на согласие действия (*verstfindigungsorientierten Handelns*) как продолжение теории познания с помощью других средств. Теория действия, разработанная Т. Парсонсом в 1937 г. в «Структуре социального действия», с характерной для нее связью историко-теоретической реконструкции и анализа понятий, была для меня, несомненно, образцом; но, вместе с тем, она ввела меня в заблуждение из-за своей методологической направленности (*Ausrichtung*). Формирование основных понятий и решение субстанциальных вопросов образуют, вполне в гегелевском духе, нерасторжимую связь.

Первоначальное предположение, что я должен был только разработать прочитанные в Принстонском университете в 1971 г. лекции о Кристиане Гауссе, которые я хотел опубликовать по другому поводу, оказалось ошибочным. Чем больше я углублялся в теорию действия, теорию значения, теорию речевых актов и им подобные разделы аналитической философии, тем больше за частностями терялась из виду цель всего предприятия. Чем больше я пытался заниматься философской экспликацией, тем больше я отдалялся от того, что могло бы заинтересовать социо-

* Перевод выполнен по изданию: *Jurgen Habermas. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main. 3. Auflage. 1985. Bd. 1. S. 7-11.* Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Личность. Культура. Общество». Т. 4. Вып. 1-2 (11-12).

лога, который должен был спрашивать, к чему предназначен такой анализ понятий. Я должен был для трудностей, связанных с тем, что я хотел сказать, найти верную плоскость изложения (*Darstellung*). Проблемы изложения, как мы знаем, после Гегеля и Маркса¹, не являются внешними по отношению к самому изображаемому предмету. В этой ситуации для меня был важен совет Томаса Маккарти, побудивший меня приступить к новому исследованию.

Книгу в ее настоящем виде я написал в течение последних четырех лет, с перерывом только на семестр, когда я в качестве гостевого профессора преподавал в США. Основное понятие коммуникативного действия я разработал в «Первом промежуточном размышлении». Оно открывает доступ к трем комплексам пересекающихся друг с другом тем: сначала речь идет о понятии коммуникативной рациональности, которое развивается достаточно скептически, но противостоит все же когнитивно-инструментальным усеконам (*Verkbrzungen*) разума, затем о двухступенчатой концепции общества, которая связана с парадигмами жизненного мира и системы отнюдь не только риторическим способом, и, наконец, о теории модерна, которая объясняет тип ныне все более явственно выступающих социальных патологий предположением, что коммуникативно структурированные сферы жизни подчинены императивам ставших самостоятельными формально организованных систем действия. Теория коммуникативного действия, следовательно, должна сделать возможной концептуализацию общественной жизненной связи, приспособленную к парадоксам модерна.

Введение обосновывает тезис, что проблематика рациональности отнюдь не вносится в социологию извне. Для *любой* социологии с притязаниями на создание теории общества проблема применения (всегда нормативно содержательного) понятия рациональности существует на трех уровнях. Она не может уклониться ни от метатеоретического вопроса об упрощении рациональности ее ведущими понятиями действия, ни от методологического вопроса об упрощении рациональности осмысляющим (*sinnverstehenden*) подходом к сфере объектов, ни, наконец, от эмпирико-теоретического вопроса, в каком именно смысле модернизация обществ может быть описана как рационализация.

Систематическое усвоение истории теории помогло мне найти уровни интеграции, на которых сегодня могут быть научно плодотворными философские интенции, развернувшиеся от Канта до Маркса. Я рассматриваю Вебера, Мида, Дюркгейма и Парсонса как классиков, то есть как

¹ *Theunissen M.* Sein und Schein. Ffm., 1978.

теоретиков общества, которые еще могут нам нечто поведать. Вставленные в эту главу экскурсы посвящены систематическим вопросам, так же, как и введение и оба «Промежуточных размышления». «Заключительное размышление» объединяет историко-теоретические и систематические исследования. Оно, с одной стороны, придает большую основательность предложенному толкованию модерна в связи с тенденциями возрастания роли права и, с другой стороны, уточняет задачи, которые сегодня ставит критическая теория.

Исследование, которое без смущения (*ohne zu ennten*) использует понятие коммуникативного разума, сегодня подвергается подозрению в связи с опасностью попасть в сети фундаментализма. Но предполагаемое сходство формально-прагматического подхода с классической трансцендентальной философией ведет по ложному следу. Читателям, которые придерживаются соответствующих подозрений, я рекомендую вначале прочесть заключительный раздел². Мы не смогли бы удостовериться во внутренней рациональной структуре ориентированного на согласие действия, если бы уже не располагали — конечно, только фрагментарно и искаженно — существующими формами разума, указывающего на символическое воплощение и историческое ситуационирование³.

Мотив, связанный с современной конкретно-исторической ситуаций, лежит на поверхности. Западные общества приближаются с конца 60-х гг. к состоянию, в котором наследие западного рационализма не является более бесспорным. Стабилизация внутренних отношений, которая была достигнута на основе компромисса, характерного для социального государства (в особенности ярко, вероятно, в Федеративной Республике Германия), теперь требует растущих социально-психологических и культурных издержек; кроме того, все сильнее осознается временно отодвинутая, но не преодоленная неустойчивость в отношениях между сверхдержавами. При теоретическом осмыслении этого феномена речь идет о субстанции западных традиций и импульсов (*Inspirationen*).

Новые консерваторы могли бы любой ценой крепко держаться за капиталистический образец экономической и общественной модернизации. Они ставят на первое место экономический рост, поддерживаемый, но и в то же время в растущей степени тормозящийся компромиссом социального государства. Они ищут убежище от социально дезинтегрирующих последствий этого роста в лишенных корней, но риторически заклинае-

² Siehe Bd. 2. S. 586 ff.

³ По поводу отношения истины и истории сравни: *Castoriadis C. Durchs Labyrinth. Ffm., 1981. S. 16 f.*

мых традициях обывательской культуры. Трудно понять, как получило новый стимул обратное движение проблемы, которая еще в конце XIX в. была вполне обоснованно переложена с плеч рынка на плечи государства, следовательно, как получили новый стимул беспрестанные перемещения проблемы между опосредствующими инстанциями власти и денег. Еще менее состоятельна попытка обновить на основе исторически просвещенного сознания подушку (Polster) традиций, уничтоженную капиталистической модернизацией. Неоконсервативная апологетика отвечает на временами антимодернистски заостренную критику роста, которая направлена против избыточной комплексности (Überkomplexität) экономических и административных систем действия, равно как и против приобретенной автономности гонки вооружений. Опыт колонизации жизненного мира, которая смогла бы в духе приверженности традициям остановить и смягчить другие стороны, ведет с этой стороны к радикальной оппозиции. Но когда эта оппозиция обостряется до требования преодоления дифференциации любой ценой, происходит игнорирование важного различия. Ограничение роста денежно-административной комплексности (Komplexität) ни в коем случае не является столь же значимым, что и предоставление произволу современных форм жизни. В структурно дифференцированных жизненных мирах выражается потенциал разума, который не может быть выражен в понятии увеличения системной комплексности.

Это замечание касается, правда, только мотивационной подоплеки (Hintergrund), а не собственно темы. Я написал эту книгу для тех, кто питает профессиональный интерес к основам теории общества. Цитаты из еще не переведенных англоязычных произведений даны на языке оригинала. Над переводом цитат с французского языка потрудился Макс Лоозер, которому я весьма признателен.

Моя первая благодарность — Инге Петран, которая подготовила различные редакции рукописи и указатель литературы; это, конечно, только одно звено в цепи десятилетнего тесного сотрудничества, без чего я бы был беспомощен. Я также благодарен Урсуле Херинг, которая помогла мне в обеспечении литературой, равно как и Фридриху Херборту из издательства «Suhrkamp».

Книга основана, среди прочего, на лекциях, которые я читал во Франкфуртском университете и в Калифорнийском университете (Беркли). Я благодарен моим студентам, равно как и моим коллегам из этих университетов, и прежде всего Карлу-Отто Апелю, Диду Бернштейну и Джону Сёрлю, за вдохновлявшие меня дискуссии.

Если моему изложению, как я надеюсь, присущи ярко выраженные дискурсивные черты, то это только отражает уровень аргументации на-

шого рабочего круга в Штарнбергском институте. В коллоквиумах, которые проходили по четвергам с участием Манфреда Аувертера, Вольфганга Бонсса, Райнера Дёберта, Клауса Эдера, Понтера Франкенбергера, Эдит Кириш, Зигфрида Мейшеля, Макса Миллера, Гертруды Нуннер-Винклер, Ульриха Рёделя и Эрнста Тугендхата, с большой пользой для меня обсуждались различные части рукописи; Эрнсту Тугендхату, кроме того, я благодарен за исчерпывающие аннотации. Поучительными для меня были беседы с коллегами, которые долгое время работали в институте, — Иоганном Паулем Эрнессоном, Шейлой Бенхабиб, Марком Гоулдом и Томасом Маккарти — или регулярно посещали его, как Аарон Сикурел, Хельмут Дюбиль, Чарльз Тейлор и Альбрехт Веллмер.

*Институт социальных наук имени Макса Планка Штарнберг,
август 1981. Ю.Х.*

Предисловие к третьему изданию*

Подготовка нового издания книги пришлось на то время, когда ее серьезное восприятие в целом уже состоялось. Первые отклики неудовольствия и непонимания уже отзвучали; то же касается взвешенной полемики⁴ и даже оборонительного рефлекса⁵ предметных дискуссий⁶ среди специалистов. В критике выделяются направления, которые в современном контексте не могут быть неожиданными. Философия сознания защищается против начавшегося изменения парадигмы и, в особенности, феноменологическая концепция жизненного мира — от попытки ее переформулировки⁷ в духе теории коммуникации. Ричард Рорти обратил

* Перевод выполнен по изданию: *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main. 3. Auflage. 1985. Bd. 1. S. 3-6. — *Прим. переводчика*.

⁴ *Breuer St.* Die Depotenzierung der kritischen Theorie. *Leviathan*, 10, 1982. 133 ff.; *Vollrath E.J.* Habermas' fundamentalistischer Fehlschluss. *Der Staat*, 22, 1983. S. 406 ff.

⁵ *Bubner R.* Rationalität und Lebensform, in: ders., *Handlung, Sprache und Vernunft*, Ffm., 1982. S. 295 ff.; *Luhmann N.* Autoopoiesis, *Handlung und kommunikative Verständigung*, in: *Z.f.Sociologie*, Jg. 11, 1982. S. 366 ff.; *Munch R.* Von der Rationalisierung zur ferdinglichung der Lebenswelt, *Soz. Revue*, Jg. 5, 1982. S. 390 ff.

⁶ *Brunkhorst H.* Paradigmakern und Theoriedynamik der kritischen Theorie der Gesellschaft, *Soz. Welt*, Jg. 34, 1983, 22 ff.; ders., *Kommunikative Vernunft und rachende Gewalt*, *Sozialwiss. Literatur-Rundschau*, H.8/9, 1983, 7 ff.; *Giddens A.* Reasons without Revolution? *Praxis International*, 1982. Vol. 2. S. 318 ff.; *Misgeld D.* Critical Theory and Sociological Theory, *Philos. Soc. Science*, 14, 1984. S. 78 ff.; *Nuranger T.* Normativiteten hos Habermas // *Andersen J.E., Schanz H.J., Stounbjers P.* (Eds.) *Det Moderne*, Aarhus, 1983. S. 68 ff.; *Rasmussen D.M.* Communicative Action and Philosophy, *Philos. and Social Criticism*. 1982. S. 1 ff.; *Thomson J.* Reading and Understanding, *TLS*. 8 Apr. 1983.; *Wellmer A.* Reason, Utopia and the Dialectic of Enlightenment, *Praxis International*. 1983. V. I. 3. S. 83 ff.

⁷ *Matthiessen U.* Das Dickicht der Lebenswelt und die Theorie des kommunikativen Handelns. München, 1983.

свою мысль против универсалистского притязания, в соответствии с которым должна была бы быть осуществлена реконструкция понятия разума в духе коммуникативной рациональности вопреки повороту от обосновывающего фундаментализма (*Begnungsfundamentalismus*) традиционной трансцендентальной философии⁸. Т. Маккарти обращает часть гегелевского наследия против процедурного понятия рациональности и в то же время не удовлетворяется разным проявлением разума в различных комплексах рациональности и соответствующих аспектах значимости (*Geltung*)⁹. В этом контексте дана также обновленная критика этического формализма, то есть защита нравственности против обыденной моральности¹⁰. Х. Шнедельбах активно выступает за описательное использование понятия рациональности и оспаривает нормативные импликации смыслового понимания, которые я пытался обосновать на основе внутренней связи значения и значимости (*Geltung*)¹¹.

Насколько я могу видеть, речь в этих случаях идет о возражениях, которые, скорее, должны дать мне повод для уточнения и дальнейшего развития моих тезисов, чем для корректуры ошибок¹². Поэтому новое издание появляется без изменений; я добавил только две подготовленных для американского издания поправки и дополнил некоторые указатели литературы (т. I, стр. 370 и 426).

Два особых возражения, которые мне кажутся справедливыми, я хотел бы, по меньшей мере, упомянуть. И. Бергер¹³ в связи с положением о колонизации обратил мое внимание на излишнюю односторонность. Явления, которые сегодня привлекают внимание того, кто ставит времени диагноз (*Zeitdiagnostiker*), не позволяют ни в коем случае объяснить коммуникативно рационализированные жизненные миры только через системно индуцированные нарушения (*Suirungen*); более того, императив жизненного мира, со своей стороны, разлагает блокировки, присутствующие капиталистической экономической системе, основанной на нейтрализации окружающей среды. Я, из-за поставленной перед собой цели

⁸ *Rorty R.* Habermas and Lyotard on Postmodernity // *Praxis International*. 1984. Vol. 4. S. 32 ff.

⁹ *McCarthy Th.* Rationality and Relativism // *Thompson J.B., Held D.* (Eds.), Habermas – Critical Debates. London, 1982. S. 57 ff., ders., Reflections on Rationalization in the Theory of Communicative Action // *Praxis International*. 1984. Vol. 4. S. 177 f.

¹⁰ *Bubner R.* Rationalität, Lebensform und Geschichte // H. Schnadelbach, Rationalität, Ffm., 1984. S. 198 ff.; dazu J. Habermas, Über Moralität und Sittlichkeit, in: Schnadelbach, 1984. S. 218 ff.

¹¹ *Schnadelbach H.* Transformation der kritischen Theorie // *Philos. Rundschau*. 29. 1982.

¹² Дискурсивную теорию этики я развил меж тем дальше в: *Habermas J.* Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Ffm., 1983.

¹³ *Berger J.* Die Versprachlichung des Sakralen und die Entsprachlichung der Ökonomie, *Z.f. Soziol.* 11. 1982. S. 353 ff.

по осмысленной переформулировке марксова понятия реальной абстракции, слишком глубоко погрузился в размышления по поводу диагноза времени, и поэтому аналитический потенциал развиваемых здесь положений не был исчерпан.

Э. Скайе (Scjei)¹⁴ указал мне на трудность анализа простых императивов (т. I, стр. 403 и далее). Чтобы понять нормативно неавторизованное действие по требованию «Iр», недостаточно того, чтобы знать условия выполнения «р», то есть знать, что адресат должен делать или позволять делать. Слушатель понимает иллокутивный смысл требования лишь тогда, когда он знает, что говорящий ожидает возможность импонирувания слушателю своей волей. Он должен осознать, что говорящий связывает со своим требованием притязание на власть, которое он может основать на используемом потенциале санкций. Поэтому к условиям приемлемости фактического выражения воли наряду с условиями выполнения принадлежат также и условия, связанные с санкциями. Они не вытекают, разумеется, из содержания значения самих иллокутивных актов; потенциал санкций всегда связан с речевым действием только случайным или внешним образом. Это обстоятельство побудило меня предположить, что такие простые императивы должны рассматриваться тем же способом, что и перлокутивные акты (Perlokutionen) (т. I, стр. 439). Но тогда иллокутивные акты, к которым, без сомнения, принадлежат императивы, должны были бы быть охвачены связями стратегического действия, и это должно было бы привести к парадоксальному последствию: при исполнении таких императивов: говорящий должен был *в одном и том же отношении* быть в состоянии действовать с ориентацией на согласие и с ориентацией на успех. В своем ответе Скайе я наметил путь, на котором я надеялся преодолеть эту трудность¹⁵. Следуя предложению

¹⁴ Статья Скайе и мой ответ на нее появились в: *Inquiry*. 28. 1985. № 1.

¹⁵ Верно то, что благодаря простым императивам достигается координирующий действия связующий эффект по отношению к притязаниям на власть, но не притязаниям на значимость; но было бы неправильно анализировать функционирование этих притязаний на власть по образцу стратегического влияния на контрагента (einen Gegenspieler). Только в *исключительных случаях* происходит императивное волеизъявление на основе только лишь простого подчинения силе грозящих санкций. В обычной ситуации простые императивы функционируют полностью в *рамках* коммуникативного действия, потому что властная позиция, на которой говорящий основывает свое возникшее благодаря императиву притязание, признается адресатом — и даже тогда признается, когда эта позиция основывается на фактически привычной власти, и, во всяком случае, явно не на нормативном авторитете. Итак, я хочу сделать убедительной ту мысль, что нельзя осуществить строгое разграничение между нормативно авторизованными и простыми императивами, что, более того, существует неразрывность между фактически привычной и преобразованной в нор-

Клауса Шюллера, я дополнил указатель содержания подробным обзором, который должен облегчить читателям ориентацию. Этой же цели служат вышедшие тем временем «Наброски и дополнения к теории коммуникативного действия».

Франкфурт, май 1984 год. Ю.Х.

Перевод А.Б. Рахманова

мативный авторитет властью. Тогда, собственно, *все* императивы, которым мы приписываем иллокутивную силу, позволяют анализировать себя по образцу нормативно авторизованных требований. То, что я ошибочно считал категориальным различием, сводится в этом свете к различию в степени.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Н. ШАПИНСКАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ СЕГОДНЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ*

Разнообразие подходов к современной социальной теории

Исследования в области социальной теории в последние десятилетия начинают приобретать значительное место в исследованиях культуры и общества. К этому направлению обращаются столь видные социологи, как Э. Гидденс, под чьей редакцией еще в конце 80-х гг. вышло весьма представительное исследование, посвященное этой новой области исследования, — «Социальная теория сегодня»¹. Несмотря на то, что со времени выхода этой книги прошло более десяти лет, основные ее положения продолжают оставаться вполне актуальными.

В книге содержится систематическое изложение основных направлений социальной теории, которая рассматривается как междисциплинарная область исследования. Проблемы социальной жизни и культурных продуктов человеческой деятельности изучаются как социальными, так и гуманитарными науками. Социальная теория затрагивает такие проблемы, как статус социальных наук, в особенности по отношению к логике естественных наук, природа законов или обобщений, которые могут быть установлены, интерпретация человеческих действий и их отличие от объектов и событий в природе, характер и форма социальных институтов². Несомненно, в социальную теорию входит также множество более узких тем и проблем.

В любом случае ее определение является противоречивым и неоднозначным. Авторы книги утверждают, что в последние годы в социальной теории происходят значительные изменения. Они связаны с общими переменами по отношению к исследованиям общества и культуры, происшедши-

* Статья опубликована в журнале «Личность. Культура. Общество». 2005. Т. 7. Вып. 1. С. 100-116.

¹ См.: Social Theory Today / Ed. by A. Giddens, J. Turner. Stanford, California, 1988.

² См.: Social Theory Today. P. 1.

ми во второй половине XX в. В годы, последовавшие за Второй мировой войной, в общественных науках преобладали взгляды, сформировавшиеся под влиянием логического эмпиризма в философии. Несмотря на их разнообразие, они включали некоторые общие элементы, такие как недоверие к метафизике, желание четко определить область «научного», акцент на достоверности понятий, предпочтение дедуктивным формам теории.

Важной частью этого взгляда была идея так называемой «унифицированной науки», которая отрицает существование важных логических различий между естественными и социальными науками. Логический эмпиризм рассматривался не как частная философия науки, чьи предпосылки могли бы быть поставлены под вопрос, но как общая модель всякой науки. Вопрос интерпретации практически исключался из исследования. Естественные науки не рассматривались как интерпретативные, поскольку их основной целью считалась формулировка законов, в то время как значение теорий и концептов, как предполагалось, было непосредственно связано с эмпирическими наблюдениями. С этой точки зрения, социальные науки не являются интерпретативными по своей сути, хотя их предмет связан с интерпретативными процессами культуры и коммуникации. В результате понятие *Verstehen* — понимание значения — было отвергнуто как теоретиками, так и исследователями практического направления.

Тем не менее, в последние декады XX в. в исследованиях общества и культуры происходят драматические изменения. Под влиянием таких авторов, как Кун, Тульмин, Лакатос, ослабевает влияние логического эмпиризма в философии естественных наук. На его место приходит «новая философия науки», содержащая идею о невозможности теоретически нейтрального наблюдения, а системы дедуктивно связанных законов уже не считаются идеалом научного объяснения. «Наука начинает рассматриваться как интерпретативная деятельность, соответственно, проблемы значения, коммуникации и трансляции становятся непосредственно релевантными для научных теорий»³. Эти сдвиги в научном мышлении не могли не повлиять на исследования в области общественных наук, что, в свою очередь, привело к возникновению большого числа подходов к теоретическому мышлению.

На первый план выступили ранее мало известные и недостаточно оцененные теоретические построения, такие как феноменология, особенно в том виде, в каком она была разработана в работах А. Шюца, герменевтика, на которой основывались труды Гадамера и Рикёра, критиче-

³ Social Theory Today. P. 2.

ская теория, представленная в последние годы в работах Хабермаса. Более того, внимание ученых обратилось к более старым интеллектуальным традициям, таким как символический интеракционизм в США и структурализм и постструктурализм в Европе. Можно было наблюдать возникновение интереса к таким направлениям, как этнометодология, теория структуризации и «теория практики», связанная с именем П. Бурдьё. Несмотря на это разнообразие методов и подходов, продолжает сохранять актуальность и классика, в частности, структурный функционализм Парсонса, который переживает возрождение в трудах таких ученых, как Н. Луман, Р. Мюнх, Дж. Александер. Социальная теория, таким образом, представляет собой сочетание разнообразных подходов, которое может иногда ввести в замешательство.

Такое разнообразие подходов не могло не привести к самым разным реакциям со стороны как теоретиков, так и практиков общественных наук. Исследователи-эмпирики увидели в этом разнообразии подтверждение своего мнения о том, что теоретические дебаты не имеют большого значения для практических исследований. В результате возник довольно значительный разрыв между исследователями, которые, возможно, продолжают считать себя позитивистами, и теоретиками, которые принадлежат к самым разным направлениям. С другой стороны, многие исследователи приветствовали диверсификацию социальной теории, считая конкуренцию в области идей весьма плодотворным явлением, которое помогает избежать догматизма, свойственного приверженности одной-единственной мыслительной традиции.

По мнению Гидденса и Тернера, редакторов «Социальной теории сегодня», большинство ученых, работающих в области социальных наук, находятся между этими двумя крайностями, считая необходимым упорядочение разнообразных направлений. Они также указывают на то, что «видимый взрыв конкурирующих версий социальной теории скрывает больше упорядоченности и интеграции между конкурирующими точками зрения, чем может показаться на первый взгляд»⁴. Необходимо отметить, считают ученые, ряд моментов, важных для конструирования исследовательского пространства социальной теории.

1. Существует взаимосвязь между различными подходами, которая может быть проиллюстрирована на примере этнометодологии. На ранних стадиях своего становления этнометодология рассматривалась ее оппонентами и критиками как радикально отличная от других течений в общественных науках. Только в настоящее время стало ясно, что работы

⁴ Social Theory Today. P. 3.

ученых, связанных с этим направлением, внесли вклад в разработку проблем, которые важны для всей области социального знания. Стало также ясно, что существуют тесные связи между проблемами, которыми занимается этнометодология, и проблемами других теоретических традиций. Так, к примеру, акцент на «методологическую» природу использования языка в контекстах социальной жизни имеет большое значение для более общих вопросов социальной теории.

2. Существуют линии развития, общие для целого ряда теоретических подходов, которые стали широко известны в последние декады XX в. Так, большое внимание приобрела проблема природы действия. Но, как стало очевидным, анализ человеческого действия не должен приводить к преувеличению акцента на субъективности. Скорее, он может соединить весьма сложную «теорию субъекта» с более «институциональным» анализом.

3. Нельзя отрицать, что существует определенный прогресс в разрешении вопросов, которые ранее считались неразрешимыми или не анализировались непосредственно. В результате соединения различных направлений мысли стало ясно, что «разделение между *Erklaren* (или пониманием с точки зрения законов причинности) и *Verstehen* было ложным. *Verstehen* не является по преимуществу психологической проблемой, она включена во все проблемы, касающиеся интерпретации значения»⁵.

Книга «Социальная теория сегодня» дает широкий взгляд на наиболее влиятельные теории современности. Само разнообразие представленных авторов показывает богатство и важность этой дисциплины для понимания сложных явлений культуры и общества.

Какова природа науки об обществе?

Этот вопрос неизбежно встает перед исследователями всех направлений. Вполне очевидно, что не существует единого мнения о том, какой должна быть эта наука, если она вообще возможна. Многие исследователи отвергают концепцию социологии как «аксиоматической» науки и считают, что ее задачей являются абстрактные законы и применение их в обобщенных дедуктивных схемах.

По мнению Тернера⁶, абстрактные законы должны быть подкреплены аналитическими моделями, которые детально специфицируют причинные процессы, происходящие для соединения переменных в абстракт-

⁵ Social Theory Today. P. 4.

⁶ См.: Turner J. Analytical Theorizing // Social Theory Today.

ном законе. Классические концепции, становясь частью социальной теории, подвергаются пересмотру и определенной модернизации.

Так, Мюнх⁷ полагает, что теория действия Парсонса может быть использована для порождения нового общего фрейма, который может стать организующим началом для ряда теоретических и методологических подходов. С точки зрения методологии, «Мюнх рассматривает идеальные типы, идиографию, номологические гипотезы и конструктивистские модели как способные быть понятыми и, возможно, примиренными, в рамках более общего фрейма. Точно так же различные способы объяснения событий – телеономический, каузальный, нормативный и рациональный – могут быть упорядочены внутри общего понятия действия»⁸. Таким образом, Мюнх защищает эклектику, но в то же время отстаивает позитивистский взгляд на социальную теорию: она должна порождать и проверять теории в систематических терминах.

В то же время в рамках дебатов о социальной теории получили распространение взгляды, основанные на предпосылке, что предмет социальной науки препятствует ориентации на естественные науки. С этой точки зрения весьма интересна разработка различных направлений интеракционизма Чикагской школой. С одной стороны, прагматическая, ситуационная и сконструированная природа взаимодействия, а следовательно, и социальной организации делает невозможными вневременные «законы» и «обобщения» позитивизма. С другой стороны, многие интеракционисты, включая самого Г. Мида, стремились раскрыть базовые качества взаимодействия и сформулировать универсальные законы, управляющие ими.

При анализе этнометодологии встает вопрос о присутствии «науки» в социальной теории. Этнометодологи обычно являются сторонниками детального описания эмпирических процессов, в результате чего возникает вопрос о том, что составляет «объяснение» и являются ли описания «научными».

Многие авторитетные исследователи гораздо более категорично утверждают фундаментальное отличие социальных и естественных наук. Это направление представлено в данном томе работами Вильсона, Кохен, Александра и Гидденса. Александер, хотя и не отрицает напрямую идею того, что законы социальной жизни могут быть открыты, полагает, что по поводу этих законов невозможно достигнуть консенсуса и что природа данных социальной науки никогда не может сделать их определен-

⁷ См.: *Munch R. Parsonian Theory Today: In Search of a New Synthesis // Social Theory Today.*

⁸ *Social Theory Today.* P. 5.

ными. По его мнению, социальный анализ будет всегда предполагать дискурс и дебаты по поводу предпосылок теорий и релевантности данных для проверки этих теорий.

Многие теоретические и эмпирические заключения социальной теории предполагают интерпретацию значения исследователем. Использование научных методов, в частности математических, может быть лишь вспомогательным для упорядочения данных. В этой связи хочется отметить акцент на количественные методы в современных социологических исследованиях, что показывает недостаточность количественных методов для понимания процессов, происходящих в культуре и обществе. С этой точки зрения, правомочен и вывод Гидденса по поводу несостоятельности структурализма и постструктурализма в плане объяснения человеческой «агентности», а также процесса, при помощи которого эта агентность работает, чтобы производить, воспроизводить и изменять структуру⁹.

Понятия «агентности» и его импликации разработаны в теории структуриации Гидденса. В соответствии с ней, теория может лишь высветить «конституирующие потенциалы социальной жизни», которые используются акторами для производства и воспроизводства социальных паттернов. Отсюда непохожесть социальной науки на естественную — ее агенты могут изменить саму природу ее содержания — паттернов социальной организации.

Как мы видим, старые споры о специфике науки об обществе и ее отличии от наук о природе продолжают занимать умы исследователей. Можно утверждать, что отказ от логического позитивизма преобладает в социальной теории, несмотря на то, что дискуссия не закончена, а «естественное» направление в исследовании общества все еще имеет своих приверженцев.

Каков основной предмет социальной теории?

Этот вопрос находится в центре многочисленных дискуссий и связан с рядом проблем. Что представляет собой социальный универсум? Каковы наиболее фундаментальные свойства Вселенной? Как возможно (или необходимо) анализировать эти свойства? При постановке этих вопросов неизбежно возникают фундаментальные философские темы, такие как редукционизм, реализм и номинализм. Согласно мнению Александера, все исследования так или иначе связаны с этими базовыми ос-

⁹ См.: *Giddens A. Structuralism, Post-structuralism and the Production of Culture // Social Theory Today.*

нованиями, так как авторы опираются на «классику», чтобы подкрепить свою точку зрения. «Взаимоотношение между социальной наукой и классиками — это вопрос, который вскрывает глубочайшие проблемы не только в социальной науке, но и в исследованиях культуры в более широком смысле.

Я утверждаю, что классики занимают ведущее место в современной социальной науке... В последнее время появился мощный аргумент против включения современных проблем в анализ классических текстов, которые должны быть рассматриваемы чисто исторически. Чтобы ответить на вопросы об отношениях социальной науки и классиков, необходимо подумать о том, что представляет собой эмпирическая социальная наука и как она связана с наукой о природе. Необходимо также подумать о том, что значит «анализировать классику» и какое отношение эта «историческая» деятельность может иметь к современному научному знанию»¹⁰.

Каково бы ни было отношение исследователя к классике, мнения относительно первичных задач социальной теории в значительной мере расходятся. Некоторые исследователи призывают к микроанализу поведения и взаимодействия в конкретных контекстах, в то время как другие предпочитают макроподходы, а третьи стремятся к объединению микро- и макроподходов. На примере символического интеракционизма в книге показывается, какое разнообразие мнений может существовать в рамках одной интеллектуальной традиции относительно того, что является фундаментальным для социального мира. «Прагматические корни символического интеракционизма подчеркивают важность человеческой агентности, где акторы конструируют курсы поведения в конкретных ситуациях, но вопрос того, что именно конструируется, остается проблематичным.

Мид подчеркивал воспроизводство социальных структур через биохевиористские способности разума, личности и принятия роли, но современные интеракционисты занимают полярные позиции по вопросу, чему следует отдать предпочтение: самой структуре или процессам, производящим и воспроизводящим эту структуру. В то время как Мид видел эти процессы как две стороны одной медали, современные теоретики разделены во мнениях по вопросу, до какой степени структура ограничивает действие, и наоборот»¹¹.

Несмотря на разнообразие подходов в рамках этнометодологии, по мнению Гидденса и Тернера, ее основной идеей является изучение про-

¹⁰ *Alexander J. The Centrality of Classics // Social Theory Today. P. 11.*

¹¹ *Social Theory Today. P. 8.*

цессов взаимодействия, в особенности связанных с речью и разговором, при помощи которых акторы создают объяснение и ощущение внешнего, фактуального мира. Как полагают некоторые исследователи, важнейшая социальная реальность — это контекстуальная и индексическая интерпретация знаков и символов, существующих среди позиционированных определенным образом акторов.

По контрасту с этой точкой зрения проводит свой анализ развития функционализма Парсонса Мюнх¹². Несмотря на важность таких терминов, как «значение» и «действие», настоящим предметом теории функционализма является сложная система взаимосвязанных действий. В таком случае реальность существует на различных системных уровнях, которые охватывают практически все ее аспекты. Теоретический анализ действия почти всегда сосредоточен на структуре и функции систем и подсистем, на их использовании различных символических медиа, их способах интеграции и видах адаптации к различным типам окружения. Поведение индивидов в конкретных ситуациях рассматривается как подчиненное взгляду на «величественный социальный универсум», состоящих из четырех систем действия, основанных на органическом, телесном и физико-химическом универсуме.

Дальнейшее развитие социальной теории

Во многом процесс развития социальной теории зависит от приверженности определенным предметам и определенной философии социальной науки, считают Гидденс и Тернер. Между, на первый взгляд, несходными направлениями можно проследить связи и некую общность. Так, на первый взгляд, не имеющие ничего общего теория структуризации Гидденса и разработка Мюнхом теории действия Парсонса имплицитно основываются на сходной стратегии построения теории: они создают концептуальную основу (фрейм), которая может быть использована для интерпретации отдельных эмпирических случаев. Несмотря на разницу в возможных типах объяснения, оба направления заинтересованы в создании теории, основанной на онтологии. «Теория для них — это возможность понять основные черты человеческой агентности и институциональных паттернов»¹³.

Социальная теория предстает в книге как разнообразное и противоречивое исследовательское пространство. Не существует единого мнения по поводу ее основных положений: какого рода социальная наука

¹² См.: *Munch R. Parsonian Theory Today // Search of a New Synthesis.*

¹³ *Social Theory Today.* P. 9.

возможна, что должно быть ее предметом, какие процедуры она должна применять. Можно сказать, что социальная теория находится в стадии интеллектуального брожения. Для ряда исследователей этот факт является вполне приемлемым, в то время как для других он ведет к замешательству и стагнации. Из разнообразных материалов, представленных в книге, мы выбрали одну из работ, о которых речь шла выше, для более подробного анализа: статью Гидденса «Структурализм, постструктурализм и производство культуры»¹⁴.

На наш взгляд, является весьма симптоматическим, что столь видный социолог, как Гидденс, которому во многом обязан выпуск «Социальной теории сегодня», обращается к проблемам языка, которые занимают одно из центральных мест в современном научном дискурсе. В то же время эта работа дает возможность понять, каким образом социальная теория разрабатывает интеллектуальные традиции прошлого, даже если они потеряли свою актуальность в первоизданном виде, как считает Гидденс, анализируя структурализм и постструктурализм. Хотя эти теории, по его мнению, и не изменили наш интеллектуальный универсум, тем не менее, они привлекли внимание к важным проблемам, отнюдь не устаревшим и в наши дни.

Несмотря на разнообразие течений внутри структурализма, существует ряд проблем, которые ставятся в работах всех авторов, причисляемых к этому направлению (даже если они сами избегают термина «структурализм»). Собственно к структурализму Гидденс относит Соссюра и Леви-Стросса, в то время как большинство франкоязычных авторов, которые негативно отнеслись к ряду идей раннего структурализма, но в то же время использовали его идеи в своей работе, объединены постструктуралистским направлением (Фуко, Лакан, Альтюссер, Деррида и другие).

Объединяющим для обоих направлений является тезис о том, что «лингвистика, или, скорее, некоторые аспекты определенных версий лингвистики, имеют ключевое значение для философии и социальной теории в целом; акцент на относительную природу целостностей, связанной с тезисом о произвольном характере знака наряду с идеей о первичности означающих по отношению к тому, что означивается; децентрация субъекта; особое внимание к природе письма и, соответственно, текстуальных материалов; интерес в характере темпоральности как связанной с природой объектов и событий. Все эти темы весьма важны для социальной теории сегодня»¹⁵.

¹⁴ Giddens A. Structuralism, Post-structuralism and the Production of Culture // Social Theory Today.

¹⁵ Giddens A. P. 196.

Проблемы лингвистики

В своей основе структурализм был как движением внутри лингвистики, так и попыткой показать значение понятий и методов лингвистики для гуманитарных и социальных наук в целом. Ключевой идеей структурной лингвистики можно считать сосюрское различие между *langue* и *parole*, которое расширяет изучение языка за пределы преходящего и контекстуального. Принимая во внимание это различие, язык предстает как идеализированная система, независимая от частных использований речи. Но в концепции *langue* содержится, по мнению Гидденса, противоречие. С одной стороны, язык рассматривается как психологический феномен, организованный в терминах ментальных свойств. С другой — язык — коллективный продукт, система социальных репрезентаций. Отсюда следует вывод, что если язык по своей сути представляет психическую реальность, знаки не являются произвольными, а их значения не определяются отношениями с другими элементами языка.

В основном структурная лингвистика выступила за «психологическую», а не за социальную версию *langue*. Именно с этих позиций Н. Хомский смог соединить идеи европейской лингвистики с «бихевиористским структурализмом» Блумфилда, Хэрриса и других американских лингвистов. «Заново определяя различие между *langue* и *parole* как различие компетенции и представления (перформанса) и радикально отходя от бихевиоризма Блумфилда и Хэрриса, Хомский смог воссоздать связь между менталистской основой языка со сложной моделью формальной лингвистики». Целью лингвистики Хомского является «эксплицировать синтаксические структуры идеализированного носителя языка»¹⁶.

Трансформационная грамматика Хомского — один из подходов, на который повлияли идеи Соссюра. Другим направлением, испытавшим это влияние, явилась лингвистика Пражской школы, которая, через Якобсона, оказала большое влияние на Леви-Стросса. По мнению Гидденса, Пражская школа основывается на «социальной» концепции *langue*. Если лингвистика Хомского фокусируется на компетентности индивидуального говорящего, то лингвистика Пражской школы концентрируется на языке прежде всего как на средстве коммуникации.

Леви-Стросс и Барт применили процедуры лингвистики к другим областям анализа. Рассмотрение лингвистики как основы структурализма имело определенные импликации. Прежде всего, лингвистика обладала строгостью, которой недоставало как в гуманитарных, так и в социальных науках. Во-вторых, лингвистика предлагает ряд базовых понятий, кото-

¹⁶ Giddens A. P. 197.

рые могут быть применены за ее рамками, в особенности *langue* и *parole*, но также и синтагматика и парадигматика, означающее и означаемое, идея произвольной природы знака и так далее. В-третьих, лингвистика создает ряд общих направляющих для формулирования семиотических программ.

Гидденс отмечает, что в результате связи между структурной лингвистикой и структурализмом в более широком смысле возникло мнение, что структурализм принял участие в общем «лингвистическом повороте», характерном для современной философии и социальной теории. Но надежды, возлагаемые на лингвистику, по мнению Гидденса, явно не оправдали себя. С другой стороны, «лингвистический поворот» предполагает не столько расширение идей, заимствованных у языка, в другие области человеческой деятельности, сколько исследование пересечения между языком и конституированием социальных практик. Критики структурной лингвистики указывают прежде всего на изоляцию языка от социального окружения, в котором он используется.

В этой связи Гидденс указывает и на ряд недостатков теории Хомского с точки зрения понимания некоторых элементарных черт языка. Прежде всего это касается основных черт лингвистической компетентности. «По мнению Хомского, идеализированный носитель языка может бессознательно «ухватить» правила, делая возможным производство и понимание всех грамматических предложений в языке. Но это не является подходящей моделью компетентности. Кто-то, кто может в любом данном контексте произвести какое-либо предложение, будь оно синтаксически правильным, будет рассматриваться как явно заблуждающийся. Лингвистическая компетентность предполагает не только владение синтаксисом, но и владение обстоятельствами, которым соответствуют определенные типы предложений»¹⁷.

Таким образом, владение языком неотделимо от владения разнообразными контекстами, в которых он используется. Гидденс приходит к выводу, что лингвистика не может предоставить модель для анализа природы агентности или социальных институтов, поскольку она сама может быть объяснена только при условии понимания последних. «Лингвистический поворот» можно рассматривать как поворот от лингвистики как независимой дисциплины в сторону взаимной координации языка и *Praxis*.

Относительная природа целостностей

Из мнения Соссюра о том, что языковая система формируется только через различия, можно сделать вывод о том, что лингвистическая це-

¹⁷ Giddens A. P. 200.

лостность не существует в контекстах использования языка. Может показаться, что акцент на конституцию целостности через различия, скорее, уводит от означающих, чем ведет к ним. Тем не менее, концентрация на качествах означающих явно следует из взглядов Соссюра по причине отказа от идеи, что существует нечто подлежащее языку, что объясняет его характер. Хотя сама по себе субстанция означающих не важна без различия, которое создают звуки, отметины или другие материальные дифференциации, не могло бы существовать никакое значение, отмечает Гидденс. Соответственно, программа семиотики – не просто придаток соссюровской лингвистики, но исследование самого *langue*.

Относительный характер целостности, произвольная природа знака и различия – Гидденс выделяет эти понятия как основу структуралистского и постструктуралистского подхода в целом. В то же время именно они являются той чертой, которая отделяет структуралистов от постструктуралистов. Несомненно, очертить границы целостности очень трудно. Поэтому для многих исследователей более важным является рассмотрение самой природы различия. В лингвистике такой подход использовался Якобсоном, который стремился сфокусировать свое внимание на базовых структурных качествах кода, скорее, чем на параметрах самих кодов.

Гидденс анализирует вклад, внесенный Жаком Деррида в разработку понятия различия, и считает, что в его понятии целостности как «отсутствия» скрыта «ностальгия по присутствию».

Одной из слабых сторон структурализма и постструктурализма является, по мнению Гидденса, понятие произвольного характера знака. Как признавал еще Соссюр, условности, содержащиеся в использовании языка, не являются произвольными в том смысле, что пользователь языка свободен выбирать свои высказывания. В особенности слабым представляется тезис о произвольной природе языка, поскольку он имеет отношение к природе означаемого, а не означающего. «Если произвольная природа знака – то же самое, что идея относительно конституирования языка через различие, это содержит импликацию для природы значения», что является весьма важным в анализе феноменов культуры и общества. Другую слабость структуралистской и постструктуралистской мысли Гидденс видит в том, что они не смогли объяснить понятие референтности, концентрируя внимание на внутренней организации текстов и на игре означающих.

Гидденс подробно анализирует различные проблемы, связанные с теорией структурализма и постструктурализма, выделяя среди них децентрацию субъекта, проблему письма и текста, истории и темпоральности.

Однако особо важным для анализа современной культуры и общества представляется проблема культурного производства.

Сигнификация, культурное производство и письмо

Теория культурного производства, утверждает Гидденс, не может быть развита без адекватного понимания природы «человеческих агентов». Интерпретация агента гораздо важнее, чем субъекта, и, соответственно, не только понятие субъективности, но и агентности нуждается в тщательной разработке. «Субъекты — это, прежде всего, агенты. В разработке человеческой агентности на первый план должны быть выдвинуты два элемента, которые отсутствуют или находятся на вторичном положении в структуралистских объяснениях. Один — это то, что я ранее называл «практическим сознанием», другой — контекстуальность действия»¹⁸. Гидденс отмечает, что структуралистское мышление работает на контрасте сознательного и бессознательного.

Так, для Леви-Стросса и Лакана бессознательное — это «другое лицо» языка. Это то, что не может быть сказано в словах, но делает такое высказывание возможным. Но если мы стремимся понять человеческую жизнь с точки зрения практического действия, мы приходим к иному взгляду. «То, что невозможно выразить словами, как предполагает Витгенштейн, — это то, что должно быть сделано». Человеческое действие не разворачивается в результате запрограммированных импульсов. Оно происходит на уровне практического сознания, утверждает автор.

Говоря о контекстуальности действия, Гидденс стремится пересмотреть дифференциацию между присутствием и отсутствием. Социальная жизнь человека может быть понята с точки зрения отношений между индивидами, движущимися во времени-пространстве, связывающими действие и контекст, а также различные контексты. Контексты формируют «фон действия» (по терминологии Гидденса), который, наряду с взаимодействием, распределенным по времени-пространству и воспроизведенный в «обратимом времени» повседневной деятельности, является интегральным для структурированной формы, которой обладают как социальная жизнь, так и язык.

С этой точки зрения, сигнификация присутствует в фоне практического действия. Значение в языке не существовало бы, если бы не позиционированная и в то же время воспроизведенная природа социальных практик. Нахождение во времени и пространстве являются базовыми для порождения и поддержания значения. Гидденс предпочитает использо-

¹⁸ Giddens A. P. 214.

вать не слово «речь» (speech), звучащее, по его мнению, слишком формально, но «разговор» (talk), который является неформальным обменом репликами на фоне повседневной социальной жизни. На нем основываются все более сложные и формализованные аспекты использования языка, утверждает Гидденс.

Разговор, как это было убедительно показано Гарфинкелем, действует через индексичность контекста, которую не следует отождествлять с зависимостью от контекста. «Индексичность относится в такой же степени к использованию фона, чтобы произвести свободу контекста, в какой и к использованию элементов, специфичных для определенного времени и пространства в порождении значения. Тот факт, что значение производится и поддерживается через использование методологических приемов, является фундаментальным для исправления ошибок структурализма и постструктурализма. Значение не встроено в коды или наборы различий, ассоциированных с *langue*... Компетентный пользователь языка не просто усвоил набор синтаксических и семантических правил, но все условности, связанные с тем, что происходит в повседневных контекстах социальной деятельности»¹⁹.

Культурологический анализ фокусируется на отношении между дискурсом и тем, что Гидденс называет «культурными объектами». Под культурными объектами он подразумевает артефакты, которые выходят из контекстов присутствия/ состояния, но отличаются от объектов вообще, так как они инкорпорируют «расширенные» формы сигнификации. Основным типом культурных объектов являются, по мнению Гидденса, тексты, а также, принимая во внимание специфику современной культуры, электронные медиа. Культурные объекты имеют свои характеристики, отличающие их от языка как разговора. Автор выделяет следующие характеристики культурных объектов.

1. Культурные объекты предполагают дистантирование «производителя» от «потребителя». Это качество присутствует во всех материальных артефактах, которые включают процесс «интерпретации», отличающийся от «разговора» в контекстах сопребывания. Интерпретация культурных объектов происходит без некоторых элементов общего знания, включенного в сопребывание на определенном «фоне», и без координированного мониторинга, который является частью разговора «сопребывающих» индивидов.

2. В результате «потребитель» или получатель становится более важным, чем производитель в интерпретативном процессе. В контекстах со-

¹⁹ Giddens A. P. 215.

присутствия производство и интерпретация речевых актов тесно переплетены.

3. Культурные объекты, в отличие от артефактов вообще, предполагают следующие характерные черты:

- Прочный медиум передачи через контексты. Под «медиумом» Гидденс понимает как физическую субстанцию культурного объекта, так и способы ее распространения по различным контекстам.

- Способы хранения, которые предполагают кодирование. Под «хранением» автор понимает оставление следов там, где информация может быть сохранена в условиях эфемерности разговора. Информацию нельзя хранить так же, как материальные ресурсы. Она хранится, как утверждают структуралисты и постструктуралисты, как «спецификация различий». Кодирование относится к упорядоченным качествам различий между следами.

- Способы восстановления. Восстановить информацию — значит владеть формами кодирования, которые она заключает в себе. Восстановление предполагает существование человеческого агента, который обладает определенными умениями, к примеру, грамотностью. В настоящее время оно предполагает также использование технологии, без которой доступ к закодированному материалу закрыт.

Природа культурных объектов может быть понята, по утверждению Гидденса, только в соотношении с «разговором». Общеизвестным является мнение о существовании тесной взаимосвязи между культурой, языком и коммуникацией. Это взаимоотношение следует понимать с точки зрения базовой роли, которую «разговор», существующий в контекстах практического действия и соприсутствия, играет в порождении и поддержании значения. «Язык является средством коммуникации, но коммуникация не является целью разговора.

Скорее, разговор выражает различные виды деятельности, которые он информирует. Значение культурных или информационных объектов заключается в том, что они вводят новые виды медиации между культурой, языком и коммуникацией. В контекстах практического действия коммуникация через разговор всегда должна быть «разработана» участниками, хотя большая часть такой работы делается рутинно, как часть процесса рефлексивного мониторинга в практическом мониторинге. Культурные объекты нарушают эту симметрию»²⁰.

Означающее, которое представляет собой видимый, восстановимый след, приобретает особое значение. Это заметно и в структурализме с его

²⁰ Giddens A. P. 217.

повышенным вниманием к письму и к означаемому. В то же время дифференциация означаемого от практических контекстов переосмысливает понятие коммуникации по причине большего интерпретативного усилия, чем это необходимо. Коммуникация уже не считается чем-то само собой разумеющимся результатом методологических процедур, связанных с поддержанием разговора. Для создания коммуникативной связи между культурным объектом и его интерпретатором необходимо выполнить более определенные герменевтические задачи.

По мнению Гидденса, своим возникновением герменевтика обязана трудностям, заключенным в интерпретации текстов. Причиной того, что герменевтический элемент не играл большой роли в структурализме и постструктурализме, является, по его утверждению, то, что сигнификация обычно рассматривалась с точки зрения внутренней организации кодов или как игра означающих, а не как «восстановление значения».

Другой проблемой, к которой обращается Гидденс в связи с его критикой структурализма и постструктурализма, является проблема письма, столь значительная для этих направлений и получившая дальнейшее развитие в современных исследованиях, особенно в связи с вниманием к дискурсу, тексту, чтению и т.д. Гидденс признает, что если в структурализме и не был найден ответ на вопросы об отношении интенций автора и интерпретации текста, теории текста и теории чтения, то по крайней мере был сформирован новый взгляд на эти проблемы.

Гидденс не соглашается с Ж. Деррида относительно того, что язык сигнификации лучше всего эксплицирован через письмо. Тем не менее, он не считает, что письмо — это просто репрезентация разговора. «Точно так же как изобретение письма внесло нечто новое в историю, производство текстов заключает в себе качества, отличные от тех, которые присутствуют в повседневном разговоре. Для понимания специфики письма необходимо обратиться к истории его происхождения. Вначале письмо было средством записи — «хранением» в чистом виде. В аграрных государствах оно делало возможным координацию материальных ресурсов и человеческих действий через время и пространство. Поэтому письмо никогда не было «переводом» вербального в визуальное. Оно выражало новые типы координации деятельности во времени-пространстве. Самые ранние тексты — списки, перечисления — не имеют автора. Более важными, чем люди, которые производили их, были те, для которых они производились, и то, как они использовались»²¹.

²¹ См.: *Giddens A. A Contemporary Critique of Historical Materialism. L., 1981.*

Отсюда автором делается вывод о том, что письмо отличается от разговора не только своими внутренними качествами, но и более общими типами социальной организации, в которую они включены. Письмо отдает преимущество пространству, в то время как разговор включает в себя последовательность и серийность в большей степени, чем линейность. Так, читателю нет необходимости проследить весь текст — он может посмотреть в конце раньше, чем в начале²².

Выйдя за пределы фиксации простых списков, письмо становится «искусством» таким образом, который отличает его от разговора. Последний тоже может быть искусством, и во всех типах общества существует искусство рассказа, риторики и драмы. Однако успех этих вербальных форм непосредственно связан с их перформансом в контекстах соприсутствия. Письмо же, как искусство, будучи процессом производства, имеет другие характеристики. Оно не является перформансом для публики. Разговор является индивидуализированным производством, речь имеет серийный характер, поскольку только один говорящий может говорить в данное время в данном контексте соприсутствия. В случае письма, как правило, неважно, сколько индивидов было вовлечено в его производство²³.

Обычный язык является, по определению Гидденса, «открытым». Большинство слов и фраз, используемых в повседневном разговоре, не имеют четких лексических дефиниций. Но это не означает, как было показано Витгенштейном, что повседневный язык является неопределенным или смутным. Своей четкостью он обязан использованию в контексте. Фон разговора используется его участниками для определения природы того, что говорится. Открытость письма имеет другую природу. «Она основана на «приостановке» заключенной в нем «соотнесенности» (референтности)».

Гидденс поясняет эту фразу таким образом. Письмо чаще всего используется для соотнесения с объектами и событиями в мире, что особенно заметно в случае списков. Референциальные свойства письма не зависят от референциальных качеств разговора, который происходит и организуется внутри практических контекстов действия. Значение в разговоре, таким образом, поддерживается через постоянную связь с модаль-

²² Эта особенность письма нашла свое яркое выражение в постмодернистских текстах, которые «обыгрывают» ее, намеренно лишая текст темпоральной последовательности и предлагая читателю начинать с любого места, что не мешает утраченной целостности нарратива.

²³ Это положение весьма явно прослеживается в современном массовом культурном производстве, где авторство является, в большинстве случаев, корпоративным. В таком случае, многочисленные тексты массовой культуры, продукты «культурной индустрии» можно отнести к «письму», хотя затем они и обретают перформативную форму.

ностями повседневного опыта, чего не происходит в случае письма. Поэтому даже наиболее «соотнесенные» утверждения могут быть прочитаны риторически или фигуративно.

Все эти соображения являются, по мнению Гидденса, весьма важными для проблемы автономности текста, поскольку дают возможность подойти к традиционному вопросу: насколько текст может быть понят без соотнесения с интенциями автора. Другим важным моментом в этом подходе является понятие агентности. Как отмечал Шюц, агенты обладают общими проектами, с точки зрения которых организована интенциональность их действий²⁴. Написание текста может предполагать именно такой проект. Автор может ставить перед собой ряд задач в производстве данного текста, но они могут быть вовсе не важны в его понимании.

Текст представляет собой «работу» в том смысле, что он предполагает процесс контролируемого производства. «Автор, таким образом, не является ни сплавом интенций, ни серией следов, оставленных в тексте. Скорее, автор – это производитель, работающий в специфических условиях практического действия»²⁵. Это утверждение не решает вопроса о природе текста, о том, насколько возможна «правильная» интерпретация текста, фиксированная в отношении интенции автора, признает Гидденс.

Но, во всяком случае, вполне ясно то, что «проекты», которые побуждают автора произвести текст, имеют лишь маргинальное значение для его читателя. Не имеет также смысла задаваться вопросом о значении текста в целом, скорее, мы можем поставить вопрос: что хотел сказать автор в определенном предложении или параграфе? Значение в данном случае будет равно коммуникативному намерению, а последнее может быть различимо, только если все участники данного контекста взаимодействия разделяют общие формы знания. Несомненно, мы можем ставить подобные вопросы относительно текста: каково было коммуникативное намерение в данной части текста? Если автор недоступен, мы можем искать ответ на этот вопрос, исследуя формы общего знания, заключенные в том, что писал автор. Это означает, в свою очередь, что можно говорить о критериях точности интерпретации. Гидденс подчеркивает сложность нахождения таких критериев, поскольку они предполагают исследование условий производства текста, а также знание аудитории, которой был изначально адресован текст.

Гидденс признает ценность обсуждений проблемы «исчезновения автора» в рамках структурализма и постструктурализма. Отсутствие ав-

²⁴ См.: Schutz A. The Phenomenology of the Social World. L., 1972.

²⁵ Giddens A. Structuralism, Post-structuralism and the Production of Culture. P. 219.

тора относится не только к древним текстам – священным текстам, сагам, летописям, но и к большинству текстов, циркулирующих в современных обществах. Такие типы текстов, как отчеты, счета, файлы, не могут быть приписаны одному автору. Условия их производства как текстов могут быть поняты в связи с характеристиками, которые они разделяют с артефактами в целом. «Все артефакты, имеющие длительный характер, могут стать более или менее отделенными как от контекстов их начального производства, так и от проектов их создателей. Все артефакты могут также использоваться в целях или же быть интерпретированы таким способом, какой их создатели не могли даже вообразить»²⁶.

Открытость текста множеству интерпретаций никак не связана с его внутренней природой. Никакой текст не читается в изоляции – чтение происходит в рамках интертекстуальности и в обстоятельствах, которые предполагают общее знание. Гидденс отмечает, что многие современные теории, в основе которых лежит исследование чтения, в частности рецептивная эстетика, практически отошли от структурализма и постструктурализма. Тем не менее, поставленные в их рамках проблемы, хотя и не нашедшие удовлетворительного решения в этих направлениях, имеют немаловажное значение для современной социальной теории, которая может найти более эффективные пути их решения.

²⁶ Giddens A. P. 221.

Н.С. РОЗОВ

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА: «СОЦИОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЙ» Р. КОЛЛИНЗА*

Книга Рэндалла Коллинза *«Социология философии: глобальная теория интеллектуального изменения»* является без преувеличения крупнейшим событием философской и научной жизни на рубеже XX и XXI вв.

В первую очередь, это громадный компендиум главных мировых философских традиций, развивавшихся на протяжении двадцати пяти столетий. Детально проанализированы древнегреческая и эллинистическая, древняя и средневековая китайская, древняя и средневековая индийская, средневековая японская, еврейская и арабская философские традиции, европейская традиция периодов Средневековья, Нового времени, XIX и XX вв. представлены анализом неопозитивизма и Венского кружка, немецкой и французской экзистенциальной философии, англо-американской ветви. Развитие философского мышления репрезентировано в контексте смежных интеллектуальных традиций богословия, естествознания, математики и логики. Особое внимание обращено на структурные факторы внешнего социального контекста.

Главную ценность книги представляет не эта экстраординарная широта охвата (которая не является редкостью в энциклопедических изданиях по истории философии, особенно в немецкой и английской традициях), но целостность и глубина теоретического видения, социологическая пронизательность, обилие новых нетривиальных концептуальных моделей, причем подкрепленных детальным сравнительно-историческим анализом.

Прежде чем говорить о книге по существу, укажем на масштабность творчества Р. Коллинза, который за 25 лет работы над «Социологией философии» создал много других блестящих работ. Кроме сотен статей, им были опубликованы его основные книги и учебники: *«Социоло-*

* Статья опубликована в журнале «Личность. Культура. Общество». Т. 3. Вып. 3 (9). С. 11-23.

гия конфликта: по направлению к объяснительной науке» (1975), «Общество дипломов: историческая социология образования и стратификации» (1979), «Социология с середины века» (1981), «Веберовская социологическая теория» (1986), «Теоретическая социология» (1987), «Социологический инсайт» (1992). В 1998 г. Коллинз издает свой монументальный труд «Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения», а уже через два года заканчивает новую книгу — «Макроистория: эссе по социологии длительных исторических процессов» (2000). К научным книгам Коллинза нужно прибавить и его детективный холмсианский роман (изданный, как и подобает, от имени д-ра Дж. Ватсона) «Случай с кольцом философов» (1978), где Шерлок Холмс встречается с Бертраном Расселом и другими философами по поводу очередного спасения Западной цивилизации.

Для российского читателя нельзя не отметить и такой момент в творческой биографии социолога, как теоретическое предсказание распада «Советской империи» (т.е. Варшавского блока с доминирующим СССР — всей территории, которая контролировалась советскими войсками). Это предсказание, основанное на общей геополитической теории, было высказано и доложено в ведущих американских университетах в 1980 г. и опубликовано в книге «Веберовская социологическая теория» (1986). Кардинальным отличием его от многих других предсказаний (Л. Троцкого, Э. д'Анкосс, А. Амальрика и др.) является корректная схема дедуктивного вывода из общей теории (полученной из анализа совсем иных случаев — не России!) и начальных условий для Варшавского блока и СССР в 1980 г. В статье 1995 г. Коллинз сделал основательный методологический анализ успеха и ограничений своей работы; с переводом этой статьи можно ознакомиться в первом выпуске альманаха «*Время мира*»¹.

Обратимся теперь к самой книге.

Коллинз не является ни философом, ни историком философии; сам он называет себя историческим социологом или макросоциологом. Фактически он выстроил новую дисциплину, название которой и вынес в титул книги: *социология философий*. Эта дисциплина является дочерней по отношению к *социологии науки*. Если последняя сосредоточена на современности и редко «нисходит» даже до XIX в., оставляя прошлое другой дисциплине — *истории науки*, то социология философий по Коллинзу — это прежде всего социология интеллектуального развития на протяжении большой исторической длительности.

¹ См.: *Время мира: Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке* / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 1998/2000.

Главным предметом исследования являются не учения и не философы, но *сети* личных связей между ними, как «вертикальные» (учитель-ученик), так и «горизонтальные» (кружки единомышленников, соперничающие между собой). На основе изучения множества биографических источников Коллинз выстроил несколько десятков «сетевых карт» — схем личных знакомств между философами и учеными для всех рассмотренных им традиций. Этими картами охвачено 2670 мыслителей. Громадность эмпирического материала не подавляет, поскольку он осмыслен в единой стройной теоретической схеме.

Это единство социологической теории, применяемой для разных эпох и культур, следует особенно подчеркнуть, поскольку оно находится в прямом противоречии с до сих модным среди отечественных ученых цивилизационным подходом, подразумевающим уникальность, несравнимость, смысловую замкнутость каждой крупной культурной традиции (то, что Коллинз называет «партикуляризмом»).

Книга Коллинза — крупное (во всех смыслах) многомерное явление современного интеллектуального мира. В чем же особое значение этого труда в контексте проблематики личности, культуры и общества, синтеза социальных и гуманитарных наук, общей социальной теории?

Давно стало общим местом призывать к разрушению междисциплинарных перегородок, к интеграции и синтезу наук. «Социология философий» Коллинза почти не содержит призывов, зато сама является примером вполне органичного синтеза таких областей: как социология знания, интеллектуальная история (в том числе история философии, история науки, история религии и идеологии), психология мышления и речи, антропология ритуального поведения, политическая и экономическая история.

Сила и убедительность синтеза достигаются Коллинзом с помощью гибкого понятийного аппарата, центрированного вокруг интеллектуальных сетей (образуемых связями личных знакомств между мыслителями), с помощью продуманного совмещения микро-, мезо- и макроуровней анализа, рафинированного сочетания чисто теоретического размышления с детальным историческим анализом и смелыми сравнительно-историческими сопоставлениями, а также благодаря последовательно выдерживаемой радикальной и жесткой «неосоциологизаторской» позиции. Сказанное нуждается в пояснении.

Основные понятия теории Коллинза представим как баланс общего и особенного. С одной стороны, везде с интеллектуалами происходит «одно и то же»: идет кристаллизация групп (*фракций*); мыслители и их группировки ищут и используют *организационные основы*, спорят

между собой, что составляет основу *интеллектуальных ритуалов* с обменом *культурным капиталом* и *эмоциональной энергией*, формулируют *интеллектуальные позиции*, соперничают между собой за *пространство внимания*, делятся или объединяются, заимствуют и распространяют вовне свои идеи, комментируют классиков, переживают периоды расцвета творчества и времена идейного застоя, образуют соответствующие *интеллектуальные сети* (те самые связи личных знакомств между мыслителями), завоевывают *долговременные интеллектуальные репутации* при условии непрерывности спора во многих поколениях, достигают все более высоких *уровней абстракции и рефлексии*, развивая космологические, метафизические, эпистемологические и другие *последовательности*. С другой стороны, везде и во все времена это происходит по-разному: уникальность отнюдь не игнорируется, но Коллинз показывает, каким именно образом эти неповторимые конфигурации складываются из принципиально общего состава «ингредиентов» интеллектуального творчества

Для концептуального синтеза трех уровней социальной реальности — микро-, мезо- и макро- Коллинз использует два основных ключа.

Во-первых, это само понятие интеллектуальных сетей как системы связей личных знакомств между мыслителями. Каждая связь между двумя мыслителями (учитель-ученик, критик-критикуемый и др.) может быть раскрыта как социальное отношение, указывающее на интеллектуальные ритуалы между этими мыслителями, снабжающие их творчество культурным капиталом (КК) и эмоциональной энергией (ЭЭ). Таков ход к микросоциальному уровню, вплоть до социальной психологии, психологии личности, речи и мышления. Сети сами имеют свою структуру, составленную прежде всего из «узлов» — интеллектуальных центров или кружков, имеющих наибольшую плотность сетевых связей и соответственно наибольшую плотность ритуального взаимодействия между интеллектуалами и интенсивности их творчества. Такие узлы в традиционном социальном аспекте представляют собой школы, секты, салоны, группы и т.д. Если такая группа имеет некую общность позиции в интеллектуальном пространстве, то Коллинз называет ее (интеллектуальной) фракцией. Анализ структуры и взаимодействия фракций составляет основу мезосоциального подхода в интеллектуальной истории. Те же сети не только имеют свои узлы, но и простираются довольно широко в пространстве и времени, пересекают национальные границы и границы эпох, соединяются с другими сетями, разделяются на подсети. К примеру, оказывается возможным на эмпирическом уровне выяснить степень близости и дальности философских сетей с математическими и естественно-

научными в греческой, средневековой и нововременной европейской, средневековой арабской, китайской и индийской традициях. Оказывается, что у арабов такая близость ничуть не меньше, чем у греков и европейцев, а у китайцев и индусов — значительно меньше. В этом состоит один из аргументов (наряду с монотеистической религией и развитием соответствующей богословской метафизики) для одного из смелых тезисов Коллинза о том, что арабская мысль относится вовсе не к восточной, а к западной традиции.

Вторым ключом к решению сложнейшей проблемы связи между микро-, мезо- и макроуровнями является конструкция, названная Коллинзом «двухшаговым механизмом интеллектуального изменения». Возвращаясь к фракциям как сетевым узлам, поставим вопрос так: каким образом они связаны с охватывающим их макроуровнем социальной жизни вне интеллектуальных сетей? Здесь важно подчеркнуть резкое отличие концепции Коллинза от привычной нам «теории отражения», согласно которой в продуктах творчества «отражаются» происходящие вокруг социальные (политические, экономические, культурные и прочие) крупные исторические события и процессы. С какой бы иронией ни относились современные теоретики к данной теории, она живет и процветает, до сих пор являясь в отечественной истории (в том числе истории идей) основным, если не единственным объяснительным принципом. Вместо прямого ленинского «отражения» Коллинз предлагает окольный ход, между прочим, по своей сути вполне марксистский. Ключевым понятием здесь является «организационная основа интеллектуального творчества». Речь идет о способе пропитания, или шире, системе воспроизводства материальной жизни самих интеллектуалов. Исторически основными вариантами таких основ были имперские бюрократии, философские школы как сообщества, обладавшие и управлявшие собственностью, монастыри, церковные школы, средневековые и новые университеты, аристократическое покровительство (патронаж), научно-исследовательские институты и т.д.

Интеллектуальные фракции отличаются не только своими идейными позициями, но и силой, устойчивостью своих организационных основ, соответственно, привлекательностью для последователей. Именно эти основы оказываются наиболее чувствительными к окружающим социально-политическим и социально-экономическим пертурбациям. Выражается это через ослабление и исчезновение одних организационных основ, возникновение и усиление других. Ясно, что такие события оказывают самое прямое влияние на интеллектуалов, которые естественным образом перебираются из закрывающихся социальных ниш в откры-

вающиеся (либо вовсе выходят из интеллектуальной жизни и интеллектуальных сетей). Именно эти вынужденные передвижения и перегруппировки, по Коллинзу, и составляют непосредственную причину кардинальных изменений в творчестве. Вот мы и подошли к формулировке двухшагового принципа.

Шаг 1 – вследствие внешних геополитических, политических и экономических причин происходят изменения в организационных основах интеллектуальных сообществ, при этом для некоторых позиций организационная основа расширяется, а для других – сужается.

Шаг 2 – интеллектуалы покидают сужающиеся организационные основы и переходят в места с расширяющимися основами, соответственно, происходит перегруппировка школ. Формируется новое пространство внимания, в котором неминуемо трансформируются интеллектуальные позиции, оказавшиеся в новом контексте. Эта трансформация мотивируется необходимостью завоевывать пространство внимания в новой ситуации возможных противостояний, что дает эмоциональную энергию, а происходит трансформация через новые сочетания культурного капитала, что, согласно теории Коллинза, и является интеллектуальным творчеством.

Сочетание тонкого теоретического анализа с широкими сравнительно-историческими сопоставлениями – это особенно мощное интеллектуальное оружие Коллинза, в разработке и применении которого он развивает традицию Макса Вебера как своего главного научного авторитета. Попытаться продемонстрировать достоинства такого подхода в кратком обзоре – малоперспективное занятие. Какие-то аспекты прозвучат в публикуемых отрывках, но всю его мощь можно ощутить лишь по прочтении самой книги. Здесь я укажу только на одну черту последней, связанную с нетривиальностью получаемых благодаря указанному методу выводов.

Почти каждую крупную тему Коллинз начинает с «расчистки поля» – устранения самых расхожих идейных клише, с ней связанных. Это касается таких наших привычных представлений, как «обусловленность творчества личной гениальностью автора», «непознаваемость истоков творчества, лежащих в глубине уникальной и неповторимой личности», «смещение древнегреческой философии к индивидуализму вследствие поглощенности полисов огромной империей», «неподвижность китайской мыслительной традиции», «неспособность китайского стиля мышления к отвлеченным абстракциям», «гармоничное единство индийской религиозно-философской традиции», «вторичность и догматизм мусульманской философии», «передаточная роль мусульманских и иудейских фи-

лософов от Греции к средневековой Европе», «догматический и нетворческий характер средневековой схоластики», «угнетающее влияние религиозного догматизма и благотворное «влияние свободы мысли на творчество», «секуляризация в Европе XVIII–XIX вв. как дух времени», «немецкий классический идеализм как естественное развитие интеллектуальной традиции Просвещения», «утрата былой целостности философии при расщеплении ее на отдельные направления мысли в XX в.», «индивидуализм экзистенциалистов». Избавление от иллюзий и мифов, постоянная встреча с новым неожиданным поворотом мысли, который оказывается подкрепленным вполне солидными сравнительно-историческими доводами, – вот один из источников интеллектуального наслаждения от знакомства с книгой Коллинза. Но и это еще не является ее главным достоинством.

Мы подошли к вопросу о том, что же нового сообщает нам Коллинз о личности, культуре и обществе, а также о связи между этими ключевыми предметами социального и гуманитарного знания?

Об обществе, типах обществ, группах, классах, собственности, власти, стратификации, организации, конфликтах, о связи в обществе между политикой, экономикой и культурой, об отношениях между обществами и прочих традиционных для социологии предметных областях у Коллинза написано предостаточно в других книгах (особенно в *«Социологии конфликта»*, *«Теоретической социологии»*, *«Веберовской социологической теории»*, *«Социологическом инсайте»* и *«Макростории»*). В *«Социологии философий»* Коллинз хотя и использует достаточно систематически геополитический, социально-политический и социально-экономический анализ, но все же сосредоточен на другом предмете – объяснении возникновения и изменения интеллектуального творчества, что относится скорее к сферам личности и культуры.

Личность, тем более творческая личность, – это традиционная епархия психологии, само же творчество в зависимости от его характера является предметом, соответственно, истории науки, истории философии, истории литературы. Продукты творчества как главные компоненты культуры естественным образом относятся к ведению культурологии и философии культуры. Жесткий социологизм Коллинза проявляется в недвусмысленной экспансии социологического подхода на эти «чужие» территории. К социологизаторству (особенно старому советскому – псевдомарксистскому) нам не привыкать; вопрос же в том, что нового дает очередная инкарнация «социологического империализма»?

Новые решения у Коллинза есть. Насколько они убедительны, можно будет решить только после знакомства с книгой. Здесь я скажу только

о том, какие столпы нашего привычного психологического и культурологического мировоззрения поставлены под сомнение. (Между прочим, для меня это один из самых острых моментов, поскольку по базовому образованию я психолог (факультет психологии МГУ), а первую свою книжку написал по культурологии («Структура цивилизации и тенденции мирового развития»). Своей одной книгой Коллинз заставил меня пересмотреть многие казавшиеся незыблемыми позиции, полученные в результате вполне фундаментального образования и прочтения множества работ по психологии и культурологии. Разумеется, личный опыт такого рода не является доводом, но то, что такой эффект книга способна произвести, может быть поводом для размышления.)

Итак, первое, что ставится под сомнение, — это «святая святых» персоналистской философии и гуманистической психологии — самость, самодостаточная субстанциональность, врожденная уникальность и неповторимость человеческой личности. Здесь Коллинз выступает с позиций радикальной микросоциологии (а ля Г. Гарфинкель), для которой первичны лишь ситуации социальных столкновений (непосредственных встреч между индивидами), сами эти столкновения трактуются Коллинзом как ритуалы (в духе Э. Дюркгейма и И. Гоффмана) большей или меньшей эмоциональной интенсивности и соответствующего изменения существенных психических установок (собственно и составляющих личность). Соответственно, личность предстает «всего лишь» как закономерный и в принципе предсказуемый результат цепочек ритуальных взаимодействий. Заметим, что уникальность не отменяется, но она теперь имеет не сакральный статус (как в персоналистской философии и гуманистической психологии), а имеет характер естественного результата уникальной конфигурации цепочек ритуального взаимодействия каждого индивида.

Второй момент касается столь же «священной коровы» традиционного гуманитарного мировоззрения: сугубо личностного, непознаваемого, непредсказуемого, отдельного от всего социального характера творчества, особенно когда речь идет о творчестве «гениальных одиночек». Коллинз намеренно формулирует свою позицию в самой скандальной форме. Оказывается, истинными источниками и «производителями» творчества являются вообще не люди, не авторы произведений. Во «Введении» к своей книге Коллинз отвергает и сразу приходящие на ум другие альтернативы относительно интеллектуального творчества (производства идей). Получается, что идеи производятся не людьми, не идеями и даже не культурой. Что же является источником идей? Кому следует приписывать истинное авторство творчества?

Ответ Коллинза однозначен: это сети, а в случае производства идей — интеллектуальные сети как системы личных знакомств между мыслителями. Причем дело здесь не сводится к переводу внимания от индивида на окружающую группу. Согласно Коллинзу, сети являются действительными источниками творчества, по крайней мере, трижды. В творчестве инкапсулируется долговременная история сети, уходящая в прошлое на многие поколения. Творчество — это, прежде всего, новое сочетание уже имеющихся ингредиентов, сами же эти ингредиенты принадлежат не «глубинам самореализующейся личности», а многопоколенной прошлой сети. Далее, творчество возникает не на пустом месте, а как некий «ход» интеллектуала в наличной интеллектуальной ситуации, социальную суть которой составляет фрагмент сети современников. Опять-таки индивид, хоть и творит свое произведение сам, но выступает всегда как часть сети и выражает в своем творчестве ее напряжения. Кроме того (и это самый тонкий, нетривиальный момент), само творчество, воплощенное, например, в уже опубликованном философском трактате, оказывается, еще должно «вызреть», и лишь по прошествии 2-3 и более поколений сеть снабдит эту продукцию смыслами и репутацией относительно долговременного характера. Отрицается ли при этом, что художник сам воображает и пишет картину, что философ сам задумывает и пишет книгу? Конечно же нет, от трезвого реализма и «здорового смысла» Коллинз почти не отступает. Особенность его подхода в том, что он продолжает причинный анализ за пределы ситуации «здесь и сейчас» (выступая тут уже как макросоциолог), что и позволяет ему выявлять в воображении и мышлении творца ингредиенты, почерпнутые из прошлых сетей. Кроме того, неявно различается также само произведение (опубликованная книга) от его смысла, закрепляющегося в интеллектуальном пространстве. Последний, увы, не подчиняется уже воле автора и зависит от поворотов интеллектуальной сети, происходящих, как правило, после его смерти.

Собственно, здесь уже имеется и новый взгляд на культуру, особенно духовную (интеллектуальную, эстетическую, религиозную). Теперь эта культура мыслится не как составленная прежде всего из произведений и их творцов (пусть даже сгруппированных по жанрам и направлениям), но как арена возникновения, функционирования и развития разного рода социальных сетей — истинных источников культурной продукции.

Свой «социологический скальпель» Коллинз смело применяет и для препарирования представлений, которые являются понятийной сердцевиной культурологического, цивилизационного и культурно-антропологического подходов. Что может быть очевиднее, чем субстанциональность, самостность уникальных культур, соответствующих архетипов, образцов,

паттернов, ценностей и т.п.? Как же можно отрицать, что эти сущности совершенно самостоятельны и автономны относительно внешних по отношению к ним социальных процессов и явлений? Иными словами, у культуры — «своя собственная гордость», социальные науки здесь нерелевантны, только гуманитарный, понимающий, герменевтический подход может приблизить нас к пониманию этих специфических смысловых царств.

Отдавая дань вежливому почтению такого рода громогласным тирадам в защиту первородства гуманитарного подхода и специфики культурологического взгляда, Коллинз задает ряд простых вопросов. (В основном эта полемика представлена во Введении, но неявно продолжается и в других местах книги.) Происходили ли когда-либо культурные явления без социального взаимодействия, без групп, без социальных отношений и структур? Есть ли доказанные основания для сведения социального только к классовым, экономическим, политическим характеристикам и процессам, исключающим процессы эмоциональной приверженности и продуктивной деятельности?

Известны ли культурные символы («сакральные объекты», ценности, значимые произведения искусства, имена творцов и культурных направлений), которые не являлись бы частью социальных процессов установления групповой солидарности, социализации, конфликтного взаимодействия, установления престижа и др.?

Известны ли случаи, когда культурные деятели не находились ни в каких социальных отношениях с другими культурными деятелями и никак не реагировали на происходящие процессы в этом социальном окружении? Читатель может в этом месте остановиться и попробовать ответить на сформулированные выше вопросы. Возможно, кому-то и удастся ответить утвердительно на тот или иной вопрос, но для этого потребуются весьма серьезные эмпирические основания.

Отрицательные же ответы на все данные вопросы приводят к следующей серии. На каком основании можно считать, что формирование и развитие этнокультурных групп и этносов, культур разного масштаба происходит вне, помимо или независимо от социальных закономерностей? Иными словами, почему мы все так уверены, что культурное — это нечто специфически инородное по отношению к социальному и не может изучаться социальными же науками?

Конечно же, в кратком обзоре невозможно никого разубедить в устоявшихся взглядах. Вряд ли на это способен и помещаемый фрагмент текста самого Коллинза. Моя задача здесь состоит в том, чтобы показать: тут есть над чем задуматься.

Действительно, вместо гармонического концерта уважающих друг друга дисциплин мы попадаем в ситуацию агрессивного «империализма социологии». Может ли это понравиться кому-то, за исключением самих социологов? Ни в коем случае. Ясно, что это не привычное нам псевдомарксистское социологизаторство — подведение всех исторических, культурных и психологических феноменов под «формации», «отражение классовых интересов». Гораздо более изощренный и тонкий, но все же жесткий «познавательный-империалистический» подход Коллинза можно назвать «неосоциологизаторством». Я специально изобрел эту уничижительную бирку, чтобы облегчить задачу многих будущих охотников дискредитировать книгу и идеи Коллинза. Критика всегда нужна и важна. Здесь же вопрос состоит в том, на каком уровне компетентности она будет вестись.

«Социология философий» Коллинза при всей своей добротной основательности и благопристойной академичности является, по своей сути, интеллектуальной бомбой замедленного действия. Книга посвящена конфликтам, но и сама направлена на конфликт. Можно и нужно ли спорить с Коллинзом? Всенепременно. Однако оружие для дуэли должно быть если не равным, то, как минимум, паритетным. Оружием Коллинза, как указывалось выше, является мастерский теоретический анализ, подкрепленный широкими историческими сравнениями и обширной эрудицией в мировых интеллектуальных традициях. Нападать по частностям на отдельные положения или ошибки книги, припечатать автора хлестким словом — это одно. Обоснованно опровергнуть главные положения книги — совсем другое. Для последнего нужно выковать оружие, как минимум, не уступающее интеллектуальному оснащению Коллинза. Если это удастся кому-то из отечественных обществоведов, то о лучших последствиях нашего переводческого проекта не следует и мечтать.

Вот, пожалуй, и все. Завидую всем тем, кто впервые сталкивается с текстами и идеями Коллинза и вне зависимости от согласия или несогласия способен оценить их интеллектуальную мощь.

А.А. ГРИЦАНОВ, Т.Г. РУМЯНЦЕВА

ЭВОЛЮЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: ОТ ПАРАДИГМАЛЬНОСТИ МОНИСТИЧЕСКОГО ТИПА К РАМОЧНОЙ МОДЕЛИ

Системное осмысление и концептуальная рефлексия над проблемой, что представляет собой социальная теория в «классической» и новейшей своих версиях, связано в русскоязычной общественной мысли (духовное пространство современной Беларуси здесь и далее рассматривается нами как органичный компонент более широкого — российского — поля) с достаточно узким рядом знаковых интеллектуальных фигур. С одной стороны, идеологически-силовое доминирование теоретической модели, претендовавшей на универсальность и именованной «исторический материализм», вынуждало высказываться по поводу этого предмета довольно многих компетентных специалистов. С другой стороны, реальное приращение знаний в данной сфере гуманитарного знания осуществлялось в границах отечественной традиции крайне неспешно. Здесь сказывалось то, что любое критическое или даже просто вдумчиво-адекватное постижение этого круга вопросов граничило с посягательством на незыблемость оснований «марксистско-ленинского мировоззрения». Одновременно последовавшая в 1990-е гг. радикальная либерализация духовной области в государствах бывшего СССР носила, по сути своей, характер инициированной извне «идейной интоксикации». Разработка системных подходов, призванных сформулировать новый канон «игры в бисер» в формате «социальной теории», т.е. модернизировать философский фундамент «цивилизации восточных славян», не могла осуществляться в русле мессианистских просветительских технологий соросовского типа. Жизненно важной была задача институционализации данного поля исследований на базе использования потенциала собственных научных кадров и отечественных ресурсов.

В России круг проблем, посвященных осмыслению природы «социальной теории», был введен в разряд первоочередных известным мыслителем – доктором философских наук, профессором Ю. М. Резником. Именно ему принадлежит заслуга в организационном оформлении и институционализации вопросов мировоззренческого, эпистемологического и гносеологического статуса «социальной теории», а также предложение собственной оригинальной программы постижения ее сущности. Так, согласно его позиции, социальная теория – это интегративная дисциплина, занимающая промежуточное место между философией и конкретными социальными науками и изучающая устойчивые и существенные связи социального мира с точки зрения его «внутренней» логики существования и развития. В ее предметную область входит, с одной стороны, изучение природы социального и построение моделей социального мира в целом, а, с другой – анализ «внутренних» (институциональных, функциональных, динамических и пр.) связей между «главными» явлениями социума (личностью, культурой и социальной организацией) и «целостными социальными феноменами» (институтами, структурами, группами). В последние годы автор склоняется к точке зрения, что социальная теория постепенно эволюционирует от системно-интегративного понимания социального к превращению в особую область «рефлексивного» постижения социальной реальности, сопровождающуюся критикой (реконструкцией) существующих и конструированием новых идей, понятий и средств ее познания и преобразования¹.

Наличие столь юного – по времени своего существования – рефлексивного проекта, во многом являющегося задачей только начинающей складываться научной школы, обусловило специфику всех главных русскоязычных полемик по данному предмету. Как правило, все они проходят в русле идеи о том, что органическое (парадигмальное) единство современной социальной теории в принципе недостижимо; при этом констатируется, что внедрение в реальные образовательные практики посткоммунистических обществ исключительно «рамочного» истолкования статуса «социальной теории» в среднесрочной перспективе также вряд ли осуществимо. Слишком укорененным в сознании общества и власть имущих являются простота, лапидарность и – главное – идеальная приспособленность объяснительной

¹ См.: Резник Ю. М. Введение в социальную теорию. В 4 ч.: Ч. 1. Социальная эпистемология. М., 1999; Ч. 2. Социальная онтология. М., 1999; Ч. 3. Социальная системология. М., 2003.

модели «исторического материализма» к любым извивам «генеральной идеологической линии».

В целом усилия складывающейся школы Ю.М. Резника способны сегодня сформировать определенное профессиональное сообщество, компетентное в соответствующей области, но отнюдь не предложить универсальную программу разработки соответствующей «социальной теории».

Так, в специальной литературе уже отмечалось: «Современное общественное и культурное положение отмечено особенностью, которую можно истолковать как несогласие между настоящей потребностью в объяснительно-прогностической теории, ощущаемой повсеместно в нашем обществе, и неспособностью ее представить, которая демонстрируется официальным научным сообществом. Имеется в виду потребность в теории самого высокого уровня обобщения социально-исторических изменений, переживаемых миром на переломе столетий, сквозь призму которой могли бы получить объяснения и наши собственные социальные проблемы»².

Существенно важно и то, что содержательная рефлексия на предмет знаниевого и прикладного потенциала той или иной социальной теории для процессов «оздоровления» наличного массива русскоязычной просветительской и специальной литературы — во многом вынужденно — ориентирована на круг вопросов «интеллектуального обслуживания» Власти. Этой последней необходимы убедительные доказательства того, что предлагаемый корпус интеллектуальных наработок (как правило, в духе той или иной западной школы) окажется предпочтительнее издавна сложившихся («истматовских») просветительно-исследовательских технологий. Последние — на вербальном уровне — намного более понятны тем неизбывным неофитам в этой сфере, каковыми являются современные отечественные чиновники, составляющие аппарат институтов высшего образования. Современная же Власть в славянских странах СНГ по-прежнему и будет, в конечном счете, решать, что именно правомерно именовать «знанием», а также что конкретно будет позволено квалифицировать допуском-рекомендацией «социальная теория».

Целью данного текста является формулировка возможных версий ответа на следующие вопросы:

² *Солонин Ю.Н.* Россия в контексте современной социально-философской мысли // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: Сб. статей. Выпуск I / Под ред. Б.В. Маркова, Ю.Н. Солониной, В.В. Парцвания СПб., 2001. С. 262.

1. В чем заключались «сильные» и «слабые» стороны материалистического понимания истории (исторического материализма) и сопряженной с ним «теории научного коммунизма» как двух ипостасей «социальной теории» тоталитарного образца? От чего и каким образом необходимо отказываться в границах конструктивного преодоления тоталитарно-универсалистского типа «социальной теории»?

2. Существует ли на Западе доминирующее понимание перспективы организации современных социально-гуманитарных дискурсов в единый корпус знаний, централизованной конструкцией «социальная теория»?

1. Исторический материализм может трактоваться сегодня как особая социальная теория, редуцированная, идеологизированная и изначально приспособленная к выполнению «сервильных функций» для «нового класса номенклатуры». В его основе лежит методологическая процедура аппликации диалектической схемы развития по Г. Гегелю на гипотетические тенденции развития социально-экономической структуры человеческого общества. Истмат объяснял внутренние взаимозависимости общественных структур по универсальной системообразующей формуле: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Вполне справедливым видится замечание К.Х. Момджяна о том, что здесь речь идет не об одной-единственной идее, а о целой системе равноуровневых постулатов, взаимодополняющих, но не взаимно заменяющих друг друга. По его мысли, идея определяющей роли общественного бытия в отношении общественного сознания, идея первичности практики в отношении духовных и духовно-практических форм жизнедеятельности, идея определяющей роли экономического базиса в отношении надстройки отнюдь не совпадают друг с другом. Тем не менее, методологический и идейный монизм «социальной теории» К. Маркса этим тезисом отнюдь не ставится под сомнение.

В границах исторического материализма современная общественная ситуация в контексте востребованности «социальной теории» как России, так и в иных постсоветских государствах, может получить вполне адекватное объяснение, характеристика современного российского социума как «индустриального общества модерна» страдает явной односторонностью. Сфера производства – за счет сталинской «революции сверху» – была организована как номенклатура отраслей, присущая эпохе

модерна. Одновременно система управления, социальной мобильности и организации коммуникации соответствовала традициям сословного (и даже кастового) строя.

Модернизм маркируется допущением возможности плюрального моделирования миров и, соответственно, идеей онтологического плюрализма. К предпосылкам формирования и утверждения идей модернизма могут быть отнесены следующие интеллектуальные ходы, сформировавшие, увы, научную ментальность в современной России:

1) Формирование комплекса идей о самодостаточности человеческого разума, выразившееся в элиминации из структур соответствующих философских рассуждений трансцендентно-божественного разума как основания разума в его человеческой артикуляции (воинствующий атеизм).

2) Складывание представлений о творческо-созидательной природе Разума, с одной стороны, и о его исторической ограниченности – с другой (политическая целесообразность возводится в ранг принципа, превышающего по значимости установки на гуманизм и поиск истины).

3) Идеи, согласно которым человеческий разум по своей природе контекстуален и способен трансформировать социальную реальность (мировоззренческий и теоретический волюнтаризм).

Таким образом, идеал отражения действительности и познавательный пафос классического мировоззрения оказался замещен установкой на социальный конструктивизм и соответствующие – чисто инструментальные – требования к «социальной теории».

Показательно то, что в концептуальном плане совокупность идей, гипотез и социально-преобразующих программ, именованная Марксом и Энгельсом как «научный коммунизм», не совпадала с теорией исторического материализма. Последний являет собой комплекс теоретических представлений, предметом которых выступали законы и закономерности стихийной необходимости в обществе, процессы осуществления истории в структурах отчуждения и самоотчуждения; он анализирует сущность и параметры классового по природе своего общества, в границах которого именно «общественное бытие» определяет «общественное сознание». «Научный» же коммунизм в своей потенции интерпретировался Марксом и Энгельсом как теория самоуправляющегося общества, способного регулировать направление и темпы социальных изменений; как теория общества, освободившего людей от закрепощения стихийными силами экономической динамики (общества) и достигшего стадии эффективного контроля над последствиями человеческих действий. Переход от социума, выступавшего объектом исторического материализ-

ма, к социуму — объекту «научного коммунизма» рассматривался как «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» на основе сформировавшегося мирового рынка и централизованной капиталистической экономики. Увеличение производительного потенциала человечества в целом было сопряжено, по Марксу, со все большей деградацией индивида, поработанного силами отчуждения и властью денег. Коммунизм поэтому, согласно ранним работам Маркса, должен был явиться спасительным результатом универсального преодоления (в процессе «самообогащающегося отчуждения») всевозрастающей амбивалентности природы человека классового общества и обретения им таким образом «подлинного освобождения».

Степень идеологической нагруженности социальной философии Маркса весьма значительна: эта теория выступала, согласно квалификации А. Боскова, как разновидность «социального проповедничества», где рефлексивные суждения об обществе — каким оно является исследователю, — замещаются представлениями оценочно-деятельностного плана о том, каким социум *должен быть*, чтобы с наибольшей полнотой удовлетворять «главным» потребностям родовой природы человека (об этом неоднократно писал также К. Поппер). В этом отношении фундаментом марксовской социальной теории выступает «парадигма равенства», фактически противопоставленная «парадигме свободы».

«Свобода» по Марксу, или «коммунистическая» свобода, внешне выступала как свобода экзистенциального порядка, как свобода «родового сознания», уничтожающего плюрализм личных интересов людей во имя безграничного развития всего богатства природы человека. Негативная, частная свобода индивидов в обществе и государстве (имплицитная несущая конструкция всех «социальных теорий», являющихся продуктом именно социологической модели организации социально-гуманитарного знания, т.е. такового знания эпохи либерализма) понимается в «научном коммунизме» как эгоистическое по сути самоотчуждение, как свидетельство растущей дегуманизации человека. Маркс в принципе отвергал трактовку свободы в контексте индивидуалистически-правовых понятий и ориентаций либерально-демократического толка.

Ввиду приверженности адептов исторического материализма и коммунизма преимущественно насильственным процедурам переустройства общества, подавляющим инициативу отдельной личности и унифицирующим потребности и репертуары поведения людей, коммунизм (как определенный общественный идеал) невозможен для осуществления в региональных масштабах. Коммунизм может выступать и анализироваться (на уровне мысленного социального эксперимента) исключительно в

виде сознательно самоизолирующейся, замкнутой и статичной общественно-экономической, геополитической и духовной системы; либо мыслиться как принципиально вне альтернативное планетарное явление.

Любая общественная система, потенциально ориентированная на установление собственного планетарного господства (в данном контексте не имеет принципиального значения во имя чего — идеи «мировой революции» либо планетарного продвижения «цивилизаторских ценностей»), как правило, будет ориентирована на нормативность именно единой «социальной теории».

Попытки нынешнего российского руководства вернуть государству утраченные геополитические позиции осуществляются в идейно-теоретических проектах, все более сопоставимых с претензиями на вселенское доминирование диамата / истмата. Как отмечалось, в этом контексте «становится понятной принятая сейчас стратегия в области информационной политики. Любопытным является тезис о духовно-эстетической открытости русского народа, его *всесветкости* /потенциальной планетарности. — А.Г., Т.Р./, универсальной отзывчивости на глубинные человеческие чаяния, в какой бы своеобразно-национальной форме они не были выражены. Этот идеалистически-сентиментальный образ русского национального комплекса одинаково популярен среди сторонников всех основных течений нашей общественной мысли, выполняя различную функцию. Сторонники консервативно-традиционных ориентаций защищаются ею от обвинений в своем изоляционизме и националистическом предупреждении, ибо быть истинно русским означает в то же время быть адекватным принципам истинного универсального гуманизма. Для представителей противоположного стана эта же мысль является оправданием их антиизоляционистских действий и программ»³.

Разрабатываемые в настоящее время на Западе новые и новейшие подходы к задачам конструирования «социальной теории» представляются мало пригодными для российских реалий. В сегодняшних условиях России (государственный капитализм в олигархическом формате) установки главных игроков на любой арене действия (от нефтегазовой до организационно-научной) сводятся к установлению собственного тотального доминирования монополистического типа. Право выбора и легитимации адекватной «социальной теории» узурпировано узким кругом учреждений, позиционирующихся преимущественно вне рамок собственно научного

³ Солонин Ю.Н. Россия в контексте современной социально-философской мысли // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: Сб. статей. Выпуск 1 / Под ред. Б.В. Маркова, Ю.Н. Солониной, В.В. Парцвания. СПб., 2001. С. 266.

статуса. При этом – что всегда свойственно для предельно идеологизированных и перегруженных волюнтаристскими оценками официальных моделей устройства российского социума – смысл конкретно-исторического бытия массового человека выносится «за пределы» наличного исторического времени. Нормативные «социальные теории» (в своем политическом измерении) включают – в статусе атрибутивного параметра собственных архитектур – просвещенческую идею общественного прогресса. Тем самым, ценность жизни отдельно взятых людей неизменно переводится в разряд орудийного средства для функционирования коммунистической системы («общества реального социализма») в целом.

Единственно возможной перспективной и позитивной идеологией осмысления природы и сущности философы-социемы, именуемой «социальная теория», является для России организация креативно-мыслящих субъектов на базе собственных интеллектуальных и материальных ресурсов государства. Это позволит провести конструктивную критику соответствующих идеологем марксистского толка, используя вполне органичный для сознания их носителей и последователей категориальный инструментарий. Главным же в этой деятельности является, с нашей точки зрения, элиминирование из гуманитарных концепций и идеологических доктрин, в очередной раз претендующих на статус официально санкционированной «социальной теории», элементов извне привнесенных оценочных суждений. «Очистка словаря» социальной теории, дополненная конвенциональным достижением консенсуса по содержанию базовых философско-социологических понятий и категорий, только и способна как обеспечить взаимную смысловую конвертируемость отечественных и зарубежных социально-гуманитарных подходов, так и предотвращение распада дисциплинарного гуманитарного пространства на хаос самодостаточных и не весьма осмысленно предлагаемых дискурсов. Важность этой задачи обуславливается тем, что для выстраивания свободной иерархии новаторских дискурсов в ходе их конкурентной борьбы необходима достаточно высокая медиана профессиональной компетентности научной среды. В условиях же избыточно карательной истории отечественной интеллектуальной традиции XX в. истиной неизменно выступала «точка зрения, преодолевшая все возражения» (Ч.С. Пирс), но весьма специфическим образом.

Одновременно только процедуры организационной отстройки таких структур способны вывести данные дискуссии за пределы – пусть даже и не дилетантских – но, как правило, «узкоцеховых междусобойчиков». Потребность в адекватной «социальной теории» всегда присутствует в границах самодостаточных культур и цивилизаций: вопрос заклю-

чается в том, чтобы сформировать таковой «общественный заказ» на уровне критериев и на языке мировой философско-социологической мысли.

II. «Первый общесоциологический кризис» традиционно увязывается (Ю.Н. Давыдов) со становлением «неклассической социологии». Неклассическая социология («полипарадигмальная» «по определению») во многом одновременно процессу осознанного оформления в геополитической системе Запада двух центров силы, противопоставленных не на экономико-политическом, а на культурно-метафизическом плане социального бытия: Германия, Италия и др., с одной стороны, англосаксонский блок государств – с другой. С тех самых пор мы можем зафиксировать достаточно показательное разделение гуманитарных дискурсов, связанных с осмыслением проблем «социальной теории» на: а) «континентальную» (как правило, «критическую» линию) и б) «американскую» («структурно-функциональную», приверженную постулатам «общественного равновесия»).

Исходный кризис «социальной теории» – это, прежде всего, кризис концептуальных схем классического историзма. Они оформились в XVIII и XIX вв., опираясь на общественную (преимущественно политико-экономическую) составляющую при объяснении исторических явлений. Конец XIX в. добавил к ней параметры культурного измерения. Учения о поступательности истории как восходящем процессе, о развитии как утверждении все более совершенных и сложных форм социальной организации и жизни человека, о рациональной подконтрольности социально-исторических изменений явились главными отличительными признаками подобного историзма. Он был ориентирован на будущее и его позитивно-оптимистическое осмысление: исторический процесс представлялся нравственно-содержательным, как выглядело нравственным и само сознательное участие в нем. Социальная теория в секулярной форме, т.е. рационалистически, стремилась воспроизвести все основные принципы сакральной истории человечества, преодолевающей маршрут к доминированию все более сложных и рафинированных форм общественного бытия.

Потрясения XX в. показали, что история не только не вписывается в рамки, очерченные теорией, но также и рационально не контролируема и вообще обнаруживает свойства, прямо противоположные тем, что ей приписывались. Она оказалась абсурдной, алогичной и иррациональной. Она осуществима в формах, которые человеком адаптированы на уровне фундаментальных, нерелексированных структур его жизнедеятельности: в них он более историчен, но все признаки подлинной историчности испаряются в рефлексиях, порожденных в искусственных интеллектуализированных формах социальности. Как традиционный человек жил про-

шлым, так человек секуляризованного мира жил будущим. Настоящее время – время разрушения структур будущего. Представления о нем заменяются абстрактно-бесстрастной фиксацией этапов: эпохи индустриализма, постиндустриализма, информационного общества и т.д.⁴

Такие предпочтения современных – уже «неклассических» и «постнеклассических» – творцов «социальной теории» объяснимы и еще в одном общественном контексте. Классические социальные теории, к которым можно отнести концепции К. Маркса, Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Р. Мертона, Т. Парсонса и мн. др., базируются на констатации определенной самоидентичности социальных систем: лишь допуск подобного рода делает возможным веру ученых в принципиальную возможность адекватного понимания сущности социальных процессов. Кризис классической философии, развитие постмодернистских тенденций в современной культуре инициировали появление стратегий деконструкции в современной философии. Отказ от субстанционализма как определяющего принципа построения нормативной социальной теории означает утрату устойчивых – инвариантных – оснований философского конструирования, и, в конечном счете, ставит под вопрос саму возможность объективного, «неинструментального» познания общества.

Когнитивные презумпции классической рациональности в социальном познании оказались значительно поколеблены в процессе осмысления итогов эволюции стратегий и тактик эпохи Просвещения. Последние продемонстрировали, что так называемый здравый смысл и повседневное, дилетантское знание демонстрируют удивительную жизнестойкость перед репертуарами идеологического принуждения и насильственной мировоззренческой индоктринации. Кроме того, развертывание широких общественных движений XX в. развеяло свойственную классическому обществознанию культурно-антропологическую иллюзию, будто бы овладение «высокой» наукой и элитарной культурой служит достаточным сдерживающим средством против растворения в массе⁵.

Трагический опыт тоталитарных коммунистических и фашистских движений XX в., показал, что развитый индивидуализм и культурная утонченность не только не предотвращают, но при определенных условиях даже и поощряют саморастворение в массе⁶. Современные же представления о культурно-исторических и не разрушающих себя пределах адекватности теорий классического обществознания питаются в основ-

⁴ Там же. С. 264.

⁵ *Oakeshott M. Morality and Policy in the Modern Europe.* London, 1993.

⁶ *Арендт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии.* 1992. № 2. Т. 1. С. 27.

ном императивами этики ненасилия: запретами на насильственное разрушение жизненных миров и на прямое вмешательство власти в сферу человеческой повседневности (Н.М. Смирнова).

Классическая «социальная теория» предполагала абсолютизацию одной или нескольких социальных параметров в статусе онтологически первичных. История социального познания знает примеры фундаментализации различных сторон и характеристик человеческого бытия, типов социальных отношений и конфликтов: прецедент «общественного договора» (Ж.-Ж. Руссо), географическое положение, климат и почва Ш. Монтескье, А.Р.Ж. Тюрго), овеществленный человеческий труд (А. Смит), материальные производственные отношения (К. Маркс, Ф. Энгельс), архетипы коллективного бессознательного (К.Г. Юнг) и целерациональное социальное действие (М. Вебер). Основания подобного выбора, как правило, не эксплицируются: их онтологическая первичность постулировалась как самоочевидная.

Неокантианский поворот от Гегеля к Канту знаменовал собой отказ от традиционных для новоевропейской культуры метафизических установок с присущей им ориентацией на построение универсальных онтологических конструкций, претендующих на постижение подлинной сущности мироздания. Им на смену приходит иная форма метафизики — поиск основ социальной организации: но не в традиционном для европейской культуры смысле установления «оснований бытия», а в осмыслении сущности базисного слоя человеческого знания, самой его структуры. Данный поворот в истории трактовок «природы социальной теории» предполагал: а) рассмотрение философии в качестве метода достижения позитивного знания, а не как самого этого знания; б) сопряженный с этим отказ от притязаний онтологии на статус философской дисциплины; 3) признание наличия обуславливающих познание априорных форм; 4) ограничение самого познания сферой опыта и т.д.

В конечном счете, классическое социальное знание было расщеплено на множество «дисциплинарных рациональностей», соответствующих многообразию не сводимых друг к другу типов человеческой деятельности.

Классическая социальная теория сформировалась в рамках парадигмы индустриального общества, и, соответственно, ее теоретические построения были обусловлены спецификой самой социальной реальности, которая репрезентируется в теории «организованного модерна»: «Последний представлял собой социетальную конфигурацию, составные элементы которой накапливались еще с XIX в., но которая окончательно оформилась только после Второй мировой войны. Основная черта «организованного модерна» состояла во всеобъемлющей конвенционализации со-

циальных практик, что являлось средством уменьшения общественной неопределенности, вытекающей из автономии действующих индивидов, путем канализации действий на основе принципов социальной приемлемости и функциональности. В экономической сфере «организованный модерн» представлял собой «фордизм» как специфическую модель организации социально-экономических процессов, основанную на социальном компромиссе между капиталом, трудом и государством. В политической — «организованную демократию» как форму эффективной институционализации спонтанной политической активности. В интеллектуальной — «коалицию за модернизацию», объединявшую политико-административную элиту и интеллектуалов, переориентировавшихся с дистанцированного наблюдения на теоретическое фундирование социальных технологий»⁷.

Современные версии истории новоевропейской гуманитарной мысли, к сожалению, серьезно уступают аналогичным описаниям-моделям развития западного естествознания. Тем не менее, достаточно общим местом (с некоторыми существенными оговорками) стало увязывание классического и раннего неклассического обществоведения с выражением менталитетов техногенной цивилизации модерна. В свою очередь, социально-философский постмодернизм жестко не ассоциируем с менталитетом информационного общества⁸. Феноменологические же модели «социальной теории», фундированные идеей «жизненного мира»⁹, репрезентируют достаточно целостный образ социальности. Они основывают свои предпосылки на установках философского модерна (устойчивость социально одобренных типизаций и структур релевантности), одновременно отрицая их за «оторванность» от «жизненного мира» и за онтологизацию процедурной составляющей традиционного социологического метода.

Согласно специально отстроенной модели, осмысливающей статус «социальной теории» в современную эпоху «общества коммуникации» (В.М. Лоскутникова), переход общества к информационному этапу развития диктует необходимость создания теории, адекватно описывающей его коммуникативный характер. Переход от индустриального к информационному обществу, формирование информационной инфраструкту-

⁷ См.: *Фурс В.Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Мн., 2000.

⁸ См.: *Румянцева Т.Г.* Классика – Неклассика – Постнеклассика // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007.

⁹ См.: *Румянцева Т.Г.* Жизненный мир // Всемирная энциклопедия. Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., Мн., 2001.

ры общества приводят к тотальному изменению форм социальности, которое не сводится только к множеству социальных взаимосвязей, а определяется коммуникативным характером самой социальной реальности. В этом случае общество рассматривается не как некая социальная конструкция, а как коммуникативный механизм, определяющий не только динамику, но и сущность социальных процессов. Интерпретация сущности социальных процессов с позиции теории коммуникации отражает реалии информационного общества и позволяет выявить патологии, возникающие в современном коммуникативном пространстве. Сущностные особенности социальных процессов эксплицируются путем анализа механизмов коммуникации, когда коммуникативное пространство предстает как аутентичная форма социальной реальности. Исследование социальных процессов с точки зрения коммуникации представляет собой базовую интенцию социальных наук, что приводит к образованию множества моделей коммуникации. Предметом анализа в этом плане является имманентное содержание коммуникации, которое определяется механизмами коммуникативного пространства. Следовательно, основная проблема исследования коммуникации в рамках данного подхода сводится к проблеме исследования механизмов управления коммуникации. Поворот в развитии социальной теории сводим к тому, что в качестве основания исследования выступают не репрезентативные формы социальной реальности, а механизмы коммуникации. Трансформация сущности социально-философского анализа не снимает вместе с тем проблему аутентичного описания социальных процессов. Напротив, процесс информатизации социального пространства делает необходимым исследование социальных процессов с позиции теории коммуникации.

В рамках современной общественной и духовной ситуации когнитивные стратегии, не тематизирующие проблем «вариативности», «маргинальности», «пограничности», трактуются уже не вполне адекватными¹⁰. В центр внимания современной социальной методологии помещаются тематизмы социальной нестабильности, динамической неравновесности, моделирования альтернативных сценариев, переходных этапов, ситуаций-трансгрессий и сопоставимости языковых и культурных практик. В таком исследовательском контексте структуры социума, ранее представлявшиеся сравнительно целостными и монолитными, «расползаются» на автономные области и подсистемы, особые ценностные анклавы и изолированные темпоральные зоны. Власть, представлявшаяся ранее стро-

¹⁰ См.: Филитпович А.В., Семенова В.Н. Послесловие. Против постмодернизма // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007.

го локализованной на социетальном уровне, расплывается по всему социальному пространству (учение о «микрофизике власти» у М. Фуко).

Все это требует деформации классического исследовательского дискурса, подразумевающего, главным образом, отказ от принципа методологического универсализма и единообразия при рассмотрении общества. Объективное и официально признанное сосуществование ряда конкурирующих парадигм в новейшей «социальной теории» означает признание наличия в мировой интеллектуальной традиции качественно различных теоретико-методологических подходов к постигаемому объекту — социуму. Принцип пафосного плюрализма концептуальных исследовательских подходов предполагает не столько признание легитимности различных (но при этом равноценных) стандартов рациональности, сколько осознание принципиальной ограниченности любого из них. Эта «теоретическая неполноценность» преодолевается современными социальными дисциплинами посредством постулирования возможности прямого и обратного перехода от одного подхода к другим. (В основу в данном случае кладется специфическим образом осмысленный постмодернистский принцип «дополнительности»¹¹.) Приоритетность этой методологической модели над классическими монистическими стратегиями видится как в возможности креативного комбинирования различных аспектов рассмотрения общества применительно к каждому конкретному социальному тематизму, так и в фиксации принципиально коллективного статуса субъекта социального познания¹².

Сторонники принципиальной возможности и позитивной осуществимости сохранения классического идеала «универсальной социальной теории» (в формате единого фундамента процессов кросс-культурной глобализации) ссылаются на вполне сохранившийся в системе базовых исследовательских координат гуманитарных дисциплин принцип доминирования идеалов и норм Просвещения. Отмечается, что, к примеру, практика электронных голосований (как входящая в повсеместное распространение процедура политических институций информационного общества) есть всего лишь социально предопределенный инструмент: он в принципе не способен изменить условия, которые лежат в основе фундаментальных структур общества Нового времени. Так, Дж.П. Грант, анализируя эту ситуацию, отмечал: «Представления о справедливости, дей-

¹¹ См.: Грицанов А.А. Дополнительность // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007.

¹² См.: Грицанов А.А. Смерть субъекта // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007.

ствующие в современных политических философиях, созданы той же самой концепцией разума, которой созданы и технологии. Один и тот же западный рационализм породил и современное естествознание, и современную политическую философию. Способы применения компьютера будут так или иначе продиктованы политикой в широком смысле слова. А политика в нашу эпоху определяется представлениями об обществе, коренящимся в том же самом представлении о разумной рациональности, которым произведено на свет новое взаимное переплетение искусств и наук»¹³.

Близко к подобной точке зрения располагаются также и иные — по форме — позиции. Так, нередко утверждается (концепция М. Кастельса¹⁴), что с точки зрения социальной теории пространство является материальной опорой социальных практик разделения времени; при этом любая материальная опора всегда несет в себе символическое значение. Под социальной практикой разделения времени имеется в виду факт, что пространство сводит вместе те практики, которые осуществляются одновременно. Именно отчетливое материальное выражение такой одновременности дает смысл пространству по отношению к обществу. Традиционно это понятие отождествлялось с близостью, однако фундаментальным является то, что осуществляется отделение базовой концепции материальной опоры одновременных практик от понятия «близости», чтобы объяснить возможность существования материальной опоры одновременности, которая не связана с «физической близостью», поскольку именно таков случай доминирующих социальных практик информационной эпохи. Согласно идеям Кастельса, современное общество построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Потоки есть не просто один из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической и символической жизни. Если дело обстоит именно так, материальной опорой процессов, доминирующих в наших обществах, будет ансамбль элементов, поддерживающих такие потоки и делающих материально возможным их отчетливое проявление в «одновременном времени».

В типах культуры западного формата, которые можно охарактеризовать как подчеркнута демократический «поиск единства в многообразии», превалирует подход, согласно которому «социальная теория» осуществима только как — в пределе — рамочная конструкция, устанавливающая

¹³ См.: Новая технократическая волна на Западе: Сборник статей. М., 2000. С. 159.

¹⁴ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ.; Под научн. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.

границы проблемного поля соответствующих гуманитарных исследований. Данная версия «социальной теории» предполагает лишь маркировку того, что не имеет непосредственного отношения к этим тематизмам, иерархизируя соответствующие дисциплинарные дискурсы посредством введения понятия «транс-дискурсивность» (Фуко¹⁵). Таким образом им обозначался тип дискурсивности, который — обладая нормативно-креативным потенциалом — самим фактом своего существования инициирует в культуре определенную традицию дискурсивных практик.

Фуко выделял различные, условно им вычленяемые, уровни дискурсивных практик («подобное расслоение не является ни прочным, ни постоянным, ни абсолютным»):

а) дискурсы, «которыми обмениваются изо дня в день, дискурсы, которые исчезают вместе с тем актом, в котором они были высказаны»;

б) дискурсы, «которые лежат в основе некоторого числа новых актов речи, их подхватывающих, трансформирующих или о них говорящих, словом ... дискурсы, которые — по ту сторону их формирования — бесконечно сказываются, являются уже сказанными и должны быть еще сказаны». Дискурсы такого типа, по мысли Фуко, позволяют «строить (и строить бесконечно) новые дискурсы».

По оценке Фуко, специфика авторов, находящихся в позиции «транс-дискурсивности», заключается в том, что они «являются авторами не только своих произведений, своих книг», — они создали «нечто большее: возможность и правила образования других текстов».

В качестве примера авторов, чей дискурс характеризуется этим параметром, Фуко приводит З. Фрейда и К. Маркса: так, «Фрейд ... — не просто автор *Толкования сновидений* или трактата *Об остроумии*; Маркс — не просто автор *Манифеста* или *Капитала*, — они установили некую бесконечную возможность дискурсов».

Аналогично, феномен «транс-дискурсивности» радикально отличен, согласно оценке Фуко, от основания научной дисциплины: «В случае научности акт, который ее основывает, принадлежит тому же плану, что и ее будущие трансформации; он является в некотором роде частью той совокупности модификаций, которые он и делает возможными». Эта принадлежность, по мысли Фуко, может принимать различные и даже разнообразные формы: «Акт оснований той или иной научности... может выступать в ходе последующих трансформаций этой науки как являющийся, в конце концов, только частным случаем некоторого гораздо

¹⁵ Грицанов А.А. Трансдискурсивность // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007.

более общего целого... Он может выступать также и как запятанный интуицией и эмпиричностью, и тогда его нужно заново формализовать и сделать объектом некоторого числа дополнительных теоретических операций, которые давали бы ему более строгое основание ... Наконец, он может выступить и как поспешное обобщение, которое приходится ограничивать и для которого нужно заново очерчивать более узкую область валидности» и т.д.

Идеал «социальной теории», по всей видимости, оказывается замещен в своих наиболее влиятельных – постструктуралистских, «континентальных» – интерпретациях механизмом «транс-дискурсивности». Дискуссионным здесь может быть лишь выбор «этикетки», но вряд ли сама характеристика доминирующего сегодня механизма самовоспроизведения гуманитарной традиции Запада.

Ю.М. РЕЗНИК

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ В РОССИИ: ПОИСКИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА*

Немного истории

Социальная теория в России, безусловно, имеет давние традиции. Это – труды и учения российских социальных мыслителей второй половины XIX – начала XX вв., которых принято считать социологами¹. На самом деле их социология – нечто большее, чем социология в ее современном понимании, когда за рамки предметной области были условно вынесены социально-философские концепции. Напротив, эти представления о социальной реальности можно отнести к уровню общей социальной теории, включающей в себя, с одной стороны, философские (социально-философские) положения, с другой стороны, разнообразные теории социальных структур и процессов.

Среди наиболее распространенных традиций и исследовательских парадигм в российской социальной теории необходимо выделить позитивизм и субъективизм (неокантианство и психологическое направление), марксизм и религиозные течения (идеал-реализм и пр.).

В качестве идейно-политической основы российской социальной теории XIX – начала XX вв. выступает политическая философия народничества, анархизма, либерализма, марксизма. В истории российской социальной мысли этого периода можно выделить условно три поколения теоретиков общества:

* Статья опубликована в журнале «Личность. Культура. Общество». 2005. Т. 7. Вып. 1. С. 80-99.

¹ Об этом см.: *Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995; *Кукушкина Е.И.* Русская социология XIX – начала XX века. М., 1993; *Медушевский А.Н.* История русской социологии. М., 1993; Социологическая мысль в России: Очерк истории немарксистской социологии последней трети XIX – нач. XX в. М., 1993; *Новикова С.С.* История развития социологии в России. М., 1996; *Миненков Г.Я.* Введение в историю российской социологии. Минск, 1993; *Галактионов А.А.* Русская социология XI–XX веков. СПб., 2002; Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века). М., 2004 и др.

1) *первое поколение (60–80-е гг. XIX в.)*: представители так называемой натуралистической социологии, или социальной теории (органицизм, географическое направление, ранний или классический позитивизм)²; идейные вдохновители западничества³ и славянофильства⁴; теоретики права и мыслители либеральной ориентации⁵; социальные теоретики народничества⁶ и анархизма⁷; сторонники субъективизма (субъективного метода)⁸;

2) *второе поколение (конец XIX – начало XX вв.)*: представители исторического направления⁹; теоретики-позитивисты и сторонники генетического подхода¹⁰; теоретики-марксисты¹¹; представители неокантианского направления¹²;

3) *третье поколение (20–40-е гг. XX в.)*: теоретики-марксисты¹³; представители религиозного течения в социальной теории¹⁴; теоретики-неопозитивисты¹⁵; идеологи евразийства¹⁶.

Предлагаемый формат статьи не позволяет в полной мере осветить основные идеи социальных теоретиков России первых трех поколений. Как видно, сюда относятся не только авторы оригинальных

² А.И. Стронин (1826–1889), П.Ф. Лиlienфельд (1829–1903), Н.В. Новиков (1933–1994), Л.И. Мечников (1838–1888), Н.Д. Ножин (1841–1866), П.А. Кропоткин (1842–1921) и др.

³ В.Г. Белинский (1811–1848), В.П. Боткин (1811–1869), А.И. Герцен (1812–1870), Т.Н. Грановский (1813–1855), и др.

⁴ А.С. Хомяков (1804–1860), И.В. Кириевский (1806–1856), К.С. Аксаков (1817–1860), Ю.Ф. Самарин (1819–1876), и др.

⁵ Т.Н. Грановский (1813–1855), К.Д. Кавелин (1818–1885), С.М. Соловьев (1820–1879), Б.Н. Чичерин (1828–1904), А.Д. Градовский (1841–1889), и др.

⁶ В.Г. Белинский (1811–1848), А.И. Герцен (1812–1870), Н.П. Огарев (1813–1877), Н.Г. Чернышевский (1828–1889), П.Л. Лавров (1923–1900), Н.К. Михайловский (1842–1904), П.Н. Ткачев (1844–1886), и др.

⁷ М.А. Бакунин (1814–1876), П.А. Кропоткин (1842–1921), и др.

⁸ П.Л. Лавров (1923–1900), Н.К. Михайловский (1842–1904), С.Н. Южаков (1849–1910) и др.

⁹ В.О. Ключевский (1839–1911), Н.И. Кареев (1850–1931), и др.

¹⁰ Е.В. Де-Роберти (1843–1915), М.М. Ковалевский (1851–1916); Н.И. Кареев (1850–1931), Н.М. Коркунов (1853–1904), и др.

¹¹ Н.И. Зибер (1844–1888), Г.В. Плеханов (1856–1818), М.И. Туган-Барановский (1865–1919), В.И. Ульянов-Ленин (1870–1924); А.А. Богданов (1873–1928), и др.

¹² А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919), П.И. Новгородцев (1866–1924), Л.И. Петражицкий (1867–1931), Б.А. Кистяковский (1868–1920), В.М. Хвостов (1868–1920), и др.

¹³ Е.А. Энгель (1887–1932), Н.И. Бухарин (1888–1938), Н.Д. Кондратьев (1892–1938), С.А. Оранский, и др.

¹⁴ П.Б. Струве (1870–1944); С.Н. Булгаков (1871–1944); Н.И. Бердяев (1874–1948), С.Л. Франк (1877–1950), и др.

¹⁵ К.М. Тахтарев (1871–1925), П.А. Сорокин (1889–1968), и др.

¹⁶ В.И. Вернадский (1863–1945), Н.Н. Алексеев (1879–1964), Л.П. Карсавин (1882–1952), Н.С. Трубецкой (1890–1938), Г.В. Флоровский (1893–1979), П.Н. Савицкий (1895–1968), и др.

концепций социально-исторического процесса, представляющие разные теоретические течения (натурализм, позитивизм, субъективизм, неокантианство и пр.), но и представители социально-политических доктрин своего времени (анархизм, народничество, западничество, славянофильство, марксизм, либерализм, евразийство и т.д.). Причем, для первого и второго поколений социальных мыслителей характерна неразделенность их социально-научных позиций и социально-политических убеждений.

В советский период социальная наука была скована жесткими идеологическими оковами и фактически прекратила свое существование. Место социальной теории в этот период прочно занял исторический материализм как официальная идеологическая доктрина.

И лишь в последние десятилетия прошлого века социальная теория стала постепенно возвращать утраченные позиции. Хочу отметить в этот период труды В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, В.П. Кузьмина, В.Г. Афанасьева, В.С. Барулина и многих других социальных ученых оказали заметное влияние на развитие марксистской теории социально-исторического процесса. Нет необходимости представлять сегодня критический очерк отечественных концепций исторического материализма, претендовавшего в то время на статус общей социальной (и социологической) теории. Укажу только на имеющееся тогда разнообразие версий и интерпретаций социально-научного наследия К. Маркса и его последователей.

Современная социальная теория в России: общее состояние и тенденции развития

Новое поколение социальных исследователей и теоретиков еще только формируется. После резкого отказа от марксистской парадигмы теоретического обществознания в России начался мучительный поиск новых идейно-теоретических ориентаций. В 90-е гг. прошлого века научные симпатии и предпочтения сгруппировались вокруг нескольких парадигм и исследовательских ориентаций:

- 1) социально-теоретические исследования марксистской и неомарксистской ориентации («латентный» или нелегальный марксизм);
- 2) социально-теоретические исследования структурно-функционалистской ориентации, взявшие за основу идеи Т. Парсонса и Р. Мертона;
- 3) социально-теоретические исследования «понимающей» и феноменологической ориентации (примечательно, что к ней условно можно отнести тех исследователей, которые успешно осваивали эти направления еще в советский период в форме критики «буржуазной» теоретической социологии);

4) социально-теоретические исследования, осуществляемые под непосредственным влиянием западных концепций постструктурализма и постмодернизма (в какой-то момент эти «модные» течения стали заполнять теоретический вакуум, образовавшийся в нашей социальной науке).

О своем отношении к постмодернистским увлечениям российских социальных исследователей хотелось бы высказаться отдельно¹⁷.

Итак, постмодернизм себя еще не изжил, хотя так и не стал общепризнанной исследовательской перспективой. Каких-либо других новейших теоретических течений в нашей социальной науке, кроме спекуляций на тему «социальной синергии», «концепции устойчивого развития», «волновых теорий», я пока не знаю. По-видимому, российское общество так и не смогло выйти из теоретического тупика, наступившего вслед за сломом официальной советской идеологии.

Так что же происходит сегодня в отечественной теоретической социальной мысли? Отмечаю лишь несколько важнейших тенденций.

1. Среди значительной части отечественных социальных ученых происходит отказ от *критерия ценностной нейтральности* социально-

¹⁷ В примечании к статье «Социальная реальность постмодернизма: заметки на полях статьи Ю.Л. Качанова «О проблеме реальности в социологии» А.И. Немировской (см.: Socio-Logos-97: Альманах Российско-французского центра социологических исследований. М., 1996. С. 57–80), подчеркивая концептуальную близость с автором указанной статьи, пишет: «Сегодня хороший профессиональный текст постструктуралистской ориентации – редкость. Однако на какую работу, подобную «О проблеме реальности в социологии», по фундаментальности, по новизне, по научной значимости может указать наш социологический истеблишмент, составляющие его многочисленные любители вчерашнего дня социологии, которые противостоят постструктурализму?». Интересно узнать о тех, кто скрывается за этими «загадочными» и «страшными» фигурами противников постмодернизма вообще и постструктурализма в частности. Где они? Пускай откликнутся на полемический призыв А.И. Немировской. Будем рады встретить их по русскому обычаю – «с хлебом и солью». Вызов брошен, но никто или почти никто не собирается поднимать брошенную перчатку. Получается спор ради спора или бой с «ветряными мельницами». Причем неважно с кем – с марксистами, функционалистами или структуралистами классического толка. В том-то и дело, что каких-либо дискусионных баталий с постмодернистами на нашем теоретическом поприще пока что-то не происходит. Все (или почти все), кто не считает себя таковыми, озабочены поиском «хлеба насущного» и в гораздо меньшей степени «выяснением отношений» с коллегами по общему научному фронту. По-видимому, именно этот факт раздражает и выводит из себя сторонников столь новомодного течения, как постмодернизм. Такое невнимание к их персонам они вряд ли могут перенести. Поэтому и пытаются «оживить публику» легкими упреками и взаимными откровениями, желая привлечь к себе внимание научной общественности. Есть вполне оправданные опасения, что постмодернистские бдения уже иссякли, так и не успев дать первые всходы на российской научной почве.

го исследования. За недостатком новых идей многие исследователи стали вновь эксплуатировать гуманизм и марксову концепцию родового человека. Однако, расходясь в частных мнениях, они сходятся в одном: всякая социальная теория аксиологически обоснована (явно или неявно). Вместо того чтобы уходить от ценностей, необходимо, наконец, вернуть их в храм социальной науки. Ценность «объективности» науки столь же мировоззренчески обусловлена, как и ценность признания ценностей в качестве ориентиров того или иного научного исследования.

2. *Технократический подход*, получивший свое теоретическое и практическое выражение в социальной инженерии, по-видимому, себя исчерпал, так как предпочитает преимущественно иметь дело со стабильными социальными системами. «Непредсказуемая непредсказуемость» — так оценивали иностранцы состояние дел в России, посещавшие ее сразу после октябрьских событий 1917 г. и в начале XXI в. В этой ситуации потребность в социальной инженерии как стратегии управления макро-социальными процессами в духе К. Поппера (за исключением социоинженерных разработок на уровне отдельных организаций, маркетинга, управления персоналом и пр.) фактически отпадает. Необходимы технологии исследования «мягких», «неравновесных», «открытых» и динамических систем.

3. Отсутствие фундаментальных исследований в области социальной теории привело фактически к *идейной зависимости* отечественных ученых от теоретического творчества западных коллег. Наверное, это не единственный путь развития. Совершенно очевидно, что поиск истины как объективной ценности предполагает не только открытие «новых» законов социальной реальности или создание новых картин и моделей социальной жизни, но и построение новых координат самого процесса социальных исследований.

4. К сожалению, следует отметить, что социальная теория в ее нынешнем виде (как набор абстрактных схем и схоластических обобщений) не нужна практике, так как она фактически лишена «приводных ремней» — теоретически обоснованных моделей и стратегий общественного развития России. Попытки заимствовать у Запада различные концепции социальных изменений ведут преимущественно лишь к закреплению ситуации нашего научного отставания. Отсюда возникает острая потребность в теоретических разработках, способных не только «объективно» (или «субъективно») объяснить социальную реальность России, но и предложить ей новую стратегию дальнейшего развития.

Особенности функционального кризиса современной социальной теории: уроки для России

В настоящее время социальная теория в России переживает последствия функционального кризиса мировой теоретической мысли. Прежние функции, носившие в основном идеологический характер, исчерпали себя, а новые еще окончательно не утвердились. Определим для начала главные направления *функционального кризиса* современной социальной теории.

Переосмысление традиционных функций социальной теории

Онтологические проблемы современной социальной теории. Мы не знаем общество, в котором мы живем. Находясь в плену различных западных социальных концепций (постиндустриальное общество, информационное общество, постмодерн, общество риска и т.д.), мы так и не вышли на построение собственной онтологической картины социального мира.

Нам нужна новая *социальная онтология*. Концепты конкретно-исторического общества во многом утратили свое значение. Мир уже давно преодолел национально-государственные границы. Нельзя заниматься социальной теорией отдельно взятого общества, не выходя на более широкий геополитический уровень. Трудно применимы к анализу российской действительности и категории постмодернизма.

На первый взгляд, социальная теория изучает социальную (или социокультурную) реальность. Однако не все ученые с этим согласны. «Главная проблема социальной теории — такая же, как и у всех социальных наук — объяснение конкретных процессов социальной жизни»¹⁸. Она состоит из универсальных концептуальных схем и обобщений, обобщений двух типов: известных и неизвестных, о которых участники событий ничего или практически ничего не знают. Социальная реальность, по мнению Э. Гидденса, имеет двойственную природу: индивид-структура и субъективно-символический характер.

Социальный теоретик, с точки зрения Милса, должен ответить на следующие вопросы: «а) какова структура данного общества (из каких компонентов она состоит, как они взаимосвязаны, какое конкретное влияние оказывают); б) какое место занимает это общество в человеческой истории; в) какие типы мужчин и женщин преобладают в данном обществе и в данный исторический период»¹⁹. Он предлагает сделать акцент на изучении связи социальных проблем и частных вопросов (личных за-

¹⁸ См.: Современная социальная теория / Под ред. А.В. Леденевой. Новосибирск, 1995. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 102.

бот), в т.ч. фактов личной биографии. Биография, история и общество – точки отсчета в изучении социальных проблем человека.

В современной западной литературе существенному пересмотру подвергаются традиционные социально-научные понятия, например, понятие «социальная система».

Н. Луман известен не только как теоретик автопоэзийных или автопойетических (самоорганизующихся) систем. Понятие «социальная система» фактически тождественно у него всему мировому сообществу. Это – предельная конструкция организации социального мира. Общество включает разнообразные социетальные системы – экономику, науку, искусство, законодательство и пр. Общество описывает и наблюдает себя посредством различных легенд, мифов, идей. Семантика общества или коммуникация по поводу коммуникации есть выражение самоинтерпретации социальных структур. Код как единица семантики позволяет отделять элементы системы от элементов ее среды. В науке применяется код истинности.

Автопоэзийная система создает базовые элементы, составляющие ее структуру. Данная система организует свои границы и внутреннюю структуру. Это – замкнутая система. Ее базовой единицей выступает коммуникация, которая опирается на значение, которое соотносится с другими значениями.

Таким образом, общество описывается в терминах самопостижения и самоизменения. Именно таким представляет общество Луман. Это – самореферентная система, т.е. система, которая соотносится сама с собой.

Эпистемологические и методологические проблемы социальной теории. Мы не знаем, что происходит сегодня в отечественной социальной науке, хотя и уверены, что разбираемся в современном состоянии западной теоретической социологии. Приведем лишь некоторые эпистемологические проблемы и парадоксы современных социальных теорий.

Во-первых, изменились представления о критериях построения социальной теории. На первый взгляд, критерием научности социальной теории можно считать принцип открытости, т.е. признание бесконечности интерпретации. Такая теория направлена на «расширение горизонтов наших представлений и доказательство относительности существующих интерпретаций реальности, каковы бы они ни были»²⁰.

Однако существуют и другие версии *построения социальной теории*.

У Т. Парсонса общая теория систем действия предшествует теории социальных систем, а последняя – социологической теории. Луман,

²⁰ Там же. С. 14.

продолжая во многом традицию Парсонса, строит свою теорию из трех уровней:

- 1) общая теория систем, в т.ч. теория автопойетических систем;
- 2) теория социальных систем;
- 3) теория социетальных, или функциональных, систем (систем типа экономики, науки и пр.).

В качестве научных оснований современной социальной теории Гидденс предлагает следующее: (1) признание активного и рефлексивного характера действия в противовес ортодоксальному консенсусу, согласно которому социальное поведение является результатом сил, не контролируемых человеком; (2) признание фундаментальной роли языка в объяснении и интерпретации социальной жизни; (3) интерпретация значений в зависимости от кода, определяющего восприятие того или иного события²¹.

В моем понимании современная социальная теория включает в себя три компонента: а) метафизические представления о природе социальной реальности; б) общенаучные постулаты о существовании и развитии социального мира; в) обоснование возможности переустройства общества на определенных ценностных основаниях.

В этом смысле она сближается, как справедливо считает Хоркхаймер, с центральными проблемами социальной философии — поисками сущности общества как целого и обоснованием возможности лучшего общества.

Таким образом, современная социальная теория содержит как рациональные построения разного рода: *ценностно-рациональные* (метафизические положения), *научно-рациональные* (общенаучные или общетеоретические положения, ориентированные на критерии «строгой» науки) и *целерациональные* (представления о должном или желательном состоянии общества).

Мировоззренческая ориентация социальной теории. Социальная теория призвана сформировать у исследователей определенную картину социального мира. До недавнего времени социальная наука в России существовала в условиях идеологического господства марксистско-ленинской теории общественного развития.

И все же идейный плюрализм, пришедший на смену одной идеологии, не избавляет социальную теорию от идеологического влияния.

Идеологическую роль социальной теории признают и западные мыслители. По мнению Миллса, всякая теория служит идеологическому оправданию деятельности власти. «Большая теория» обладает идеологиче-

²¹ Там же. С. 9.

ским значением. Миллс критикует социальную науку за абстрактный эмпиризм — особый стиль социального исследования, при котором метод считается важнее проблемы, форма — содержания, а детали — существа дела. Пример идеологических понятий: «удовлетворенность трудом», «образ жизни» и др. Цель школы человеческих отношений Мэйо — урегулировать классовый конфликт, гуманизировать отношения господства и подчинения, смягчить отчуждение труда.

Альтернатива, предложенная Миллсом, — возврат к социологической классике (Маркс, Конт, Спенсер, Вебер и др.). «Каждый работающий социальный ученый должен быть интеллектуальным методологом и собственным теоретиком в том смысле, что он должен быть интеллектуальным ремесленником»²².

Социальная теория, считает Гидденс, возникает как идеологическая реакция на существование средних классов²³. Следовательно, любая теоретическая концепция содержит в себе идеологическую ориентацию. Вопрос заключается лишь в способах аргументации и мере использования политических средств борьбы с оппонентами.

В последние 10–15 лет в стане социальных ученых России можно выделить по идеологическому признаку три категории:

1) ученые либеральной ориентации, сформировавшиеся вокруг общества «шестидесятников» и разделяющие в основном демократические убеждения;

2) ученые-консерваторы, пытающиеся совместить традиционные устои российского общества советского периода с необходимостью частичных социально-экономических перемен в жизни современной России;

3) ученые-прагматики, не имеющие четких идейных убеждений и легко приспособившиеся в условиях идейно-теоретического хаоса и возрастающей бюрократизации науки и научного сообщества.

Таким образом, традиционные функции социальной теории (онтологические, эпистемологические и мировоззренческие) претерпели существенные изменения. Они, хотя и утратили свою преимущественно идеологическую направленность, но так и не приобрели нового качества теоретических обобщений.

Поиск и обоснование новых функций социальной теории

Критическая перспектива социальной теории. Мы не только не знаем природу социального мира, но и не во всем принимаем существующий социальный порядок. Предшественники школы критической теории (Те-

²² Цит. по книге: История теоретической социологии. Т. 4. С. 98.

²³ Там же. С. 189.

одор Гайгер и др.) считали, что вряд ли возможен объективный анализ социальной реальности без учета идеологических наслоений и влияний, которые привносятся в социальную науку.

Рефлексивная теория, преодолевая тупики критической теории, должна унаследовать, вместе с тем, ее критическую функцию (функцию социальной критики). За последние 15–20 лет в российском обществе произошли радикальные изменения, повлиявшие на наши представления. Значит ли это, что социальная наука должна стать оппозиционной наукой, опровергающей официальные идеологемы существующей власти? Если принять это, то неизбежно ее превращение в политическую идеологию, например, идеологию «научного капитализма».

К сожалению, мы не прошли еще стадию критического и радикального развития социальной теории и практически не имеем опыта рефлексивной социологии. Как известно, на смену классической теории приходит постклассическая, а затем постнеклассическая теория. Отечественная социальная мысль, перейдя к постклассической стадии развития, так и не вобрала в себя новые тенденции, характерные для западной науки.

Поясним вкратце различие между «классикой» и «постклассикой». Классическая теория в стремлении объяснить «объективный» социальный мир:

- не всегда различает явление и сущность;
- сводит человека к объекту;
- противопоставляет факты ценностям.

Постклассическая (в т.ч. критическая) теория пытается определить причины, по которым необходимо изменить существующий социальный порядок. Диалектическая версия критической теории ориентирована уже на преодоление дилемм типа «объяснение-изменение», «структура-действие», «культура – социальная структура», «макро-, микроуровни социальной реальности».

Критическая теория характеризуется следующими чертами:

- ориентация на ценности, противопоставление принципу свободы от ценностей принципа сознательной приверженности ценности «эмансипации человека»;
- рефлексия своей исторической обусловленности, прежде всего историчности понятий, описывающих общество (убеждения людей зависят не только от внешних (материальных) условий их жизни);
- исследование целостности общества (постулат интегративности понятий);
- эмпирический анализ действительности (постулат индуктивности понятий, индукция как нахождение общего в частном).

Критическая теория вводит в данную схему еще один аспект – практику преобразования общества. Критическая перспектива социальной теории – это отрицание социальным целым (обществом) возможностей свободного бытия личности.

К сожалению, отечественная социальная мысль, хотя и испытала на себе влияние функционализма, так и не прошла этап развития критической теории, перескочив сразу в постмодернистскую перспективу.

Миллис, критикуя Парсонса, предлагает изменить методологический ракурс исследования общества. Социологическое воображение – особый угол зрения, методологический инструмент, прием социального ученого, в основе которого лежит идея о том, что индивид может осмыслить свой жизненный опыт, только поместив себя в рамки своего времени и своего общества²⁴. Именно поэтому в критической перспективе общество анализируется с точки зрения возможности его трансформации в более свободное²⁵ (Ю. Хабермас).

Рефлексивная перспектива социальной теории. Очень возможно, что мы не знаем то, что может или должна изучать социальная теория. Рефлексивная теория не тождественна теории социальной (социокультурной) реальности вообще. Она исследует не саму природу социальной реальности, а условия, при которых эта реальность может быть представлена и преобразована тем или иным образом. Ее предмет изучения – разнообразные картины и модели изменения социальной реальности.

Суть рефлексивной социальной теории и социологии состоит, по мнению Гоулднера, в отнесении собственной рефлексивной позиции к близким сторонам социального мира – родному университету, своей профессии и ассоциациям и самому себе. Он считает, что анализ структуры науки должен быть тесно увязан с анализом структуры общества²⁶.

В структуре деятельности социального теоретика Гоулднер выделяет, как известно, несколько уровней реальности:

- 1) личностный, или персональный: личный опыт теоретика;
- 2) метафизический: неявные базовые представления о природе человека и общества;
- 3) политический: господствующая идеология и освободительный потенциал личности ученого (либерализм и пр.);
- 4) инфраструктура теории (внутринаучная реальность).

²⁴ Там же. С. 101.

²⁵ Немецкая социология. СПб., 2003. С. 417.

²⁶ Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 188.

Следовательно, социальные теоретики имеют дело с двумя типами реальности – ролевой и персональной. Ролевая реальность – это то, что теоретики должны изучать, овладевая профессией. Персональная реальность состоит из фактов повседневной жизни, в которой человек выступает в качестве обыденного существа²⁷. Она формируется в жизненном опыте ученого, в процессе его переживаний и личных впечатлений. Для того чтобы понять, кто такой социальный теоретик, его персональную реальность, необходимо знать, как он живет и чем занимается²⁸.

С точки зрения Гидденса, рефлексия по поводу социальных процессов предполагает постоянный и непрерывный процесс вхождения, выхода и повторного вхождения в универсум описываемых событий²⁹.

На стадии формирования рефлексивной социальной теории общество и личность рассматриваются, по Гидденсу, как открытые рефлексивные проекты, т.е. они становятся тем, о чем можно размышлять, что можно изменять и даже формировать. Личность становится ответственным субъектом за себя, свою индивидуальность, свое тело и жизнь. Вместе с тем, она превращается в продукт самопознания и самоизучения.

Рефлексивные возможности участников социальных ситуаций, их активная реакция на ситуацию и аргументы в условиях выбора создают для социальной теории дополнительную сферу приложения³⁰. Актуальной в этом смысле становится функция формирования «институциональной рефлексивности» в обществе.

У Хабермаса «теория строится на основе рефлексии необходимости новых концептуальных средств для анализа общества в изменившихся социально-исторических условиях...»³¹. В связи с этим остро встает проблема *субъекта* социально-теоретического познания, в качестве которого тот же Гоулднер видит интеллектуалов или культурную буржуазию, обладающую культурным капиталом. Автономия – это идеология нового класса, социальная же теория – орудие его познания. Необходимо критически отрефлексировать глубинные предпосылки и фоновые допущения социального знания вообще, свою классовую принадлежность. Самопознание через самоорганизацию (создание «общин теоретиков»), и самоорганизация посредством самопознания. Нельзя отрывать критику общества от самокритики теории. Символическим капиталом обладают

²⁷ Там же. С. 194.

²⁸ Там же. С. 196.

²⁹ См.: Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003. С. 31.

³⁰ Современная социальная теория / Под ред. А.В. Леденевой. Новосибирск, 1995. С. 13.

³¹ Немецкая социология. СПб., 2003. С. 417.

многие категории интеллектуалов. Однако не все из них выходят на уровень рефлексивной теории общества.

Практическая переориентация социальной теории. Мы не знаем, как и куда идет наше общество, какое место в этих процессах должна или может занимать социальная наука. Социальная инженерия, явившаяся в определенной мере технократической попыткой рационализации социально-управленческих решений, не получила дальнейшего развития. Новые социальные и гуманитарные технологии пока не получили своего теоретического обоснования. А социальная праксиология, пройдя длительный путь от социальной утопии к инженерии, остановилась перед стеной цинизма, жестокости и бесчеловечности (аморальности) современных политических и информационных технологий.

В последнее десятилетие становится все более очевидно, что современная социальная теория не может стоять в стороне от социально-политических изменений.

Еще в середине прошлого века А. Гоулднер сформулировал основные *политические задачи* социального теоретика:

1) искать свою собственную общину, которая обеспечила бы возможность интеллектуального познания и рационального общения для практического создания условий человеческой эмансипации;

2) сотрудничать с теми слоями и движениями, развитие которых идет по пути эмансипации человечества;

3) заниматься сознательно анализом политики, чтобы иметь возможность не быть втянутыми в чужую игру;

4) строить свои отношения с политическими силами и субъектами должно на основе принципов организационной автономии и формального неучастия в их деятельности;

5) не подчиняться дисциплине этих партий и движений, формировать собственную гражданскую позицию.

Предпосылки или основания познания и изменения этой реальности – вот предмет рефлексивной социальной теории.

Об одной «полезной» социальной концепции и возможностях ее практического применения. Тем не менее, отмечая идейно-теоретическую зависимость отечественных ученых от их западных коллег, нельзя отказываться от теоретически обоснованных концепций общественного развития. Вопрос необходимо поставить по-другому: как использовать эти концепции и идеи для регулирования социокультурных процессов России? Другими словами, необходимо переосмыслить практическую направленность и функцию самой социальной теории.

Еще в начале 90-х гг. прошлого века в журнале «Вопросы социологии» была опубликована статья Кармеля Камиллери «Идентичность и управление культурными несоответствиями: попытка типологии»³². Приведу лишь некоторые важные, на мой взгляд, практические приложения к анализу социокультурного опыта России.

В условиях противостояния между Западом и Востоком, Севером и Югом, развитыми и развивающимися странами происходят отклонения и нарушения в процессах социокультурной идентичности личности и общности. Посягательство на основополагающие ценности и смысл бытия народов и стран заставляет их искать разнообразные стратегии избавления от идентичностных конфликтов. В этой связи Камиллери предлагает три типа стратегий: с помощью простой и сложной когерентности, или посредством смягчения конфликта между культурными кодами³³.

Воспользуемся этой концептуальной схемой для характеристики сегодняшней социально-политической ситуации в российском обществе.

1. Для большинства политических сил России, расположенных справа или слева от политического центра, характерна, прежде всего, стратегия *простой идентичности*. Ни одна из этих партий не собирается жить в мире с другими, не ослабляя и не уничтожая своих противников. Среди них имеются свои конкретные типы или разновидности («фундаменталисты», «тотальные консерваторы», «оппортунисты»).

Фундаменталисты. Те, кто готов идти до конца, отстаивая незыблемость исходных идейных принципов и установок. В наших условиях — это коммунисты и радикальные либералы, две главные противоборствующие сегодня силы на политической арене, которые предлагают прямо противоположные картины реальности и модели общественного развития.

Тотальные консерваторы. Те, кто готов при условии сохранения своей онтологической чистоты и политической незапятнанности отдать практические функции другими партиями и силам. Таких у нас практически нет. Отдельные признаки этого типа встречаются, правда, у «Яблока» и некоторых других партий либерально-демократической ориентации. Делегирование практических полномочий такими партиями — скорее, от осознания бессилья, чем от присутствия силы, помноженной на конструктивную активность.

³² См.: Вопросы социологии. 1993. № 1-2.

³³ Простая когерентность свойственна субъектам, разрешающим проблему объективного противоречия путем ликвидации одной из его сторон, а сложная — ситуация, когда субъект создает новую формацию с учетом всех противостоящих элементов и сторон.

Конъюнктуристки или оппортунисты. Третья группа руководствуется стратегией «конъюнктурного чередования кодов» или регистров. Общим для представителей данного типа является следующее: субъекты переходят свободно от одной культурной системы к другой, пока им это выгодно или удобно. Яркий пример – партия Жириновского.

Итак, если у фундаменталистов преобладает «онтологический минимум», то у двух последних – «прагматический минимум».

2. Стратегия избавления от конфликта идентичности с помощью *сложной когерентности* является сегодня преобладающей для политического центра России, и прежде всего «партии власти».

Для этой стратегии характерны следующие черты: присвоение старому новому названия (значения), диссоциация, органическое соединение противоположностей, завышенная оценка духа в ущерб букве, приостановление применения ценности. Данная стратегия позволяет отсталым регионам России адаптироваться к современной реальности: при сохранении их самобытности сохраняется возможность инвестировать частично западные инновации.

Стратегия сложной идентичности реализуется сегодня партией власти в отношении большинства населения и федеральным центром по отношению к сепаратистски настроенным регионам России.

3. Стратегия *смягчения конфликта между кодами* находится на стадии осмысления. При наличии разных, противоречащих друг другу онтологических схем действительности и практических программ вряд ли можно прийти к полному консенсусу. Легче смягчить социокультурные различия между их носителями. Именно данная стратегия представляется мне наиболее перспективной для России как многонациональной, поликонфессиональной страны и поликультурного пространства.

Ее суть заключается в следующем:

а) дифференцированное уравнивание противостоящих ценностей (разные ценности могут иметь для тех или иных групп разный вес и масштаб, пример: конфликт между поколениями на почве образования);

б) ограничения, накладываемые на вопрос, который воспринимается как мучительный: можно жить в общей культуре, не затрагивая ее сущностных основ и придерживаясь собственных ценностей («межевые знаки», «красные флажки»);

в) систематическое чередование кодов (смена образа действий и онтологических картин в зависимости от объективных обстоятельств или родов деятельности, например: разное поведение человека на работе и дома, личная дружба между политиками разных ориентаций и т.д.).

Первые две стратегии присущи, на мой взгляд, предгражданскому состоянию российского общества. Третья, последняя стратегия является предпосылкой для формирования механизмов гражданского согласия и институтов гражданского общества, которые нам еще предстоит построить, если мы намерены идти в русле общецивилизационного процесса.

Таким образом, социальная теория, при всей слабости и противоречивости ее нынешней позиции в научном сообществе и в обществе в целом, призвана вырабатывать концептуально значимые и методологически обоснованные модели общественного развития, характерные для гражданского состояния. По существу, она представляет собой саморефлексию нарождающегося гражданского общества, осознающего себя посредством конвенциональных действий солидарных личностей и групп совокупным субъектом социальных преобразований.

Трудности роста и поиски самоопределения социальной теории (рефлексивной и критической по своей сути) связаны напрямую с процессами становления гражданского общества в России. Ее же будущее зависит, в частности, от того, сможет ли социально-научная общественность страны предложить обществу долговременную и эффективную стратегию идентичности посредством смягчения и преодоления конфликта между культурными кодами различных субъектов гражданского общества.

Рефлексивно-практическая теория против бюрократизации социальной науки. Функциональный кризис социальной теории означает, вместе с тем, и *кризис сообщества* социальных ученых в России, выражающийся, прежде всего, в бюрократической деформации их научной деятельности.

Бюрократический этос социальной науки и идеологическая ангажированность социальных ученых – явления отнюдь не сегодняшнего дня. Это имеет место как в советской, так и западной науке. К этому следует добавить еще некоторые тенденции, связанные с теоретическим самоопределением отечественного обществознания: с одной стороны, копирование и упрощение некоторыми отечественными исследователями западного опыта социального теоретизирования, с другой – формирование «доморощенных» образчиков осмысления действительности, апеллирующих главным образом к социокультурной или национально-культурной специфике России.

Бюрократизация социальной науки имеет сегодня явно выраженные корпоративно-клановые признаки. Важно не то, какую позицию в науке ты занимаешь, а то, с кем ты поддерживаешь свои отношения, кто входит в круг твоего повседневного общения, на кого ты как исследователь делаешь ставку в продвижении своих научных проектов и планов.

Так, например, сегодня трудно получить научный грант, если у тебя нет группы поддержки в соответствующих фондах и учреждениях. Дать или не дать тому или иному ученому деньги на проведение научных исследований – решает узкий круг лиц, имеющих свои собственные интересы и субъективные пристрастия.

Сделать карьеру в науке молодому исследователю значительно легче, если он принимает правила игры определенного сообщества – научного «клана» (а не школы), у которого есть свой отец-основатель (не путать с основателями научных школ), адепты и подражатели. При этом совершенно не учитывается различие в научных представлениях и предпочтениях представителей данного клана.

С этой точки зрения, предложенное Миллсом деление ученых на интеллектуалов-администраторов и исследователей-покровителей в наших, отечественных, условиях работает далеко не в полную силу. У нас нет системы подготовки профессиональных кадров для организации науки. Хороший *менеджер науки* – это большая редкость. Наши администраторы от науки не всегда являются интеллектуалами, а наши «могущественные» покровители и главы научных кланов редко сами занимаются систематическими исследованиями, вносящими сколько-нибудь ощутимый вклад в развитие фундаментальной теории.

Корпоративные лица отечественной социальной науки выступают сегодня в двух статусных позициях: те, кто принимает решения, улавливая малейшие перемены в политической конъюнктуре (академики, руководители большинства научно-исследовательских институтов), и те, кто участвует в подготовке и экспертизе этих решений («советники» и «эксперты»), получая прямые выгоды от сотрудничества с администрацией. И те, и другие претендуют на определенные уровни получения научного признания и других социальных благ.

На «периферии» этого корпоративно-бюрократического «центра» находятся *лидеры научных направлений*, чей авторитет сопряжен исключительно с их научными достижениями и в меньшей степени их противостоянием с бюрократическим корпусом, *ученые-одиночки* – авторы собственных научных концепций, получивших широкое признание в научном сообществе, но не обладающие определенным влиянием в руководящих кругах, и масса *исследователей* и исполнителей проектов, не располагающих достаточными научным потенциалом и ресурсами.

Фактически деятельность лидеров направлений и ученых-одиночек блокирована корпоративно-бюрократической общностью, которая контролирует условия продвижения по лестнице научной иерархии и способы получения средств профессионального существования – зарплаты,

возможности беспрепятственной защиты диссертаций и получения ученых степеней, званий, грантов и пр.

В социально-научном сообществе преобладают сегодня стратегии простой и сложной когерентности. Как и в большой политике, в его деятельности продолжают доминировать «онтологический минимум» (для старой, сложившейся еще в советский период, элиты) и «прагматический минимум» (для «новой», использующей свои предпринимательские возможности и административные ресурсы, элиты).

Где же выход? Возможно, он состоит в формировании новой стратегии – стратегии *смягчения конфликта между кодами*, реализация которого состоит в «разделении» труда между основными отрядами социально-научного сообщества: ученые производят новые знания (модели и картины социальной реальности); социальные технологи и преподаватели их транслируют и тиражируют; специально подготовленные менеджеры науки создают организационные условия для успешной деятельности первых двух категорий.

Остается только надеяться, что рядом с этим корпоративно-бюрократическим болотом прорастет молодая поросль, способная не только созидать теоретические концепции нового уровня и сформировать из своей среды новое поколение менеджеров науки, но и принять на вооружение стратегию *смягчения конфликта между кодами* различных отрядов научного сообщества.

Корпоративно-бюрократическая логика развития социальной науки, основанная на стратегии простой когерентности и противопоставляющая ученых («людей науки») и бюрократов (людей, далеких от интересов науки), противоречит принципам самоорганизации научного сообщества как важнейшего института гражданского общества.

Преодолеть ее сможет только поэтапное реформирование научного сообщества в рамках стратегии *смягчения конфликта между кодами* и на принципах демократии и идейного плюрализма. Поэтому в задачу рефлексивно-практической теории входит не только анализ (и критика) факторов бюрократизации и бюрократической деформации социальной науки, но и практическое обоснование условий формирования граждански ориентированной научной элиты.

Предмет и статус современной социальной теории

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ДЖ. КОУЛ

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ (фрагменты)¹

Джордж Коул (1889-1959) — английский историк, социолог, экономист, деятель лейбористского движения. Большинство своих работ посвятил истории рабочего движения в Великобритании и социальным проблемам капитализма. На русский язык переведена одна из таких работ — «Капитализм в современном мире» (издано с грифом «Для научных библиотек» в 1958 г.).

Как социальный теоретик Джордж Коул известен гораздо меньше, хотя вполне правомерно утверждать, что он был одним из первых ученых, серьезно занимавшихся проблемами социальной теории. Его монография «Социальная теория» (или, в поздних изданиях, «Введение в социальную теорию») выдержала несколько изданий (1920, 1923, 1951) в Великобритании, что позволяет говорить о высоком качестве этой работы.

Читателям журнала «Личность. Культура. Общество» предлагается перевод первой главы второго издания этой книги, вышедшей в Лондоне в 1923 г.

Эта глава под названием «Формы социальной теории» излагает взгляд Джорджа Коула на специфику социальной теории. Для этого английский ученый берет отправной точкой работу французского мыслителя Ж.Ж. Руссо «Social Contract», которую на русский язык традиционно принято переводить как «Общественный договор». Однако в интерпретации Коула перевод названия работы гораздо лучше звучит как «Социальный контракт».

¹ Перевод выполнен по книге: *Cole J. Social Theory. London, 1923. P. 1-21. Впервые опубликовано в журнале «Личность. Культура. Общество». 2006. Т. 8. Вып. 4 (32). С. 56-70.*

Социальный контракт между индивидом, ассоциациями и государством, в конечном счете, и составляющий общество, по мнению Дж. Коула, и есть основной предмет социальной теории. Вот почему предмет социальной теории им определяется следующим образом: «Социальная теория не рассматривает абсолютно все поступки индивидуумов, но, главным образом, те из них, что являются согласованными и скоординированными между собой, и те, которые приводят к созданию стабильных или нестабильных по своей организации социальных групп, а также те поступки таких групп, которые воздействуют на отдельных индивидов или противодействуют им» (см. ниже). Другое определение специфики социальной теории звучит еще более лаконично: «Предмет социальной теории есть поведение ассоциативного человека» (см. ниже).

Дж. Коул указывает на три основных пути, по которым можно вести исследование в области социальной теории: во-первых, это сравнительно-исторический анализ различных социальных институтов; во-вторых, социально-психологическое изучение поведения ассоциативного человека; и, наконец, в-третьих, поиск неких универсальных философских (нормативных) принципов, благодаря которым люди объединяются в ассоциации. Помимо того, возможны и второстепенные пути, включая, например, исторический метод.

Работа Дж. Коула интересна, в первую очередь, тем, что предлагает интерпретировать «социальную теорию» с акцентом на определение «социальный», или, иначе, как теорию, призванную объяснить сам феномен социального в обществе. И хотя, вероятно, с современной точки зрения, эта проблема более попадает в разряд «социально-философской», чем «социально-теоретической», сама точка зрения английского исследователя вполне заслуживает того, чтобы быть услышанной.

А.М. Орехов

Люди не просто создают свои сообщества, — они рождаются в них и там производят себе подобных. Каждый индивид со своего рождения вовлечен в определенное социальное окружение, и весь его жизненный пот проливается для того, чтобы улучшить условия существования для себя и своих родных. Как по мере его взросления более зрелым становится его сознание, так постепенно расширяется его социальная среда. Он становится равноправным членом своей семьи, которая снабжает его первым социальным опытом. В то же самое время он познает обширные масштабы окружающего его мира, который зовет человека совершить дальние странствия, и мира, который становится ему добрым другом, сходным с

миром домашнего очага. По мере того, как индивид становится старше, сам факт социальной организованности мира становится ему все более очевидным, а школа, церковь, клуб и другие социальные институты все более и более предъявляют права на этого индивида и становятся составной частью его жизни. Со временем, достигая зрелости, личность жадно впитывает в себя мир в контексте его ассоциаций и отдельных индивидов, обычаев и институтов, прав и обязанностей, удовольствий, страданий, желаний, надежд и страхов, стремлений и попыток понять ту силу, что движет этим миром, осознать вопрос о своем месте в этом мире и об отношении к нему.

Конечно, этот процесс бывает различным в отношении разных индивидов, групп и классов. К настоящему времени мужчины, например, гораздо охотнее вступали в контакты с другими мужчинами, чем, к примеру, с женщинами, чей социальный опыт не позволял расширять свободу в ее традиционном мужском понимании. Опять же, потенциальные возможности богатых и лучше образованных классов для контактов с внешним для себя миром всегда были гораздо полнее, чем у простых рабочих или низшего слоя среднего класса. Рабочие, однако, через свои профсоюзы, клубы и другие учреждения делили с высшими классами то, что большей частью отрицалось низшей частью среднего класса, — возможность свободного приобщения к публичному объекту и логически организованное оценивание (*consequent appreciation*) внешнего мира в его социальных качествах. Профсоюз (*The Trade Union*) как социальный институт есть эквивалентный ответ рабочего класса на учрежденные высшим классом для себя общественные школы и университеты, которые сами по себе есть институты не только образования, но и соответствующей социальной подготовки в качестве правящей касты.

Большинство мужчин и женщин черпают свой опыт из окружающей их социальной среды способами, далекими от философии (*unphilosophically*). Они просто отражают и воспринимают ее такой, какая она есть. Это, однако, не делает их опыт менее правильным (*real*), — точно так же, как и любую иную часть их ментальности. Они рождаются в трудном для их понимания обществе, и естественным образом это общество становится частью их жизни, как бы входит в их мировоззрение — *Weltanschauung*, как оно трактуется в немецкой традиции философствования.

Задача, которая стоит передо мной в этой книге, должна быть представлена в моем понимании как анализ социального содержания этого *Weltanschauung* обычного, ординарного человека, но, конечно, не замыкающегося в себе, а пытающегося скомбинировать различные варианты со-

циального опыта и соорудить из них одно взаимосвязанное, последовательное целое. Что представляет собой содержание нашего социального, общественного опыта – в смысле взаимодействия между различными фрагментарными индивидуальными опытами, а также контактами между собой индивидуумов, ассоциаций и институтов – того опыта, с которым мы ежедневно имеем дело в обществе? Что, если трактовать проблему совсем вкратце, есть структура общности, частично организованной и частично сознаваемой ее субъектами (*the half-organized and half-conscious community*), в формировании которой мы также принимаем участие?

Возможно, последний вопрос является слишком объемным и включает в себя анализ целей, которые находятся в головах субъектов. Но я не подразумеваю под этим *весь* опыт, я имею в виду только социальный опыт. Социальная теория не рассматривает абсолютно все поступки индивидуумов, но главным образом те из них, что являются согласованными и скоординированными между собой, и те, которые приводят к созданию стабильных или нестабильных по своей организации социальных групп, а также те поступки таких групп, которые воздействуют на отдельных индивидов или противодействуют им. Дезорганизующее, стихийное, выпадающее из общего потока поведение отдельных индивидов всегда будет находиться лишь на заднем плане нашего исследования и будет рассматриваться как побочная линия к главному вектору поведения социально организованных личностей.

Даже с этим ограничением область, которую я исследую в этой книге, может показаться другим людям слишком широкой. Социальная теория, особенно если к ней применяется подход как к «политической теории», весьма часто рассматривается как имеющая дело лишь с одной специфической организацией – «государством» и с отношением между этим государством и индивидом. Самая современная теория, однако, все больше и больше продвигается к заключению, что такое определение области ее исследования ошибочно, поскольку фундаментально противоречит фактам социального опыта.

Я не имею в виду, конечно, то, что об этом нельзя вообще писать и говорить, а также проводить ясное и самостоятельное (*separate*) исследование природы ассоциации, называемой «государством», и пробовать уяснить отношение последнего к отдельному индивиду. Это есть, несомненно, абсолютно законное и нужное исследование. Но я совершенно отрицаю возможность всякого анализа отношений между государством и индивидом, которое могло бы заложить определенный фундамент для всеобщего поля (*general survey*) социального опыта, проведенного таким образом, чтобы оно было способно глубоко проникнуть в самую сердце-

вину вопроса о месте человека в обществе. Абсолютно неправильно будет сводить все те социальные отношения, в которых индивид участвует и которые он лично осознает, исключительно к его отношениям с государством; и еще более неправильно было бы полагать, что отношения между индивидом и государством обеспечивают нас всем социальным опытом или большей частью последнего.

Общество — невероятно сложная вещь. Помимо личных и семейных связей, почти каждый индивидуум, начиная с детских лет, вступает в тесные контакты с множеством разнообразных социальных институтов и ассоциаций. При этом он — не только гражданин государства или субъект непосредственно внутри него самого или каких-либо локальных государственных структур; он также взаимодействует с социальным порядком посредством множества добровольных и недобровольных ассоциаций и институтов. Он может быть рабочим на фабрике или на шахте, чиновником в офисе, членом религиозной или нерелигиозной общины, членом тред-юниона или какой-либо иной профессиональной организации, кооператором или держателем земельного надела, акционером строительного общества или членом общества взаимопомощи, он может посещать клуб на Пэйл-Мэйл², проявлять разнообразный интерес к политике или бизнесу, он может быть спортсменом, связанным с каким-либо клубом, социалистом или приверженцем Дизраэли, он может иметь хобби, которое побуждает его примкнуть к той или иной ассоциации людей с такими же увлечениями (*tastes*) или мнениями (*views*), которые заставляют его сомкнуться с людьми, имеющими такую же позицию. Более того, как муж, хозяин или домовладелец, он прямо вступает в контакт с социальными учреждениями, охраняющими брак и имущество, в то время, как саму его жизнь можно представить в целом как конгломерат социальных обычаев и традиций со всепроникающей сферой влияния.

Никто не способен избежать постоянного контакта хотя бы с небольшим числом социальных институтов, и почти все сознают в той или иной степени многосторонность и неизбежность социальной среды, частью которой они сами являются. Семейные традиции, возможно, сильнее действуют на женщин, а публичные ассоциации — на мужчин, но среди женщин также наблюдается рост различного рода ассоциаций, который следует объяснять расширением их социального сознания.

Будучи весьма трудным с социальной точки зрения, данный вопрос требует правильного подхода с теоретических позиций. Тенденция среди

² Пэйл-Мэйл (Pall-Mall) - улица в Лондоне, где располагается большинство аристократических клубов.

политических теоретиков сводится к тому, чтобы исследовать его как результат направляющего воздействия власти или силы, точно так же как и в остиновской теории права³. Из всех форм ассоциаций и институтов, которые я упоминал, только само государство с контролируемыми им органами, а также в некоторой степени муниципальные органы, очевидно, в наши дни располагают принудительной властью. Государство, следовательно, как определяющая верховная власть, держит в своих руках не только Его Величество Закон, но и инструменты физического принуждения, коренным образом отделяя пьедестал своего учреждения от других форм ассоциаций и трактуя *свой собственный* институт как общественный институт *par excellence* [по преимуществу], в то время как иные ассоциации есть корпоративные или квазикорпоративные индивиды, — точнее, признаваемые в качестве «индивидов» государством и законом, хотя совершенно очевидно, что они таковыми не являются.

Следуя этому пути, логично прийти к заключению, что классическая политическая теория трактует государство как воплощение и коллективную волю общественного сознания, акции государства как акции человека в обществе, связь между государством и индивидом как управляющую волю первого по отношению к последнему, и все вместе — как почти единственный предмет всякой мыслимой социальной теории. Но помимо государства и его деятельности такая теория должна заниматься всеми индивидами, ассоциациями и институтами безотносительно к роду их деятельности и трактовать их деятельность как социальную деятельность вне указания на ее специфичность.

Я полагаю, что вышеупомянутая ошибочная концепция предмета [социальной теории] вырастает главным образом из интерпретации человеческого общества в терминах Силы и Закона. Все начинается с ошибочного подхода, утверждающего, что принуждение (*coercion*) — это единственная сила, способная удержать человека в границах ассоциации, хотя это и не так. Совершенно иной способ восприятия этого вопроса разработан в трактате Ж.-Ж. Руссо «Общественный договор»; он основан на использовании принципа Свободной Воли (*Will*), а не Силы и Закона.

Если мы обзреваем общественный порядок в этом свете, то иным становится само наше мировоззрение. Не только государство, но и все другие формы ассоциации, в которых люди объединяются или соединяются вместе для выполнения каких-либо социальных задач, выражающих различным образом и в различной степени волю индивидов, состав-

³ Джон Остин (John Austin) (1790-1859) - английский философ и юрист, один из основоположников школы «юридического позитивизма».

ляющих эти ассоциации. Различия между социальной теорией – теорией социального поведения и этикой – теорией индивидуального поведения сразу выявляются как различия между простым индивидуальным поступком и коллективным поступком, между непосредственным индивидуальным действием отдельной человеческой личности путем воплощения ее воли в конкретном деянии и индивидуальным действием в пользу большинства, через общество или ассоциацию. Конечно, поступок индивида может быть точно «социальным» по его содержанию и цели как поступок «общества» или «группы». Но это уже иной случай: существенное заключается в том, что выраженные в терминах воли, действия государства проявляют себя как действия любой другой ассоциации, в которой люди объединяются ради каких-то общих целей. Соответствующие сферы действия этической и социальной теории таким способом размечаются для практических целей с необходимой ясностью, хотя сомнительная граница между различными типами действий остается: оно, это действие, может быть либо личным, либо ассоциативным, потому что элемент ассоциации, присутствуя в нем как рудимент, не может зачастую преодолеть границы чисто индивидуального поступка. Такая точка зрения, однако, нас не особенно здесь трогает; достаточно лишь прояснить момент, что социальная теория в первую очередь связана с проблемой человеческой ассоциации, но не обязательно с ассоциацией в форме государства, то есть она связана в целом с коллективной волей и действием.

Коллективная воля и коллективные действия, конечно, могут быть отвергнуты как базис человеческих институтов; но последствия такого отвержения более чем экстраординарны, и это при всем том, что почти все политические теоретики неприязненно относились к подобной трактовке данного базиса. Но даже те, кто подобно Гоббсу, был наиболее прилежен в конструировании (*founding*) своих концепций современных им обществ на базе Силы и Закона, все же искали подкрепления своих позиций, используя исконный потенциал, исходящий от общественных ассоциаций.

Следовательно, воображаемый гоббсовский социальный контракт [общественный договор], посредством которого люди коммуницируют друг с другом, объединяясь своим волеизъявлением в социум, на деле только бы отчуждал их друг от друга, – как их самих, так и их потомков, оставляя их одинокими в проекте легитимизации общества. Поскольку в обосновании человеческой ассоциации Гоббс апеллирует только к нормам, а не к фактам, здесь не избежать обращения (*invoking*) к принципам человеческой воли, кроме тех, что утверждают, что король есть король по божественному праву и назначению, т.е. кроме тех, что апеллируют от воли человека к вездесущей и всемогущей воле Господа.

Всякий подход к демократии делает реальный и легитимизирует основания общества посредством объявленной воли его членов. Теория, базирующаяся на Силе и Законе, может незаметно привести к авторитарному обществу; но она и не способна пройти мимо возникновения демократического или даже аристократического сознания. Это — истина, но не только или главным образом потому, что воля конкретных людей или класса начинает влиять на положение дел в государстве; но, еще более потому, что без санкции закона другие формы демократических или олигархических ассоциаций начинают употреблять власть каждая в своей области влияния, угрожая подвергнуть сомнению или в целом взять под контроль государство и узурпировать функции, которыми это государство располагает. Закон в прямом его значении исполняется судом и полицией, оставаясь при этом в руках государства; но другие его ветви (*bodies*), такие как баронская ассамблея, церковь или тред-юнионы, конструируют конкретные положения и обеспечивают их гарантиями даже без помощи судей и полиции. Возможно, величайшим скандалом власти в наши дни будет то, если вдруг сами полицейские сформируют свой тред-юнион и установят в его узкой сфере свою легислатуру, исполнительную и судебную власть.

Такая общественная ситуация фатальна для политической теории старого типа. В то время как политические философы держались самых спекулятивных (*high*) теорий относительно концепции государства и отношения индивидуума к государству, мир вокруг них оброс целой сетью новых проблем, касающихся положения в обществе различных добровольных или иницилируемых сверху ассоциаций, их отношения к национальному государству, их существования в форме международных объединений, их бурным размножением (*multiplicity*), возможностью конфликта между обязанностями вовлеченных туда индивидов и их верноподданническим долгом. Короче, в то время как философы абстрактно обсуждали проблему государства и индивида, истинно творческая мысль двигалась в направлении дискуссии о функциональной организации общества и поднимала новые проблемы, касающиеся положения в нем личности.

Не последним сюрпризом было также и то, что под воздействием таких условий абстрактные политические теории различных школ становились бесплодными и новые ростки (*developments*) мысли пробивались там, где проявляла себя действующая ассоциация (*functional association*), а не в обычной философии или государственной теории. Отдельно от новых идей, относящихся к чистой психологии, существует три первоисточника (*sources*) для социальной теории — церковь, промышленность

и история. Соблюдающая публичное молчание, ослабленная конфликтами, начиная с семнадцатого столетия, церковь сегодня возвращает свое право говорить и даже право активно влиять на других людей. Она начинает реализовывать себя в качестве социального института и требовать право духовного самоуправления и духовной свободы (spiritual self-government and spiritual freedom) от государства. Книга Дж.Н. Фиггиса (J.N. Figgis) «Церкви в современном государстве» доказывает тезис, что церковь является одной из подталкивающих нас сил в направлении современной социальной теории.

Более диффузная, но более могущественная сила вырастает в индустрии. Большевики, синдикалисты, промышленники — последователи марксизма (Marxian Industrialist)⁴ — и коммунисты не просто призывают организации пролетариата к независимости от государства; они угрожают полностью разрушить его. Правы они или нет, но эти движения имеют силу, а их доктрины — значительное международное влияние. В то же время гильдейские социалисты, вдохновляемые соответствующей экономической и социальной обстановкой (conditions), проповедают систему демократического самоуправления в промышленности и сообразную этим функциональным принципам трансформацию государства. Их доктрина действует и за пределами индустрии, хотя родилась непосредственно из промышленности. Она доходит в своем анализе до законченной (complete) социальной теории, — социальной теории примерно того типа, что я хочу предложить далее в этой книге.

Наконец, существует история как источник, которая есть наше знание, которое вырастает из нашего прошлого, напоминая нам о другом, прошлом, идеале государства — государстве всезнающем, вездесущем, всеприсутствующем и всесуверенном, немного похожем на сознание мегаломаньяка, грандиозного сверхсущества с манией величия, но это уже немного вчерашний день истории, и государство в здесь видится подобно совершенной, законченной скульптуре, хотя — с точки зрения современности — его следует, скорее, уподоблять молодому нуворишу наших дней, пусть с длинной и почетной родословной. Не только исследование средневековой истории, но и рост знания о ранних человеческих институтах служит подчеркиванию совместного характера различных форм человеческих ассоциаций как сущностной реальности, базирующейся на общей воле всех людей, ассоциаций, которые римское право признавало только как производные *personae fictae* [фиктивной личности]. Мы мно-

⁴ Вероятно, речь идет о промышленниках, использующих методы Р. Оуэна в управлении своими предприятиями. - Прим. переводчика.

гим обязаны О. Гирке⁵ и Ф. Мэйтланду⁶ в нашем исследовании права; они позволили нам рассматривать его не только как служанку суверенного государства, но понять его более полно — в отношении назначения человеческих ассоциаций.

Наше исследование социальной теории будет начинаться, однако, не с государства и с других специфических форм ассоциаций, а с ассоциации как целостного образования и с исследования путей, посредством которых люди творят эти ассоциации как приложение или дополнение к их действиям в качестве частных или изолированных индивидов.

Здесь, однако, мы сразу же наталкиваемся на первую (*immediate*) трудность. Может ли семья трактоваться как ассоциация, или это часть структуры общества, неотличимая от индивидуумов, ее составляющих? Будет ли исследование семьи частью индивидуального или социального поведения? На эти вопросы очень нелегко ответить.

Я не предлагаю углубляться в историческое исследование семьи или затрагивать отношения, реальные или предполагаемые, между семьей и племенем (*tribe*). Я готов обсуждать эту тему, но не с исторической точки зрения, а только в отношении к настоящему и прошлому. Я еще раз могу заметить, что в предшествующие времена семья меняла не только свою природу и функции, но и свою структуру (*composition*), и это делало ее менее социальной и более личной (*personal*) единицей. Семья сегодня функционирует как единица или в персональном аспекте, или в аспекте очень малой группы, которые обыкновенно включают в себя одно домохозяйство. Семья, в смысле клана, включающая в себя относительно небольшую группу родственников по крови, не выживает в западных обществах как социальная единица. В примитивных цивилизациях, однако, она отчетливо и значимо существовала, но в форме, скорее, не личной, а коллективной единицы; но сегодня социальные функции клана перешли в другие руки, и семья осталась как частная группа, лишенная всех социальных функций, кроме рождения и воспитания детей. Воистину, здесь почти нет исключений! Правда, одно исключение все же мы можем допустить для наших сегодняшних целей. Поскольку семья составляет один из фундаментальных остовов общества, в этом смысле она остается сама собой даже в современных условиях, внешних по отношению к общественному строю, и, в частности, она остается сценой для чисто личных контактов, сохраняя спо-

⁵ Гирке О. (Gierke O.) (1841-1921) — немецкий правовед, один из представителей «исторической школы права».

⁶ Мэйтланд Ф. (Maitland F.) (1850-1906) — английский историк и юрист.

способность к организовыванию и представляя тем самым одну из социальных функций.

Для нее характерно быть неорганизованной единицей, неспособной к организованной координации с миром ассоциаций, который окружает ее; в ее функционировании «личное» важнее, чем «коллективное», а «индивидуальное» важнее, чем «ассоциативное». Это само по себе создает возможность семье быть сильнейшей из всех человеческих групп и определенно быть более постоянной; но, как человеческая группа она гораздо более индивидуализирована, и не в меньшей степени ее сила кроется в том, что она как бы отчуждена от других групп и остается, в значительной степени, изолированной в мире развивающихся взаимодействий. Ее члены активизируют выполнение своих гражданских, хозяйственных и политических функций, но не прямо через них, а, наоборот, посредством своих индивидуальностей, через удаление своих прошлых функций, например, через пренебрежение домашней индустрией, и они все больше и больше акцентируют свои интересы на сфере исключительно личных привязанностей и контактов.

В прошлом некоторые социальные теоретики основывали свои глобальные (whole) теории на модели семьи (upon the analogy of the family), и этим настойчиво стремились объяснить весь широкий спектр явлений ассоциации и общности. Все такие объяснения кажутся сегодня очевидно ложными, и нет никакой нужды в них вдаваться. Безусловно, также необходимо заметить, что мы имеем здесь как раз тот случай, когда никакой фальшивой моделью нельзя причинить социальным теориям серьезный вред. Но снова и снова социальные теоретики, вместо отыскания и эффективного использования метода и терминологии соответственно методу и терминологии их исследования, предпринимают попытки выразить факты и ценности общества в понятиях теории иного типа или естественной науки (in terms of other theory or science). По аналогии с физическими науками они прилагают невероятные усилия к анализу и объяснению общества как *механизма*, или по аналогии с биологией настаивают на рассмотрении его как *организма*, или по аналогии с психологическими (mental) науками и подобного типа философией упорно утверждают, что рассмотрение общества должно быть построено по типу *личности*, иногда используя религиозную модель, в которой личность уподобляется Богу.

Такие разнообразные аналогии могут иметь различную степень ценности. Механическая и органическая модель одинаково пагубны без всяких уточнений, и обе они ведут теоретика к серьезным заблуждениям; обе они апеллируют к грубому материальному сходству, — это там, где

следует улавливать тонкие ментальные или духовные подобию. Модель, вырастающая из психологии и зараженной психологизмом философии, менее вредна и она может быть вполне осмысляема, если не проталкивать ее слишком далеко; хотя ни для обществ, ни для различных ассоциаций, которые включают в себя «личности», подобный подход должен быть более «личностным», чем механическим или органическим.

Существуют, однако, очевидные и достаточно разумные причины, почему на подобных моделях нельзя глубоко продвинуться внутрь исследований человеческого общества. Каждой отдельно взятой сфере таких исследований соответствует свой собственный метод и своя терминология, и модели, выходящие за пределы своей области применения, не вызывают ничего, кроме замешательства. Наша цель состоит не в том, чтобы знать, на что общество похоже, а в том, чтобы знать, что оно есть и как оно существует; и любые отсылки к другим, несоциальным наукам здесь бесполезны.

Бесспорно, что метод социальной теории весьма близок методу этики и психологии. Эти два метода в самом реальном смысле взаимопересекаемы и дополняют друг друга, и только в этих двух отраслях знания мы находим полное знание общественных отношений (community). В некоторой степени они должны преследовать один и тот же метод для того, чтобы их заключения оказались сопоставимы и соотносимы друг с другом. Таким образом, социальная теория имеет свою социальную психологию, свой описательный способ исследования взаимодействия людей в ассоциациях, и все это некоторым образом имеет отношение и к социальной философии, хотя точно таким же путем индивидуальная психология взаимоотношается с моральной философией. Насколько такая параллель уместна, сказать сложно, так как социальная психология есть сравнительно молодая наука с еще неустоявшимся методом.

Но тот факт, однако, что социальная и моральная теория взаимно дополняют друг друга, а также то, что их конечная цель — изучение человеческого сознания (mind) в действии, демонстрирует, что обе теории должны располагать одним и тем же методом и по возможности использовать примерно одну и ту же терминологию. Даже если их сферы приложения различны, они все равно тесно переплетены между собой, хотя это переплетение и делает путаницу терминологии даже более вероятной, чем путаницу мысли. Так, если мы обозначаем ассоциацию как «личность», мы просто затушевываем разницу между личностью и ассоциацией, между личным и коллективным (associative) действием, на которой существенным образом базируется разделение между собой моральной и социальной теории. Такой подход может быть поле-

зен юристам, чей объект может быть во всех случаях уподоблен группе людей или ассоциации [т.е. юридическому лицу. — Прим. переводчика] с соответствующим приложением к ним норм закона; но, очевидно, подобное недопустимо в социальной теории.

Мы должны — ради сохранения ценности наших рассуждений — в таком случае избегать аналогий или, по меньшей мере, следования терминологии, которая бы повлияла на наши аналогии. Мы должны адаптировать нашу собственную терминологию и сделать ее, по мере возможности, отличимой от терминологии иных наук и направлений.

Я полностью сознаю, что еще не совсем определена почва для такого приспособления терминологии в направлении социальной теории — приспособления, где ясны и согласованы между собой все понятия. Это может быть сделано только частично, и ошибается тот социальный теоретик, кто недостаточно последователен в определении рамок (the boundaries) собственного исследования. Также следует признать, что перед нами — задача исключительной трудности в силу того, что термины, употребляемые в социальной теории, есть слова повседневного пользования и они особым способом сдвигают свои значения вследствие изменения условий их использования, и чем больше меняются эти условия, и чем больше ассоциации и институты, рассматриваемые социальной теорией, развивают новые функции и устраняют старые, тем более меняются их базовые характеристики и внутренняя структура. Например, различные «государства» сегодня сильно различаются между собой, и очень трудно найти определение, которое бы обнимало все возможные типы государств. Но «государства» различных эпох различаются между собой еще больше, и потому общая природа их обнаруживается очень непросто — посредством констатации скоротечно являющихся и исчезающих параметров.

Возможно, если покажется, что эта книга больше затрагивает вопросы терминологии, то это моя вина. Едва ли реально впасть в дискуссию относительно значения социальной теории без того, чтобы обнаружить раньше или позднее, что эта дискуссия будет клониться к разрешению проблемы слов, — не потому что слова и есть сама проблема, а потому что невозможно опуститься до реальных проблем, пока не будут разрешены понятийные. Мы не окажемся способны провести всякое исследование социальных феноменов, и тем более дать объяснение их, пока мы не определим, насколько это возможно, проблему приписывания каждому понятию одного-единственного определенного значения, и пока мы не согласимся с тем, что это значение и есть единственное допустимое из всех значений. Потому вторая глава книги будет преимущественно рассматривать вопросы терминологии.

Однако до того как мы начнем обсуждение тех особенно дебатированных вопросов, которые нами были заявлены, было бы хорошо сделать максимально очевидным объект, который мы будем рассматривать в этой книге. Предмет социальной теории есть поведение ассоциативного человека (*The subject-matter of social theory is action of men in association*). Это достаточно очевидно. Но также ясно, что этот предмет может быть исследован с различных точек зрения. Отводя в сторону чисто историческое исследование, мы можем предложить здесь по меньшей мере три пути — вдобавок к многочисленным второстепенным возможностям (*besides many subsidiary ways*) — и, реализуя их, мы свяжем один фрагмент концепции с другим, и каждый из этих фрагментов будет бросать свет на другой; но сами задачи этих трех путей ясны и очевидны, хотя при сведении их в единое целое результат может оказаться различным. Мы должны ясно видеть возможное содержание этих трех путей исследований, при этом важно признать и принять во внимание сферу и пределы каждого из этих путей, особенно если мы рассматриваем их порознь друг от друга.

Первый подход к интерпретации сущности социальной теории заключается в *исследовании и сравнении между собой реально существующих (actual) социальных институтов*. Здесь мы тесно сближаем теоретическое исследование с историческим; наполнение данных требует привлечения материала исторических исследований. Антрополог или социолог, изучающий институты примитивных обществ (*institutions of primitive mankind*), историк-конституционалист, исследующий эволюцию государства и политической структуры общества, юрист, анализирующий эволюцию законодательства, церковный историк, изучающий рост и организацию церкви, — они все накапливают данные для их дальнейших обобщений (*generalizations*), уже на базе которых выводятся научные принципы человеческой организации. Исследователи, изучающие всякие характерные (*representative*) [для общества] институты — как, например, ранее Монтескье или Острогорский, — работают именно с таким материалом и выводят отсюда выводы, представляющие некую объективную ценность. «Позитивная наука» об институтах есть именно такой объект научного исследования.

Второй подход делает акцент не на исследование самих институтов, а на *изучение мотивов и импульсов, благодаря которым люди вовлекаются в социальные действия, используя в дальнейшем эти институты и ассоциации*. В одном приближении (*at one extreme*) этот тип теории находит свое место в исследовании психологии «масс» или «толпы», импульсов и способов действия слабо (*barely*) организованной человеческой группы. В другом приближении, но с похожей точки зрения, этот подход исследует

психологические аспекты более сложных и высокоорганизованных форм человеческой ассоциации и пытается, подобно психологии индивидуального поведения, сформулировать общие правила, которые управляют поступками ассоциативного человека, анализируя также пороки (diseases) ассоциаций, подобно тому, как индивидуальная психология исследует отклонения, встречающиеся у личности. Книга Роберта Михельса «Демократия и организация политических партий», возможно, есть лучший современный образец такого исследования в применении к нашим дням; но исконную форму (nucleus) такого исследования можно найти в «Общественном договоре» Руссо, где присутствует анализ как самого процесса управления, так и тенденций управляющих кругов (government) к вырождению.

Существует, конечно, и более основательная «социальная психология», которая на этих проблемах зарабатывает гораздо больше комиссионных, чем социальная теория. Подобно психологии в целом, социальная психология в лице своей профессуры постоянно обновляет научные данные, поставляемые ей примитивными обществами, и совершенствует свой анализ человеческих инстинктов и побуждений. Работа Грэхема Валласа⁷ «Человеческая природа в политике» представляет собой что-то вроде введения в наиболее разработанную систему социальной психологии, которой автор пытается придать заверченный вид, не совсем удачно продолжив ее дорабатывать в другой своей работе – «Великом обществе». В Америке, однако, метод Валласа нашел множество последователей, и мы здесь ожидаем значительный подъем этой формы социальных исследований.

Третий подход к пониманию социальной теории – это тот самый подход, который ясно выразил Руссо в своей книге «Общественный договор». Суть его – не менее чем *обнаружение универсальных принципов общественной ассоциации* (the discovery of universal principles of social association) и, в большей своей части касающейся ценностей, чем фактов, социальности (sociality). Он [Руссо] резко противопоставляет свой метод методу, имеющемуся у Монтескье: «Монтескье не имел намерения осмысливать принципы политического права; он позволял вводить в обращение позитивное право от уже имеющегося правления (government); и никакой второй путь здесь был невозможен».

Таким образом, с точки зрения Руссо, его подход, суть которого заключается в обнаружении универсальных философских принципов человеческой ассоциации, направленных скорее не на факты, а на *нормы*

⁷ Валлас Г. (Wallas G.) (1852-1932) - английский социолог и политолог.

(right). Это было, говоря школьным языком, *нормативное*, а не позитивное исследование. Это было дополнение к этической философии и одновременно параллельная линия в отношении к ней, как исследование индивидуального поведения с моральной точки зрения, точно так же, как социальная психология, как исследование ассоциативной, коллективной деятельности с описательной, аналитической и компаративной точки зрения, соотносится с индивидуальной психологией, как изучение индивидуального психического действия. Далее, однако, параллель заканчивается вследствие различия между предметными областями. В случае социальных институтов имеется третий способ исследования, основывающийся на первом из вышеупомянутых подходов к социальной теории, который изучает и сравнивает имеющиеся (actual) институты и пытается достичь практических обобщений на этом фундаменте. В случае индивидуального поведения нет соответствующего третьего пути, если мы не согласимся прибегнуть к помощи наук, изучающих человеческий организм (human body), — физиопсихологии, физиологии и других подобных дисциплин. Но сделать это — значит впасть в одну из опаснейших аналогий, против которой мы уже предостерегали выше. Реальные институты могут быть уподоблены, в определенном смысле, «телесной оболочке» общества, и они также могут быть рассмотрены в некотором смысле как «механизм». Но, строго говоря, общество не имеет «тела» и, как утверждал Герберт Спенсер, у него нет «обычной чувствительности». Институты, даже если мы отделяем их от мотивов, представленных в действиях, не есть ни организм, ни механизм. Если мы того пожелаем, мы можем употреблять термины «органы социального тела» или «механизм (machinery) общества», но мы должны остерегаться таких фраз в случае, если они представляют собой нечто большее, чем метафоры, или основываются на заключениях, представленных в вышестоящей аналогии.

В моем подходе предмет исследования этой книги представлен как исконно философский. Я концентрирую свое внимание на социальной теории как *социальном продолжении этики* (social complement of ethics), используя в большей степени глагол «как должно быть», чем глагол «есть», и с вопрошанием, направленным более на нормы (right), чем на факты. Но это не означает, что желаемо или возможно отказаться от рассмотрения иных способов социального исследования, которые были нами здесь упомянуты. Описанная нами выше социальная психология предлагает, в частности, обязательный и безусловный материал для изучения социального поведения. Но разница состоит в том, что в отношении того специфического исследования, которое мы проводим, такая психология способна сформировать лишь частичный, а не полный и окончательный ракурс в

направлении объекта нашего исследования, да еще разве что дать материал для нашей работы. Мы должны знать, как ассоциации и институты реально работают, как человеческие мотивы и их искривления (*distortions*) представлены в них, еще до того, как мы сформируем любое философское представление (*conception*) о принципах, приводящих их в работу. Следовательно, нам не следует подражать Руссо, восклицавшему: «Назад, от фактов!», даже если бы в наших заключениях взамен ускользающих от нас фактов остались лишь одни нормативные суждения (*questions of right*).

Перевод А.М. Орехова

Р. ЛИНТОН

ЛИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО*

Исследования личности, культуры и общества, во всем их многообразии и взаимосвязях, представляют собой ответ на старый императив, гласящий: «Человек, познай себя». Большая часть явлений, изучаемых в рамках этого направления, известна с незапамятных времен, однако их анализом занимались преимущественно философы и теологи. В качестве объекта научного исследования они стали рассматриваться только при жизни последних двух-трех поколений.

Но даже теперь они развиваются с большими трудностями. Несмотря на успешное использование некоторых научных методик, многие из подходов просто не применимы к анализу феноменов данного порядка. Сама природа материала в большинстве случаев препятствует использованию экспериментальных методов. Подлинные свойства культуры и общества таковы, что их невозможно привести в систему или создать для их исследования строго контролируемые условия. Экспериментальные методы более применимы для изучения индивида, но и в этом случае они оставляют желать лучшего.

Личность, даже маленького ребенка, к моменту ее исследования, уже обладает своеобразным психологическим складом и врожденными, биологически детерминированными задатками. Они составляют искомый X всех уравнений, единственное неизвестное, не найденное с помощью известных нам методик. Теоретически возможно выявить эти врожденные задатки, если поставить задачу контролируемого выведения человеческого потомства с одинаковой наследственностью. Тогда у нас появилась бы возможность наблюдать свойства личности, возникающие под воздействием различных внешних условий, выбранных для эксперимента. Однако использование человека в качестве «подопытной свинки» маловероятно даже в отдаленном будущем, поскольку сама эта идея разрушает все присущие нам ценности. Так, например, чтобы выйти на первую стадию выведения «чистой» породы, необходимо обойти запрет инцеста.

* Перевод выполнен по изданию: *Linton R. The Cultural Background of Personality. N.Y.-L., 1945. P. 1-26.* Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Личность. Культура. Общество». 2001. Т. 3. Вып. 1. С. 68-86.

Эти ограничения, накладываемые на использование экспериментального подхода, не являются единственным комплексом проблем, с которыми сталкивается исследователь. Индивиды, культуры и общества представляют собой конфигурации, образующие единое целое, которое само по себе значительно важнее составляющих его отдельных частей. До недавнего времени научные исследования обращались к подробному анализу этих конфигураций и изучению составляющих их элементов в большей степени, чем к проблеме целостности. Даже сегодня, когда значение конфигураций как таковых общепринято, методы работы с ними практически отсутствуют. Наконец, отсутствие точной и доказуемой единицы измерения является серьезным препятствием для изучения большинства социальных и культурных феноменов. Пока подобные единицы не установлены, нельзя использовать и математические методы, доказавшие свою состоятельность для других областей исследования.

Наибольший методологический прогресс был достигнут в психологии, где была проведена большая серия опытов, многие из которых, казалось, дали удовлетворительные результаты. В основном эти тесты выявляли отдельные свойства личности, но не конфигурации личности в целом. На основании результатов группы индивидов были распределены в соответствии с основной характеристикой, например такой, как интеллект, но такие выборки не имели ничего общего с тем порядком, в соответствии с которым те же самые индивиды могли быть выделены в группу с другой характеристикой — такой, как агрессивность.

Последним и наиболее перспективным достижением в этой области является создание тестов, предназначенных для выявления конфигурации личности в целом. Это направление находится на стадии становления, однако тесты Роршаха и тесты Мюррея на апперцепцию уже доказали свою состоятельность и научное будущее. Но даже и тогда, когда формальные процедуры будут доведены до предельного совершенства, они не смогут дать ответ на некоторые наиболее значимые вопросы, связанные с исследованием личности. Любой тест может раскрыть свойства личности только на тот момент, когда он проводится. Индивид представляет собой динамичный континуум, и несмотря на важность раскрытия его содержания, организации и его проявлений в настоящий момент времени, более существенными являются процессы его развития, роста и изменений.

При изучении этих процессов формальные тесты могут дать нам не более чем серии точек, расположенных на линии (диаграмме) жизни индивида. Мы располагаем весьма незначительными сведениями подобно-

го рода. В этой ситуации наилучшим подходом к исследованию проблем развития личности должно оставаться изучение и сравнение жизненных историй, полученных от самих индивидов. Психоаналитики проделали важную работу в этом направлении, но даже в психоанализе осталось масса лакун в формировании объективных техник. Несмотря на частичную состоятельность многих заключений психоаналитиков, большинство из них достигнуто на основе субъективных суждений и не применимо к тому роду доказательств, которые необходимы исследователям в нашей науке.

Многие из вышеперечисленных трудностей со временем, вероятно, исчезнут. Ожидая развития новых технологий, предназначенных для исследования отдельных характеристик личности, культуры и общества, исследователи в своих выводах должны уйти от простого наблюдения и сравнения материалов. Подобный подход свойствен, скорее, старой школе, а не современным этнологам. Тем не менее, не следует забывать, что без ориентиров, намеченных работой натуралистов, большинство более поздних достижений было бы просто невозможно.

Исследователи человеческого поведения как на индивидуальном, так и групповом уровне, создали адекватные описательные техники и основательно продвинулись в понимании феноменов, которые они изучали. Они также существенно приблизились к осознанию сложности этого материала и пониманию тесной функциональной взаимозависимости между личностью, обществом и культурой. Исходя из атомистических традиций в науке, каждая из этих сфер должна быть выделена в самостоятельное поле исследования и представлена как объект изучения отдельной дисциплины.

Личность должна исследоваться в рамках психологии, общество — в рамках социологии, культура — культурной антропологии, хотя две последние науки демонстрируют устойчивую тенденцию вторгаться в поле друг друга. Сегодня становится очевидным, что взаимодействие между личностью, обществом и культурой столь тесно, их интеграция столь продолжительна, что ученый, который пытается работать с одним из этих феноменов, неизбежно вторгается в пределы иных сфер. Специалисты ограничены в своих возможностях, поскольку, ведомые своими интересами, стараются сохранить раздельность этих дисциплин. Тем не менее, представляется возможным, что в течение уже нескольких последующих лет мы станем свидетелями появления науки о человеческом поведении, которая будет синтезировать достижения психологии, социологии, антропологии. Возможно, к этой троице через некий промежуток времени следует добавить биологию, но соотношение между биологическими, психологическими, социальными и

культурными феноменами еще столь слабо изучено, что пока лучше ее опустить.

Несмотря на функциональные взаимодействия между личностью, обществом и культурой, эти три сущности для адекватного описания могут и должны быть дифференцированы. Хотя любой, отдельно взятый индивид не играет существенной роли в процессе выживания и функционирования общества, к которому он принадлежит, или культуре, в которой он участвует, сама личность, ее потребности и возможности лежат в основе всех социальных и культурных феноменов. Общество представляет собой организованные группы индивидуумов, а культура, согласно последнему анализу, является системой организованных реакций членов этого сообщества. Следовательно, личность является отправной точкой для исследования более крупных конфигураций.

Таким образом, можно сказать, что именно те потребности индивида, которые обуславливают его поведение, ответственны за функционирование общества и культуры. Они оказываются более многочисленными и более разнообразными, чем потребности большинства иных биологических видов. Помимо того, что может быть отнесено к физиологическим потребностям, таким как потребность в пище, сне, избавлении от боли и сексуальном удовлетворении, человеку необходим целый набор иных потребностей, необходимость которых не проявляется напрямую. За неимением лучшего термина их можно назвать психологическими потребностями. Несмотря на то, что физиологически детерминированные потребности индивидуума, как правило, называются первичными, а психологические – вторичными, подобное противопоставление уместно только с позиции генетики. Безусловно, физиологические потребности первыми появляются в ходе эволюции и становятся базовыми в индивидуальном жизненном цикле. Тем не менее, определяя мотивацию поведения взрослого человека, физические и психологические потребности действуют параллельно. Возможно, в некоем затянувшемся конфликте между первыми и вторыми перевес оказывается на стороне физиологии, но постоянное подавляющее преимущество телесных потребностей не гарантировано. Забастовщики, проводя голодовку, отказываются от пищи до самого конца, в военной Европе люди умирают под пытками, но не предают друзей и не отказываются от своих убеждений. В нормальной повседневной жизни потребности психологии снова и снова подтверждают свой приоритет над физиологией. Всем известна старая поговорка: «Красота требует жертв».

Мы все еще очень мало знаем о психологических потребностях, хотя они играют важную роль в мотивации поведения. Само происхождение

их не ясно, у нас нет их удовлетворительного описания и классификации. Психологические состояния — явление сложное, не слишком подходящее для исследования с помощью точных объективных методов. О природе и самом существовании психологических потребностей можно судить, исходя из сформированного ими поведения. Проявления поведения настолько разнообразны, что возникает проблема выбора: соотнести ли их с незначительным числом общих или со множеством специфических мотиваций. Если следовать последней методике, то количество психологических потребностей можно увеличить почти до бесконечности, но при этом утрачивается ценность, присущая самой системе классификации. Проблема разработки адекватной классификации психологических потребностей состоит еще и в том, что любая, равно психологическая и физиологическая потребность человека, редко бывает однозначно связана с конкретной моделью внешнего поведения. Когда человек действует в соответствии с установленным культурным образцом, его действия, как правило, направлены на удовлетворение нескольких потребностей одновременно. Так, когда мы одеваемся, то, с одной стороны, защищаем свое тело, а с другой — уступаем тщеславию или, по крайней мере, стремлению не вызывать осуждения окружающих. В такой ситуации будет более правильным отказаться от попытки создать классификацию и ограничиться коротким обсуждением психологических потребностей, наиболее общих и значимых для понимания человеческого поведения.

Возможно, самой ярко выраженной и постоянной является психологическая потребность в эмоциональном отклике. Термин «эмоциональный отклик» употребляется осознанно, поскольку многие реакции в поведении перекрывают эту потребность. Так, в современном городе индивид, вступая с другими индивидами в формальные, принятые в данной культуре отношения, получает все необходимые услуги, но не находит у них никакого эмоционального отклика. В таком случае его эмоциональная потребность остается неудовлетворенной, и он страдает от этой изоляции так же, как от реального одиночества. Действительно, подобные переживания ведут к еще большей фрустрации. Всем хорошо известно, что такое одиночество в толпе. Потребность в положительной реакции окружающих является для человека главным стимулом общественно одобряемого поведения. Люди следуют общественным нормам не только из страха перед наказанием, но и в поисках одобрения.

Потребность в эмоциональном отклике настолько универсальна и сильна, что многие обществоведы считают ее инстинктивной, то есть врожденной. Так ли это или она результат условий формирования — это проблема, которая, вероятно, никогда не будет решена.

В детстве индивид настолько зависит от взрослых, что не способен выжить без их помощи и эмоционального участия. Эта поддержка одновременно обеспечивает удовлетворение его самых элементарных потребностей, но необходимость эмоционального отклика настолько велика, что, даже научившись удовлетворять элементарные потребности без посторонней помощи, он сохраняет стремление получить подобный отклик. С другой стороны, существуют свидетельства, что даже маленькие дети нуждаются в эмоциональной реакции окружающих для комфортного существования. Именно ее недостатком можно объяснить высокую детскую смертность в детских учреждениях самого высокого класса, даже если в них санитарные условия гораздо лучше домашних. Как говорил один известный психоаналитик: «Дети, которых не любят, не живут»¹. Мы все проходим через опыт детства, и вопрос о том, врожденной или приобретенной является потребность в эмоциональном отклике, — чисто академический. В любом случае эта потребность универсальна.

Второй универсальной психологической потребностью является потребность в стабильной безопасности. Благодаря человеческой способности воспринимать время как континуум, охватывающий не только прошлое и настоящее, но и будущее, благополучие настоящего момента неполно, если нет уверенности в будущем. Мы нуждаемся в ощущении стабильности, а пугающее нас чувство времени позволяет отсрочить удовлетворение сиюминутных потребностей и примириться с временными трудностями в ожидании будущего вознаграждения. Потребность в безопасности и спокойствии отражена во многих формах культурно детерминированного поведения. Она заставляла первобытного ремесленника дополнять свои действия приемами магии, и человек на всех уровнях развития культуры полагал, что правильное поведение в настоящем будет вознаграждено на небесах. В силу того, что сегодня наши знания о психических процессах весьма ограничены, бессмысленно рассуждать о происхождении этой потребности. Достаточно признать ее значение для мотивации такого предусмотрительного поведения.

Третьей из самых важных психологических потребностей можно назвать потребность в новом опыте. Возможно, она не столь обязательна, как вышеупомянутые, так как обычно проявляется только после удовлетворения большинства других. Она реализуется в известном чувстве скуки и пробуждает все виды инновационного поведения. Так же как и эмоциональные реакции, она, очевидно, зарождается в раннем детстве. Это период постоянного приобретения нового опыта, зачастую приятного, поэто-

¹ Dr. S. Ferenczi, цитируемый А. Кардинером.

му чувство новизны, по всей вероятности, оказывается изначально связанным с ощущением удовольствия. С другой стороны, корни этой потребности могут лежать глубже. Даже у очень маленьких детей проявляется склонность к эксперименту, а В.И. Павлов признал это свойство аналогичным тому, что он называл ориентировочным рефлексом у животных.

Роль и физиологических, и психологических потребностей состоит в том, что они, строго говоря, обуславливают человеческое поведение.

Если бы они не подгоняли человека, тот пребывал бы в бездействии. При наличии же потребности он вынужден действовать, чтобы ослабить напряжение; Это относится как к явным, так и скрытым действиям, таким как обучение и мышление. И, тем не менее, нельзя сказать, что все виды поведения обусловлены только потребностями.

Эти потребности приобретают ту или иную форму под воздействием многих факторов. Поведение, которое реализует определенную потребность или их совокупность, должно постоянно соответствовать окружающей среде, в которой действует индивид. Эта среда в качестве определяющих факторов включает как своеобразие природных условий, так и опыт. Так, поведение, направленное на добывание пищи, в современном городе отлично от той же формы поведения в дикой природе. Более того, техника, которую использует индивид в каждом отдельно взятом случае, будет отличаться в зависимости от его прошлого опыта. И в условиях дикой природы тот, кто уже привык добывать пищу с помощью охоты, будет действовать иначе, чем новичок.

Если какие-либо виды человеческого поведения нельзя объяснить исходя из потребностей, то это невозможно сделать и описывая эти реакции как врожденные. Несмотря на то, что эти потенции накладывают жесткие рамки на варианты реализации поведения, они все же оставляют широкое поле для реализации разнообразных возможностей. Выбор одного из вариантов определен набором ряда факторов. Поведение индивида обусловлено его опытом, который, в свою очередь, складывается под влиянием окружающей среды. Отсюда следует, что изучение окружающей среды необходимо как для понимания конкретной личности, так и индивида вообще.

Хотя влияние окружающей среды не может быть одинаковым даже на однояйцевых близнецов, выросших в одной семье, все же человеческая среда обитания обладает общими чертами. Мы склонны считать, что природная среда, которая обладает такими свойствами, как температура, характер местности, источники пищи, проявляется в виде факторов, чрезвычайно разных в зависимости от времени и места. Хотя все эти факторы воздействуют на опыт индивида, их роль в формировании личнос-

ти нельзя назвать определяющей. Между естественной средой и индивидом всегда стоит среда обитания человека, влияние которой значительно более важно. Эта человеческая среда состоит из других индивидов, организованных в группы, то есть общества, и характерного образа жизни этой группы, то есть культуры. Поэтому большинство стереотипов поведения, даже глубокие эмоциональные реакции обусловлены взаимодействием человека с обществом и культурой.

За редким исключением, как это ни печально для эголистов, каждый человек — это только частный случай в истории общества, к которому он принадлежит.

Наш вид в своем развитии уже давно достиг той точки, когда функциональными единицами в борьбе за выживание стали не индивиды, а организованные группы людей.

Социальное бытие как характеристика *Homo sapiens* так же важна, как смешанные зубы или противостоящий большой палец. Но если принять во внимание предшествующее взаимоотношение человека и природы, то самым удивительным будет то, как развились человеческие общества. Наш вид отнюдь не первый осуществил эксперимент бытия в организованных группах, однако пропасть, отделяющая наш социум от других сообществ, даже ближайших к человеку человекообразных обезьян, — грандиозна.

Для того, чтобы найти какие-нибудь аналогии человеческой ситуации, следует обратиться к представителям другого филума — насекомым. Они создали сообщества чуть менее сложные, чем у нас, но с помощью методов, нам не доступных, развили инстинкты в ущерб способности к обучению и, более того, за счет способности к инновации. Линия их эволюции была направлена на формирование живых автоматов, жестко привязанных к определенным природным условиям. Это существа, у которых максимум эффективности сочетается с минимумом индивидуальности. Насекомые с трудом обучаются и быстро утрачивают усвоенное, но в большинстве случаев они проходят свой короткий жизненный цикл, вовсе не обучаясь и совсем не решая новых проблем. Приспособление подобных автоматов к функционированию в качестве членов сложного организованного общества — лишь один шаг вперед по сравнению с приспособлением к функционированию в ограниченном стабильном природном окружении, которое не побуждает к развитию каких-либо новых качеств. Каждый муравей или пчела соответствуют своему месту в сообществе, сочетая структурную специализацию с инстинктами. Они организованы как физически, так и психически, чтобы быть рабочими и солдатами, и не способны действовать в любом другом качестве. Они обла-

дают минимумом индивидуальных потребностей, и ни одна из них не приведет к конфликтам с другими членами того же сообщества. Член такого сообщества, играя определенную роль в воспроизводстве, лишен даже половых стимулов, которые являются благодатной почвой для конфликтов у большинства позвоночных. Короче, общественные насекомые не столько индивиды, сколько стандартизированные взаимозаменяемые единицы. С момента появления на свет они так хорошо приспособлены к заранее определенным социальным функциям, что не могут от них уйти. Подобная единица является идеальной составляющей в однородной, интегрированной и абсолютно статичной общественной структуре.

Едва родившись, муравей уже обладает всеми качествами, о каких только может мечтать самый требовательный диктатор.

В отличие от общественных насекомых, человек является конечным продуктом той линии эволюции, которая направлена на развитие индивидуальных черт. У млекопитающих выработалась способность к обучению, а на более высоких уровнях — и к мышлению. Став людьми, наши предки утратили большинство автоматических реакций, сохранив простейшие из них. У человека нет инстинктов, по крайней мере, в том смысле, в котором мы употребляем этот термин, говоря о поведении насекомых. Он должен был усвоить или изобрести практически все, что бы он ни делал. Поэтому любой индивид не только может, но и должен развить собственные привычки поведения. Более того, несмотря на частичное закрепление этих привычек в процессе формирования навыков, они, в отличие от инстинктов, не фиксируются раз и навсегда.

Наряду со способностью к обучению и приобретению навыков у человека есть не менее важная способность — забывать усвоенное, распознавать новые ситуации и вводить новые модели поведения. Таким образом, возможности индивидуальных вариантов поведения оказываются безграничными. Когда несколько человек одинаково реагируют на одну и ту же ситуацию, причину следует искать в их одинаковом опыте. У членов одного и того же сообщества одинакового опыта будет гораздо больше, чем у членов разных обществ. Однако некоторые виды опыта присущи всему человечеству. Например, любой взрослый когда-то был ребенком, и его выживание зависело от заботы окружающих. Именно этот общий опыт, а также общие потребности и способности обуславливают универсалии, единообразие человеческого поведения.

В сущности, представители нашего вида обладают большими потенциальными возможностями к дифференциации и индивидуализации, чем представители любых других биологических видов. Наша линия эволюционного развития ушла в сторону от формирования стандартных еди-

ниц, служащих идеальными элементами сложных общественных структур. Остается только гадать, как проходила наша социализация. Человекообразные обезьяны, чья психология отличается от нашей не столько по качеству, сколько по уровню развития, обычно живут в сообществе, но даже у них специализация и дифференциация выражены гораздо слабее, чем у нас. Разрыв между сообществами людей и животных так велик, что развитие наших моделей социума можно считать эволюционным скачком. Человекообразные обезьяны пытаются жить как термиты, не обладая их инструментарием. Кто знает, может быть, человечеству значительно легче было бы существовать в согласии с инстинктами.

Каким бы ни было происхождение человеческих сообществ, все они обладают универсальными чертами. Первым, и наверное самым важным, был тот факт, что общество, а не отдельный человек стало фактором выживания нашего вида. Исключение составляют экстремальные ситуации, подобные той, в которую попал Робинзон Крузо. Все человеческие существа являются членами организованных сообществ, и их судьба неразрывно связана с судьбой их группы. Они не способны в одиночку выжить в детстве или удовлетворять свои взрослые потребности без помощи и сотрудничества других людей. Эпоха ремесленника-одиночки давно уступила место конвейеру, на котором каждый человек вносит свой вклад в конечный продукт.

Второй характерной особенностью является то, что общества живут намного дольше любого индивида. Каждый из нас в силу рождения оказывается в уже функционирующем сообществе. Несмотря на то, что при определенных условиях могут возникнуть новые общества, большинство людей рождаются, живут и умирают как члены старых. Поэтому проблема личности состоит не столько в том, чтобы способствовать созданию нового общества, сколько в том, чтобы адаптироваться к уже существующему культурному образцу. Эти рассуждения могут показаться несущественными, однако многие современные авторы не видят различия между происхождением социальных форм и общественным поведением личности. Происхождение института семьи — проблема совершенно иного рода, чем интеграция индивида в семью как в ячейку общества.

В-третьих, общества являются функциональными действующими единицами. Несмотря на то, что они состоят из отдельных людей, они действуют как единое целое. Интересы каждого члена сообщества подчинены интересам группы в целом. Общество неизбежно уничтожает своих членов, если они бросают ему вызов. Мужчины отправляются на войну и погибают ради защиты общества или его обогащения; преступников уничтожают или изолируют как нарушителей общественного спо-

койствия. Менее очевидно, зато более постоянно ежедневное принесение в жертву своих наклонностей и желаний членами общества. Подобные жертвы вознаграждаются по-разному, но преимущественно это вознаграждение состоит в одобрении окружающих.

Принадлежность к сообществу означает отказ от личной свободы, какими бы незначительными ни были ограничения, сознательно накладываемые обществом. Так называемые свободные общества в действительности отнюдь не свободны. Просто они являются такими сообществами, которые побуждают своих членов проявлять индивидуальность в общественно приемлемых вариантах. Вместе с тем, они приучают людей следовать бесчисленным правилам и нормам так настойчиво и незаметно, что те и не подозревают об их существовании. Если общество умело осуществляет формирование индивида, то тот осознает значительную часть навязанных ему ограничений не в большей степени, чем неудобство от ношения одежды.

В-четвертых, действия, необходимые для выживания общества в целом, всегда распределяются между его членами. Даже в самых примитивных обществах проводится различие между женским и мужским трудом, а в большинстве еще выделяются особые категории посредников между людьми и сверхъестественными силами и лидеры, организующие и направляющие деятельность групп. Такова обычная структура, однако в большинстве известных нам обществ она значительно сложнее, вплоть до организации различных работ по специальностям и назначения общественных служащих. Это формальное разделение различных видов деятельности способствует структурированию общества, его организации и сплочению. Благодаря этому сообщество индивидов из аморфной массы превращается в целостный организм. Чем выше степень дифференциации, тем сильнее зависимость индивида от него. Купец не может существовать без покупателя, а священник без прихода.

Именно такая система организации обеспечивает существование общества во времени. Биологические процессы воспроизводства служат сохранению группы, а не общества. Общества напоминают те исторические сооружения, которые, подобно Конституции², сохраняют первоначальную модель, несмотря на замену отдельных частей. Пример не слишком удачен, так как общественные структуры также меняются со временем в ответ на изменение условий. Однако подобные сдвиги обычно осуществляются постепенно, и модель общества существенно не трансформируется. Общество продолжает существовать как особая сущность, обу-

² Автор имеет в виду Конституцию США (*прим. переводчика*).

чая индивидов, родившихся в определенной группе, занимать соответствующее положение в общественной структуре. Чтобы выжить, они должны стать не просто членами общества, а специалистами, умеющими выполнять определенную работу лучше других. С точки зрения личности, процесс социализации включает в себя обучение тому, что он обязан делать для других людей и чего он вправе ждать от них.

И лабораторные исследования, и здравый смысл подсказывают нам, что сущность успешного обучения кроется в правильном соотношении поощрения и наказания. Поведение, которое приносит данные плоды, воспринимается гораздо охотнее и быстрее, чем то, которое вознаграждается лишь время от времени. Успешная подготовка индивида к тому, чтобы занять соответствующее место в обществе, зависит от степени стандартизации поведения членов общества. Мальчик, который научится поступать как мужчина, сможет стать успешно действующим мужчиной благодаря тому, что каждый в его обществе знает, как это должно быть, и поощряет или наказывает мальчика в зависимости от того, насколько он приблизился или удалился от искомого образца. Подобные стандарты поведения антропологи называют культурными образцами, без которых не может существовать и функционировать ни одно общество.

Понятие культуры столь важно, что требует для своего рассмотрения отдельной главы. Пока же достаточно определить культуру как образ жизни любого общества. Этот образ жизни включает бесчисленное количество граней поведения, но все вместе они являются составляющими целого. Все они представляют собой нормальную ожидаемую реакцию любого члена общества на определенную ситуацию. Таким образом, несмотря на огромное количество вариантов реакций в разных ситуациях большинство членов общества отреагируют на одно и то же явление почти одинаково. Например, в нашем обществе принято есть трижды в день, причем один раз в середине дня. Тех, кто нарушает это обычай, считают чужаками. Подобная согласованность поведения и общественного мнения формирует культурный образец; культура как целое представляет собой более или менее организованную совокупность подобных культурных образцов.

Культура обеспечивает членов данного общества необходимым руководством на всем жизненном пути. Эффективное функционирование индивидов и общества без него невозможно. Тот факт, что большинство членов общества отреагируют на конкретную ситуацию определенным образом, дает каждому из них возможность предвидеть поведение окружающих с высокой степенью вероятности, хотя и без абсолютной точности. Эта предсказуемость служит предварительным условием организо-

ванной общественной жизни. Человек, который собирается сделать что-то для других, должен быть уверен в их реакции. Существование культурных стереотипов создает уверенность в том, следование одним образцам общество одобряет, а нарушение — наказывает. Тем более что культурные модели, характерные для каждого общества, вырабатываются благодаря длительному опыту, в том числе благодаря использованию метода проб и ошибок.

Личность может добиться хороших жизненных результатов, если следует культурным образцам, и наоборот, достигнуть очень немногого или получить отрицательный результат, если их игнорирует.

На этом наблюдении основана известная поговорка: «Находясь в Риме, поступай как римлянин». В Риме или каком-либо еще ином сообществе жизнь организована на основе известных стереотипов местной культуры, отступить от которых не представляется возможным.

Существование культурных образцов необходимо не только для функционирования любого общества, но и для его сохранения. Структура, которая представляет собой системную организацию, является плотью культуры.

Хотя в интересах описания мы могли бы обратиться к пространственным аналогиям, представив подобную систему в виде объемной композиции, включающей множество точек — позиций, адекватное их определение неизбежно включает описание поведения, ожидаемого от тех, кто занимает эти позиции. Наличие определенных характеристик, таких как возраст, пол или положение в системе родства, являются предварительным условием для того, чтобы индивид занимал определенное положение. Само описание этих предпосылок является фактором культуры. Так, соотношение позиций отца и сына в нашей социальной системе нельзя понять, рассматривая только их биологическое родство. Необходимо учитывать весь набор стереотипов культурно детерминированного поведения, стоящий между ними. Если мы перейдем к соотношению работодатель и рабочий, то увидим, что его невозможно понять, не используя анализ взаимоотношений людей, занимающих эти позиции.

Совокупность позиций в социальной системе, в отличие от конкретного положения индивидуума или индивидуумов, занимающих ее в то или иное время, представляет собой конфигурацию паттернов (образцов) культуры. Эта конфигурация обеспечивает человека механизмами группового сосуществования и общественного взаимодействия так же, как другие снабжают его механизмами использования природной среды или защиты от сверхъестественных сил. Общества существуют во времени, приобщая представителей каждого поколения к культурным образцам

того общественного положения, которое им предстоит занять. Новые члены общества усваивают поведение мужа или вождя, ремесленника и, действуя в соответствии со своим положением, сохраняют эти позиции, а заодно и общественную систему в целом. Без культуры не было бы ни свойственных человеку общественных систем, ни возможности включать в них новых членов группы.

Я осознаю, что в вышеизложенном анализе проблем общества и культуры мы подчеркивали пассивную роль индивида и значение культурных и общественных факторов для его формирования. Теперь настало время представить другую сторону картины. Каким бы успешным ни было обучение индивида, как бы ни проходило его приспособление, индивид остается самостоятельным организмом, со своими потребностями, чувствами, действиями и способностью к мышлению. К тому же он в значительной степени сохраняет свою индивидуальность. Его включение в общество и культуру идет не дальше усвоенных им реакций; и хотя у взрослых они составляют большую часть того, что называем личностью, на долю индивидуальности остается немало. Даже в наиболее схожих и интегрированных обществах и культурах нет двух совершенно одинаковых людей.

В действительности, роль индивида во взаимоотношении с сообществом двояка. При обычных обстоятельствах, чем выше его адаптивность и последующая интеграция в общественную структуру, тем действенней его вклад в стабильное функционирование целого, тем надежней вознаграждение. Однако обществам нужно существовать и функционировать в постоянно меняющемся мире. Уникальная способность нашего вида приспособляться к меняющимся условиям и вырабатывать еще более эффективную реакцию на привычные условия бытия основана на том остатке индивидуальности, который сохраняется у каждого из нас после того, как общество и культура нас сформировали. Как простая единица общественного организма, индивид способствует сохранению статус кво. Как личность, он изменяет статус кво в случае необходимости. Поскольку абсолютно статичного окружения не существует, ни одно общество не может выжить без изобретателя с его способностью находить решение новых проблем. Хотя изобретателю нередко удается решить какую-либо общественно значимую задачу в ответ на вызов новой действительности, он при этом руководствуется и собственными потребностями. Тот, кто первым закутался в шкуру или поддержал огонь, сделал это не потому, что решил удовлетворить общественную потребность в этих новациях, а потому, что замерз. Каким бы губительным для общества ни было существование какого-либо института, стимул к его изменению или отмене и переходу к высшему, более сложному уровню культуры никогда не исхо-

дит от того, кто лично не испытывает затруднений. Новые общественно значимые изобретения делаются теми, кто недоволен существующими условиями, а не теми, кому они выгодны.

Понимание двойственной роли человека как индивида и как члена общества дает нам ключ к решению многих проблем, волнующих специалистов по человеческому поведению. Чтобы успешно функционировать как единица сообщества, человек должен усвоить определенные стереотипы поведения, то есть культурные образцы. Большинство из них ориентировано, скорее, на поддержание стабильности, чем на удовлетворение личных потребностей. Каждое общество подобно организму, и рассуждения о том, что его потребности отличаются от потребностей составляющих его индивидов, стали общим местом. Подобные утверждения не совсем точны, ибо обществу присущи совершенно иные качества, чем живому организму. Правильней было бы сказать, что потребности общественной ситуации состоят в том, что общество не может существовать во времени или эффективно функционировать в данный момент, если его культура не удовлетворяет определенным условиям. Они содержат технику включения новых индивидов в систему общественных ценностей и их подготовки к тому, чтобы занять соответствующее место в общественной структуре. Эти же условия содержат технику поощрения желательного для общества поведения и наказания нежелательного. Наконец, стереотипы поведения, которые формируют культуру, должны соответствовать друг другу, чтобы исключить конфликты и не позволить одной модели поведения перечеркивать другую. Всем обществам удалось создать культуры, удовлетворяющие этим требованиям, однако процессы их создания, построения до сих пор скрыты от глаз исследователей.

Культурные модели, от которых зависит выживание любого общества, основываются на стереотипах реакций со стороны его членов. Это возможно благодаря уникальной способности человека к обучению. Обучение ведется целенаправленно и не сводится к опыту, полученному вследствие случайности. Все дети получают от взрослых продуманные инструкции. Так сложные стереотипы поведения передаются от поколения к поколению. Стимулом к усвоению этих образцов служит удовлетворение личных потребностей и, в первую очередь, потребность в позитивном отклике от окружающих.

Однако, с точки зрения общества, подобное удовлетворение играет главным образом роль приманки. Индивид усваивает модели в целом, а они соответствуют потребностям общественной жизни не меньше, чем его собственным. Он глотает приманку непосредственного личного удовлетворения и попадает на крючок социализации. Он готов научиться есть,

чтобы утолить голод, но взрослые учат его «есть, как положено». С годами его реакция на голод не просто удовлетворяет его собственную потребность, но осуществляется приемлемым для общества и совместимым с другими культурными образцами способом. С помощью полученных наставлений и подражания индивид вырабатывает навыки, помогающие ему выполнять соответствующую роль в обществе не только эффективно, но и почти неосознанно. Способность интегрироваться в единую конфигурацию элементов поведения, часть из которых служит удовлетворению индивидуальных потребностей, а другая удовлетворяет социальные нужды; обучаться и передавать эти конфигурации как целое есть условие существования человеческого сообщества. Воспринимая эти конфигурации и фиксируя их как навыки, индивид готовится занять определенное положение в обществе и исполнять роль, соответствующую этому статусу.

Тот факт, что человеческое поведение усваивается главным образом в форме организованных конфигураций, а не просто строится на основе развития личного опыта, является чрезвычайно важным для исследований личности. Это означает, что способ, к которому прибегает человек, реагируя на определенную ситуацию, часто говорит не столько о его личности, сколько о том, какое обучение он прошел. Как правило, все занимающие одинаковое положение в структуре данного общества во многих случаях реагируют почти одинаково. Реакция любого индивида, принадлежащего к данной группе, ничего не говорит о его личностных характеристиках, но просто свидетельствует о его нормальной способности к обучению. О личных склонностях человека можно узнать не по его реакциям в пределах культурного стереотипа, а по отклонениям от них. Понять его как личность помогают именно нюансы, а не основная линия его поведения. Этот факт очень важен для культурологического исследования психологии личности. Пока психолог ориентируется на нормы поведения, навязанные обществом, и рассматривает их как личностные характеристики, он не проникнет за фасад социального конформизма и культурной однородности и не поймет, что такое истинная личность.

Перевод *Л.А. Мостовой*

От переводчика

Роберт Мертон (род. 1910) принадлежит к числу тех социологов с мировым именем, которые не нуждаются в особых представлениях и рекомендациях. За долгую научную карьеру им написаны десятки работ в области общей социологической теории и специальных отраслей социологического знания, большинство которых до сих пор пользуются заслуженным вниманием профессионалов. Книга «Социальная теория и социальная структура», собравшая в себе два десятка очерков по самым важным проблемам социологии и выдержавшая несколько изданий и переизданий (1949, 1957, 1968), занимает особое место среди его произведений. Она во многом определила облик социологии второй половины XX века, сформировав научный язык. Предлагаем вниманию читателя главу из этой книги, посвященную основным проблемам социологического изучения науки.

Полный перевод книги Р. Мертона «Социальная теория и социальная структура» готовится в настоящее время в издательстве «Логос».

Р.К. МЕРТОН

НАУКА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК*

Приблизительно на рубеже прошлого и нынешнего веков Макс Вебер обратил внимание на то, что «вера в ценность научной истины не что иное, как продукт определенной культуры, а совсем не данное от природы свойство»¹. Теперь мы можем добавить: и такая вера легко превращается в сомнение или неверие. Наука неуклонно развивается только в обществах с определенным порядком, подчиненных особому комплексу молчаливых допущений и институциональных ограничений. То, что кажется нам нормальным явлением, не требующим объяснения и надежно

* Доклад, прочитанный на конференции Американского социологического общества в декабре 1937 г. Автор выражает признательность профессору Риду Бейну, профессору Толкотту Парсонсу, д-ру Э.И. Харгшорну и д-ру Э.П. Хатчинсону за полезные предложения. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Личность. Культура. Общество». 2000. Т. 2. Вып. 2. С. 151-168.

¹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. S. 213 (Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 412-413). Ср.: Sorokin P. Social and Cultural Dynamics, особенно том II, глава 2.

закрепляющим многие самоочевидные культурные ценности, в другие времена было аномальным и нетипичным и во многих местах остается таковым до сих пор. Преимущество науки требует активного участия заинтересованных и талантливых людей в научных поисках. А эту поддержку науке обеспечивают только подходящие культурные условия. Поэтому нам важно изучить те регуляторы, которые мотивируют научные карьеры, отбирают и наделяют престижем одни научные дисциплины и отвергают или дискредитируют другие. При этом выяснится, что изменения в институциональной структуре могут ограничивать, модифицировать научные искания или даже, возможно, им препятствовать².

Источники враждебного отношения к науке

Враждебное отношение к науке может возникать при наличии по крайней мере двух наборов условий, хотя конкретные системы ценностей – гуманистические, экономические, политические, религиозные, – на которых оно базируется, могут значительно различаться. Первый включает в себя логическое, хотя и не обязательно правильное заключение, что получаемые наукой результаты или используемые ею методы враждебны соблюдению важных ценностей. Второй складывается главным образом из нелогических элементов. В его основе лежит ощущение несовместимости между чувствами, воплощенными в научном этосе, и чувствами, которые обнаруживаются в других институтах. Всякий раз, когда достоверность этого ощущения ставится под сомнение, оно рационализируется. Оба набора условий в той или иной степени лежат в основе нынешних восстаний против науки. Можно добавить, что такого рода рассудочные и аффективные реакции включаются также в социальное одобрение науки. Однако в данном случае считается, что наука способствует достижению одобренных целей и базисные культурные ценности ощущаются как совпадающие с ценностями науки, а не как эмоционально им противоречащие. Следовательно, положение науки в современном мире может быть проанализировано как результат действия двух наборов противоположных сил, первый из которых одобряет науку как широкомасштабную социальную деятельность, а другой ей противостоит.

Мы ограничим наше исследование лишь несколькими наглядными примерами переоценки социальной роли науки, несколько не имея при

² Ср.: *Merton R.K. Science, Technology and Society in Seventeenth Century England. Chap. XI.*

³ Безвременная кончина Э.Й. Хартшорна оборвала на полпути намечавшееся исследование науки в современном мире, которое должно было опираться на анализ, введенный в этой главе.

этом в виду, что локализация антинаучного движения ограничивается только этими случаями. Многое из того, что будет здесь сказано, вероятно, может быть также применено и к другим случаям, относящимся к другим временам и другим местам³.

Иллюстрацией того, каким образом логические и нелогические процессы сливаются воедино в деле модификации или сокращения научной деятельности, является ситуация в нацистской Германии после 1933 г. Отчасти сдерживание развития науки в этой стране представляет собой непреднамеренный побочный результат изменений в политической структуре и националистическом кредо. В соответствии с догмой расовой чистоты, практически все лица, не удовлетворяющие политически насаждаемым критериям «арийского» происхождения и открытого сочувствия нацистским целям, были изгнаны из университетов и научных учреждений⁴. Поскольку в число этих изгнанников попало немало выдающихся ученых, одним из косвенных следствий подобной расистской чистки стало ослабление науки в Германии.

В этом расизме имплицитно заложена вера в расовое загрязнение, происходящее через реальный или символический контакт⁵. Научные исследования тех ученых с безупречным «арийским» происхождением, которые сотрудничают с неарийцами или даже просто принимают их научные теории, либо ограничиваются, либо запрещаются. Для определения места этих безнадёжных арийцев была введена новая расово-политическая категория: «белые евреи». Наиболее выдающимся членом этой новой расы стал лауреат Нобелевской премии по физике Вернер Гейзенберг, который провозгласил в своей декларации, что теория относительности А. Эйнштейна закладывает «неоспоримую основу для дальнейших исследований»⁶.

⁴ О чистке университетов см. главу III в книге: *Hartshorne E. Y.* The German Universities and National Socialism. Cambridge, 1937. Ср.: Volk und Werden, В-5, 1937, S. 320-321, где приводятся некоторые новые требования, предъявляемые к докторанту.

⁵ Это один из множества аспектов внедрения кастовой системы в Германии. Как отметил Р.М. Макайвер, «идея загрязнения обычно присутствует в любой кастовой системе» (*MacIver R. M.* Society. P. 172).

⁶ См. официальный орган СС, газеты Schwarze Korps от 15 июля 1937 г., С. 2. В этом номере Йоханнес Штарк, президент *Phusikalisch-Technischen Reichsanstalt*, требует искоренить такого рода сотрудничество, которое все еще продолжается, и протестует против назначения трех университетских профессоров, которые были «учениками» неарийцев. См. также: *Hartshorne E. Y.* Op. cit. P. 112-113; *Rosenberg A.* Wesen, Grundsdtze und Ziele der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei. Munchen, 1933. S. 45 и далее; *Stark J.* Philipp Lenard als deutscher Naturforscher // Nationalsozialistische Monatshefte, 1936. S. 71, 106-111, где сурово осуждаются Гейзенберг, Шредингер, фон Лауэ и Планк за то, что они не порвали с «еврейской физикой» Эйнштейна.

В этих случаях чувства национальное и расовое явно возобладали над утилитарной рациональностью. Применение таких критериев, как обнаружил Э.Й. Хартшорн, принесло несоизмеримо больше потерь естественнонаучным и медицинским факультетам германских университетов, нежели факультетам теологическим и юридическим⁷. Утилитарные соображения, напротив, выходят на передний план тогда, когда официальная политика испытывает заинтересованность в тех направлениях, в которых должны вестись научные исследования. Прежде всего содействие оказывается научной работе, которая обещает прямую практическую пользу нацистской партии или Третьему рейху, и в соответствии с этой политикой перераспределяется финансовая поддержка исследований⁸. Ректор Гейдельбергского университета заявляет, что «вопрос научности [*Wissenschaftlichkeit*] всякого знания имеет абсолютно второстепенное значение по сравнению с вопросом его полезности»⁹.

Общий тон антиинтеллектуализма, со свойственным ему презрением к теоретику и восхвалением человека действия¹⁰, может оказать не только непосредственное, но и долгосрочное влияние на место науки в Германии. Ибо можно ожидать, что как только эти установки закрепятся, наиболее одаренные элементы населения будут воздерживаться от интеллектуальных дисциплин, которые, таким образом, были дискредитированы. К концу 30-х гг. последствия этой антитеоретической установки

⁷ Данные, на которых основываются эти утверждения, были взяты из неопубликованного исследования Э.Й. Хартшорна.

⁸ Ср.: *Wissenschaft und Vierjahresplan, Reden anlässlich der Kundgebung der NSD-Dozentenbundes*. 18 января 1937 г.; *Hartshorne E. Y.* Op. cit. P. 110 и дальше; *Jaensch E. R.* *Zur Neugestaltung des deutschen Studententums und der Hochschule*. Leipzig, 1937, особенно S. 57 и далее. Возьмем пример из области истории. Вальтер Франк, директор Рейхсинститута истории новой Германии, «первой германской научной организации, созданной духом национал-социалистической революции», свидетельствует, что он последним из людей откажется от симпатии к изучению древней истории, «даже истории чужеземных народов», но в то же время указывает, на то, что финансовая поддержка, оказываемая прежде Археологическому институту, должна быть перераспределена в пользу этого нового исторического учреждения, которое будет «иметь честь писать историю Национальной Социалистической Революции». См.: *Frank W.* *Zukunft und Nation*. Hamburg, 1935, особенно S. 30 и далее.

⁹ *Kriek E.* *Nationalpolitische Erziehung*. Leipzig, 1935. S. 8.

¹⁰ Нацистский теоретик Альфред Беймлер пишет: «Если сегодня какой-то студент отклоняется от политической нормы, например, уклоняется от участия в трудовом или военно-спортивном лагере с тем, чтобы улучшить время для своих занятий, то этим он показывает, что так ничего и не понял из того, что вокруг него происходит. Лишь абстрактные, ни к чему не ведущие занятия ему только и можно прогуливать». *Baeumler A.* *Mannerbund und Wissenschaft*. Berlin, 1934. S. 153.

можно было увидеть в распределении академических интересов в немецких университетах¹¹.

Было бы заблуждением предполагать, будто нацистское правительство полностью отвергло науку и интеллект. Его официальные установки в отношении науки явно амбивалентны и неустойчивы. (По этой причине любые утверждения по поводу науки в нацистской Германии высказываются с заведомыми оговорками.) С одной стороны, воинствующий скептицизм науки препятствует насаждению нового набора ценностей, требующих беспрекословного принятия. Однако новые диктатуры должны признавать (как это делал Т. Гоббс, который тоже отстаивал точку зрения, что государство должно либо быть всем, либо ничем), что наука — это сила. По причинам военного, экономического и политического характера теоретическая наука, не говоря уж о ее более уважаемой родной сестре, технологии, не может быть попросту отброшена в сторону. Опыт показал, что даже самые эзотерические научные исследования находили важное практическое применение. До тех пор, пока полезность и рациональность не отвергнуты безвозвратно, нельзя забывать о том, что именно спекулятивные размышления Клерка Максвелла об эфире привели Герца к открытию, кульминацией которого стало изобретение беспроводной связи. И в самом деле, даже один из нацистских ораторов отмечает: «Как сегодняшняя практика опирается на вчерашнюю науку, так и сегодняшние исследования становятся опорой для завтрашней практики»¹². Акцент на утилитарность требует неуничтожимого минимума интереса к науке, которую можно призвать на службу государству и промышленности¹³. В то же время этот акцент приводит к ограничению исследований в области чистой науки.

Социальные давления на автономию науки

Анализ роли науки в нацистском государстве обнаруживает следующие элементы и процессы. Расширение господства одного сегмента соци-

¹¹ *Hartshorne E. Y.* Op. cit. P. 106 и далее. Ср.: *Wissenschaft und Vierjahresplan*. Op. cit. P. 25–26, где говорится, что нынешняя «передышка в научной продуктивности» отчасти обусловлена фактом, что значительное число тех, кто мог получить научную подготовку, были рекрутированы в армию. Хотя такое объяснение данной ситуации довольно сомнительно, длительное отвлечение интереса от теоретической науки, по всей вероятности, приведет к упадку в научных достижениях.

¹² Слова профессора Тиссена. См.: *Wissenschaft und Vierjahresplan*. Op. cit. S. 12

¹³ Например, высоко ценится химия ввиду ее практической значимости. Как говорит А. Гитлер, «мы будем идти вперед, потому что у нас есть фанатичная воля помочь самим себе и потому что у нас в Германии есть химики и изобретатели, которые удовлетворят наши нужды». Цит. в: *Wissenschaft und Vierjahresplan*. Op. cit. S. 6; et passim.

альной структуры – Государства – подразумевает требование первичной лояльности к нему. Ученых, как и все других людей, призывают отказаться от приверженности всем институциональным нормам, которые, по мнению политических властей, вступают в противоречие с нормами Государства¹⁴. Нормы научного этоса должны быть принесены в жертву, поскольку требуют отрицания политически насаждаемых критериев научной достоверности или научной ценности. Экспансия политического контроля приводит, таким образом, к утверждению конфликтующих лояльностей. В этом отношении реакции набожных католиков, оказывающих сопротивление попыткам политической власти переопределить социальную структуру и внедриться в заповедные территории, традиционно принадлежавшие религии, – явление того же порядка, что и сопротивление ученого.

С социологической точки зрения, место науки в тоталитарном мире является в значительной мере таким же, как и место всех других институтов, за исключением возобладавшего надо всем Государства. Базисное изменение в этом случае состоит в перемещении науки в новый социальный контекст, где она время от времени вступает в противоборство с лояльностью к Государству. Так, например, сотрудничество с неарийцами переопределяется как символ политической неблагонадежности. В либеральном порядке такого рода ограничения науки не возникает. Ибо тогда за неполитическими институтами закрепляется существенная сфера автономии, степень которой, разумеется, изменчива.

Следовательно, конфликт между тоталитарным государством и ученым проистекает отчасти из несовместимости этики науки с новым политическим кодом, который навязывается всем людям, независимо от их профессионального кредо. Этос науки¹⁵ включает в себе функциональ-

¹⁴ Об этом недвусмысленно говорит рейхсминистр науки Бернхард Руст в: *Rust B. Das nationalsozialistische Deutschland und die Wissenschaft.* Hamburg, 1936. S. 1–22, особенно S. 21.

¹⁵ Под этосом науки подразумевается эмоционально окрашенный комплекс правил, предписаний, нравов, представлений, ценностей и допущений, которые считаются обязательными для ученого. Некоторые аспекты этого комплекса могут быть методологически желательными, однако, соблюдение этих правил диктуется не только методологическими соображениями. Этот этос, как и вообще все социальные коды, поддерживается чувствами тех, к кому он имеет отношение. Нарушение его сдерживается интернализованными запретами и неодобрительными эмоциональными реакциями, приводимыми в движение сторонниками данного этоса. Как только складывается эффективный этос такого типа, почти автоматически включаются возмущение, презрение и иные установки антипатии, которые стабилизируют существующую структуру. Это можно видеть в том сопротивлении, которое в настоящее время оказывают в Германии ученые заметным модификациям в содержании этого этоса. Этот этос можно рассматривать как «культурный» компонент науки, в отличие от «цивилизационного». См.: *Merton R.K. Civilization and Culture // Sociology and Social Research.* 1936. Vol. 21. P. 103–113.

но необходимое требование, чтобы теории, или обобщения, оценивались под углом зрения их логической непротиворечивости и согласия с фактами. Политическая этика обычно привносит до той поры нерелевантные критерии расы или политического кредо теоретика¹⁶. Современная наука сочла личностные критерии потенциальным источником ошибки и разработала безличные критерии для недопущения такого рода ошибок. Теперь ее призывают выступить с утверждением, что некоторые ученые в силу своих вненаучных принадлежностей *a priori* неспособны ни к чему, кроме иллюзорных и ложных теорий. В некоторых случаях от ученых требуют согласия с суждениями некомпетентных в науке политических лидеров, касающимися *вопросов науки*. Однако такая политически целесообразная тактика идет вразрез с институционализированными нормами науки. Последние, между тем, отбрасываются тоталитарным государством как «либералистские», «космополитические» или «буржуазные» предрассудки¹⁷, ибо они с трудом интегрируются с кампанией насаждения непререкаемого политического кредо.

С более широкой точки зрения, этот конфликт представляет собой фазу институциональной динамики. Наука, приобретшая значительную степень автономии и развившая институциональный комплекс, требующий преданности от ученых, сталкивается теперь с тем, что внешняя власть бросает вызов как ее традиционной автономии, так и принятым в ней правилам игры — короче говоря, ее этосу. Чувства, воплощенные в этосе науки, — описываемые такими понятиями, как интеллектуальная

¹⁶ См.: *Baeumler A.* Op. cit. S. 145. См. также: *Kriek E.* Op. cit., где говорится: «Nicht alles, was den Anspruch auf Wissenschaftlichkeit erheben darf, liegt auf der gleichen Rang- und Wertebene; protestantische und katholische, französische und deutsche, germanische und jüdische, humanistische oder rassische Wissenschaft sind zunächst nur Möglichkeiten, noch nicht erfüllte oder gar gleichrangige Werte. Die Entscheidung über den Wert der Wissenschaft fällt aus ihrer 'Gegenwartigkeit', aus dem Grad ihrer Fruchtbarkeit, ihrer geschichtsbildenden Kraft...» [«Не все, что может претендовать на научность, относится к области одинаково значимого и равноценного; протестантская и католическая, французская и немецкая, германская и еврейская, гуманистическая или расовая наука есть прежде всего лишь возможность, пока еще не исполненная и еще не наделенная равнозначной ценностью. Решение по поводу ценности науки принимается исходя из ее «злободневности», исходя из степени ее плодотворности, ее умения понимать историю...»].

¹⁷ Так, например, Эрнст Крик говорит: «В будущем в науке фикцию вялой нейтральности будут принимать не более чем это делают в праве, экономике, государстве или общественной жизни вообще. Метод науки в действительности лишь отражение метода руководства». *Nationalpolitische Erziehung*. S. 6. Ср.: *Baeuraler A.* Op. cit. S. 152; *Frank W.* *Zukunft und Nation*. S. 10; противопоставьте это веберовскому «предрассудку», что «Politik gehört nicht in der Horsaal» [«политике не место в аудитории»]. (*Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 721).

честность, неподкупность, организованный скептицизм, бескорыстность, безличность, — грубо попираются новым набором чувств, который навязывается в сфере научных исследований Государством. С переходом от прежней структуры, в которой существовали ограниченные центры власти, сосредоточенные в различных областях человеческой деятельности, к такой структуре, где существует одно-единственное централизованное сосредоточение власти над всеми аспектами поведения, представители каждой сферы начинают сопротивляться таким изменениям и пытаются сохранить первоначальную структуру плюралистической власти.

Хотя ученого принято считать бесстрастным, безличным индивидом — а это и в самом деле может быть так в том, что касается технической стороны его деятельности, — следует помнить, что ученый, как и все другие профессионалы, вносит огромные эмоциональные инвестиции в свой образ жизни, определяемый теми институциональными нормами, которые руководят его деятельностью. Социальная стабильность науки может быть гарантирована лишь при условии, что будут установлены адекватные способы защиты ее от изменений, навязываемых извне научного сообщества.

Процесс сохранения институциональной незапятнанности и сопротивления новым определениям социальной структуры, могущим поставить под вопрос автономию науки, находит выражение в еще одном направлении. Современная наука придерживается базисного допущения, что научные положения «неизменны вне зависимости от индивида» и группы¹⁸. Однако в насквозь политизированном обществе — где, как говорит один нацистский теоретик, «признается всеобщее значение политического»¹⁹, — это допущение начинает оспариваться. Научные открытия считаются всего лишь самовыражением расы, класса или нации²⁰. Поскольку такие доктрины получают хождение среди обывателей, они провоцируют общее недоверие к науке и умаление престижа ученого, открытия которого начинают казаться произвольными и непостоянными.

¹⁸ *Levy H.* The Universe of Science. New York, 1933. P. 189.

¹⁹ *Baeumler A.* Mannerbund und Wissenschaft. S. 152.

²⁰ Представляет значительный интерес, что тоталитарные теоретики приняли в качестве политического средства дискредитации «либеральной», «буржуазной» или «неарийской» науки радикальные релятивистские доктрины *Wissenssoziologie*. Выход из этого тупика дает постулирование архимедовой точки опоры: непогрешимости фюрера (*der Fuhrer*) и его народа (*Volk*). (См.: *General Hermann Goering, Germany Reborn*. London: Mathews & Marrot, 1934. P. 79). Политически эффективные вариации «реляционизма» Карла Маннгейма (например, «Идеология и утопия») использовались в пропагандистских целях такими нацистскими теоретиками, как Вальтер Франк, Э. Крик, Руст и Розенберг.

Эта разновидность антиинтеллектуализма ставит под угрозу социальную позицию ученого и обычно встречает с его стороны довольно энергичный отпор. На идеологическом фронте тоталитаризм также влечет за собой конфликт с традиционными допущениями современной науки.

Функции норм чистой науки

Одно из чувств, которое усваивается ученым с самого начала его профессионального обучения, связано с чистотой науки. Наука не должна позволить себе стать служанкой теологии, экономики или государства. Функция этого чувства, соответственно, состоит в том, чтобы оберегать автономию науки. Ибо в случае принятия таких вненаучных критериев ценности науки, как предполагаемое согласие с религиозными доктринами, экономическая полезность или политическая благонадежность, наука начинает допускаться лишь в той мере, в какой она отвечает этим критериям. Иначе говоря, как только устраняется чувство чистоты науки, наука оказывается подчинена прямому контролю со стороны других институтов, и ее место в обществе становится все более и более неопределенным. Упорный отказ ученых от применения утилитарных норм в своей работе имеет своей основной функцией избежание этой опасности, которая особенно заметна в настоящее время. Из негласного признания этой функции, возможно, и проистекает тот, быть может, апокрифический застольный тост, который в ходу у ученых в Кембридже: За чистую математику, и пусть она никогда не будет никому полезной!

В превознесении чистой науки, таким образом, усматривается средство защиты от вторжения норм, ограничивающих направления возможного прогресса и угрожающих стабильности и продолжению научных изысканий как ценной социальной деятельности. Технологический критерий научного достижения, разумеется, тоже имеет для науки позитивную социальную функцию. Возрастающие удобства и преимущества, источником которых является технология и, в конечном счете, наука, призывают к социальной поддержке научных исследований. Кроме того, они удостоверяют чистоту помыслов ученого, поскольку абстрактные и сложные теории, которые не могут быть поняты и оценены обывателем, предположительно обретают доказательство, понятное для всех, а именно — свое технологическое применение. Готовность к признанию авторитета науки в значительной степени опирается на повседневную демонстрацию ее могущества. Не будь таких косвенных доказательств, устойчивая социальная поддержка науки, остающейся интеллектуально непостижимой для публики, вряд ли смогла бы подпитываться одной лишь верой в нее.

В то же время значимость, придаваемая чистоте науки, имела и другие последствия, которые, скорее, угрожают социальной оценке науки, нежели ее оберегают. То тут, то там приходится слышать мнение, что ученые в ходе своих изысканий должны игнорировать какие бы то ни было соображения, за исключением развития знания²¹. Внимание должно быть сосредоточено исключительно на научной значимости работы, невзирая на то, какие практические применения она может получить и какими будут ее социальные последствия вообще. Обычное оправдание этого принципа — который имеет отчасти фактические корни²² и который, в любом случае, выполняет определенные социальные функции, как мы с вами только что увидели, — гласит, что отказ следовать этому предписанию будет чинить препятствия исследованию, повышая возможность предвзятости и ошибки.

Однако это *методологическое* воззрение оставляет без внимания социальные результаты такой установки. Объективные последствия этой установки заложили еще одно основание для бунта против науки — зарождающегося бунта, который можно найти практически в каждом обществе, где наука достигла высокой стадии развития. В силу того, что ученый не контролирует или не может проконтролировать направление, в котором будут применены его открытия, он становится объектом упреков и еще более несдержанных реакций в той мере, в какой эти применения порицаются властными органами или группами давления. Антипатия к технологическим продуктам проецируется на саму науку. Так, например, когда новоизобретенные газы или взрывчатые вещества находят применение в военном деле, те, чьи гуманистические чувства оказыва-

²¹ Р. Парето, например, пишет: «Поиск экспериментальных единообразий является самоцелью». См. типичное утверждение Джорджа Э. Ландберга: «Не дело химика, изобретающего мощное взрывчатое вещество, руководствоваться в решении своей задачи соображениями касательно того, будет ли его продукт использоваться для разрушения церквей или для строительства туннелей в горах. Точно так же не следует и социальному ученому, занимающемуся поиском законов группового поведения, позволять себе поддаваться влиянию соображений по поводу того, насколько будут согласовываться его выводы с существующими понятиями и какое воздействие окажут его открытия на социальный порядок». *Lundberg G.A., Bain R., Anderson R.* (eds.) *Trends in American Sociology*. New York, 1929. P. 404–405. Ср. с замечаниями Рида Бейна в: *Bain R. Scientist as Citizen // Social Forces*. 1933. Vol. 11. P. 412–415.

²² Нейрологическое обоснование этой точки зрения можно найти в очерке Э.Д. Адриана в книге: *Factors Determining Human Behavior*. Harvard Tercentenary Publications, Cambridge, 1937. P. 9. Он пишет: «В различительном поведении... должен наличествовать какой-то интерес: тем не менее, если он слишком высок, поведение перестает быть различительным. При сильном эмоциональном стрессе поведение обычно подпадает под один из нескольких стереотипных образцов».

ются при этом пограны, подвергаются цензуре химию в целом. Наука признается в значительной степени ответственной за допущение тех орудий уничтожения людей, которые, как говорится, могут обрушить нашу цивилизацию в вечную ночь и хаос. Или взять другой показательный пример. Быстрое развитие науки и связанной с ней технологии вызвало подспудное антинаучное движение в рядах крупных предпринимателей и тех, чье чувство экономической справедливости оказалось им покороблено.

Знаменитый сэр Джосайя Стэмп и целая армия менее примечательных людей предложили ввести мораторий на изобретения и открытия²³, дабы человек мог получить передышку и воспользоваться ею для того, чтобы приспособить свою социальную и экономическую структуру к постоянно изменяющейся среде, в которую его помещает «приводящая в смятение плодовитость технологии». Эти предложения получили широкую рекламу в прессе и высказывались с неутомимой настойчивостью в адрес научных организаций и правительственных учреждений²⁴. Это со-

²³ Разумеется, из этого еще не складывается движение, противостоящее науке как таковой. Более того, разрушение рабочими машин и подавление капиталом изобретательства имели место и в прошлом. См.: *Merton R.K. Fluctuations in the Rate of Industrial Invention // Quarterly Journal of Economics. 1935. Vol. 49. P. 464 и далее.* Однако это движение порождает мнение, что науку следует считать полностью ответственной за ее социальные последствия. Предложение сэра Джосайи Стэмпа можно найти в его обращении к Британской ассоциации развития науки, зачитанном 6 сентября 1934 года. Такие моратории предлагались также М.Кайо (см.: *Strachey J. The Coming Struggle for Power. New York, 1935. P. 183*), Х.У. Самнерсом в Палате представителей США, а также многими другими. С точки зрения нынешних гуманистических, социальных и экономических критериев, некоторые из продуктов науки более вредны, чем полезны. Эта оценка может подорвать рациональное обоснование научной работы. Как патетически воскликнул один ученый: если человек науки обязан оправдывать свою работу, то я напрасно потратил свою жизнь! См.: *Soddy F. (ed.) The Frustration of Science. New York, 1935. P. 42 и далее.*

²⁴ Английские ученые особенно энергично выступили против «протистирования научных изысканий в военных целях». Президентские обращения, прочитываемые на ежегодных собраниях Британской ассоциации развития науки, многочисленные передовицы и письма, публикуемые в журнале «Nature», свидетельствуют об этом движении за «новое осознание социальной ответственности среди подрастающего поколения научных работников». Среди лидеров этого движения – сэр Фредерик Гоулэнд Хопкинс, сэр Джон Опп, профессор Содди, сэр Дэниэл Холл, д-р Джулиан Хаксли, Дж.Б.С. Халдейн и профессор Л. Хогбен. См., в частности, письмо, подписанное двадцатью двумя учеными Кембриджского университета, в котором предлагается программа отмежевания науки от военного дела (*Nature. 1936. Vol. 137. P. 829*). Эти попытки совместных действий, предпринятые английскими учеными, резко контрастируют с безразличным отношением к этим вопросам ученых нашей страны. (Это наблюдение относится к периоду, который предшествовал появлению атомного оружия.) Основания этого контраста полезно было бы изучить. Во всяком случае, хотя это движение, возможно, и берет начало в чувствах, оно может выполнять функцию устранения одного из источников враждебного отношения к науке в демократических режимах.

противление исходит в равной степени со стороны тех представителей труда, которые опасаются утраты капиталовложений в их навыки, устаревающие в столкновении с потоком новых технологий, и из рядов тех капиталистов, которые возражают против моментального устаревания своего машинного оборудования. Хотя в обозримом будущем эти предложения, вероятно, так и не будут воплощены в действие, они группируются в один из возможных центров, вокруг которого может материализоваться бунт против науки в целом. И по большому счету несущественно, достоверны эти мнения, возлагающие на науку конечную ответственность за такие нежеланные ситуации, или нет. Социологическая теорема У.А. Томаса — «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» — из раза в раз подтверждалась.

Короче говоря, эти основания для переоценки науки проистекают из того, что я ранее назвал «повелительной непосредственностью интереса»²⁵. Забота о выполнении первостепенной задачи — продвижения знания — сочетается с невниманием к тем последствиям, которые лежат за пределами сферы непосредственного интереса, однако эти социальные результаты отвечают на это тем, что становятся препятствием для осуществления изначальных устремлений. Такое поведение может быть рациональным в том смысле, что от него можно ожидать, что оно приведет к удовлетворению непосредственного интереса. Однако оно иррационально в том смысле, что ниспровергает другие ценности, которые в данный момент не преобладают, но, тем не менее, являются неотъемлемой частью социальной шкалы ценностей. Именно в силу того, что научное исследование проводится не в социальном вакууме, его последствия простираются в другие сферы ценностей и интересов. И в той мере, в какой эти последствия считаются социально нежелательными, ответственность за них возлагается на науку. Благodeяния науки не рассматриваются более как безусловное благо. С этой точки зрения, догмат чистоты науки и беспристрастности помог подготовить собственную эпитафию.

Линия фронта проходит через вопрос: может ли хорошее дерево приносить дурные плоды? Те, кому хотелось бы срубить дерево познания под корень или остановить рост из-за его ненавистных плодов, сталкиваются со встречным утверждением, что дурные плоды были привиты хорошему дереву агентами государства и экономики. Совесть индивидуального человека науки может быть успокоена суждениями о том, что неадекватная социальная структура привела к извращению его открытий. Однако это вряд ли удовлетворит озлобленную оппозицию. В точности

²⁵ Merton R.K. The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action // Op. cit.

как *мотивы* ученого могут варьировать в диапазоне от страстного желания преумножить знание до всепоглощающего интереса к достижению личной известности, и в точности как *функции* научного исследования могут варьировать в диапазоне от обеспечения престижных рационализации существующего порядка до увеличения нашего контроля над природой, так и другие социальные *последствия* науки могут считаться вредными для общества или даже приводить к модификации самого научного этоса. Среди ученых принято считать, что социальные последствия науки, в конечном счете, *должны* быть полезными. Этот символ веры выполняет функцию обеспечения научного исследования рациональным обоснованием, но явно не представляет собой констатацию факта. Он заключает в себе смешение истины с социальной полезностью, которое характерным образом обнаруживается в нелогическом полумраке науки.

Эзотерическая наука как популярный мистицизм

Еще одна важная сторона связей между наукой и социальным порядком до сих пор редко доходила до осознания. По мере возрастания сложности научных исследований возникает необходимость в продолжительной программе сурового обучения для проверки или даже понимания новых научных открытий. Современный ученый неумолимо подчинился культуре непостижимости. Это приводит к возрастанию пропасти между ученым и обывателями. Обыватель вынужден принимать на веру предаваемые гласности суждения об относительности, квантах или прочих эзотерических предметах подобного рода. Это он с готовностью и делал, поскольку ему постоянно твердили о том, что технологические достижения, от которых он предположительно получал какие-то выгоды, рождаются, в конечном счете, из таких исследований. Тем не менее, у него остаются некоторые подозрения по поводу этих странных теорий. Популяризуемые и зачастую искажаемые версии новой науки делают упор на теории, которые кажутся идущими вразрез со здравым смыслом. Наука и эзотерическая терминология становятся нерасторжимо связанными в сознании публики. Для неподготовленных обывателей якобы научные заявления тоталитарных ораторов о расе, экономике или истории оказываются в одном ряду с суждениями о расширяющейся Вселенной или волновой механике. В обоих случаях обыватели не в состоянии понять эти концепции или проверить их научную достоверность, и в обоих случаях эти концепции могут расходиться со здравым смыслом.

Одним словом, мифы тоталитарных теоретиков будут казаться широкой публике более убедительными и, безусловно, более понятными, нежели подтвержденные научные теории, поскольку они более близки к

обыденному опыту и культурным предубеждениям. Следовательно, — и это отчасти результат научного прогресса — население в целом созрело для новых мистицизмов, облаченных во внешние одеяния научного жаргона. Иначе говоря, это потворствует успеху пропаганды. Заимствованный авторитет науки становится могущественным символом престижа для ненаучных доктрин.

Враждебное отношение общественности к организованному скептицизму

Еще одна особенность научной установки — организованный скептицизм, довольно часто превращающийся в иконоборство²⁶. Наука как будто бросает вызов «удобным властным допущениям» других институтов²⁷, просто подчиняя их беспристрастному анализу. Организованный скептицизм содержит в себе скрытое сомнение в некоторых основаниях установленной рутины, власти, принятых процедур и сферы «сакрального» вообще.

В действительности, с логической точки зрения, установление эмпирического генезиса представлений и ценностей не означает отрицания их достоверности, однако именно таким зачастую бывает его психологическое воздействие на наивное сознание. Институционализированные символы и ценности требуют установок лояльности, верности и уважения. Наука, задающая фактологические вопросы в отношении каждого аспекта природы и общества, вступает в психологический — но не логический — конфликт с иными установками по отношению к тем же данным, кристаллизованным и частично ритуализованным другими институтами.

Большинство институтов требует беспрекословной веры; институт науки, напротив, возводит скептицизм в ранг добродетели. Каждый институт в этом смысле предполагает сакральную область, которая противится профанному исследованию средствами научного наблюдения и логики. Институт науки и сам предполагает эмоциональную приверженность определенным ценностям. Однако независимо от того, идет ли речь о сакральной сфере политических убеждений, религиозной веры или экономических прав, научный исследователь не ведет себя предписанным некри-

²⁶ Frank H. Knight, *Economic Psychology and the Value Problem* // *Quarterly Journal of Economics*. 1925. Vol. 39. P. 372-409. Неискушенный ученый, забывающий о том, что скептицизм является прежде всего методологическим каноном, позволяет своему скептицизму выплеснуться в сферу ценностей как таковых. Социальные функции символов начинают игнорироваться, и они начинают оспариваться как «неистинные». Здесь, опять-таки, смешиваются социальная полезность и истина.

²⁷ Charles E. Merriam, *Political Power*. New York, 1934. P. 82-83.

тическим и ритуалистическим образом. Он не устанавливает заранее никакой пропасти между сакральным и профанным, между тем, что требует некритического почтения, и тем, что можно объективно анализировать²⁸.

Именно это отчасти и лежит в основе бунтов против так называемого вторжения науки в другие сферы. В прошлом такое сопротивление исходило главным образом со стороны церкви, которая препятствует научному исследованию освященных доктрин. Текстуальная критика Библии до сих пор внушает некоторое подозрение. Такое сопротивление со стороны организованной религии убывало в своей значимости по мере того, как центр социальной власти перемещался в экономические и политические институты. Последние, в свою очередь, дают свидетельство неприкрытого непримиримо враждебного отношения к тому генерализованному скептицизму, со стороны которого, как считается, исходит вызов основам институциональной стабильности.

Подобное противодействие может существовать совершенно независимо от внедрения тех или иных научных открытий, которые бы казались обесценивающими конкретные догмы церкви, экономики и государства. Прежде всего имеет место диффузное, нередко смутное осознание того, что скептицизм может подорвать *статус-кво*. Необходимо еще раз подчеркнуть, что в возникновении конфликта между скептицизмом, относящимся к сфере науки, и эмоциональными привязанностями, которые требуются другими институтами, нет никакой логической необходимости. Однако, как психологическая производная, этот конфликт неизменно проявляется всякий раз, когда наука распространяет свои исследования в новые сферы, по отношению к которым имеются институционализированные установки, и когда расширяют сферу своего контроля другие институты. В тоталитарном обществе основным источником противодействия науке является централизация институционального контроля; в других структурах большее значение имеет расширение сферы научного исследования. Диктатура организует, централизует и, следовательно, интенсифицирует источники бунта против науки; в либеральной же структуре он остается неорганизованным, диффузным и зачастую латентным.

В либеральном обществе интеграция происходит прежде всего из совокупности культурных норм, на которые ориентирована человеческая деятельность. В диктаторской структуре интеграция производится в первую очередь формальной организацией и централизацией социаль-

²⁸ Общее рассмотрение сакрального в этих категориях см.: *Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. P. 37 и далее.*

ного контроля. Готовность к принятию этого контроля внушается через ускорение процесса насыщения государства новыми культурными ценностями, через замену медленного процесса диффузного внедрения социальных стандартов агрессивной пропагандой. Эти различия в механизмах, посредством которых типичным образом создается интеграция, обеспечивают различным институтам, в том числе и науке, в либеральной структуре большую гибкость самоопределения и автономии, нежели в структуре тоталитарной.

Благодаря строжайшей организации диктаторское государство настолько усиливает свой контроль над неполитическими институтами, что возникает ситуация, отличная от либеральной не только по степени, но и по типу. Например, в нацистском государстве репрессии против науки легче находят выражение, чем в Америке, где интересы не настолько организованы, чтобы насаждать науке ограничения всякий раз, как только они будут сочтены необходимыми. Для наличия социальной стабильности несовместимые чувства должны быть либо надежно отграничены друг от друга, либо интегрированы друг с другом. Однако такое отграничение становится фактически невозможным там, где наличествует централизованный контроль под эгидой какого-то одного сектора социальной жизни, навязывающего и пытающегося насильно насадить людям обязательство верности его ценностям и чувствам в качестве условия их дальнейшего существования. В либеральных структурах отсутствие такой централизации делает возможной необходимую степень разграничения, гарантируя каждой сфере определенное право на автономию, а тем самым обеспечивает возможность постепенной интеграции временно не согласующихся друг с другом элементов.

Выводы

Теперь можно вкратце сформулировать основные выводы этой статьи. Во многих обществах существует латентная и активная враждебность по отношению к науке, хотя степень этого антагонизма установить пока еще невозможно. Престиж, приобретенный наукой за последние три столетия, настолько велик, что действия, ограничивающие изучаемую ею область или частично ее отвергающие, обычно сопровождаются заверениями насчет непоколебимой честности науки или «возрождения истинной науки». Эти словесные проявления уважения к пронаучным чувствам часто расходятся с поведением тех, кто их озвучивает.

Отчасти антинаучное движение проистекает из конфликта между этосом науки и других социальных институтов. Следствием, вытекающим из этого положения, является то, что нынешние бунты против на-

уки *формально* аналогичны прежним бунтам, хотя *конкретные* их источники различаются. Конфликт возникает тогда, когда признаются нежелательными социальные следствия применения научного знания, когда скептицизм ученого оказывается направлен на базисные ценности других институтов, когда экспансия политической, религиозной или экономической власти ограничивает автономию ученого, когда антиинтеллектуализм ставит под сомнение ценность и честность науки и когда в отношении научного исследования вводятся ненаучные критерии приемлемости.

В этой статье не предлагается программа действий, направленная на преодоление угроз развитию науки и ее автономии. Однако можно предположить, что до тех пор, пока центр социальной власти сосредоточен в каком-то одном институте, но не в науке и пока у самих ученых нет уверенности относительно их первостепенной лояльности, их положение остается шатким и неопределенным.

Перевод В.Г. Николаева

Т. ПАРСОНС, Р.Ф. БЕЙЛЗ, Э.А. ШИЛЗ

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ¹

Предисловие

Настоящую публикацию не следует считать в обычном смысле книгой; это, как заявлено в названии, *рабочие тетради*. За исключением, пожалуй, первой статьи, всё в этом сборнике — черновые наброски, которые писались по мере развития содержащихся в них теоретических идей и которые еще не были переработаны так, чтобы образовать логически связное целое, и не были, за исключением отдельных фрагментов, эмпирически проверены.

Мы приняли предложение издательства «Free Press» опубликовать эти статьи в их нынешней форме, так как надеемся извлечь пользу из дискуссии, которую они вызовут среди теоретически мыслящих членов заинтересованных профессиональных групп. Такая дискуссия, как нам кажется, ускорит процесс развития теории и поможет нам в дальнейшем создать более интегрированный и законченный продукт, причем раньше, чем было бы возможно в противном случае.

Поскольку это рабочие тетради, мы не пытаемся представить в них тот общий фон, который бы сделал их непосредственно понятными читателю, не знакомому с нашей предшествующей работой. Такая попытка потребовала бы много места и не соответствовала бы целям этой публикации.

Наиболее важные основоположения можно найти в трех предыдущих публикациях: в «Анализе процесса взаимодействия» Бейлза (Addison Wesley Press, 1950), книге «К общей теории действия» под редакцией Парсонса и Шилза (Harvard University Press, 1951), особенно в части II «Ценности, мотивы и системы действия», написанной Парсонсом и Шилзом², и в книге Парсонса «Социальная система» (Free Press, 1951)³.

¹ Перевод выполнен по изданию: *Parsons T., Bales R.F., Shils E.A. Working Papers in the Theory of Action*. N.Y.; L., 1953. P. 9-62. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Личность. Культура. Общество». 2004. Т. 6. Вып. 1-2; 2005. Т. 7. Вып. 2-3; 2007. Т. 9. Вып. 1-3.

² См. рус. пер.: *Парсонс Т. Ценности, мотивы и системы действия // Парсонс Т. О структуре социального действия*. М., 2000. С. 458-562.

³ См. рус. пер.: *Парсонс Т. Социальная система // Парсонс Т. О социальных системах*. М., 2002. С. 3-520.

Также мы не пытались пересмотреть ранние работы в свете позднейших достижений. В них добавлены только некоторые редакторские примечания, в остальном же они оставлены в том виде, в каком были впервые опубликованы, и печатаются здесь в том порядке, в котором были написаны. Попытку свести все это воедино мы оставляем на будущее.

Обстоятельства, приведшие к этой совместной публикации, были, если говорить коротко, следующие. Все три автора вот уже несколько лет тесно сотрудничают друг с другом. Подход Бейлза к анализу взаимодействия в малых группах вырос из той же традиции социологической теории, что и рассмотрение более макроскопических уровней структуры и функционирования социальных систем Парсонсом и Шилзом. Хотя формально Бейлз не был соавтором в книге *«Кобцей теории действия»*, он активно участвовал во многих обсуждениях, на которых базировалась эта публикация, и внес в них существенный вклад.

Дальнейшие оживленные дискуссии между Парсонсом и Шилзом имели место по поводу следующей работы Парсонса *«Социальная система»*, особенно в связи с главой, посвященной процессам социализации, и главой о девиантном поведении и социальном контроле.

Кроме того, в течение весеннего семестра 1950–1951 учебного года мы вместе с Чарльзом Моррисом и некоторыми другими коллегами участвовали в неформальной дискуссионной группе, обсуждавшей теорию символизма в связи с действием, которая оказала на наше мышление огромное стимулирующее воздействие. Профессору Моррису мы выражаем за это свою особую признательность.

Первая статья этого сборника, *«Суперэго и теория социальных систем»*⁴, включена в него, поскольку перекидывает мостик от предыдущих публикаций Парсонса к более позднему этапу, на котором авторы этой книги сотрудничали. Она была написана в мае 1951 г. для заседания Американской психиатрической ассоциации, и тема, которой она посвящена, была выбрана как соответствующая содержанию этого мероприятия. Между тем в ней затрагивались самые общие проблемы теории.

Надеемся, что ее включение в сборник поможет читателю понять тот путь, в ходе которого были разработаны основные идеи, изложенные в следующих главах.

В начале осени 1951 г., отчасти в связи с конструированием теории для проекта эмпирического исследования социальной мобильности, Парсонс вновь взялся за тему символизма и написал на эту тему статью,

⁴ Уже опубликована в феврале 1952 г. в журнале *Psychiatry*. Благодарим редакторов этого журнала за любезное разрешение перепечатать здесь эту статью.

которая публикуется здесь как глава II. Работая над статьей, он постоянно советовался с Бейлзом. Новый свет, который пролило это предприятие на значимость схемы типовых переменных, делал все более ясным, что существует тесная связь между этой схемой и схемой категорий, разработанной Бейлзом для анализа процесса взаимодействия.

Внезапно стало понятно, что четыре системные проблемы у Бейлза и новая комбинация из четырех типовых переменных (за исключением переменной «ориентация на себя vs. ориентация на коллектив») – в сущности, одно и то же и что их можно рассматривать как альтернативные формулировки параметров четырехмерного пространства, что стало большим шагом вперед в консолидации этих двух схем.

Именно это озарение, нагрывавшее почти сразу после завершения статьи о символизме, увенчалось первой совместной статьей, которая публикуется здесь как глава 3. Она была написана в ноябре 1951 г.

С этой консолидацией почти сразу же стало очевидно, что схема типовых переменных, четыре системные проблемы, двенадцать категорий процесса взаимодействия, типология девиантных ориентаций, разработанная Парсонсом в «*Социальной системе*», и соответствующая парадигма процессов социального контроля могут быть сведены в единую аналитическую схему на основе принципов, очерченных в нашей статье о четырех параметрах.

Эти открытия, приходившие с большой скоростью вслед за исходным «прорывом», оставили нас, однако, со множеством нерешенных сложных теоретических проблем. Вторая совместная статья, составляющая главу V, по сути, документирует следующий этап прогресса в работе над этими проблемами, ставший итогом многомесячных усилий по выяснению следствий достигнутой ранее теоретической консолидации.

Основные очертания этой статьи были намечены Парсонсом и Бейлзом в апреле-мае 1952 г. Однако до отъезда Бейлза в Европу для преподавания на Зальцбургском семинаре удалось написать вчерне лишь вводную часть. Тем временем удалось устроить так, чтобы Шилз ранним летом приехал в Кембридж для возобновления, начатого ранее, сотрудничества с Парсонсом в разработке общей теории. Они продолжили работать над статьей согласно плану, который был разработан Парсонсом и Бейлзом.

Прежде чем настоящий пробный вариант был завершен, выяснилось, что многие темы получили пространное развитие. Первый черновой набросок этой статьи был подготовлен Парсонсом и Шилзом. По возвращении Бейлза из Европы, однако, все три автора вместе работали над обсуждаемыми в ней проблемами, и версия, публикуемая здесь, представляет расширенную ревизию этого чернового наброска.

В главе V выработанные ранее руководящие идеи развиваются в двух основных направлениях.

Первое — это использование четырехмерной схемы в анализе процесса действия как такового, которое достигает кульминации в прояснении анализа фазового протекания этого процесса как в мотивационном, так и в символично-культурном его аспектах.

Второе основное направление — сочленение этой параметрической схемы с анализом структуры систем, особенно социальных систем, который был предложен в предыдущих работах, прежде всего в «Социальной системе» и, на микроскопическом уровне, в «Анализе процесса взаимодействия».

Эти два направления расширения сводятся воедино в первую очередь тщательным прояснением микроскопического и макроскопического уровней системного соотнесения и того, как они друг с другом сочленяются. На самом деле мы считаем это, возможно, самым важным единым ключом к теоретической ясности в этой области.

Важно подчеркнуть, что теоретическая работа, отраженная в этой подборке статей, протекала на фоне наших эмпирических исследовательских интересов и в теснейшей связи с ними. Некоторые эмпирические результаты работы Бейлза о малых группах фактически были источником некоторых важнейших прозрений, которые мы формулируем в более общей форме в наших ранее опубликованных статьях.

Интеракционный уровень анализа служил нам на протяжении всей нашей работы стабильной эмпирической отправной точкой, которая помогла нам распутать некоторые из весьма щекотливых смысловых проблем, связанных с тем, что концептуальная схема, с которой мы работаем, применима ко всему микроскопическо-макроскопическому диапазону систем действия.

Статья Бейлза, помещенная здесь как глава IV, была написана в мае 1952 г. специально для этого сборника. Надеемся, она поможет читателю более конкретно увидеть эмпирическую релевантность некоторых в высшей степени абстрактных идей общей теории, особенно тех, которые относятся к проблеме уравнивания системы.

И, может быть, даже разделить с нами в какой-то мере то воодушевление, которое нас охватывает при мысли о том, что мы имеем в своих руках способ производства данных, связанный столь непосредственно с самым абстрактным уровнем теории. Шилз, в свою очередь, изучал первичные группы и другие проблемы анализа социальной структуры.

В то же время значительная часть работы Парсонса была тесно связана с проектом в области социальной мобильности, которым он зани-

мался совместно с Сэмюэлом А. Стауффером и Флоренс Клакхон при участии небольшого штата сотрудников и участников студенческого исследовательского семинара.

В этой связи попытка вычлнить структуру профессиональных ролей как референтную систему увела нас в глубины анализа социальной системы в целом дальше, чем мы до этого считали необходимым. Краткое описание подхода к классификации профессиональных ролей, разработанного таким образом, включено в главу V этих «Тетрадей». Более полное представление данных и их истолкование были оставлены для будущих публикаций, связанных с проектом по мобильности.

Невозможно выразить всю нашу признательность многим другим людям, причастным к этой работе. Она готовилась в атмосфере непрерывных дискуссий с многочисленными коллегами и студентами и, как уже было сказано, теснейшим образом связана с нашими эмпирическими исследованиями и, следовательно, с теми, кто с нами в этой работе сотрудничал. Без их вклада стоявшая перед нами особая задача не могла бы быть выполнена⁵.

Глава 1. Суперэго и теория социальных систем⁶

В самом широком смысле, вклад психоанализа в социальные науки состоял, пожалуй, в необычайном углублении и обогащении нашего понимания человеческой мотивации. Это было столь всепроникающее влияние, что почти невозможно проследить его многочисленные ramifications.

В настоящей статье я решил сказать кое-что об одном из аспектов этого влияния — а именно, о влиянии, оказанном психоаналитическим понятием суперэго, — ввиду его особенно непосредственной релевантности для центральных теоретических интересов моей социально-научной дисциплины — социологической теории. По сути дела, это понятие образует одну из важнейших точек, в которых возможно установить прямые отношения между психоанализом и социологией. Именно в этой связи я и собираюсь его обсудить.

Психоанализ, наряду с другими традициями психологической мысли, естественным образом сосредоточился на изучении личности индивида, выбрав ее центральной точкой своей схемы соотнесения. Социология, в свою очередь, столь же естественным образом интересовалась прежде

⁵ Глава написана Толкоттом Парсонсом. См.: *Толкотт Парсонс, Роберт Ф. Бейлз, Эдвард А. Шилз*. Кембридж, шт. Массачусетс. Октябрь 1952 г.

⁶ Основное содержание статьи было представлено на заседании психоаналитической секции Американской психиатрической ассоциации в Цинциннати, шт. Огайо, 7 мая 1951 г. Темой заседания, на котором оно было представлено, был «Вклад психоанализа в социальные науки». Тезисы статьи были опубликованы в: *Psychiatry*. Vol. XV. № 1. Feb. 1952.

всего паттернированием поведения множества индивидов, конституирующим то, что мы все более склонны называть социальной системой.

В силу исторических различий перспектив и отправных точек, концептуальные схемы, получаемые исходя из этих двух точек зрения, как правило, не вполне согласовывались друг с другом, и этот факт породил массу недоразумений.

Между тем, недавняя теоретическая работа⁷ показывает, что, в соответствии со сходящимися тенденциями мысли, возможно совместить основные теоретические тенденции этих дисциплин, поместив их в общую рамку соотнесения, — ту, которую некоторые социологи стали называть «теорией действия». В перспективе этой попытки теоретической унификации я и собираюсь подойти к анализу понятия суперэго.

Одна из основных причин выбора этого понятия состоит в том, что оно исторически оказалось в центре действительного процесса конвергенции. По крайней мере, отчасти именно в силу этого открытие Фрейдом интернализации моральных ценностей как существенной части структуры самой личности стало ключевой вехой в развитии наук о человеческом поведении.

Хотя в литературе того периода можно найти и несколько других в чем-то схожих формулировок, яснее всего с фрейдовской теорией суперэго сходилась теория социальной роли моральных норм, выдвинутая французским социологом Эмилем Дюркгеймом, теория, которая стала одним из краеугольных камней в последующем развитии социологической теории.

Прозрения Дюркгейма на эту тему немного предшествовали открытиям Фрейда⁸. Дюркгейм отталкивался от идеи, что индивид как член

⁷ См.: *Parsons T., Shils E. (eds.) Toward a General Theory of Action. Cambridge, 1951*; См. также: *Parsons T. The Social System. Glencoe, Ill., 1951.*

⁸ Воззрения Дюркгейма были впервые ясно изложены в статье «Determination du fait moral», опубликованной в *Revue de metaphysique et de morale* в 1906 г. (см. рус. пер.: *Дюркгейм Э. Определение моральных фактов // Теоретическая социология: Антология. М., 2002. 4.1. С. 25-69*), и получили гораздо более основательное развитие в его последней книге *Les formes ulimentaire de la vie religieuse* (Paris, 1912). Указанная ранняя статья была переиздана в томе *Sociologie et philosophie* под ред. Шарля Бутле (Paris, 1929). Ее тематика разрабатывается далее в посмертно опубликованных лекциях, прочитанных в Сорбонне в 1906 г, которые имеют заглавие *L'Education morale* (Paris, 1925). Под сильным влиянием Дюркгейма находится работа швейцарского психолога Жана Пиаже, который развивал его взгляды с психологической стороны. См. особенно его работу *The Moral Judgment of the Child* (Glencoe, 1948). Полагаю, читатель-психиатр знаком с соответствующими работами Фрейда. Тем не менее, назову две самые важные из них, где обсуждается суперэго: *The Ego and the Id. L., 1949* (рус. пер.: *Фрейд З. «Я» и «Оно»*. Труды разных лет. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 351-392) и *New Introductory Lectures on Psychoanalysis. N. Y, 1933* (рус. пер.: *Продолжение лекций по введению в психоанализ // Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989. С. 299-416*).

общества не целиком свободен принимать собственные моральные решения, но в каком-то смысле «принуждается» к принятию ориентаций, общих для того общества, членом которого он является.

Он предпринял ряд попыток истолковать природу этого принуждения и сосредоточился в итоге на двух первичных чертах этого феномена: во-первых, на том, что моральные правила «подчиняют» поведение в самом фундаментальном смысле, скорее, моральному авторитету, чем внешнему принуждению; и, во-вторых, на том, что эффективность морального авторитета нельзя объяснить без допущения того, что (как мы теперь говорим) ценностные паттерны были интернализированы как часть личности.

В силу некоторых терминологических особенностей, в которые нам нет нужды здесь вдаваться, Дюркгейм тяготеет к отождествлению «общества» как такового с системой моральных норм. В этом особом смысле термина «общество» важно, что он выдвинул ясную формулу: «общество существует только в умах индивидов».

В работе Дюркгейма содержатся лишь предположения относительно психологических механизмов интернализации и места интернализированных моральных ценностей в структуре самой личности. Но это не отвлекает нашего внимания от массивного феномена конвергенции фундаментальных прозрений Фрейда и Дюркгейма, прозрений не только относительно фундаментальной важности моральных ценностей в человеческом поведении, но и относительно [важности] интернализации этих ценностей.

Эта конвергенция идей, идущих от двух совершенно разных и независимых отправных точек, заслуживает того, чтобы рассматриваться как одна из поистине фундаментальных вех в развитии современной социальной науки. Ее можно уподобить схождению результатов экспериментального изучения размножения растений Менделем с результатами микроскопического изучения деления клетки — конвергенции, которая привела к открытию хромосом как носителей генов. Только когда эти два совершенно разных корпуса научного знания удалось свести воедино, родилась современная наука о генетике.

Конвергенция мышления Фрейда и Дюркгейма может помочь нам сформулировать проблему этой статьи: как может фундаментальный феномен интернализации моральных норм быть проанализирован таким образом, чтобы обеспечить максимальную общность выводов из этой формулировки, как для теории личности, так и для теории социальной системы?

Ведь если возможно сформулировать ключевые моменты проблемы достаточно генерализованным образом, то анализ должен оказаться в

равной степени релевантным в обоих направлениях. Следовательно, он должен внести вклад в интеграцию психоаналитической теории личности и социологической теории социальной системы, а тем самым и в дальнейшее развитие концептуальной схемы, которая является существенно общей для них обеих.

Необходимой отправной точкой в попытке связать эти два корпуса теории является анализ некоторых фундаментальных черт взаимодействия двух или более лиц; сам процесс взаимодействия при этом понимается как система.

Как только прояснятся основные черты такой интерактивной системы, выводы из анализа могут быть сделаны в *обоих* направлениях: [в перспективе] изучения структуры и функционирования личности как системы в отношении других личностей; и [в перспективе] изучения функционирования социальной системы как системы.

Можно предположить, что в прошлом трудность совмещения этих двух направлений мысли проистекала из того факта, что этот анализ никогда не доводился до конца; а до конца он не доводился потому, что ставил [ученого] в положение «между двух стульев».

С одной стороны, Фрейд и его сподвижники, сосредоточив внимание на единичной личности, не смогли адекватно учесть то, что из взаимодействия индивида с другими личностями вытекает *формирование системы*.

С другой стороны, Дюркгейм и другие социологи, сосредоточившись на социальной системе как системе, не смогли систематически рассмотреть импликации того факта, что именно *взаимодействие личностей* конституирует социальную систему, которой они занимались, и что, стало быть, адекватный анализ мотивационного процесса в такой системе должен принять во внимание проблемы личности. Этим обстоятельством, похоже, и объясняется то, что этой темой столь серьезно пренебрегали.

Прежде всего, можно указать, что два взаимодействующих лица должны пониматься как объекты друг для друга в двух *первичных* аспектах, а также в третьем аспекте, который в каком-то смысле произведен от двух предыдущих. Это (1) когнитивное восприятие и концептуализация — ответ на вопрос, *что есть этот объект*, и (2) катексис — привязанность или отвращение, — [т.е.] ответ на вопрос, *что объект означает* в эмоциональном смысле.

Третьим модусом ориентации лица на объект является оценивание — интеграция когнитивных и катектических значений объекта, [посредством которой они] образуют систему, причем систему, устойчивую во времени. Можно утверждать, что никакая устойчивая связь между двумя или

более объектами невозможна без наличия у *обеих* сторон отношения всех трех указанных модусов ориентации⁹.

Рассмотрение условий, от которых зависит такая устойчивая, обоюдно ориентированная система взаимодействия, приводит к заключению, что на человеческом уровне эта обоюдность взаимодействия должна опосредоваться и стабилизироваться *общей культурой*, т.е. общеразделяемой системой символов, понимание значений которых обеими сторонами приближается к согласию.

Существование таких символических систем, которые в особенности, хотя и не исключительно, заключены в языке, свойственно всем известным человеческим обществам.

Как бы изначально ни развивались имеющиеся в обществе системы символов, они оказываются втянуты в социализацию каждого ребенка. Можно допустить, что важность общих систем символов является как следствием, так и условием крайней пластичности и восприимчивости человеческого организма, которые, в свою очередь, служат существенными условиями его способности обучаться и, в том числе, неправильно обучаться. Такие черты человеческого организма приносят элемент крайней потенциальной нестабильности в процесс человеческого взаимодействия, и это требует стабилизирующих механизмов, чтобы интерактивная система как система функционировала.

Элементы общей культуры значимы в соотношении со всеми тремя модусами ориентации действия. Некоторые из них имеют в первую очередь когнитивную значимость; другие — прежде всего катектическую значимость, выражающую эмоциональные значения или аффект; третьи имеют прежде всего оценочную значимость.

Нормативная регуляция при установлении стандартов характерна для всей культуры; таким образом, в любой данной культуре есть правильный способ символизации любой ориентации действия. Фактически, это необходимо для самой коммуникации: чтобы коммуникация была эффективна, должны соблюдаться языковые конвенции.

Тот факт, что катексис человеческого объекта — то есть эмоциональная значимость этого объекта для данного лица, — зависит от отзывчивости этого объекта, хорошо известен психоаналитической теории. Можно

⁹ Дальнейшая разработка этой аналитической отправной идеи и оснований в пользу ее принятия может быть найдена в: *Parsons T., Shils E. (eds.) Toward a General Theory of Action* (см. ссылку в примечании 1). См. особенно: «General Statement» и Part II «Values, Motives, and Systems of Action» (рус. пер.: *Парсонс Т. О структуре социального действия*. М., 2000. С. 415-652). Читатель может обратиться также к книге: *Parsons T. The Social System* (см. ссылку в примечании 1).

считать почти трюизмом, что, в конечном счете, трудно или вообще невозможно любить, не получая ответной любви. Труднее понять, что в этом отношении существует почти прямой параллелизм между катексисом и когницией.

В конце концов, [присущий] лицу катексис неодушевленного объекта, такого, как пищевой объект, не зависит напрямую от отзывчивости объекта; было бы, разумеется, антропоморфизмом предполагать, что стейку нравится, когда его съедают, в том смысле, в каком голодному человеку нравится есть стейк.

Таким же образом и когниция неодушевленного объекта лицом не зависит напрямую от взаимной когниции лица объектом. Но там, где объектом является другое лицо, эти двое конституируют – как эго и альтер – *интерактивную* систему. Вопрос в том, что *есть* альтер, в когнитивном смысле, с точки зрения эго, и наоборот. Ясно, что ответ на этот вопрос должен предполагать [определенное] место – или, как говорят социологи, «статус» – эго и альтер в структуре интерактивной системы.

Так, когда я говорю, что некое лицо – это моя мать, мой друг или мой студент, я характеризую это лицо как участника некой системы социального взаимодействия, в которую я также включен.

Стало быть, не только взаимные катектические установки лиц, но и их когнитивные образы друг друга являются функциями их взаимодействия в системе социальных отношений; в некотором фундаментальном смысле, один и тот же порядок связи относится к обоим случаям.

Таким образом, социальная система является функцией общей культуры, которая не только формирует основу интеркоммуникации ее членов, но также определяет и тем самым в некотором смысле детерминирует относительные статусы ее членов. В удивительно широких пределах нет никакой внутренней значимости лиц друг для друга, которая бы не зависела от их действительного взаимодействия.

В той мере, в какой эти относительные статусы определяются и регулируются общей культурой, истинно следующее внешне парадоксальное утверждение: то, что *являют собою* лица, может быть понято лишь через набор представлений и чувств, определяющих, какими им *надлежит быть*. Это положение верно лишь в самом широком смысле, но, несмотря на это, принципиально важно для понимания социальных систем.

Именно в этом контексте должна пониматься центральная значимость моральных стандартов в общей культуре систем социального взаимодействия. Моральные стандарты как средоточие оценочного аспекта общей культуры образуют ядро стабилизирующих механизмов системы

социального взаимодействия. Более того, эти механизмы выполняют функцию стабилизации не только установок, т.е. эмоциональных значений лиц друг для друга, но и категоризации, т.е. когнитивных определений того, чем являются лица в социально значимом смысле.

Если этот подход правилен, то место суперэго как части структуры личности должно пониматься в терминах связи между личностью и целостной общей культурой, благодаря которой становится возможна стабильная система социального взаимодействия на человеческих уровнях. Фрейд был глубоко прав, сосредоточившись на элементе моральных стандартов. Он действительно центральный и решающий, но нам кажется, что взгляд Фрейда был слишком узким.

Неизбежный вывод состоит в том, что не только моральные стандарты, а *все компоненты общей культуры* интернализируются как часть личностной структуры. И действительно, моральные стандарты в этом отношении не могут быть отделены от *содержания* паттернов ориентации, которые они регулируют; как я уже отмечал, содержание как катектических установок, так и определений когнитивного статуса, имеет культурную, а следовательно нормативную значимость.

Это содержание является культурным и усвоенным в обучении. Ни то, чем человеческий объект в самых значимых аспектах *является*, ни то, что он эмоционально *означает*, нельзя понять как данность, не зависящую от природы самого интерактивного процесса; и значимость моральных норм как таковых в очень значительной степени связана с этим фактом.

Видимо, прозрения Фрейда в этой области всерьез сдерживались тем, что он опирался в своем мышлении на схему соотнесения, связывающую личность с ее ситуацией, или средой, вне специфической связи с анализом социального взаимодействия лиц как системы.

Этой перспективой, которая в его время безраздельно господствовала, объясняются две черты его теории. Прежде всего, когнитивное определение объектного мира, видимо, не было для Фрейда проблематичным. Он подводил его целиком и полностью под «внешнюю реальность», в отношении которой «функции эго» конституируют процесс адаптации.

Он не уделил должного внимания тому факту, что схема соотнесения, в терминах которой опознаются объекты и к которой, стало быть, происходит адаптация, имеет культурный характер и, следовательно, не может приниматься как данность, а должна быть интериоризирована, что составляет условие развития зрелого эго-функционирования.

В этом отношении, видимо, правильно было бы сказать, что Фрейд

ввел нереальное разграничение между суперэго и эго; границы между ними на самом деле трудно определить в его теории.

В свете вышеизложенных соображений, различие, проводимое Фрейдом между суперэго и эго, при котором первое интернализируется посредством идентификации, а второе, по-видимому, состоит, скорее, из реакций на внешнюю реальность, чем из интернализированной культуры, — не выдерживает критики. Эти реакции являются, разумеется, усвоенными реакциями; но интернализация есть особый род научения, который Фрейд относил, похоже, лишь к суперэго.

Если этот аргумент ставит вопрос о когнитивной функции и, стало быть, о теории эго, то из него, *ipso facto*, вытекают следствия и касательно суперэго. Здесь важно указать, что взгляд Фрейда, по-видимому, предполагает, что объект как [нечто] когнитивно значимое дан независимо от интернализированной культуры актора, после чего к нему применяются стандарты суперэго.

При этом не принимается в расчет, насколько конституирование объекта и его моральная оценка являются неотъемлемой частью *одних и тех же* фундаментальных культурных паттернов; суперэго приобретает видимость произвольности и диссоциации от остальной личности — особенно от эго, — что совершенно не стыкуется с фактами.

Вторая проблема теории Фрейда касается связи катексиса, или аффекта, с суперэго. В каком-то смысле она есть обратная сторона его связи с когницией. Вопрос здесь, возможно, аналогичен вопросу о передаче света в физике: как может передаваться катектическая значимость объекта в отсутствие прямого биологического контакта? На самом деле путаница в этом вопросе, возможно, является одним из источников подчеркивания сексуальности во фрейдовской теории, поскольку сексуальность обычно предполагает такой прямой контакт.

Для Фрейда объект, пусть даже человеческий, как правило, есть нечто инертное, к чему присоединяется «заряд» катектической значимости. Считается, что этот процесс выражает инстинкты актора, или либидо; элемент взаимности же обычно рассматривается как второстепенный и почти произвольный. Это связано с тем, что, хотя Фрейд и внес огромный вклад в теорию экспрессивного, или катектического символизма, особенно в «*Толковании сновидений*», имеется очень существенное ограничение на расширение этой теории.

Можно сказать, что в основе этого лежит тот факт, что Фрейд был склонен ограничивать рассмотрение символизма в эмоциональном контексте его непосредственно экспрессивными функциями и не смог выйти на анализ его коммуникативных функций. Символ сновидения остался для него прототипом аффективного символизма.

Возможно, в значительной мере именно в силу этого Фрейд не акцентировал в таком символизме аспект общей культуры, а пытался найти его истоки главным образом во внутренних значениях, независимых от интерактивного процесса и его общей культуры. В более общем плане, смысл анализа аффекта состоял в том, чтобы подчеркнуть фундаментальную изоляцию индивида в его одинокой борьбе со своим ид¹⁰.

Весь этот способ рассмотрения проблемы катексиса, по-видимому, имеет некоторое множество следствий, схожих с теми, которые были указаны выше в связи с когницией; он ведет к диссоциации суперэго от источников аффекта. Это обусловлено тем фактом, что Фрейд явно недооценил наличие и значимость общей культуры экспрессивно-аффективного символизма и вытекавшую отсюда необходимость мыслить эмоциональный компонент взаимодействия как опосредованный этим аспектом общей культуры.

Таким образом, тот аспект суперэго, который отвечает за регулирование эмоциональных реакций, должен рассматриваться как определяющий регулятивные принципы этой системы взаимодействия. Он есть неотъемлемая *часть* символизма эмоциональной экспрессии, а не что-то сверх него, наряду с ним или отдельно от него.

Общий смысл этой критики состоит в том, что Фрейд, сформулировав понятие суперэго, лишь приступил к анализу роли общей культуры в личности. Структура его теоретической схемы не дала ему увидеть возможности перенесения того же фундаментального анализа с интернализации моральных стандартов, — которую он относил к суперэго, — на интернализацию когнитивной схемы соотнесения для межличностных отношений и для общей системы экспрессивного символизма. Точно так же она помешала ему увидеть, насколько эти три элемента общей культуры интегрированы друг с другом.

Этот очень абстрактный анализ может стать немного более понятным, если привести примеры того, что подразумевается под системой когнитивной референции, или категоризации, и под системой экспрессивного символизма, имея в виду, что обе являются частями интернализированной общей культуры.

Одним из самых показательных примеров первой является половая категоризация, т.е. усвоение сексуальной роли. Фрейд говорит об изначальной «бисексуальности» ребенка. У него все держится на том, что он постулировал конституционально заданную двойственность ориентации.

¹⁰ Этот взгляд был, разумеется, модифицирован в позднейшей психоаналитической мысли, но именно в его рамках Фрейд ввел понятие суперэго.

Исходя из нашего подхода, возможна, по крайней мере, одна альтернативная гипотеза, которую необходимо рассмотреть¹¹.

Эта гипотеза состоит в том, что некоторые основные факты, которые Фрейд интерпретировал как проявления конституциональной бисексуальности, могут быть объяснены тем фактом, что категоризация лиц — в том числе категоризация актором самого себя, взятого в качестве центра, — на два пола нигде, кроме как в соматических координатах, биологически не задана, но должна быть усвоена ребенком в ее психологической значимости.

Тот факт, что дети обоих полов начинают жизнь по существу с одной и той же связи с матерью, является основополагающим, и сам Фрейд справедливо подчеркивал его важность. Далее можно предположить, что процесс, посредством которого мальчик учится дифференцировать себя в плане пола от матери и в этом смысле «идентифицироваться» с отцом, а девочка учится идентифицироваться с матерью, — это процесс научения. Одной из главных составляющих процесса взросления является интернализация собственной половой роли как решающей части Я-образа.

Вполне возможно, что этот способ рассмотрения указанного процесса будет полезен, поскольку делает допущение конституциональной бисексуальности поверхностным объяснением половой идентификации индивида, по крайней мере, отчасти.

Во всяком случае, он имеет то огромное преимущество, что напрямую связывает детерминацию половой категоризации с ролевой структурой социальной системы не только в эмпирическом, но и в теоретическом смысле. Каждый социолог оценит это, поскольку ему известна принципиальная значимость половой ролевой дифференциации и конституции для социальной структуры.

Пример второй роли, роли общего экспрессивного символизма, можно найти в процессе, посредством которого выстраивается взаимная установка любви между матерью и ребенком. Фрейд, по-видимому, вполне справедливо указывает на то, что истоки установки любви у ребенка обнаруживаются в его зависимости от матери [в плане доступа к] самым элементарным источникам удовлетворения, таким как пища, элементарные удобства и безопасность.

Постепенно, в процессе взаимодействия, у ребенка строится система ожиданий относительно продолжения и повторения этих удовлетворений;

¹¹ Этим ни в коем случае не предполагается, что *нет* элемента конституциональной бисексуальности; имеется в виду всего лишь, что *некоторые* вещи, которые Фрейд ей приписывал, могут быть объяснены на других основаниях.

и эти ожидания связываются друг с другом в результате того, что все многообразие таких удовлетворений исходит от одного источника, матери.

Можно предположить, что в этом процессе задолго до развития языка начинает происходить процесс генерализации, так что некоторые акты матери интерпретируются как *знаки* того, что можно ожидать удовлетворяющих исполнений; так, например, ребенок обретает способность интерпретировать ее приближающиеся шаги или тон ее голоса.

Предполагается, что одна из главных причин важности эротического компонента связи ребенка с матерью состоит в том, что, поскольку телесный контакт является существенным аспектом заботы о ребенке, эротические удовлетворения легко приобретают символическую значимость. Эротический элемент имеет то чрезвычайно важное свойство, что он относительно диффузен, ибо активизируется любого рода нежным телесным контактом. Эта диффузность делает его особенно пригодным в качестве носителя (vehicle) символических значений.

Благодаря этому процессу, таким образом, постепенно осуществляется переход ребенка от сосредоточения на эротической стимуляции как таковой к сосредоточению на *установке* матери, выраженной в эротически приятной стимуляции. Только когда этот переход произошел, будет корректно говорить о том, что ребенок стал зависимым от *любви* матери, а не просто от тех специфических удовольствий, которые мать ему доставляет.

Только когда достигается этот уровень, установка любви может стать мотивом к принятию дисциплинарных воздействий, ибо тогда она может оставаться стабильной — даже если многие специфические удовлетворения, ранее вовлеченные в эту связь, будут из нее устранены.

Здесь важно, что в аффективном своем аспекте взаимодействие ребенка с матерью есть *не только* процесс взаимного удовлетворения потребностей, но и, для ребенка, процесс усвоения (learning) символической значимости сложной системы актов со стороны матери — того, что они обозначают относительно ее чувств, и того, каким образом они связаны взаимозависимостью с его актами и, тем самым, являются отчасти их последствиями.

Иначе говоря, между ними развивается сложный язык эмоциональной коммуникации. Лишь когда ребенок освоил этот язык на относительно сложном уровне, можно говорить, что он научился любить свою мать или быть зависимым от ее любви к нему.

Таким образом, происходит переход от «зависимости от удовольствия» к «зависимости от любви». Одним из первичных аспектов научения любить и быть любимым является интернализация общей культуры экс-

прессивного символизма, которая делает для ребенка возможными выражение *и передачу* его чувств и понимание чувств матери по отношению к нему.

Очевидно, лишь тогда, когда достаточно развитая система когнитивного соотнесения и система экспрессивного символизма интернализированы, закладывается фундамент для развития суперэго; ибо только тогда о ребенке можно сказать, что он способен к пониманию — как в когнитивном, так и в эмоциональном смысле, — значения тех предписаний и запретов, которые на него накладываются.

Ребенок должен дозреть до того уровня, когда он может начать играть *ответственную* роль в системе социального взаимодействия и когда он может понять, что то, что люди чувствуют, является функцией его и их соответствия, взаимно поддерживаемым стандартам поведения. Лишь когда он становится зависим от любви своей матери, он может развить осмысленную тревогу, ибо тогда он может рискнуть своей обеспеченностью этой любовью, поступив вразрез с тем, что она ожидает от него как от хорошего мальчика.

Из приведенных соображений вытекают важные следствия для природы процесса идентификации, так как это основной механизм, посредством которого приобретает суперэго. Если этот анализ верен, решающая проблема связана с процессом интернализации общей культуры, включая все три основных ее компонента — систему когнитивного соотнесения, систему экспрессивного символизма и систему моральных стандартов.

Во-первых, по-видимому, ясно, что интернализироваться могут *только* культурные системы символов. Объект может катектироваться, опознаваться и оцениваться, но он не может вбираться в личность сам по себе; единственный смысл, в котором приемлема последняя терминология, состоит в привлечении внимания к тому, что общая культура на самом деле является частью личности объекта, но она — только аспект ее, а не вся она целиком.

Одних лиц можно говорить, что они идентифицируются друг с другом, в той мере, в какой они *разделяют* важные компоненты общей культуры. Но так как роли в социальной системе дифференцированы, следует заметить, что всегда важно уточнять, *какие именно* элементы культуры являются общими.

Во-вторых, важно указать, что усвоение (learning) общей культуры может вести к принятию либо роли, идентичной роли объекта идентификации, либо роли, дифференцированной от роли этого объекта. Так, в случае мальчика и его матери усвоение мальчиком его половой категори-

зации позволяет ему понять и принять тот факт, что с точки зрения пола он от нее отличается.

Стандарты подходящего поведения для обоих полов разделяются членами того и другого, но их *применение* дифференцировано. Употребление термина «идентификация» часто было двусмысленным, поскольку предполагало сходство как стандартов, так и применения.

С нашей точки зрения, совершенно правильно говорить, что мальчик усваивает свою половую роль посредством идентификации с матерью (поскольку о половой категоризации он узнает отчасти от нее) и благодаря тому, что он и она принадлежат к разным половым категориям, из чего вытекают важные следствия для *его* поведения. Это отличается от идентификации с отцом в том смысле, что он узнает (*learns*), что попадает с точки зрения пола в один класс со своим отцом, а не со своей матерью.

В-третьих, похоже, есть исчерпывающие свидетельства того, что, хотя идентификация не может означать *становление объектом*, как интернализация общей культуры она зависит от *позитивного катексиса объекта*. Соображения, приведенные выше, дают некоторые предположения относительно того, почему так должно быть.

Интернализация паттерна культуры — это не просто познание его как объекта внешнего мира; это включение его в действительную структуру личности как таковой. А это означает, что паттерн культуры должен быть интегрирован с аффективной системой личности.

Между тем, культура есть система генерализованных символов и их значений. Чтобы интеграция с аффектом, конституирующая интернализацию, произошла, собственная аффективная организация индивида должна достичь высоких уровней генерализации.

Основным механизмом, посредством которого это совершается, оказывается выстраивание привязанностей к другим лицам — иначе говоря, эмоциональная коммуникация с другими, посредством которой индивид становится чувствительным к *установкам* других, а не просто к их специфическим актам с присущей им значимостью удовлетворения или лишения.

Иными словами, процесс формирования привязанностей есть *сам по себе*, по своей внутренней природе, процесс генерализации аффекта. Но эта генерализация, в свою очередь, есть в действительности, в одном из основных ее аспектов, процесс символизации эмоциональных значений — иначе говоря, процесс приобретения культуры.

Внутренняя трудность создания культурных паттернов настолько велика, что ребенок может обрести сложную культурную генерализацию

только посредством взаимодействия с другими, которые уже ею обладают. Катексис объекта как центральный аспект идентификации является тогда [всего лишь] иным названием для развития *мотивации* к интернализации культурных паттернов или, по крайней мере, для одной принципиально важной фазы этого процесса.

Условия социализации человека таковы, что удовлетворения, которые проистекают из его катексиса объектов, не могут быть обеспечены, если он не сформирует, наряду с генерализацией эмоциональных значений и их передачи, когнитивную категоризацию объектов, в том числе самого себя, и систему моральных норм, регулирующих отношения между ним и объектом (суперэго).

Этот взгляд на процесс идентификации, возможно, поможет прояснить одну смущающую черту фрейдовского метода рассмотрения. Фрейд, напомним, отрицает, что очень маленький ребенок способен к объектному катексису, и говорит об идентификации, в противоположность объектному катексису, как о «самой ранней форме эмоциональной связи с объектом». Далее он говорит об идентификации с отцом в Эдиповой ситуации как о возвращении к более «примитивной» форме связи с объектом.

Я бы согласился, что ранняя привязанность ребенка к матери и его позднейший катексис ее — не одно и то же. Представляется вероятным, что самая ранняя привязанность, так сказать, докультурна, тогда как подлинный катексис объекта предполагает интернализацию культурной системы символов.

Вместе с тем кажется крайне сомнительным, что связь с отцом в Эдиповой ситуации может быть правильно описана как возвращение к до-символическому уровню. Здесь нет возможности основательно углубиться в эту проблему; но можно предположить, что Эдипову ситуацию лучше было бы истолковать как напряжение, навязываемое ребенку принуждением к совершению еще одного важного шага во взрослении, в процессе, в котором отец становится центром его амбивалентных чувств именно потому, что ребенок не решается рискнуть любовной связью с матерью.

Хотя при таком напряжении следует ожидать проявления регрессивных паттернов реакции, они не являются ядром процесса идентификации; при всей их важности, они — вторичные феномены.

Если приведенное описание интернализированного содержания личности и процессов идентификации указывает в правильном направлении, оно, по всей видимости, предполагает необходимость внести некоторые модификации в структурную теорию личности Фрейда. Прежде всего, интернализируется — то есть вбирается посредством идентификации из катектированных социальных объектов — не только суперэго, но

и другие важные компоненты, которые, предположительно, должны быть включены в эго. Это система когнитивных категоризации объектного мира и система экспрессивного символизма.

Если это верно, то отсюда – и это во-вторых – вытекает необходимость существенной модификации фрейдовского понятия эго. Элемент *организации*, являющийся существенным свойством эго, не выводился бы тогда из «принципа реальности», т.е. только из адаптивных реакций на внешний мир. Вместо этого он выводился бы из двух фундаментальных источников: из внешнего мира как среды и из общей культуры, перенимаемой от объектов идентификации.

И то и другое, разумеется, приобретается извне, но последний компонент эго больше похож по своему происхождению и характеру на суперэго, чем на уроки опыта.

В-третьих, есть аналогичные проблемы в отношении границы между эго и ид. Ключ к тому, что нам, возможно, здесь нужно, содержат частые ссылки Фрейда на то, что было названо здесь «экспрессивными символами», как на представителей импульсов ид для эго. По-видимому, из приведенного анализа с необходимостью вытекает, что эти символизированные и символически организованные эмоции являются не только представителями *для* эго; они также должны рассматриваться и как неотъемлемые *части* эго.

Возможно, кому-то это покажется относительно радикальным выводом – а именно, что эмоции, или аффект, на уровне нормального взрослого человека должны рассматриваться как *символически генерализованная* система, что они никогда не являются «импульсом ид» как таковым.

Аффект не есть прямое выражение побудительного мотива, но включает его в себе лишь постольку, поскольку он организован и интегрирован как с опытом реальности индивида, так и с теми культурными паттернами, которые он усвоил через процессы идентификации.

В более общем плане взгляд на личность, развиваемый в этой статье, видимо, в целом согласуется с акцентом на психологии эго и на проблемах его интеграции и функционирования как системы, возросшим в последнее время в самой психоаналитической теории. Структурная теория Фрейда в основе своей явно вела в правильном направлении, поскольку ясно сформулировала три основных исходных пункта теории личности: потребности организма, внешнюю ситуацию и паттерны культуры.

В свете интеллектуальных традиций, в русле которых происходило теоретическое развитие Фрейда, вполне естественно, что культурный элемент, как он его сформулировал в понятии суперэго, должен был быть разработан последним из трех и труднее всего укладывался [в схему].

В развитии более общей теории действия, между тем, культурный элемент, как я постарался показать, должен определенно занять центральное место. Ведь если брать в формулировках Фрейда только эго и ид, не будет адекватного моста, соединяющего теорию личности с теоретическим анализом культуры и социальной системы.

Суперэго как раз и обеспечивает такой мост, поскольку не может быть объяснено ни на каком другом основании, кроме как на основании приобретений, [полученных] от других людей через процесс социального взаимодействия.

Чему, в сущности, была посвящена эта статья, так это рассмотрению понятия суперэго в свете развития теории в областях культуры и социальной системы; в ней была предпринята попытка проследить следствия, вытекающие из появления суперэго в мышлении Фрейда для теории личности как таковой. Результатом стало предложение внести некоторые модификации в собственную теорию личности Фрейда¹².

¹² Возможно, характер этих модификаций станет более ясен читателю, если привести следующую ревизию известной диаграммы личности как системы, которую Фрейд ввел в работе «Я и Оно» (*Фрейд 3. «Я и Оно»... С. 362*) и приводит в исправленном виде в «Про должении лекций по введению в психоанализ» (*Фрейд 3. Введение в психоанализ... С. 349*). Эти две версии Фрейда отличаются только тем, что последняя включает суперэго. Поэтому я буду проводить сравнения с этой версией.

Во-первых, в диаграмме Фрейда суперэго помещается с одной стороны от эго. Здесь же оно трактуется как средоточие интернализированной культурной системы и, стало быть, помещается в центр.

Во-вторых, предлагаемая мной новая диаграмма вслед за Фрейдом трактует суперэго как, по существу, часть эго, однако расширяет эту концепцию, включая в эго в качестве его частей все три компонента интернализированной культуры.

В-третьих, вводится различие, которого Фрейд вообще не учитывает, а именно различие между культурными элементами, как они интернализированы в личности, и [культурными элементами] как объектами ситуации. Таким образом:

Культурные объекты	Интернализированные субъект и социальные объекты
1. Когнитивная система соотношения	Интернализированные образы Я-объекта
2. Общие моральные стандарты	Суперэго
3. Экспрессивный символизм	Символически организованный аффект

С моей точки зрения, Я ориентировано *как* на альтер, *так и* на несоциальную ситуацию, которая включает и физические, и культурные объекты. Обе ориентации включают когницию и катексис, и обе подчинены оценочному отношению; но только в случае альтер как объекта эти ориентации являются *взаимными*.

На мой взгляд, эго, таким образом, включает все три элемента общей культуры, и вытеснение затрагивает все три этих элемента. Кроме того, нет никаких оснований для того, чтобы большие части общей культуры – независимо оттого, вытеснены они или нет, – не принадлежали бессознательному.

В этом смысле статья содержит немало критики Фрейда, которая может показаться неуместной в статье, освещающей вклад психоанализа в социальную науку. Подчеркну, однако, что у автора не было намерения предстать в первую очередь критиком. В каких-то местах необходимо было заострить критический аспект, поскольку читатель из числа психиатров или психоаналитиков вряд ли хорошо знаком с достижениями социологической теории, имеющими важную связь с понятием суперэго.

Главная цель здесь, однако, состоит в том, чтобы внести вклад в развитие общей основы теоретического анализа человеческого поведения, которая могла бы послужить объединению всех наук, изучающих этот предмет.

Важнейший и основополагающий факт состоит в том, что Фрейд сформулировал понятие суперэго и встроил его в свой общий анализ человеческой мотивации. Эта [формулировка] и аналогичные ей формулировки в области социологии являются прочными основаниями, на которые мы должны опираться.

По моему убеждению, поистине можно сказать, что мы в настоящее время в состоянии соединить теорию личности и теорию социальной системы в рамках принципиально одной и той же общей концептуальной схемы. Введение Фрейдом понятия суперэго было одним из важных факторов, сделавших это возможным.

Перевод В.Г. Николаева

По-видимому, принятой здесь точкой зрения предполагается, что интеграция личности как системы должна рассматриваться как функция эго; но, согласно Фрейду, в равной степени важно, как было сказано выше, что эго, так сказать, смотрит в три стороны и подвержено давлению со всех трех сторон – т.е. со стороны организма индивида (ид), со стороны внешней ситуации и со стороны интернализованных символических систем культуры. Я признателен д-ру Джеймсу Олдсу за помощь в составлении этой схемы.

Ю. ХАБЕРМАС

ТЕОРИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ (фрагменты)

Предварительное размышление: понятие рациональности в социологии*

Рациональность суждений и действий является тем предметом, которым традиционно занимается философия. Можно даже сказать, что философское мышление проистекает из рефлексивного становления (Reflexivwerden) разума, воплощенного в познании, в речи (Sprechen) и действии. Основным предметом философии является разум¹. Начиная со своих истоков, философия трудится над тем, чтобы объяснить мир в целом, единство многообразных явлений с помощью принципов, которые должны быть открыты посредством разума, а не в коммуникации с потусторонней божественной сущностью и даже не благодаря обращению к космосу как объёмлющей природу и общество основе. Греческое мышление нацелено не на теологию, не на этическую космологию в значении великих мировых религий, а на онтологию. Если существует нечто общее для всех философских учений, то это стремление осмысливать бытие или единство мира на пути экспликации опыта разума, нацеленного на самого себя.

Когда я так говорю, я пользуюсь языком философии Нового времени. Но философская традиция, поскольку она говорит о возможности философской картины мира, оказалась под вопросом². Философия сегодня более не может относиться к целостности мира, природы, истории, общества в духе всеобъемлющего (totalisierenden) знания. Теоретические суррогаты картин мира были обесценены не только благодаря фактическому прогрессу эмпирических наук, но и, более того, еще и благодаря рефлексивному сознанию, которое сопровождало этот про-

* Перевод сделан по изданию: *Jiirgen Habermas. Theorie des kommunikativen. Handelns.* 3. Auflage. Frankfurt am Main, 1985. Bd. 1. S. 15-34. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Личность. Культура. Общество». Т. 4. Вып. 3-4 (13-14).

¹ *Snell B.* Die Entdeckung des Geistes. Hbg. 1946; *Gadamer H.G.* Platon und die brskratieker // *Kleine Schriften III.* Tbg. 1972, 14 ff // *Gadamer H.G.* Mythos und Vernunft, in: *Kleine Schriften IV.* Tbg. 1977, 48 ff.; *Schadewaldt W.* Die Anfinge der Philisophie bei den Griechen. Ffm. 1978.

² *Habermas J.* Wbzu noch Philosophic? // *Habermas J.* Philosophisch-politische Profile. Ffm. 1981. 15 ff.

гресс. В связи с этим сознанием философское мышление самокритично отстывает; благодаря вопросу, чего бы оно могло достигнуть со своей рефлексивной компетенцией *в рамках* научных конвенций, оно превращается в метафилософию³. Предмет при этом изменяется, но все же остается тем же самым. Там, где в современной философии вокруг более прочного предметного ядра развернута более логичная (kohärentere) аргументация, будь то в логике или в теории науки, в теории языка и значения, в этике и теории действия, даже в эстетике, там интерес обращается к формальным условиям рациональности познания, языкового взаимопонимания и действия в повседневности или на уровне методически организованного опыта или систематически организованного дискурса. Особое значение получает при этом теория аргументации, поскольку перед ней стоит задача реконструировать формально-прагматические предпосылки и условия эксплицитно-рационального поведения.

Если этот диагноз не задает ошибочного направления, если верно то, что философия в своих постметафизических, послегегелевских течениях стремится к пункту конвергенции, которым является *теория рациональности*, то как тогда социология может быть вправе отнестись компетентно к проблематике рациональности?

По-видимому, философское мышление, которое отказывается от позиции тотальности (Totalitätsbezug), теряет также и удовлетворенность собою. С целью формального анализа условий рациональности нельзя связать ни онтологические надежды на материально содержательные теории природы, истории, общества и т.д., ни трансцендентально-философские надежды на априорную реконструкцию неэмпирического родового субъекта, сознания вообще. Все попытки окончательного обоснования (Letztbegründung), в которых продолжают существовать интенции философии происхождения (Ursprungsphilosophie), расшатаны⁴. В этой ситуации в отношениях между философией и науками возникает новая ситуация. Как показывают примеры теории науки и истории науки, формальная экспликация условий рациональности и эмпирический анализ осуществления и исторического развития структур рациональности своеобразно связаны друг с другом. Теории современных

³ Rorty R. (Ed.). The Linguistik Turn, Chicago 1964; *Он же*. Philosophy and the Mirror of Nature. N.Y., 1979 (на немецком - Ffm, 1981).

⁴ Для критики философии происхождения сравни: Adorno Th. W. Metakritik der Erkenntnistheorie // Ges. Schr. Bd. 5. Ffm. 1971; противоположная позиция: Apel K. O. Das Problem der philosophischen Letztbegründung im Lichte einer transzendentalen Sprachpragmatik // Kanitschneider B. (Hrsg.). Sprache und Erkenntnis. Innsbr. 1976. 55 ff.

опытных наук, придерживаются ли они позиции логического эмпиризма, критического рационализма или методического конструктивизма, выдвигают нормативное и одновременно универсалистское требование, которое не удовлетворяется более фундаменталистской онтологической или трансцендентально-философской предпосылкой. Это требование может быть проверено только на очевидных примерах противоположного характера и, в конце концов, основано на доказательстве способности реконструктивной теории тщательно исследовать (*herauszuprparieren*) внутренние аспекты истории науки и в связи с эмпирическим анализом систематически объяснить в контексте развития общества фактическую, нарративно изложенную историю науки⁵. То, что имеет значение для комплексной картины когнитивной рациональности, как и для современной науки, касается также и других форм объективного духа, то есть воплощений когнитивной и инструментальной или морально-практической, возможно даже, и эстетико-практической рациональности.

Конечно, эмпирически ориентированные исследования этого рода должны в своих основных понятиях быть построены так, чтобы они могли быть присоединены к рациональным конструкциям смысловых связей и решений проблем⁶. Когнитивная психология развития является примером этого рода. В традициях Пиаже концептуализируется, например, как когнитивное в более узком смысле, так и социально-когнитивное и моральное развитие как внутреннее, создаваемое по образцу (*nachkonstruierbare*) следствие ступеней компетентности⁷. Если, напротив, как в теории поведения, требования значимости (*Geltungsansprüche*), к которым привязаны решения проблем, рациональные ориентации действия, уровни научения и т.д., эмпирически перетолковываются и переопределяются, то процессы воплощения структур рациональности могут интерпретироваться не в узком смысле — как процессы обучения, а, по крайней мере, как возрастание способности адаптации.

Среди социальных наук только социология является ныне той областью знания, которая в своих основных понятиях ближе всех подходит к проблематике рациональности. Это имеет, как показывает сравнение с

⁵ Сравните дискуссию по поводу книги: *Kuhn Th. Die Struktur wissenschaftlicher Revolutionen*. Ffm. 1967, прежде всего, *Lakatos L, Musgrave A. Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambr. 1970; *Diederich W. (Hrsg.) Beiträge zur diachronischen Wissenschaftstheorie*. Ffm. 1974; *Buhner R. Dialektischen Elemente einer Forschungslogik*.

⁶ *Oevermann U. Programmatische Überlegungen zu einer Theorie der Bildungsprozesse und einer Strategie der Sozialisationsforschung // Hurrelman K. Sozialisation und Lebenslauf*. Hbg. 1976. 34 ff.

⁷ *Doberst R., Habermas J.G. Nunner-Winkler (Hrsg.). Entwicklung des Ichs*. 1977.

другими дисциплинами, историко-научные и предметные основания. Рассмотрим вначале *политическую науку*. Она должна была эмансипироваться от рационального естественного права. Современное (*moderne*) естественное право еще исходило из староевропейского взгляда, в соответствии с которым общество изображалось как политически конституированная и интегрированная, помимо правовых норм, общность (*Gemeinwesen*). Новые концепции буржуазного формального права предоставляли, конечно, возможность действовать конструктивно и проектировать политико-правовой порядок при наличии нормативных точек зрения как рациональный механизм⁸. Исходя из этого, политическая наука должна была радикально освободиться от эмпирической направленности. Она занимается политикой как частной системой общества и освобождает себя от задачи понять общество в целом. В противоположность естественно-правовому нормативизму она исключает из научного рассмотрения морально-практические вопросы легитимности или рассматривает их как эмпирические вопросы дескриптивно понимаемой *веры* в легитимность. Тем самым она разрушает мосты, ведущие к проблематике рациональности.

По-другому обстоит дело с *политической экономией*, которая в XVIII в. вступила в конкуренцию с рациональным естественным правом и разрабатывала самостоятельность системы действия, являвшейся единой в своих функциях, но не в нормах в первую очередь⁹. Как политическая экономия, наука о хозяйстве (*Wirtschaftswissenschaft*) вначале еще придерживалась кризисно-теоретического отношения к обществу в целом. Она интересовалась вопросом, как динамика хозяйственной системы воздействовала на те порядки (*Ordnungen*), которые интегрировали общество посредством норм. От этого вопроса отказалась экономия, ставшая специальной наукой. Она сегодня также занимается хозяйством как частной системой общества и освобождает себя от вопросов о легитимности. Проблема рациональности может ее вырвать из этой перспективы рассмотрения частных проблем (*Teilperspektive*) и обратиться к размышлениям об экономическом равновесии и вопросам рационального выбора.

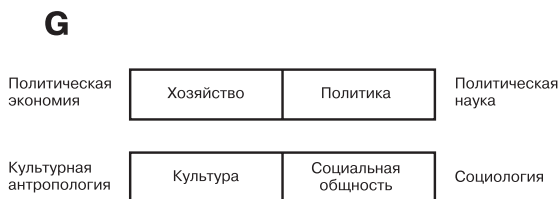
В противоположность этому социология возникла как дисциплина, занимавшаяся тем, от чего отстранились политика и экономическая на-

⁸ *Hennis W.* Politik und praktische Philosophie. Neuwied, 1963; *Maier H.* Die altere deutsche Staats und Verwaltungslehre. Neuwied, 1966; *Habermas J.* Die klassische Lehre von der Politik in ihrem Verhältnis zur Sozialphilosophie // Theorie und Praxis. Ffm., 1971. 48 ff.

⁹ *Jonas F.* Was heisst Oekonomische Theorie? Vorklassisches und klassisches Denken // *Schmolers* Jb. 78, 1958; *Neuendorf H.* Der Begriff des Interesses. Ffm., 1973.

ука на своем пути превращения в специальные науки¹⁰. Ее предмет – изменения социальной интеграции, которые были вызваны в структуре староевропейских обществ при помощи возникновения современной системы государств и посредством выделения (Ausdifferenzierung) регулируемой рынком хозяйственной системы. Социология стала *par excellence* наукой о кризисных состояниях (Kriesenwissenschaft), которая занимается прежде всего аномическими аспектами разложения традиционной и развития современной общественной системы¹¹. И при этих исходных условиях социология могла бы, конечно, ограничиться единственной подсистемой. Рассматривая вопрос с точки зрения истории науки, социология религии и социология права образуют ядро новой дисциплины. Если я в целях иллюстрации, то есть преимущественно без дальнейших разъяснений, воспользуюсь предложенной Парсонсом схемой функций, то легко установить следующее соответствие между *социально-научными дисциплинами и подсистемами общества* (см. схему).

Конечно, стремление сделать социологию специальной наукой, занимающейся социальной интеграцией, существует. Но не является случайностью, а служит, более того, даже симптомом того, что выдающиеся теоретики общества, которых я буду рассматривать выше, изначально были социологами. Социология – единственная из социально-научных дисциплин сохранила рассмотрение проблем общества в целом. Она всегда оставалась *также* теорией общества и оттого не отказывалась от вопросов о рационализации, не переопределяла их и не обращалась к проблемам меньшего масштаба, как это делали другие дисциплины. Я вижу две причины, приведшие к этому обстоятельству. Первая из них касается в равной мере *культурной антропологии* и социологии.

Соответствие основных функций общественным подсистемам маскирует то обстоятельство, что социальные интеракции в сферах, кото-

¹⁰ Jonas F. Geschichte der Soziologie. Bd. I-IV. Reinbek 1968-69; Friedrichs R.W. A Sociology. N.Y., 1970; Bottomore T. R. Nisbet. A History of Sociological Analysis. N.Y., 1978.

¹¹ Habermas T. Kritische und konservative Aufgaben der Soziologie // ders. (1971). 290 ff.

рые важны в аспектах культурного воспроизводства, социальной интеграции и социализации, ни в коем случае не специализированы тем же способом, что и интеракции в таких сферах действия, как экономика и политика. Как социология, так и культурная антропология, вступают в противоречие с *целым спектром* явлений социального действия, но не с относительно ясно очерченными (klargeschnitttenen) типами действия, которые в отношении проблемы максимизации прибыли или заработка (des Erwerbs) или использования политической власти могут быть рассмотрены как разновидности целерационального действия. Обе эти дисциплины занимаются повседневной практикой в контексте жизненного мира и оттого должны рассматривать *все* формы символической ориентации действия. Для них не так просто отказаться от проблематики основ теории действия и интерпретации, нацеленной на понимание смысла. При этом они сталкиваются со структурами жизненного мира, которые лежат в основе других, функционально более точно специфицированных и в определенной мере более четко дифференцированных частичных систем. Как относятся друг к другу парадигматические понятийные образования (Begrifflichkeiten) «жизненного мира» и «системы», к этому мы еще вернемся¹². Здесь я хотел бы только подчеркнуть, что отделить друг от друга исследование социальной общности и исследование культуры не так просто, как исследование экономической и политической частных систем общества. Это объясняет жесткую (hartimckig) связь социологии и теории общества.

Но то, чем сейчас является социология и не является культурная антропология, показывающая особую готовность обратиться к проблематике рациональности, становится понятным лишь при обращении к следующему обстоятельству. Социология возникает как теория буржуазного (bbrgerlichen) общества; ей достается задача объяснить ход капиталистической модернизации¹³ добуржуазных обществ и сопутствующие ей аномические явления. Эта возникающая из объективной исторической ситуации постановка проблемы образует исходный пункт, опираясь на который, социология разрабатывает свои основные проблемы (Grundlagenprobleme). На *метатеоретическом уровне* она выбирает такие основные понятия, которые отражают рост рациональности современного жизненного мира. Почти все без исключений социологи-классики стремились построить свои теории действия так, чтобы их категории касались важнейших аспектов перехода от «Gemeinschaft» к

¹² Смотрите ниже: Kap. VI. Bd. 2. S. 173 и далее.

¹³ Neuendorf H. Artikel «Soziologie» // Evangelische Staatslexikon. Stuttgart, 1975. 2. Aufl. 2424 ff.

«Gesellschaft»¹⁴. А на *методологическом уровне* соответствующим способом рассматривается проблема понимающего подхода к объектной сфере символических предметов; понимание рациональных ориентаций действия становится исходным пунктом для понимания всех ориентаций действия.

Эта связь между (а) *метатеоретическим* вопросом о рамках теории действия, которые намечены по отношению к рациональным аспектам теории действия, (б) *методологическим* вопросом теории понимания смысла, который выясняет внутренние отношения между значением и значимостью (между экспликацией значения символического выражения и оценкой его имплицитных притязаний на значимость), связывается, наконец (с) с *эмпирическим* вопросом, может ли быть описана модернизация общества с точки зрения культурной и общественной рационализации и в каком именно смысле. Эта связь особенно отчетливо выражена в творчестве Макса Вебера. Его иерархия понятий действия замкнута на тип целерационального действия, так что все иные действия могут рассматриваться как специфичные отклонения от этого типа. Вебер анализирует метод понимания смысла так, что более сложные случаи могут быть отнесены к пограничному случаю понимания целерационального действия: понимание субъективно ориентированного на успех действия требует одновременно его объективной оценки (в масштабах рациональности адекватности). Наконец, очевидна связь этих основополагающих понятийных и методологических различий с центральным вопросом теории Вебера: как можно объяснить западный рационализм?

Эта связь, конечно, могла бы быть условной (*kontingent*); она могла бы быть просто признаком того, что Макс Вебер был озабочен этой постановкой вопроса и что это, если подходить теоретически, проникло в основы теоретических построений прежде, чем случайные интересы. Необходимо только отделить процесс модернизации от понятия рационализации и рассмотреть его с *других* точек зрения, чтобы освободить, с одной стороны, основы теории действия от коннотаций, связанных с рациональностью действия, и, с другой стороны, методологию понимания смысла — от проблематичного смешивания вопросов значения с вопросами значимости. Этим сомнениям я хотел бы возразить тезисом, что Макс Вебер рассматривает исторически, во всяком случае, с точки зрения психологии исследования, *случайный* вопрос о западном рационализме, вопрос о значении современности (*Modernität*) и об истоках и

¹⁴ К «парным понятиям» в истории социологии см.: *Habermas J. Technik und Wissenschaft als Ideologie. Ffm. 1968 a. 60 f.*; *Mills C.W. Kritik der soziologischen Denkweise. Neuwied 1963.*

побочных следствиях развернувшейся вначале в Европе капиталистической модернизации общества в силу веских причин с точек зрения рационального действия, рационального образа жизни (*Lebensführung*) и рационализированных картин мира. Я хотел бы выдвинуть тезис, что связь именно трех тематик рациональности, которую можно выявить в его произведениях, опирается на систематические основания. Этим я хочу сказать, что для *всякой* социологии с притязаниями, касающимися области теории общества, если она действует достаточно радикально, проблема рациональности стоит одновременно на *метатеоретическом*, на *методологическом* и на *эмпирическом* уровнях.

Я начинаю с предварительного рассмотрения понятия рациональности (1) и ввожу это понятие в контекст эволюционной перспективы возникновения современного миропонимания (2). После этого предварения я хочу доказать наличие внутренней связи между теорией рациональности и теорией общества — с одной стороны, на метатеоретическом уровне, показывая упрощения рациональности в распространенных сегодня социологических понятиях действия (3), с другой стороны, на методологическом уровне, показывая, что подобные предположения (*Implikationen*) вытекают из понимающего (*sinnverstehenden*) подхода к сфере объектов социологии (4). Этот эскиз аргументации должен помочь нам в связи с тем, что нам, если мы хотим актуализировать проблемы общественной рационализации, повсеместно вытесненные после Вебера из профессиональных дискуссий социологов, нужна теория коммуникативного действия.

«Рациональность» — предварительное определение понятия

Всегда, когда мы используем выражение «рациональный», мы предполагаем тесную связь между рациональностью и знанием. Наше знание имеет пропозициональную структуру: мнения эксплицитно принимают форму высказываний. Это понятие знания я хочу использовать как предпосылку без последующего его разъяснения, потому что рациональность должна иметь дело в меньшей степени с фактом наличия знаний, чем с тем, как субъекты, владеющие языком и действующие, *приобретают и используют знание*. В языковых выражениях знание содержится эксплицитно, в целенаправленных действиях выражается в умении; имплицитное знание, это know-how, также может быть переведено принципиально в форму know-that¹⁵. Если мы будем искать грамматические субъекты,

¹⁵ Kyle G. The Concept of Mind. London, 1949; сюда же: Savigny E. V. Die Philosophie der normalen Sprashe. Ffm. 1974. 97 ff; Karr D. The Logic of Knowing how and Ability. Mind, 88, 1979. 394 ff.

которые могли бы дополнить предикативное выражение «рациональный», то нам представляется в первую очередь два кандидата. Люди, которые владеют знанием, и символические выражения, языковые или неязыковые, коммуникативные или некоммуникативные действия, которые воплощают знание, могут в большей или меньшей степени быть рациональными. Мы можем назвать рациональными мужчин и женщин, детей и подростков, министров и кондукторов автобусов, но не рыб или кусты сирени, горы, улицы или стулья. Мы можем назвать «иррациональными» такие явления, как извинения, опоздания, хирургические операции, объявления войны, ремонт, строительные планы или решения конференций, но не непогоду, несчастный случай, выигрыш в лото или заболевание. Но теперь — что означает то, что персоны действуют в определенной ситуации «рационально»; что значит то, что они могут рассматривать свои проявления (Ausserungen) как «рациональные»?

Знание можно подвергнуть критике как ненадежное. Тесная связь между знанием и рациональностью позволяет предполагать, что рациональность выражения зависит от надежности воплощенного в нем знания. Рассмотрим два парадигматических случая: утверждение, с которым А выражает в коммуникативном проекте (Absicht) определенное мнение, и целенаправленное вмешательство в мир, посредством которого В преследует определенную цель. Оба воплощают отсутствующее знание; оба являются попытками, которые могут завершиться неудачей. Оба проявления — и коммуникативное, и телеологическое действие — можно подвергнуть критике. Слушатель может оспорить то, что высказанное А утверждение *истинно*; наблюдатель может оспорить то, что выдвинутое В действие *успешно*. Критика относится в обоих случаях к притязанию, которое действующие субъекты необходимо связывают со своими проявлениями (Ausserungen), поскольку они как утверждения или как действия являются целенаправленными. Эта необходимость концептуальна по своей природе. А не выдвигает ровно никаких утверждений, если он не претендует своим высказыванием «р» на истинность и тем самым дает возможность показать свое убеждение, что его высказывание в случае необходимости можно *обосновать*. И В не осуществляет целенаправленного действия, т.е. он не стремится с его помощью достичь какой-либо цели, если не считает планируемое действие плодотворным (aussichtbar) и тем самым позволяет убедиться в том, что для данных обстоятельств выбор средства, который он осуществил, можно в случае необходимости *обосновать*.

Как А своим высказыванием претендует на истину, так и В претендует на успех своим планом действия или на эффективность (Wirksamkeit) своего правила действия, в соответствии с которым осуществляется этот

план. Эффективность означает притязание, заключающееся в том, что избранные средства соответствуют при данных обстоятельствах задаче достижения данной цели. Эффективность действия находится во внутреннем отношении к истинности прогнозов, которые предполагаются планом действия или правилами действия. Как «истина» относится к существующему в мире положению дел, так «действенность» – к воздействиям (Eingriffe) на мир, с помощью которых можно порождать существующее положение дел. Благодаря своему утверждению А вступает в отношение к чему-то, что фактически *существует* в объективном мире, благодаря своей целенаправленной деятельности В вступает к чему-то в отношение, которое *должно существовать* в объективном мире. Делая это, они оба своими символическими проявлениями выдвигают *притязания*, которые могут быть подвергнуты критике и защите, то есть могут быть *обоснованы*. Рациональность их проявлений сопоставляется с внутренними отношениями между содержательным значением, условиями ответственности и основаниями, которые в случае необходимости могут быть приведены для обоснования их действенности, истинности высказывания или эффективности правила действия.

Прежние размышления на эту тему сводятся к тому, чтобы свести рациональность проявления к критикуемости и способности обоснования. Проявление создает предпосылки для рациональности, если и поскольку оно воплощает отсутствующее знание, тем самым вступает в отношение к объективному миру, т.е. в фактическое отношение, и тем самым делается возможным объективное обсуждение. Объективное обсуждение может быть наличным только тогда, когда оно осуществляется при помощи *трансубъективного* притязания на значимость, которое для любого наблюдателя и адресата имеет то же самое значение, что и для действующего субъекта. Истина и эффективность являются притязаниями такого рода. Так, для утверждений и для целенаправленных действий характерно то, что они тем рациональнее, чем лучше могут быть обоснованы связанные с ними притязания на истину или эффективность. Соответственно этому мы используем выражение «рациональный» как характеристику личностей, со стороны которых можно ожидать таких проявлений (Ausserungen), особенно в трудных ситуациях.

У предложения свести рациональность проявления к его критикуемости имеются, безусловно, две слабости. Эта характеристика, с одной стороны, слишком абстрактна, потому что она не выражает важные различия (1). С другой стороны, она к тому же слишком узка, поскольку мы используем выражение «рациональный» не только в связи с проявлениями, которые могут быть истинными или ложными, эффективными или

недейственными. Присущая коммуникативной практике рациональность охватывает более широкий спектр явлений. Она указывает на различные формы аргументации как равновеликие возможности продолжить коммуникативное действие при помощи рефлексивных средств (2). Так как идея дискурсивного обоснования притязаний на значимость имеет центральное место в теории коммуникативного действия, то я сделаю более пространственный экскурс в теорию аргументации (3).

(1) Я поначалу придерживаюсь более узкого смысла когнитивной интерпретации понятия рациональности, которое определено исключительно в отношении к использованию дескриптивного знания. Это понятие можно развивать в двух различных направлениях.

Если мы исходим из некомуникативного использования пропозиционального знания в целенаправленных действиях, то мы встречаемся с предрасположенностью (*Vorentscheidung*) к такому понятию *когнитивно-инструментальной рациональности*, которое очень четко выразило самосознание (*Selbstverstandnis*) модерна помимо эмпиризма. Оно предполагает коннотации успешного самоутверждения, которые сделались возможными посредством информированного распоряжения конкретными условиями окружающего мира и разумного приспособления к ним. Если мы, напротив, исходим из коммуникативного использования пропозиционального знания в речевых действиях, мы встречаем предрасположенность к широкому понятию рациональности, которое связано с более древними представлениями о логосе¹⁶. Это понятие *коммуникативной рациональности* предполагает коннотации, которые в конце концов обращаются к центральному опыту объединяющей вне всякого принуждения и приводящей к согласию силе аргументированной речи, в связи с которой различные участники коммуникации преодолевают свои поначалу только субъективные представления и благодаря общности разумно мотивированных убеждений одновременно убеждаются в единстве объективного мира и intersубъективности своих жизненных связей¹⁷.

Предположим, что мнение «р» представляет идентичный объем (*Bestand*) знания, которым располагают А и В. Предположим, что А при-

¹⁶ К истории понятия сравни: *Apel K.O.* Die Idee der Sprache in der Tradition des Humanismus von Dante bis Vico. Bonn. 1963.

¹⁷ *Pole D.* Conditions of Rational Inquiry, London 1961; ders., The Concept of Reason // *Dearden R.F., Hirst D.H., Peters R.S.* (Eds.) Reason. Vol. 2. London, 1972. 1 ff. Аспекты, при которых Pole проясняет понятие рациональности, являются прежде всего: объективность, публичность и интерперсональность, истина, единство рассудка, идеал рационального согласия. К понятию рациональности Витгенштейна сравни: *St. Cavell, Must we mean we say?* Camb., 1976; ders., The Claim of Reason. Oxford, 1979.

нимает участие (как один из многих высказывающихся) в коммуникации и выдвигает утверждение «р», в то время В как (одиночный) актер выбирает средство, которое он на основании мнения «р» считает необходимым в данной ситуации для того, чтобы добиться желаемого эффекта. А и В используют *одно и то же* знание *различным* способом. Отношение к фактам и способность обоснования проявления делают возможным в одном и том же случае понимание между участниками коммуникации о том, что происходит в мире. Для рациональности проявлений является конститутивным, чтобы высказывающийся в отношении высказывания «р» выдвигал критикуемое (*kritisierbaren*) притязание на значимость, которое может учитываться или отвергаться слушателем. В другом случае фактическое отношение и способность обоснования правила действия содействует возможность успешного вмешательства в мире (*Intervention in der Welt*). Для рациональности действия является конститутивным то, что актер кладет в основание своего действия определяемый истинностью «р» план, благодаря которому намеченная цель может быть достигнута при данных обстоятельствах. Утверждение может быть только тогда названо рациональным, если говорящий выполняет условия, которые необходимы для достижения иллюкативной цели понять чего-либо в мире совместно, по меньшей мере, с еще одним участником коммуникации; целенаправленное действие может быть названо рациональным только тогда, когда деятельность актора соответствует условиям, которые необходимы для осуществления замысла с успехом осуществить вмешательство в мире (*in die Welt zu intervenieren*). Обе попытки могут закончиться неудачей — желаемое согласие не создается, желаемый эффект не достигается. Но и в случае этой неудачи реализуется рациональность проявления — неудача может быть объяснена рационально¹⁸.

¹⁸ Конечно, все же основания играют различные *прагматические роли* в связи с тем, должны ли быть с их помощью объяснены разногласие между партнерами по общению или успех вмешательства. Высказывающийся, который выдвигает утверждение, должен помнить «резерва обоснования» («*Deckungsreserve*») распоряжаться вескими основаниями, чтобы в случае необходимости убедить своего собеседника в истинности высказывания и оказаться в состоянии достичь рационально мотивированного согласия. Напротив, для успеха отнюдь не необходимо инструментальное действие, чтобы актер мог обосновать также правило действия, которому следуют. В случае телеологических действий основания служат исключительно для объяснения фактов, что применение правила при данных обстоятельствах было или могло бы быть успешным или неудачным. Другими словами: хотя существует внутренняя связь между действительностью (эффективностью) технического или стратегического правила действия и объяснений, для которых их действительность может быть дана, но познание этой связи не является необходимо-субъективным условием для успешного применения этого правила.

С помощью этих двух линий анализ рациональности может обратиться к понятиям пропозиционального знания и объективного мира; но названные случаи отличаются *способом использования* пропозиционального знания. В случае аспекта использования появляется *инструментальное распоряжение*, в другом случае — *коммуникативное понимание* как присущий рациональности телос. Анализ ведет к аспекту, на котором она концентрируется, но в различных направлениях.

Я вкратце поясню обе позиции. Первая позиция, которую я для простоты называю «реалистической», исходит из онтологической предпосылки мира как случайности, чтобы на этой основе выяснить условия рационального поведения (а). Другая позиция, которую мы можем назвать «феноменологической», дает этой постановке вопроса трансцендентальное звучание и отражается в том обстоятельстве, что те, кто действует рационально, сами должны выступать как предпосылка объективного мира (Б).

(а) Реалист может ограничиться тем, чтобы проанализировать условия, которые должен соблюсти действующий субъект с тем, чтобы быть в состоянии установить цели и достигать их. Согласно этой модели рациональные действия принципиально имеют характер целенаправленных и направленных на успех воздействий на присущий миру порядок вещей. Макс Бланк называет ряд условий, которым должно соответствовать действие, чтобы его можно было рассматривать как более или менее рациональное (reasonable) и была возможной его критическая оценка (dianoetic appraisal):

1. Только в отношении действий, проходящих под актуальным или потенциальным контролем агента, возможна критическая оценка...
2. Только действия, направленные на некоторую цель (end-in-view), могут быть рациональными или нерациональными...
3. Критическая оценка относится к агенту и к его выбору цели...
4. Рациональные суждения существуют только там, где присутствует частичное знание об адекватности и эффективности средств...
5. Критическая оценка всегда может быть обоснована¹⁹.

Если понятие рациональности становится руководством целенаправленного, то есть решающего проблемы действия²⁰, то становится, впрочем, понятным также и производное от этого словоупотребление выражения «рациональный». Иногда мы говорим о «рациональности» пове-

¹⁹ *Planck Max Reasonableness* // Dearden, Hirst, Peters (1972).

²⁰ Резюмируя *Slegmüller W. Probleme und Resultate der Wissenschaftstheorie und Analytischen Philosophie*. Berlin, Heidelberg., New York, Bd. 1. 335 ff.

дения, стимулированного теми или иными побуждениями, «рациональности» изменения состояния системы. Такие реакции могут быть *истолкованы* как решения проблем вне того, чтобы наблюдатель интерполированной (*interpolierten*) *целесообразности* наблюдаемых реакций представил целевую *деятельность* и связал ее с действием способного на решения, использующего пропозициональное знание субъекта.

Поведенческие реакции возбужденного внутренними или внешними стимулами организма, индуцированные окружающим миром изменения состояний самоуправляемой системы можно, правда, понимать как *квазидействия*, собственно так, как если бы в этом выразилась способность субъекта к действию²¹. Но о рациональности мы говорим здесь только в переносном смысле. Потому что требующаяся для рациональных проявлений способность обоснования означает, что субъект, которому она приписывается, при данных обстоятельствах должен быть в состоянии осуществить обоснование самостоятельно. (Б) Феноменолог, безусловно, не исходит из руководящего характера целенаправленных действий или действий, решающих проблемы. Он не исходит просто из объективного мира как онтологической предпосылки, а делает его проблемой, спрашивая об условиях, при которых конституируется единство объективного мира для принадлежавших к коммуникативному сообществу. Объективность присваивает (*gewinnt*) мир лишь тем, что он *действителен* как один и тот же мир *для* общности субъектов, способных на использование языка и действие. Абстрактная концепция мира является необходимым условием того, что действующие коммуникативно субъекты приходят к взаимопониманию по поводу того, что происходит в мире или что в нем нужно делать.

В этой *коммуникативной практике* они одновременно удостоверяются в общих жизненных связях, в intersубъективно разделенном *жизненном мире*. Он ограничен совокупностью интерпретаций, которые предпосланы участникам (*Angehmingen*) как фоновое знание (*Hintergrundwissen*). Чтобы разъяснить понятие рациональности, феноменолог должен, следовательно, исследовать условия коммуникативно ориентированного консенсуса; он должен анализировать то, что Мелвин Поллнер, ссылаясь на А. Шютца, называет обыденным мышлением («*mundane reasoning*»): «То, что общность (*community*) ориентирует себя на мир как на существенно неизменный (*constant*), как известный и познаваемый совместно с другими, предполагает эту общность как имеющую стабильные (*warrantable*) основания для постановки вопросов осо-

²¹ *Luhmann N. Zweckbegriff und Systemrationalität. Tbg. 1968.*

бого рода, которые прототипически представляет следующий вопрос: «Как происходит то, что он видит нечто, а вы нет?»²²»

Согласно этой модели рациональные проявления имеют характер осмысленных, четких и ясных в своем контексте действий, посредством которых актер относится к чему-то в объективном мире. Условия действительности символических проявлений указывают на intersubjectively разделяемое коммуникативной общностью фоновое знание. Для этого фона, связанного с жизненным миром (*lebensweltlichen Hintergrund*), каждое несогласие (*Dissens*) представляется как своего рода вызов: «Принятие общего для всех мира (жизненного мира) как дескриптивное утверждение не является функцией мышления обыденно мыслящих людей (*mundane reasoners*). Это не является фальсифицируемым. Более того, жизненный мир функционирует как некорректируемая (*incorrigible*) детализация отношений, принципиально данная в совокупном опыте общности тех людей, кто продельывает опыт, касающийся того же самого мира (объективного мира)... В очень грубом приближении предвосхищенное (*anticipated*) единообразие опыта (или, по крайней мере, предвосхищенное единообразие оценок разных проявлений опыта) предполагает общность других, тех, кто наблюдает тот же самый мир, кто психически способен на приобретение опыта, отражающего действительность, кто имеет основания говорить «истинно» по поводу своего опыта и кто высказывается в соответствии с общепризнанными, бесспорными схемами выражения. В случае разобщенности обыденно мыслящие люди (*mundane reasoners*) готовы подвергнуть сомнению эти и другие характеристики.

Для обыденно мыслящего человека (*mundane reasoner*) разобщенность не является решающим основанием для веры в то, что то или иное из условий другого мышления создается благодаря предвосхищению единодушия. Например, обыденное решение (*mundane solution*) может быть результатом рассмотрения того, имел или нет другой человек способность к адекватному (*veridical*) опыту. Следовательно, «галлюцинация», «паранойя», «пристрастность», «слепота», «глухота», «ложное сознание» и т.д. в их общепринятом понимании указывают на неверные или неадекватные методы наблюдения мира, служат предположительным объяснением разобщенности. Существенной характеристикой этих решений — характеристикой, которая делает их понятными для других обыденно мыслящих людей как корректирующих решения в возможности, — является то, что они ставят под вопрос не *intersubjectивность мира*, а адекват-

²² Pollner M. Mundane Reasoning. Phil. Soc. Sci. 4. 1974. 40.

ность методов, посредством которых мир благодаря опыту познается и отражается²³.

Это более всеохватное, феноменологически развитое понятие коммуникативной рациональности можно дополнить разработанным на основе реалистического подхода понятием когнитивно-инструментальной рациональности. Существуют собственно внутренние отношения между способностью к децентрированному восприятию и к манипуляции вещами и событиями, с одной стороны, и способностью интерсубъективного понимания вещей и событий, с другой стороны. Поэтому Ж. Пиаже избирает комбинированную модель *общественной кооперации*, в силу которой максимальное количество субъектов координируют свои акты воздействия на объективный мир²⁴.

Прежде всего — как то характерно для эмпирических традиций исследования, которые пытаются *отделить* использованную в монолическом использовании дескриптивного знания когнитивно-инструментальную рациональность от коммуникативной — выступают контрасты, например, в таких понятиях, как здравомыслие (*Zurechnungsfähigkeit*) и автономия. Только здравомыслящие персоны могут вести себя рационально. Для использования их рациональности в нацеленных на успех вмешательствах достаточно требовать, чтобы они выбирали между альтернативами и могли бы контролировать (некоторые) из условий окружающего мира. Но если использовать рациональность этих здравомыслящих персон для плодотворности процессов понимания, то недостаточно ставить под сомнение такие способности. В контексте коммуникативного действия здравомыслящим может считаться только тот, кто как член общности участвующих в коммуникации может ориентировать свое действие на интерсубъективно признанные притязания на значимость. Различным концепциям здравомыслия соответствуют различные понятия об автономии. Более высокая мера когнитивной инструментальной рациональности достигает большую степень независимости от ограничений, которые налагаются условной (*kontingente*) средой самоутверждения целенаправленно действующего субъекта. Более высокая мера коммуникативной рациональности расширяет пространство игры для координации действий, осуществляемых без принуждения, и консенсусного

²³ Pollner M. (1974). 47f.

²⁴ Piage J. Die Entwicklung des Erkennens III. Stuttgart 1973. 190: В общественной кооперации связываются два рода взаимодействия: опосредствованное телеологическим действием «взаимодействие» между субъектом и объектом и опосредствованное коммуникативным действием «взаимодействие между субъектом и другими субъектами». Сравни ниже. S. 104 ff.

решения конфликтов действия (поскольку они возвращаются к когнитивным диссонансам в более узком смысле) внутри коммуникативного сообщества.

Добавленное в скобках ограничение необходимо, поскольку мы в понятии коммуникативной рациональности развиваем в качестве руководства для констатных проявлений (*konstantive flusserungen*). И М. Поллнер ограничивает обыденное мышление («*mundane reasoning*») случаями, когда диссонанс возникает в связи с какими-то явлениями в объективном мире²⁵. Но рациональность личностей проявляется, очевидно, не только в способности достичь консенсуса по поводу фактов и способности действовать эффективно.

Перевод А.Б. Рахманова

²⁵ Поллнер выбирает эмпирические примеры из сферы юстиции (1974), 49 и след. стр.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Л. АБУШЕНКО

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: О ВОЗМОЖНОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

Вопрос об эпистемологическом статусе и тематическом содержании социальной теории в современном социогуманитарном и философском знании не является очевидным и достаточно проясненным. В какой-то мере это связано с неизбежными историческими коннотациями: например, схлопыванием (отождествлением) социальной теории с «критической социальной теорией», разработанной представителями Франкфуртской школы. Однако гораздо важнее для ее судеб оказался целый ряд разночтений, порожденных 1) историей (генезисом) вопроса: пальму первенства в ее создании оспаривают, как минимум, социальная философия и теоретическая социология; 2) существованием двух теоретико-методологических ориентаций, различающихся в трактовке направленности социальной теории, которые можно условно обозначить как критическую (цель – критика существующих социальных порядков) и позитивную (цель – совершенствование существующих социальных порядков)¹; 3) дисциплинарной демаркацией предметных областей исследования социальной философии, теоретической социологии, антропологии (в ее различных дисциплинарных версиях), культурологии (и это далеко не полный ряд); а также спором о междисциплинарном или метатеоретическом статусе социальной теории. И по каждому из этих пунктов необходимо занять позицию,

¹ «Случай» К.Р. Поппера требует отдельного рассмотрения. Его позиция кратко и достаточно четко изложена в двух его работах, связанных с оппонированием одному из основных представителей критической социальной теории Т. Адорно: *Поннер К.Р.* Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. №10. С. 65-75; *Поннер К.Р.* Разум или революция? // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахутин, В.Н. Садовский, В.К. Финн. М., 2000. С. 314-329.

представляющую собой, хоть и аргументированный, но выбор (который может быть и иным).

Выбор первый.

Становление «социальной теории», связано с «открытием» социального, почти синхронно произошедшем где-то в 30-е гг. XX в. в политической экономике и политической истории. В рамках этих дисциплин социальное было отрефлексировано как своего рода «препятствие» для последовательной реализации принципов либерализма и как специфическое основание для доктрин консервативного типа². Следовательно, до этого временного рубежа не вполне корректно говорить о наличии какой-либо социальной теории в полном смысле слова, коль скоро не произошло конституирование самого предмета ее интереса — социального.

Однако, с одной стороны, из сказанного вовсе не следует, что социальная теория возникает ниоткуда. К моменту ее первоначальной артикуляции европейская мысль уже выработала почти все ее основные «конструкты», т.е. уже был сформулирован целый ряд идей, без предварительной разработки и усвоения которых никакая социальная теория невозможна по определению. Назовем только важнейшие из них. Во-первых, должно было быть сформировано представление о том, что существует социальный (не космический, не божественный) порядок, творимый, поддерживаемый и, главное, изменяемый самими людьми (политическими, правовыми и т.д. субъектами). Во-вторых, не менее важно наличие вполне развитого представления об автономной личности, способной принимать и реализовывать решения, а, главное, нести за них ответственность. В-третьих, необходимо наличие и укорененность идеала, репрезентирующего комплекс представлений о том, что есть справедливый социальный порядок, и способного организовывать усилия личностей и иных субъектов социального действия. Наконец, должен был быть отработан комплекс средств (инструментов), с помощью которых возможно осуществление социальных изменений. В данном случае речь идет, прежде всего, об обосновании возможностей научного познания и его технологических воплощений.

С другой стороны, из сказанного вовсе не следует, что социальная теория явилась простой «сборкой» уже наработанных в разных областях

² С возникновением социологии в фокус анализа попала проблема ее связи с социалистическими доктринами и принципами организации «нового общества».

знания идей и представлений. Можно выдвинуть гипотетическое предположение, что ее артикулирование произошло через «изобретение» новой научной дисциплинарности, а именно — социологии, с которой она на некоторое время оказалась «склеенной». Социология была предложена как проект (и своего рода матрица социальной науки как таковой), одновременно и вписанный в ряд легитимированных научных дисциплин, и противопоставленный иным типам дискурсов, заявлявших свои претензии на «приватизацию» проблематики социального. В основу этих амбициозных интенций была положена новая («позитивистская», «инженерная» в своем основании) методология научного познания с ее универсалистскими притязаниями, вылившимися довольно быстро в экспансию на «сопредельные территории» (экономику, политологию, криминалистику и т.д.).

Тем самым исходно сложилась достаточно противоречивая в эпистемологическом плане ситуация, связанная со взаимоотношениями разнодисциплинарных областей знания — философии и социальной науки (исходно — социологии). С одной стороны, все основные конструкты социальной теории были разработаны в рамках философского знания. С другой — социология исходно заявила о своей оппозиции «метафизическому» философскому знанию и претензии на построение подлинно научного (а не спекулятивного) знания о современном (капиталистическом, индустриальном, модерновом) обществе. Этот спор обозначил «родовую травму» социологии как социальной науки в целом, лишь усугубившуюся с появлением новых — антропологии, культурологии — претендентов на возможность построения такой общей теории. Этот спор, не прекращающийся до настоящего времени, есть вопрос о дисциплинарных возможностях или, в более «мягком» варианте, спор о разделении проблемно-тематических полей в деле построения социальной теории между философией и социальной наукой. Спор бесконечный и непродуктивный. Решение необходимо искать в эпистемологическом статусе той и другой. А для этого нужно выяснить, что, собственно, можно считать (социальной) теорией.

По мнению российского авторитета в области логики и методологии науки академика В.С. Степина, «гипотетические модели обретают статус теоретических представлений о некоторой области взаимодействий только тогда, когда пройдут через процедуры эмпирического обоснования. Это особый этап построения теоретической схемы, на котором доказывается, что ее первоначальный гипотетический вариант может предстать как идеализированное изображение операциональной структуры (выделено нами. — В.А.), выражающей существенные черты имен-

но тех экспериментально-измерительных ситуаций, в рамках которых выявляются особенности изучаемых в теории взаимодействий»³. Тем самым претензии философии (прежде всего в лице так называемой социальной философии) на интегративный статус в деле построения социальной теории ставятся под сомнение, так как философия как особый тип дисциплинарности не предполагает процедур «верификации»⁴ и ее «позитивные» предметные построения есть «контрабанда» из дисциплинарностей научного типа.

Значит ли это, что без философского осмысления проблематики можно обойтись? Вовсе нет. Прочитаем еще раз того же автора: «Философия способна генерировать категориальные матрицы, необходимые для научного исследования, до того как последнее начинает осваивать соответствующие типы объектов. Развивая свои категории, философия тем самым готовит для естествознания и социальных наук своеобразную предварительную программу их будущего понятийного аппарата. Применение развитых в философии категорий в конкретно-научном поиске приводит к новому обогащению категорий и развитию их содержания. Но для фиксации этого нового содержания опять-таки нужна философская рефлексия над наукой, выступающая как особый аспект философского постижения действительности, в ходе которого развивается категориальный аппарат философии»⁵. Но на этом ее возможности по предметно-тематическому построению дисциплинарности научного типа исчерпываются⁶.

Выбор второй.

Итак, ключевым для разграничения научного и философского способов работы с определенным проблемно-тематическим содержанием является понятие «теория («научная теория»»). Ключевая роль в его становлении принадлежит обоснованию и выводу на уровень операциональных интерпретаций, частных или — в нашем случае — фундаментальных теоретических схем.

В этом аспекте развитие социального знания предлагало все новые дисциплинарные схемы. Тем самым претензии социологии на монополь-

³ *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 340.

⁴ См. по этому поводу: *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991 (авторское название неосуществленного издания работы: «Социологический анализ проблем культуры»).

⁵ *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 264.

⁶ С принципиально иных методологических оснований о «замыкании» философии на выработку знаниевых концептов, в отличие от науки, ведающей лишь «перспективами» и «функциями», говорится в номатологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

ное дисциплинарное «владение» социальной теорией ставятся под сомнение: она (теория) «отказывалась вмещаться» в одну научную дисциплину. Положение усугубилось и расколом внутри самой социологии. Одновременно (и чем дальше — тем больше) ситуацию корректировал марксистский проект с его не менее амбициозной претензией на новую методологию практического познания-изменения мира, также активно «заявлявшийся» экспансией в различные предметные области знания. Одновременно он вел дело к расколу самого представления о сути того, что можно было бы охватить понятием «социальная теория». Если контовский проект социальной науки заявлял себя как «позитивное» знание об обществе, то проект К. Маркса исходно «критичен». О. Конт и целый ряд его последователей-социологов стремились предложить научно обоснованную и технологически реализуемую «инженерными» средствами модель нового индустриального общества, отталкиваясь «от наличного», преодолевая «родовые пятна» общества традиционного типа. Марксистский же проект, отталкиваясь «от идеала», занял позицию тотальной критики всех (если не считать неоправданной идеализации Ф. Энгельсом структур первобытного общества) предшествующих социальных порядков и прежде всего развивающегося капиталистического, по отношению к которому классическая социология в целом (а не только контовская) определяла себя как «инструмент» его достраивания и усовершенствования. Все это опять же давало новую почву для интегративных претензий социальной философии.

Если попытаться уйти от стандартных схем советских учебников, то в «классический» период развития социального знания (до 20-х гг. XX в.) марксистский проект социальной теории как критической по определению оставался достаточно маргинальным и не определялся как социологический (хотя и являлся, по сути, таковым). Более того, он воспринимался среди большей части научного сообщества как грандиозная утопия, весьма смутно обрисовывающая контуры возможного будущего. Собственно же социологическая версия социальной теории строилась на основе критериев позитивного научного знания, постепенно превращаясь из проекта в программу, включающую в себя определенный набор дисциплинарных парадигм (но тем самым мультиплицируясь даже внутри самой социологии). Западное общество должно было пройти через серию глобальных катастроф XX в., начиная с Первой мировой войны и последовавших революционных потрясений, чтобы обнаружилась неизбежная утопическая составляющая и в любой из известных «позитивных» версий социальной теории.

В этой перспективе не могла не произойти и переоценка понимания самой ее содержательной сути. Стараниями неомарксизма, особен-

но теоретиков Франкфуртской школы, предложивших и сам термин «критическая социальная теория», она начинает ориентироваться не на разработку универсального образца социального порядка, а на критику принципов устройства современных западных социальных систем. Особенно данная тенденция усилилась после неудач Т. Парсонса по построению «большой социологической теории» в рамках структурно-функционального анализа, с одной стороны, и предпринятыми представителями Чикагской школы, феноменологической социологии, символического интеракционизма попытками сфокусировать усилия социологов на микроуровнях анализа общества и тем самым уйти от обсуждения проблематики социальной теории как таковой. Фоном этих интеллектуальных исканий являлась тотальная критика цивилизации, культуры и европейского рационального разума, символический (знаковый) «старт» которой маркируют выходом в свет знаменитой книги О. Шпенглера «Закат Европы».

Все эти тенденции, связанные с неклассической стадией в развитии социального знания⁷, имели непосредственное отношение к переопределению дисциплинарного статуса социальной теории.

Прежде всего следует отметить, что она перестала соотноситься преимущественно с социологической теорией, что непосредственно связано и с пересмотром претензий и возможностей самой социологии. При продолжающейся и даже возросшей экспансии социологического знания и социологических методов исследования во все новые предметные области шел неуклонный пересмотр их универсалистских притязаний.

Принципиально важным было постулирование (в настоящее время вновь оспариваемое) полипарадигмальной природы социологии как научной дисциплины, а, следовательно, и невозможности построения на ее основе удовлетворяющей все научное социологическое сообщество социальной теории современного общества. Более того, вместо попыток ответить на вопрос «Что такое общество?», как минимум со времен Г. Зим-

⁷ В данном случае принимается схема различения трех этапов в развитии дисциплинарного знания, последовательно сменяющих друг друга: классический, неклассический, постнеклассический. При этом применительно к социологическому (социальному) знанию рубежи различения относятся примерно к 20-м и концу 60-х гг. XX в. В рамках неклассического этапа развития социологии возможно говорить о неоклассическом этапе, связываемом прежде всего с доминированием структурно-функционального анализа. При этом следует оговориться, что данное различие не является общепризнанным. В принятом в статье контексте указанное различие проводится, в следующих статьях: *Абушенко В.Л. Социология // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Мн., 2007. С. 229-234; Румянцева Т.Г. Классика – неклассика – постнеклассика // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Мн., 2007.*

меня познавательные усилия начинают все больше концентрироваться вокруг поиска ответов на вопрос «Как возможно общество?», а само понятие «общество» все больше заменяется более операциональным и содержательно наполненным понятием «социум». С «легкой руки» Р.К. Мертон на базе предложенного им концепта «теория среднего уровня (ранга)» начинается бум конструирования и легитимации специальных социологических теорий, призванных снять накопившиеся противоречия между макро- и микроуровнями исследования, — в значительной мере именно за счет ухода от притязаний на построение теории общества в целом.

Постепенно складывается, а с переходом социологии в постнеклассическую фазу ее развития, утверждается в правах представление о том, что социология явилась дисциплинарным проектом общества модерна и этот проект реализован, а следовательно исчерпан, хотя и не завершен. Более того, констатируется, что он принципиально не мог быть завершен. Социология не смогла в рамках своих дисциплинарных границ предложить удовлетворительной теории современного общества⁸. Она не сумела реализовать и свою утопическую претензию на роль инструмента реформирования нового общества: даже в неоклассическом дискурсе структурно-функционального анализа ее роль определялась гораздо скромнее — как поставщика технологий «поддержания» сложившегося социального порядка. В неклассический период развития социального знания задача социологии все больше начинает видеться (и далеко не только благодаря неомарксистской постановке вопроса) как критический анализ существующих структур и организации социального. А это, следует признать, принципиально иная установка относительно возможностей и предназначения социологического знания. Параллельно в научном сообществе разворачивается не прекратившаяся до сих пор и даже приобретающая в настоящее время «второе дыхание» дискуссия о соотношении социальных и собственно социологических методов, методик, техник и процедур научных исследований.

Выбор третий.

В силу уже рассмотренной выше утраты монополии социологии на социальное знание, с одной стороны, и активного развития иных дис-

⁸ В этом отношении показательно, в частности, уже само возникновение дихотомии индустриальное — постиндустриальное общество, а затем и тенденции к замене ее дихотомией общество модерна — постмодерна в дискурсах постнеклассического знания.

циплинарных версий социального и гуманитарного знания — с другой, социальная теория во второй половине XX в. все больше начинает пониматься как область междисциплинарного взаимодействия. Социальное становится легитимированным, а во многих отношениях и ключевым предметным полем в экономических, политических, культурологических, антропологических, исторических дисциплинарных теориях, что активно размывает ранее достаточно жестко зафиксированные демаркационные границы в социогуманитарном знании. Более того, предметом методологической рефлексии становится сама проблема демаркации, т.е. обоснованности критериев различения (разграничения) как различных научных дисциплинарностей, так и научного и иных типов знания вообще. Последнее было связано, с одной стороны, с возникновением новых подходов и методологий внутри самого научного знания (понимающая, феноменологическая, гуманистическая, антропологическая, конструктивистская и иные перспективы научного анализа), с другой — с возрождением претензий социальной философии на роль той дисциплинарности, в рамках которой только и могут быть сняты предметные ограничения на междисциплинарный синтез и осуществлено продуцирование социальной теории универсалистского типа.

Ключевыми в этом новом развороте представляются несколько позиций: 1) специфика антропологической и культурологической трактовок социальности, явно или латентно вводящих базовое представление о видении реальности сквозь призму определенной, задаваемой конкретной культурой, ценностно-символической картины мира и отсутствии универсальной методологической исследовательской позиции (связанной с представлением о трансцендентальном субъекте познания)⁹; 2) переопределение теоретической социологии в терминах культур-социологии (социологии культуры, восходящей к работам М. Вебера и Г. Зиммеля) не как специальной социологической теории, а как «иной» социологии, вводящей представление о зависимости понимания конкретных социальных систем от культурного (шире — цивилизационного) контекста и социокультурном конструировании реальности¹⁰; 3) вновь актуализировавшийся спор о методологии социального познания: мере адекватности исследовательских установок, ориентированных на нейтрально-объ-

⁹ См., например, определение В.М. Розина: «Существование, с точки зрения методолога-культуролога, это мир как он видится и творится в рамках данной аксиологической картины и жизненной позиции» (*Розин В.М.* Миф как понятие и реальность // Мир психологии. 2003. № 3 (35). С. 17).

¹⁰ См., например, репрезентацию этой позиции в работе: *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996.

ективистское постижение реальности и мере его «субъективности»; 4) пересмотр (начиная с исторической школы философии науки и критического рационализма) базовых представлений логики и методологии науки о природе научной теории, критериях верификации-фальсификации научного знания, о том, как следует трактовать проблему междисциплинарной демаркации и насколько строго могут быть разграничены предметные области и тематизмы конкретных дисциплин и т.д.; 5) введение представления о том, что кроме дисциплиной матрицы конкретная научная дисциплина оформляется и как специфический тип дискурса, как дискурсивная практика, что предполагает создание соответствующих коммуникаций, а также введение категории «подходности» (парадигмально-дисциплинарной и/или вне и наддисциплинарной в рамках, например, системного, семиотического и т.д. подхода); 6) конституирование в рамках философии такого исследовательского направления, как социальная эпистемология, а в рамках социологического знания — социологии знания (включая «социологию социологии» и «социологию философий»).

Учет этих позиций позволяет сделать предположение о принципиальной неразрешимости спора о статусе и сути социальной теории на дисциплинарном уровне организации знания и в рамках неклассических представлений о сути научного (в том числе социального) знания. Так, несмотря на длительную дискуссию, вопрос о том, насколько обоснованы, например, претензии социальной философии (в «классическом» ее понимании) на интегративную роль в построении социальной теории, и вопрос о возможности междисциплинарного синтеза, остались открытыми в связи с необходимостью новой рефлексии и очередной переформулировки самих оснований знания, вступившего в постнеклассическую фазу своего развития и ищущего ответы на вызовы, порожденные процессами становления общества постмодерна и глобализации современного мира.

Если попытаться сформулировать основной вопрос, выражающий суть новой постановки проблемы (она же — ключевой вопрос для определения статуса социальной теории), то можно предложить следующую версию: «Как возможно само достоверное знание (в нашем случае — об обществе) и какова его природа?». Прямой корректный ответ на него невозможен, так как он оказывается зависимым от выбора «места», с которого продуцируется этот самый «ответ». А это, в свою очередь, во многом проблема выбора паттернов, для которых «конструктивная критика» возможна лишь внутри их собственной логики; вне логики паттерна мы будем иметь дело с иным типом «критики», а именно — рефлексией основа-

ний выбора самих паттернов и обоснованием адекватности проекций концептуальных схем паттернов на описываемые и анализируемые ситуации.

В таком контексте рассмотрения логика теоретической социологии или социальной философии (как и антропологии, культурологии и т.д.) есть лишь дисциплинарная логика, оцениваемая по «внутренним критериям» паттерна, а содержательный междисциплинарный синтез и вовсе зависит «в пустоте» — для его осуществления нет «места» и не прописаны процедуры. Вследствие этого прежние постановки вопроса о статусе социальной теории не позволяли сформулировать сколько-нибудь удовлетворительный ответ на него. Такого рода версию социальной теории нельзя спродуцировать ни в рамках монодисциплины (социологии, социальной философии и т.д.), так как «удовлетворять» она будет лишь внутренним критериям самой этой дисциплины, ни на путях междисциплинарного синтеза — никто еще так и не смог дать ответ на вопросы о том, что это такое и каковы критерии его осуществимости (если только речь не идет о формировании новой дисциплины, типа физической химии, на междисциплинарной знаниевой границе). В данном случае речь идет, скорее, о привычной риторической фигуре речи с совершенно не проясненными основаниями и содержанием.

В какой-то мере в споре о возможности построения содержательно наполненной социальной теории мы возвращаемся к старой альтернативе интернализма и экстернализма. При этом необходимо, естественно, снятие их крайних трактовок. В интерналистской логике ближе всех к такому снятию крайностей подошли А. Койре и «историческая школа философии науки» (Т.С. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд и другие) с их акцентами, соответственно, на культурном фоне имманентной логики развития знания и роли в ее развертывании социальной организации познавательной (научной) деятельности. В экстерналистской — ранняя социология знания (М. Шелер, К. Манхейм и другие). При этом ретроспективно усматривается тенденция сближения этих позиций. Например, она весьма четко артикулирована в развитии «критического рационализма»: от исходных интенционалистских формулировок раннего К.Р. Поппера через Х. Альберта к акцентированию экстерналистских компонентов в развитии знаниевых комплексов у К. Хюбнера. Или, например, в движении от неорационализма Г. Башляра через ряд опосредований к концепции власти-знания М. Фуко. Обратную тенденцию нарастания значения в концептуальных построениях интерналистских компонентов демонстрирует современная социология знания (в лице того же Д. Блура).

Однако «спор» и перипетии взаимоотношений интернализма и экстернализма задают, скорее, контекст, провоцирующий «подрыв» старых

оснований постановки вопросов о «возможности знания», среди которых вопрос о возможности построения социальной теории и о ее статусе — лишь частный случай, и только обозначают вектор возможного движения в поисках новых оснований переформулировки старых проблем, для которых не было найдено удовлетворительных решений. Представляется, что речь должна идти о поиске некоторой «вне» и/или «над» (и в этом смысле «мета») дисциплинарной позиции («места»), где осуществляется коммуникация и критическая рефлексия выступающими от лица «власти-знания» субъектов выборов с экспликацией и артикуляцией их оснований. По сути, это поиск «места», дающего возможность выставления рамок и формулирования заданий на программирование деятельности.

Интересен и показателен в заявляемой перспективе опыт системно-мыследеятельностной методологии (СМД-методологии) Г.П. Щедровицкого и его последователей. В ранних версиях концепции ими была предпринята попытка найти такое «место», свободное от дисциплинарной «захваченности». Таковым объявлялось поле методологии как особого типа познавательной деятельности, отличной от внутренних философской и научно-предметной логик и способной работать со схемами многих знаний одновременно. Центральной в новом типе организации познавательных дискурсов оказывалась фигура методолога, способного организовать работу по распределению («деконструкции») уже имеющегося разнородного по своему происхождению знания и критической рефлексии его оснований, согласующей исходные позиции познающих субъектов, а затем задать новый вектор сборки «материала». Нельзя обойти вниманием в этой исследовательской перспективе и опыт наработок по деконструкции и последующему конструированию нового знания, накопленный в рамках постструктуралистских и конструктивистских дискурсов.

При этом обращают на себя внимание предпринятые в последнее десятилетие попытки провести определенное согласование этих исходно различных по своим исходным основаниям линий анализа. Насколько эти попытки окажутся успешными, пока сказать трудно: мы находимся еще в начальной точке движения. Однако суть интенции понятна. Так, если методологический дискурс больше делал акценты на интерналистских по своей сути установках организации познавательной деятельности, то постструктуралистско-конструктивистские дискурсы в гораздо большей степени склонны исследовать историко-культурные аспекты проблемы производства знания. Важно, однако, то, что и в том, и в другом случаях речь идет о работе «знания со знанием» (и схеме работы одновременно со «многими знаниями») в рамках определенного, хотя и не жестко ограниченного культурного пространства.

Еще одной реальной перспективой работы «знания со знанием» является широко понимаемая «социология знания». Хотя в самом названии направления присутствует дисциплинарная «этикетка» — «социология», оно не является на данный момент некоей содержательной и методологической целостностью. Во-первых, круг обсуждаемых здесь проблем далеко вышел за исходную установку исследования социокультурной (более жестко — социальной) обусловленности производства знания, а во-вторых, здесь объединяются и конкурируют между собой самые различные методологические ориентации (от аналитической до феноменологической). Более того, все попытки установить дисциплинарный статус социологии знания успехом не увенчались: в частности, так и не было найдено удовлетворительного решения по демаркации философской и собственно социологической компонент в этой области. Все это позволяет говорить о том, что в данном случае мы имеем дело с областью «мета» («вне» и/или «над» дисциплинарного) знания. При этом здесь нет никаких принципиальных запретов на то, чтобы сделать предметом анализа специфику производства обозначенных выше методологического или постструктуралистско-конструктивистских дискурсов, как и самой философской или социологической дисциплинарности (для анализа которых конституированы так называемые «социология социологий» и «социология философий»), что выгодно отличает «социологию знания» от обозначенных выше двух других перспектив.

Точно так же социология знания может полагать предметом своего рассмотрения условия, возможности и необходимость продуцирования социальной теории в рамках того или иного типа социума и культуры. Ведь если не очень строго попытаться очертить ее «наполнение», то в пределе это и есть совокупность познавательных практик по выявлению и критической рефлексии «знаниевого потенциала» той или иной культуры, находящегося в распоряжении конкретного социума. В этом ключе вопрос о том, что есть социальная теория, переформулируется в вопрос о самой возможности создания удовлетворительной социальной теории в современном глобализирующемся обществе. Соответственно, с ответом на этот вопрос переформулируется и вопрос о статусе социальной теории¹¹.

¹¹ Вполне возможно, что одновременно социология знания может при определенном смещении фокуса внимания быть осмыслена в рамках социальной эпистемологии. Однако и в этом случае сохраняется коннотационно нагруженная дисциплинарная отсылка — этот раз не к социологии, а к философии.

Из вышесказанного можно сформулировать и предложить для обсуждения два тезиса, непосредственно касающихся эпистемологического статуса современной социальной теории.

Тезис первый.

Вместо критической социальной теории, подвергающей анализу «проки» определенного типа общества с позиций определенного идеала, необходима критическая рефлексия оснований социального знания, вписанного в практики «власти-знания» того или иного общества. В результате, свою очередь, становится насущно необходимым выявление глубинной связи между производством знания и власти: характерные для современного типа обществ механизмы управления позволяют или адаптировать внутри существующих социальных порядков «критическую социальную теорию», или предельно маргинализировать ее, превратив в практику социальных аутсайдеров. В итоге вместо дисциплинарной или междисциплинарной позитивной социальной теории в их традиционном понимании (привилегированно центрированного «большого нарратива») в качестве современной социальной теории может быть создана лишь рамочная конструкция (содержательно крайне бедная), ориентированная, скорее, на установление коммуникативного дискурсивного консенсуса в определенном исследовательском сообществе, чем «отображающая» или «конструирующая» социум.

Понятие рамочной конструкции восходит к И. Канту, позже оно стало одним из основных средств организации содержательно наполненного сознания (мышления) в феноменологии и феноменологически ориентированной социологии (Э. Гуссерль, Т. Лукман, И. Гофман) и СМД-методологии. При всех методологических различиях речь идет о наложении ограничений на организацию втягиваемого в рефлексивный анализ материала, установлении регулятивных правил организации дискурса и о способах определения позиций исследователем, анализирующим отобранный материал по принятым регулятивным правилам. При этом сами по себе рамочные конструкции остаются «содержательно пустыми».

Исходной для рамочного анализа является идея Канта о различении двух типов категорий (латентно обозначившие, по сути, способ организации мышления и деятельности, в которой одни категории организуют мышление, а другие вводят представление о доступной анализу предметно-тематической области и онтологии анализируемых объектов): 1) регулятивных (регулирующих способы мышления, порождающих схемы

многих знаний – несколько проекций сложного объекта); 2) конститутивных («поставляющих» материал для конструкции объектов, презентующих устройство противостоящего нам мира). Первые из них как раз и фиксируют сам набор проекций, в которых может быть схвачено проблемно-тематическое поле (предмет) и произведено конституирование объектов анализа. При этом необходимо занять и четко отрефлексировать исследовательскую позицию («место» производства тематического содержания). Однако описание процедур позиционирования принадлежит уже феноменологической, а в еще большей мере СМД-методологической познавательным установкам и означает, по сути, введение «категорий» третьего рода, связанных с преодолением представлений об абсолютном трансцендентальном субъекте познания.

Собственно предметный проблемно-тематический знаниевый блок (выводящий в конкретную дисциплинарность, но оставляющий принципиальную возможность их совмещения в рамках общего дискурса с сохранением позиционных различий) оказывается «зажат» внутри двух иных конструкций: выставляющих, удерживающих и меняющих сами рамки, с одной стороны, и направленных на критическую рефлексию самой исходной исследовательской позиции – с другой. Но во всех трех случаях речь идет о «правилах организации» мышления, направленного на анализ каких-либо конкретных предметностей, что принципиально позволяет уйти от обсуждения междисциплинарных и внутридисциплинарных расхождений. «...Все существует только в определенных рамках, и ничего – вне пространства, в котором оно должно или может существовать»¹². Только выставление и удержание рамок, устанавливаемых сознанием или профессиональным мышлением, позволяет соотносить критерии истинности, полезности, целесообразности и т.д., точно так же как смена рамок предполагает и «ревизию» этих критериев. Эти «формальные» процедуры позволяют как удерживать определенное единство в разнодисциплинарных анализах какого-либо предметно-тематического поля, с одной стороны, так и вводить проблемно-позиционные различия – с другой.

В итоге, при всем отсутствии строгости и устойчивости терминологии (различающейся к тому же в зависимости от теоретико-методологических исследовательских позиций) следует различать три типа рамочных конструкций. Предельная (ограничительная) рамка ответственна за само введение и смену рамочных конструкций и задает горизонты подлежащего анализу содержанию (в нашем случае – в социальном знании, «стягиваемом»

¹² Хромченко М.С., Щедровицкий П.Г. Состоится ли встреча с самим собой // Вопросы методологии. 1999. № 1-2. С. 8-34.

в социальной теории). Тематическая (предметная) рамка вводит тематизированный материал, который проблематизируется в соответствии с различными дисциплинарно-исследовательскими позициями. Рабочая рамка — определяет позиционирование в проблемно-тематическом поле (режим работы со знанием — трансляция, исследование и т.д., дисциплинарная демаркация, теоретико-методологические основания), т.е. ответственна за удержание рамок. В феноменологической социологической традиции предельная рамка замещается представлением о горизонте повседневного опыта и в этом смысле не выставляется, а рабочая рамка разводится на две: мотивационную (целевую) и интерпретационную (подходную). Тем самым содержательная работа становится возможной после определения тематического поля, которое, в свою очередь, зависит от выставления предельной рамки и занятия позиции в рабочей рамке.

Таким образом, в фокус обсуждения при рамочном анализе попадают вопросы, связанные с самой возможностью знания о «социальном», его характере, обоснованности исследовательских стратегий работы с ним и т.д. И от решения этих вопросов зависит понимание того, что есть современная социальная теория (как и вопросы о том, что есть современное социально-философское, социологическое, антропологическое, культурологическое, историческое и т.д. знание и каков их вклад в формирование современной социальной теории).

В предлагаемой ниже схеме концепты «знание», «социум», «культура», «личность» задают пределы-границы социального знания, по отношению к которым (занимая конкретное место в выделенном пространстве) позиционируют себя различные дисциплинарности¹³.

¹³ Каждая из дисциплин позиционируя себя по отношению к предельной рамке, формируя свою перспективу видения. В дисциплинарный дискурс каждая из них, так или иначе, втягивает все три концепта (социум, культура, личность), однако в фокус внимания в классическом знании попадает, как правило, один из этих концептов. В неклассическом знании была предпринята попытка построения дисциплинарностей на связке концептов (социальная и культурная антропология, которые открыто оппонировали социологии и культурологическим дисциплинам — применительно к западной традиции говорить о культурологии как самостоятельной дисциплине не совсем, на наш взгляд, корректно). Специфическую позицию на связке социума и культуры заняла культур-социология (социология культуры). При этом философия реально сохраняла за собой привилегированное положение, будучи способной работать с любым из четырех концептов (социальная философия, философия культуры, философская антропология, социальная эпистемология). Дополнительно необходимо сделать две оговорки. Во-первых, остается открытым вопрос с историческим знанием, которое, в зависимости от его конкретного понимания, может позиционировать себя как «пронизывающее» (по иному основанию) все позиции. Во-вторых, следует учитывать то обстоятельство, что все отчетливее претензии на доминирование заявляют экономическое и политологическое знание.

Таким образом, оказывается, что для социальной теории, понимаемой в традиционном смысле, «нет места» позиционированию себя, с одной стороны, а с другой – современная социальная теория не может быть построена вне тех проблем и тем, которые достаточно плодотворно уже разрабатываются конкретными социогуманитарными дисциплинами. Тем самым получается, что если социальная теория, не отождествляемая ни с одной из них, возможна, то она должна строиться не как конструирование новой дисциплинарности, во-первых, и не может быть спроецирована из какой-либо из уже «занятых» дисциплинарных позиций – во-вторых¹⁴.

Тезис второй.

В случае современной социальной теории мы имеем дело не с какой-то особой дисциплинарностью или попыткой комплексирования разных дисциплинарностей, а с формированием особого рода дискурса, в котором разнородные по своему дисциплинарному происхождению предметности и тематизмы накладываются друг на друга в поле общей коммуникации. Однако, как указывает М. Фуко: «Дискурс это нечто большее, нежели просто место, где должны располагаться и накладываться друг на друга – как слова на листе бумаги – объекты, которые могли бы быть установлены только впоследствии»¹⁵. При этом сохраняется и принципиально предполагается возможность фиксации нескольких планов различий, в которых могут возникать объекты дискурса, что ставит вопрос о связи между ними и о позиции, с которой производятся данные различения.

Причем дискурс характеризуется не существованием в нем неких привилегированных объектов, а тем, как он формирует свои объекты, т.е. установленными отношениями между инстанциями появления, разграничения и спецификаций (в которых любой объект исследуемого дискурса обретает свое место). В этом случае объекты связываются не с дисципли-

¹⁴ Характерно в этом отношении определение, данное одним из адептов современной критической социальной теории с позиции трансдисциплинарности: «Критическая социальная теория в качестве исследовательской программы – это мыслительное пространство возможного, частичной реализацией которой и являются многообразные авторские концепции. Поэтому, чтобы определить искомые контуры, следует, опираясь на тексты, восходить от явно высказанного к подразумеваемому: к тем неявным предпосылкам, которые организуют набортку пропозиционального содержания рассматриваемых концепций» (Фурс В.Н. Контуры современной критической теории. Мн., 2002. С. 4-5).

¹⁵ Фуко М. Археология знания. К., 1996. С. 43.

нарно устанавливаемой «сутью вещей», а с совокупностью продуцирующих их правил. Возникающие при этом дискурсивные объекты принципиально не могут быть поняты вне соответствующих дискурсивных практик и не могут быть редуцированы к их словарю (они — «не слова»). В то же время способ сцепления высказываний между собой должен стать предметом специального рассмотрения в аспекте выяснения того, «почему появляются именно эти высказывания, а не какие-либо другие?»¹⁶.

В этой связи возникает ряд вопросов, требующих ответов: 1) кто говорит, хранит данный вид языка и в силу каких своих характеристик; 2) в границах какой институционализированной области разворачивается тот или иной дискурс; 3) какова позиция субъекта относительно различных областей и групп объектов¹⁷. Обновление дисциплинарных точек зрения в рассматриваемом ракурсе выступает как обновление модальностей, установление новых отношений между различными элементами в дискурсе. Таким образом: «Дискурс — это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест»¹⁸. В данном случае «внешнее пространство» можно понимать именно как вне — и наддисциплинарное пространство, в котором происходит не трансляция дисциплинарных (в том числе исследовательских) норм, а столкновение разнородных норм вынуждает обращаться к обсуждению вопросов о самих основаниях их производства и организации тех или иных исследовательских процедур и возможности их соотнесения между собой. Тем самым формируется пространство воспроизводства знания, в котором субъект может занять позицию и говорить об объектах, с которыми он имеет дело в своих исследовательских практиках, пространство координаций и субординаций различных по своему генезису высказываний.

Исходя из вышесказанного, представляется, что удовлетворительная (предметно-содержательно наполненная) социальная теория — это еще одна из эпистемологических иллюзий философии и социальной науки общества эпохи модерна, с которой, пусть и с сожалением, придется расстаться.

¹⁶ Определение понятия «дискурсивная практика» можно позаимствовать у того же М. Фуко: «Это совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функций высказывания» (Фуко М. Археология знания. К., 1996. С. 118).

¹⁷ Фуко М. Археология знания. К., 1996. С. 51-53.

¹⁸ Там же. С. 56.

П.К. ГРЕЧКО

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: ПРОБЛЕМА ДИСЦИПЛИНАРНОГО СТАТУСА*

В современной науке много и справедливо говорят о междисциплинарных исследованиях. На стыке общественных, естественных и технических дисциплин возникают различные комплексные исследования, имеющие единую или сквозную проблематику. Среди прочего это означает, что наука ныне все больше и больше строится не по предметно-дисциплинарному, а по проблемному принципу. Главное — уловить и идентифицировать проблему, а уж из каких направлений, школ, дисциплин и какие конкретно методы для ее решения привлекаются, не суть важно. Приветствуется любая информация, пусть даже и из «Поля чудес», если только она работает на изучаемую проблему.

Сказанное, казалось бы, делает ненужными дисциплинарные демаркации в науке, всю эту цеховщину, все эти нескончаемые споры о дефинициях объектов и предметов анализа, о ведомственной принадлежности тех или иных «кусков реальности». Размежевание предметных областей исследования, по этой логике, даже вредно, поскольку оно возводит ненужные барьеры на пути свободного перемещения образов, идей, концепций, форм и методов познания. Некоторые авторы ставят даже вопрос о наступлении постдисциплинарного этапа в развитии научных дисциплин.

В действительности ситуация много сложнее. Междисциплинарность, проблемная структурализация познаваемого — лишь часть или одна сторона идущих в современной науке процессов. Обобщенно ее принято называть интеграцией. Другая, не менее важная (хотя можно сказать и больше — ведущая), их сторона — дифференциация, появление новых, все более узких, предметно, а также методически специализированных дисциплин и направлений. Встречаются, впрочем, и по-своему дифференцирующие исследовательские укрупнения, но они редки.

Дифференциация — это, иначе говоря, разделение труда в науке. Оно очень важно как для повышения эффективности исследовательской де-

* Статья опубликована в журнале «Личность. Культура. Общество». 2006. Т. 8. Вып. 4. С. 71-81.

тельности (общеизвестная зависимость), так и для ее полноты (выявления и «граничного» закрепления всех сторон изучаемой реальности). Нельзя не сказать в данной связи и о еще одном достаточно значимом обстоятельстве – институциональном. Имеются в виду концептуальные грани (импликации) таких организационных формирований, как исследовательские институты и центры, отделы, секции, лаборатории, кафедры и т.д. Продолжающаяся дифференциация в науке их с необходимостью умножает. Почти атрибутивная составляющая любой институционализации – материальное обеспечение, прежде всего финансы. Ресурс всегда ограниченный, а в не лучшие времена и вовсе дефицитный. Для оптимального распоряжения им важно не поддаваться соблазнам модных настроений и вкусов, определиться с приоритетами, набраться мужества и быть готовым – там, где это нужно – выбирать, а следовательно, чему-то отказывать, что-то выделять и поощрять. Так что дифференциация значима с разных точек зрения, в науке она не всегда и не только дело научное. Вокруг нее идет борьба, кипят нешуточные страсти.

Нельзя игнорировать здесь и терминологический аспект проблемы. Термины, терминология – вещь в науке, несомненно, важная. От прозрачности, концептуальной и аналитической выверенности терминологии в немалой степени зависит ясность и четкость мысли. Как известно, мыслительный процесс термины не только оформляют, но и формируют. Впрочем, эта сторона научной работы тоже имеет свои ограничения: от терминологизма, т.е. игры в дефиниции, исправления и умножения имен, страдают предметность и методичность исследования.

Развивая сказанное, отметим, что все-таки определяющие аргументы для предметно-дисциплинарного размежевания в науке должны «браться» из структурной динамики самого исследовательского процесса. Материал для ее анализа может быть разный, но нас здесь интересует социально-гуманитарная сфера, в ориентации на нее поэтому и будет строиться дальнейшее изложение.

Динамическая структура исследования, если рассматривать ее в самом общем виде, включает в себя два относительно самостоятельных плана, или движения: вверх и вниз. Вверх – это поиск общего в частном (единичном), ноуменального (сущностного) в феноменальном, странного (неожиданного) в привычном, интерсубъективного в субъективном, имперсонального в персональном. Вниз – это поиск в обратном направлении: частного в общем, феноменального в ноуменальном и т.д. Конкретная исследовательская траектория создается реальной логикой взаимодействия данных поисков или движений. Она может быть параллельной, попеременной, одновременной, поперечной (если одно движение разви-

вається в длину, а другое в ширину), ризоматической (творчески хаотической), вообще любой.

Движения вверх и вниз можно трактовать также как обращение к коррелятивно разным методам или способам познания: обобщению (выявлению единства) и спецификации (выявлению различий, их миграции и конкуренции). Обобщающее движение вверх начинается с «сырых» данных, которые затем организуются в концептуальные структуры объяснения, получающие дальнейшее (завершающее) развитие в теории. Специфицирующее движение вниз повторяет этапы, или уровни, движения вверх, но заканчивается уже не исходными и потому сырыми данными, а знанием конкретного в инклюзивной полноте его общих и единичных аспектов.

О теории, теоретической составляющей здесь стоит сказать особо. Ее роль велика на всех этапах, или уровнях, исследования. Даже исходно собираемые данные в той или иной мере теоретически (по меньшей мере, в форме гипотезы — зародыша теории) нагружены. Теория в меньшей (естественно, на фоне других исследовательских образований) степени привязана к реальности и той онтологической упругости (неотменяемости, принудительности), которая в ней заключена.

В теории больше неопределенности и открытости, в субъектной плоскости — творчества и свободы, неразрывно связанных, в свою очередь, с воображением, идеальным конструированием, выдвиганием «сумасшедших идей» и гипотетических перспектив. В дополнение к эмпирическим основаниям у нее есть собственные — рефлексивные ресурсы для саморазвития. И это позволяет формировать теории разного порядка (этажности), начиная с первой, или предметной, и кончая «предельной», или философской. В данном плане мы можем перенести идею Р. Мертоня о теориях среднего уровня как посредника между эмпирическим и теоретическим уровнями социологического исследования на все социально-гуманитарное знание.

Логично предположить, в свете сказанного, что между конкретными социальными науками и социальной философией как теорией «предельной реальности» (гранд-теорией) располагается теория среднего уровня. Назвать ее можно, опираясь на уже сложившуюся терминологию, социальной теорией¹. Хотя термин этот неоднозначен.

В западной, особенно англо-американской, литературе у «социальной теории» три основных смысла:

¹ См.: Parker J. et al. Social Theory: A Basic Tool Kit. N.Y., 2003; Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. М., 2003.

1) самый *общий* – коллективное имя для всех социальных наук (экономика, политическая теория, социальная психология, культурная антропология, история и т.д.);

2) *неспециальный* – макроскопические теории общества (социально-концептуальная рефлексия таких авторов, как К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ю. Хабермас, Э. Гидденс, М. Кастельс и др.);

3) *специальный* – академическая дисциплина, предметно самостоятельная относительно всех социальных наук.

Общая же терминологическая картина еще более разнообразна. В некоторых текстах «социальная теория» идет как синоним «социологии», «социологической теории», «теории общества». Кроме того, принято выделять социальную теорию в рамках социологического знания. Ее здесь представляют как парадигму, концептуальную модель, теоретическую перспективу – короче, как способ целостного видения социального мира (человека и общества), как совокупность регулятивных идей о характере и механизмах развития социальной реальности.

Выделяют четыре основные теории-парадигмы:

1) *структурно-функциональная* (акцент на взаимозависимости различных частей общества и обществе как целом; человек – существо реактивное, он в основном отвечает на вызовы и требования социальной среды);

2) *социально-конфликтная* (внимание концентрируется на напряжениях, создаваемых структурным неравенством различных социальных групп и неравномерными социальными изменениями; отношения между людьми трактуются в терминах доминирования и субординации);

3) *символически-интеракционистская* (общество как сеть смыслооцененных взаимодействий между людьми);

4) *теория социального обмена* (общество представлено людьми, которые вовлечены в процесс обмена ресурсами, удовлетворяющими их потребности и интересы).

К четырем названным парадигмам иногда добавляют *социодраматургический подход* (dramaturgical analysis) Э. Гоффмана и *этнометодологию* Г. Гарфинкеля².

Из всех названных выше смыслов «социальной теории» для обсуждаемой нами проблемы ближе всего смысл специальный, т.е. мы определяем ее как отдельную академическую дисциплину. Такой подход привлекателен прежде всего своей предметной самостоятельностью, нет опасности

² Подробно об этом см.: *Maconis J. Sociology*. New Jersey, 1987. P. 16-20; *Popenoe D. Sociology*. N.Y., 1974. P. 13-18; *Haralambos M., Heald R. Sociology: Themes and Perspectives*. Delhi, 1981. P. 9-18, 521-559.

выйти за границы, оказаться на чужом исследовательском поле. Адресоваться же к западной литературе мы предпочитаем потому, что именно в ней в наибольшей степени представлена интересующая нас предметность (познавательное освоение реальности), в условиях и на основе которой лучше всего разрабатывать идентифицированную нами проблему.

Как самостоятельная академическая дисциплина социальная теория отвечает на вопрос о *природе и «механизмах работы» мира социального — посредством или на пути разработки концептуальных средств для объяснения его различных манифестаций*. Набор этих средств может быть разным — все зависит от конкретных целей и задач исследования, а также от мировоззренческих и методологических предпочтений автора. В качестве базовых чаще всего называются такие теоретические концепты, как «индивиды», «природа», «культура», «действие» и «социальная структура»³. Именно действия производят культуру и социальную структуру, в которых рождается индивид и через которые выявляет свою историческую релевантность природа.

Эксплицитность, корректность и тщательность, с которыми разрабатываются здесь все теоретические концепты, свидетельствуют о том, что социальная теория является *аналитической дисциплиной* или, по-другому, социальной наукой. Об этом, в частности, говорит и тот факт, что даже в специальных текстах «социальная теория» и «социальная наука» идут как взаимозаменяемые термины⁴. Будучи аналитической дисциплиной, социальная теория занимается обнажением и «шлифовкой» базовых структур социального объяснения, проще говоря, парадигмальных инструментов осмысления проблем, с которыми сталкиваются люди в своей жизни, а исследователи — в своей познавательной деятельности.

Западная культурная традиция, как известно, отличается очень специфическим — доверительным, прямо-таки трогательным — отношением к науке. И если что-то называется наукой, то это всегда очень серьезно и ответственно. Весьма примечательна в данном отношении такая деталь. В англоязычной литературе специалиста в гуманитарной сфере обычно называют не *scientist*, а *scholar*. Мы такого терминологического различия не делаем. Это видно также и из того, что социальные и гуманитарные исследования в нашей стране в одинаковой мере называются науками.

³ См., например: *Parker J. et al.* Op. cit. P. 4-5, 177-187.

⁴ См.: *Social Theory Today* / Ed. by A. Giddens, J.H. Turner. Stanford, 1987. P. 1-10. См. также: Резник Ю.М. Цит. соч. С. 9, 488 и др.

Западная культурная традиция в этом отношении более нюансированная. *Humanities* есть *humanities*, истоками своими они восходят к искусствам (*arts* как оппозиция научному, техническому и профессиональному мастерству, как риторика и словесное творчество). В них допустимы и не собственно научные подходы, такие, например, как индивидуация, эмпатическое понимание, гипертекстуальное толкование, отличающиеся повышенным вниманием к уникальному и неповторимому.

Признавая оправданность разграничения социальных и гуманитарных наук, мы все же являемся сторонниками их инклюзивного единства, схватываемого уже употреблявшимся выше термином – «социально-гуманитарное знание». Объяснение весьма простое: перед нами всегда общественный человек и человеческое (из людей, их деятельности состоящее) общество. Человеческой реальности вне социального и культурного ее контекста просто не существует, как, впрочем, и наоборот: социальное повисает в воздухе, превращается в безжизненную схему вне той или иной связи с человеческим миром.

Но вернемся к статусу социальной теории как науки. Внимание к объективному научному знанию в западной культурной традиции нужно рассматривать в контексте общеисторической тенденции «расколдовывания мира» (М. Вебер), или победы логоса над мифом. Складывалась эта тенденция постепенно и неравномерно. Были здесь свои подъемы (Античность) и падения (Средние века). Особенно уверенно процесс утверждения позиций логоса, или разума, рационализации, пошел в Новое время.

В форме социологии О. Конта произошло первое крупное наступление логоса-разума, науки на социально-гуманитарные исследования, дольше других отраслей знания оставшегося под влиянием мифологического сознания. В результате учение об обществе и человеке обогатилось двумя очень важными требованиями (параметрами): опорой на факты и практической полезностью (работой на прогресс). В нынешнем, втором крупном наступлении науки на социально-гуманитарное знание на первый план выходят логико-методологические и лингвосемантические требования или критерии.

На наш взгляд, именно социальная теория представляет сегодня этот процесс в максимально возможном его выражении (возвышении). Иными словами, социальная теория олицетворяет собой тот предел, до которого дошла (возможна) в наши дни наука в постижении человека и общества. Называя социальную теорию наукой, профессиональное сообщество подчеркивает значимость intersубъективных процедур, универсально-стандартных ценностей, норм и идеалов.

На социально-теоретическом уровне познания исследователи имеют дело не столько со строящимся научным зданием, сколько с его никогда не убираемыми строительными лесами. Здесь предметно-содержательное «что» до предела насыщается инвестициями со стороны технико-методологического «как». Это движение от субстантивности, т.е. изучения сущностей – реальностей, имеющих имманентное основание и потому выделенное (самостоятельное) существование, к аналитичности, т.е. прояснению путей и инструментария такого изучения, развернутого теперь на всесторонний разбор контекста, связей и зависимостей данного существования. Это, далее, дисциплинарно оформившийся процесс онаучивания социально-гуманитарных дискурсивных практик.

Социальная теория, однако, социально-гуманитарное знание не завершает. Собственно, завершает она «физику», а есть еще, как мы установили, социальная философия, то есть метафизика. Как термин «физика» обозначает здесь все научное, так или иначе удостоверяемое знание и подчеркивает специфику метафизического, умозрительно-спекулятивного знания. В «физику» входит предметное знание эмпирического и теоретического порядка. Эмпирическое знание выходит непосредственно (насколько такая непосредственность вообще доступна человеку как познающему существу) на действительность саму по себе, знание теоретическое имеет дело с ее познавательными идеализациями и конструктами. На этом уровне обозревается, а где возможно, и четко фиксируется предметно-проблемное поле исследования. Ступенькой выше в рассматриваемой «физической» вертикали располагается знание чисто теоретическое, в нашей терминологии – социально-теоретическое. В каком-то смысле это знание о знании. Его назначение можно определить как выявление природы предмета и адекватности метода (способов и перспектив) социально-гуманитарного познания. На данном уровне познания до конца (предела) вырабатываются его собственно научные возможности.

Метафизика завершает дисциплинарно дифференцированную вертикаль (движение вверх) социально-гуманитарного знания. Завершает, надо подчеркнуть, в нашем, структурно-восходящем изложении. В живом же познавательном процессе (где есть и движение вниз), а не в его изложении, метафизическое знание «идет в основание», конституируется как фундирующая глубина.

На метафизическое знание нужно обратить особое внимание. Дело в том, что отношение к нему неоднозначное, и не только в нашей, отечественной литературе. У нас оно просто отягощено марксистско-ленинским наследием, в частности трактовкой метафизики как антидиалекти-

ки, как абстрактной, застывшей в неизменных понятиях и принципах системы. Некоторых это наследие до сих пор держит в плену.

В западной культурной традиции борьба против метафизики началась под флагом позитивного научного знания. Ключевая фигура здесь, конечно, О. Конт. Антиметафизический энтузиазм отца-основателя социологии (как «социальной физики», заметим) получил широкую поддержку. Время превратило ее в целую методологическую установку. Смысл ее достаточно прост: нельзя отвлекать науку на проблемы, не имеющие доказательного, т.е. научного, решения. Это не только напрасная трата сил, и без того ограниченных, но и размывание аморфными метафизическими проблемами научных стандартов, норм и идеалов познания.

Антиметафизическая установка особенно сильна в постмодернизме — современной философии радикального плюрализма, решительного движения от универсализма к релятивизму. Антифундаментализм, ориентация на «поверхностную реальность», деконструктивистская пролиферация различий, неумная страсть к «языковой игре», семантической неопределенности всевозможных оттенков и нюансов мысли — все эти черты постмодернизма находятся в явном противоречии с метафизикой и ее бытийной укорененностью.

И что же — метафизика ушла, исчезла с исторической арены познания? Как бы не так! Метафизика умерла — да здравствует метафизика! — так можно было бы представить ее современную ситуацию. Выходит, метафизика неустранима. Ее в дверь, а она в окно. Так в чем же дело, откуда такая непоколебимость, такая поразительная живучесть? Требуется объяснение. И оно вообще-то есть.

Человек — конечное существо. Во всех смыслах — онтологическом, экзистенциально-личностном, эпистемологическом. Будучи конечным, он и постигает всегда только конечное, т.е. ту или иную часть мира. Но часть потому и часть, что она — часть целого. Нельзя знать часть, не зная хоть в какой-то мере целое. Наш познавательный аппарат работает именно по такой логике. Целое, однако, бесконечно. Значит, мы познаем часть в перспективе бесконечности, чаще всего потенциальной, но в форме акцентированной проблемы, и актуальной. Научными, «физическими» средствами овладеть ситуацией «конечного в бесконечном» нельзя. На помощь как раз и приходит метафизика с ее «предельным» вопрошанием, с выдвиганием, как пишет Э.А. Орлова, «гипотез о мире»⁵.

⁵ См.: Орлова Э.А. Основания научного познания культуры в социальной антропологии // Наука о культуре и социальная практика: антропологическая перспектива: Сб. трудов. М., 1998. С. 40-62.

Метафизические гипотезы о мире могут быть только умозраительными, спекулятивными. За ними стоит интуиция целого – мира как целого. Целое радикальнее и глубже целостности. Как нераздельность единства целостность имеет место (так оно чаще всего и бывает) и в рамках конечного (части). Целое же – в смысле мира как целого – ориентировано на полноту, а значит, и какое-то завершение бесконечного. В подобном завершении – оконечивании бесконечного, безусловно, содержится определенное насилие над самой его природой (над бесконечностью как реальностью). Процедура эта не знаниевая (для знания самого по себе логично идти в дурную бесконечность), а властно-волевая, но ведь и природа бесконечного задается реальностью, а не знанием о ней. Реальностью можно овладеть реальным же образом – выходящим в мир действием.

Мир как целое – это не обязательно вся, земная и космическая, реальность. Да и целое здесь не менее важно, чем мир. В качестве мира может выступать и отдельная область явлений или предметов. Скажем, общество как мир социального, социальности. Такой мир также бесконечен, пусть и не в пространственном, а во временном (потенциально-временном) смысле – как история, исторический процесс. Целое применительно к обществу мы получаем тогда, когда, во-первых, рассматриваем его как развивающуюся, идущую вперед реальность, а во-вторых, и это главное, пытаемся ответить на вопрос «Куда оно, как история, идет?», естественно перерастающий, если доводить мысль до логического конца, в вопрос «Куда оно в исторической перспективе придет?». Ясно, что выведением будущего из прошлого и настоящего или экстраполяцией, т.е. перенесением знания с уже известной истории (части) на «всю историю» (целое), тут не обойтись. Идея целого истории (общества в его развитии), пишет в данной связи Р.Дж. Коллингвуд, «принадлежит каждому человеку в качестве элемента его сознания, и он открывает ее у себя, как только начинает осознавать, что значит мыслить»⁶.

Целое истории не вычисляют – его выбирают, предпочитают. А выбирать есть из чего. «Как целого» в истории – и в качестве реального жизненного процесса, и в качестве науки истории – много. Целое истории может быть циклическим, линейным, спиральным, ризоматическим и т.д.⁷.

Важно обратить также внимание на то, что в когнитивном плане метафизическое целое истории носит не экстенсивный, а интенсивный характер. Метафизике претит количественный вал действительности, перечис-

⁶ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980. С. 237.

⁷ Подробно об этом см.: Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М., 1995. С. 26-117.

ление всего и вся, она всегда «зрит ввысь», в звездное небо над головой, по Канту. Поскольку угол возвышения остается неизменным — метафизическим, то и получается, что чем выше, тем шире и полнее охват реальности — конусообразно нисходящими лучами метафизического разума.

Итак, без контекста, пусть даже фонового, целого исследование части (частей) невозможно. Его успешное формирование как раз и обеспечивает фундаментальное метафизическое вопрошание. Социальная теория в структуре (вертикали) социально-гуманитарного знания завершает исследование частей. Открывающийся на этом уровне предметный горизонт, задаваемый в конечном счете логикой части (частей), можно считать максимально возможным (на этом уровне постижения социально-исторической реальности). В дальнейшем он расширяется, но уже за счет метафизического ресурса познания, логики собственно целого («как целого»). Метафизика имеет дело с предельной или последней и потому завершающей реальностью целого.

В отличие от социально-теоретического, или научного, метафизическое расширение горизонта исследования следует назвать социально-философским. Здесь можно было бы поддержать Ю.М. Резника, настаивающего на том, что социальная теория по своей сути является формой интеграции социально-философского и социально-научного знания⁸. Однако у выражения «форма интеграции» есть один смущающий нас момент. Создается впечатление, что социальная теория идет дальше не только конкретных социальных наук, но и социальной философии, что спорно. Возможно, эту самым фактом срединности имплицитную взаимосвязь лучше трактовать в терминах подъема, а не синтеза или междисциплинарной интеграции.

В то же время хотелось бы заметить, что синтезу и интеграции здесь действительно можно найти место, но только — по отношению к конкретным социальным и гуманитарным наукам. Мы согласны в данной связи с учредителями Международного консорциума по социальной теории (The International Social Theory Consortium), которые в своем первом информационном бюллетене заявили, что социальная теория представляет собой «совокупность (body) мультидисциплинарной рефлексии и критики»⁹. По сути, эту же идею отстаивает и Wikipedia Free Encyclopedia: «Хотя многие комментаторы видят в социальной теории отрасль социологии, она в своей основе функционирует в интердисципли-

⁸ См.: Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М., 2003. С. 399, 414.

⁹ <http://www.uky.edu/AS/SocTheo/Newsletter/Sum2001.pdf>

линарной манере»¹⁰. Социальная теория и в самом деле является трансдисциплинарным пониманием ключевых проблем современной социальной мысли.

Кроме того, все синтезы и интеграции в современном, или постмодерном, мире имеют одну примечательную особенность: они устанавливаются не в результате гегелевского «снятия» или аналитического коррелирования, а в процессе диалогической (полилогической) коммуникации. Нельзя не согласиться здесь с тем, как представлена социальная теория в исследовательской сети Европейской социологической ассоциации: это, оказывается, не только самостоятельная область познания, но и форма диалога с эмпирическим исследованием конкретных обществ, с одной стороны, и гражданским дискурсом — с другой¹¹.

Введение социальной теории в структуру социально-гуманитарного знания снимает некоторые проблемы, в частности, недовольство социальной философией со стороны представителей конкретных социальных наук. По их ощущению, у социальной философии нет ни конкретных ответов, ни точных методологических указаний. Что ж, недовольство понятное, хотя и следует заметить, что значительную часть его можно отнести на счет недопонимания: обращение («возвышение») к социальной философии богато эвристикой, но не конкретными решениями. Последние возможны как раз на других, более низких и предметно определенных уровнях социально-гуманитарного знания.

Ближайшим и более эффективным образом социальные науки могли бы ориентироваться социальной теорией, концептуальными продуктами ее действительно научных усилий. Но она у нас пока в зачаточном состоянии, открывающийся здесь фронт работ только начинает осознаваться. Вакуум же «пропущенного звена» очевиден для всех. И он заполняется — часто тем, что под рукой, что уже как-то известно. Вот что по этому поводу пишет, в частности, А.А. Давыдов: «...Трудности использования понятия “общество” в социологии вытекают из того обстоятельства, что понятие “общество” заимствовано социологией из социальной философии и до настоящего времени во многом базируется на ее онтологических и гносеологических принципах. Вследствие этого, многие определения понятия «общество» выступают в качестве некоторого качественного «ярлычка», мало пригодного для эмпирического изучения»¹². Автор ищет другую, более «работающую» методологию и находит ее в

¹⁰ http://en.wikipedia.org/wiki/Social_theory.

¹¹ <http://www.valt.helsinki.fi/esa/theory.htm>.

¹² Давыдов А.А. К вопросу об определении понятия «общество» // Социс. 2004. № 2. С. 12.

общей теории систем. Что получилось и насколько убедительно – судить вам: «Общество – это определенный тип системы, состоящий из разнородных взаимосвязанных элементов и подсистем, свойств и отношений, созданной индивидами на основе механизма обратной связи, целью которой является реализация экстремальных принципов в жизнедеятельности индивидов с помощью законов, действующих в определенных границах»¹³.

По всему видно, что социальная теория в отечественном общественном знании (социально-гуманитарном знании) еще не заняла подобающего ей места, а ее эвристический потенциал, ее концептуальные возможности и методологические перспективы не столь привлекательны, как, скажем, в западной литературе или как хотелось бы нашим ее разработчикам.

В заключение необходимо сказать следующее. Социальную философию и социальную теорию нельзя отрывать друг от друга, они глубоко взаимосвязаны. В то же время им не откажешь и в относительной самостоятельности. Тем более что речь идет о разных типах исследования: метафизическом в случае социальной философии и «физическом», собственно научном, в случае социальной теории. В такой ситуации можно ставить вопрос о коэволюции социальной философии и социальной теории, т.е. о таком совместном развитии этих дисциплин, когда каждой позволено заниматься своим делом: социальной философии – спекулятивно-метафизическим «возвышением» реальности, социальной теории – постижением мира в терминах науки, ее ценностей, норм и идеалов. Развиваться, не мешая друг другу, – наоборот, позволяя выявлять свою специфику, подчеркивая свое право быть отличной, другой.

¹³ Там же. С. 14.

А.М. ОРЕХОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: К ПРОБЛЕМЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И СТРУКТУРЫ*

Исследование феномена социальной теории вполне адекватно начинать с исследования вопроса о ее предмете. И здесь, в первую очередь, важно развести между собой основные смыслы термина (концепта) «социальная теория», а также продемонстрировать разницу, существующую, с одной стороны, между *строго* социальной теорией, а с другой — между социологической теорией, которую часто отождествляют с социальной теорией. Вообще, следует отметить, что в сфере социально-теоретического знания наблюдается своеобразная «агрессия» теоретической социологии, обозначаемая нами ниже как «социологический империализм». При всех заслугах социологии ее попытка действовать методом «социологического империализма» в глобальном поле социальной теории нам представляется совершенно неприемлемой; гораздо более рациональным будет подход, интерпретирующий социологическую теорию как только одну из возможных разновидностей социальной теории — при наличии большого числа других видов и типов последней. В целом же можно сказать, что социальная теория представляет собой теоретическое знание всей совокупности социальных наук, а не только теоретические или концептуальные конструкции одной-единственной из этих наук — будь то социология, философия, антропология и т.п.

Первым шагом в анализе предметной специфики социальной теории должен стать лингвистический (говоря более точно, семантический) анализ ее концепта (понятия). В каких основных значениях используется термин «социальная теория», и какие смыслы имеют здесь термины «социальный» и «теория»?

Всего, на наш взгляд, можно выделить пять основных значений термина «социальная теория»:

- 1) «социальная теория» как социально-философская теория;
- 2) «социальная теория» как социологическая теория;

* Статья опубликована в журнале «Личность. Культура. Общество». 2006. Т. 8. Вып. 4. С. 82-94.

3) «социальная теория» как любая теория в исследовательском поле социальных наук;

4) «социальная теория» как теория социальной работы и теория социальной сферы;

5) «социальная теория» как междисциплинарная, синтетическая теория, обобщающая основные теоретические результаты, достигнутые социальными науками.

Среди этих значений наиболее распространенными являются второй и пятый смысл термина «социальная теория», реже о «социальной теории» идет речь в первом и втором значении, и, наконец, совсем оригинально будет употреблять это понятие в значении «теория социальной работы и теория социальной сферы».

Ниже мы дадим детальный анализ каждого из пяти значений.

В первом своем значении «социальная теория» отождествляется с теорией, разработанной в рамках социальной философии и социально-философского знания: «“Социальная теория” подразумевает анализ широко распространенных философских проблем, но не является философией в полном смысле этого слова. В отрыве от философии общественные науки утрачивают всякий смысл»¹.

В целом, если определить социальную философию как *учение о предельных основаниях общества*, тогда и социальная теория должна разрабатываться именно в рамках этих учений. Если, например, такие учения имеют «научный» или «научообразный» («научоподобный») характер, тогда термин «социальная теория», возможно, окажется на своем месте, однако в том случае, когда социально-философское учение построено на антирационалистических, антисциентистских принципах и в этом учении отсутствует системность, доказательность, апелляция к эмпирическому и историческому опыту, тогда вряд ли следует утверждать, что мы имеем дело с социальной теорией.

Кроме того, существует еще один важный критерий для того, чтобы развести социально-философскую теорию и социальную теорию: это уровень обобщения и категориальное «наполнение» теории. Если тот или иной теоретик прибегает к наивысшему уровню обобщения и использует всеобщие (философские) категории, тогда он работает в рамках социально-философской теории. Однако если ученый применяет общенаучные категории, а уровень его концептуальных обобщений не претендует на то, чтобы быть философским, мы имеем дело именно с социальной теорией.

¹ Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003. С. 11.

Также следует подчеркнуть, что если попытаться обозначить главную функцию социально-философской теории и, соответственно, такую же функцию социальной теории, то мы придем к различным результатам. Главная функция социально-философской теории – это *функция обобщения*, а главная функция социальной теории – *функция синтеза*. Обобщать – это далеко не то же самое, что синтезировать. Обобщение – операция в большей степени механическая, и чаще всего для того, чтобы стать креативной, она дополняется личным, персональным вовлечением индивидуального философского мышления в процесс обобщения, а также конструированием подходящих под это вовлечение норм и ценностей. Здесь допускается большая свобода полета творческой мысли, апелляция к мифу, религии или здравому смыслу. Синтез, в отличие от обобщения, – это не просто логический метод, это *научный* логический метод: он требует соблюдения всех основных критериев научности: доказательности, непротиворечивости, простоты, эвристичности, опоры на эксперимент и эмпирический опыт. Вот почему социальную теорию от социально-философской теории отличает больший сциентизм (позитивизм) и гораздо более жесткое следование нормам и идеалам научного знания.

В итоге наша аргументация сводится к тому, что нельзя отождествлять между собой социально-философскую и социальную теорию. Для того чтобы прийти к более точному концепту «социальная теория», необходимо отказаться от идеи его эквивалентности с термином «социально-философская теория», а также от идеи, что и структурно социальная теория должна копировать социально-философскую теорию и, в целом, социальную философию.

Например, мы хотели бы не согласиться с мнением Ю.М. Резника, предлагающего выделять в социальной теории *социальную онтологию* и *социальную эпистемологию*, поскольку все это не что иное, как «вотчины» социальной философии или, иначе, две отдельно взятые социально-философские науки. В социальной теории «социальная эпистемология» должна быть замещена «социальной методологией», а место «социальной онтологии» должна занять некий концептуальный каркас, отражающий (см. ниже) *идеально-нормативную структуру социальной теории*.

Теперь попробуем разобрать точку зрения, позицию, которая отождествляет между собой два основополагающих концепта – «социологическую теорию» и «социальную теорию». Естественно, что подавляющее большинство сторонников такого подхода – профессиональные социологи, а также лица, в той или иной степени этим социологам доверяющие.

Но сначала дадим определение термина «социологический империализм»: *социологический империализм* — это один из возможных типов междисциплинарного синтеза, в случае которого социальное исследование строится по модели социологической науки, а также с осознаваемым или неосознаваемым убеждением, что именно социологической науке присущи наиболее эффективные методы получения нового социального знания.

Примером «социологического империализма» в российской социальной науке является подход Г.В. Осипова: «Социальная теория ...является достоянием социологической науки, подобно тому, как экономическая и демографическая теория входят, соответственно, в структуру экономических и демографических наук»².

Похожую точку зрения высказывает и английский исследователь Энтони Кинг: «Социальная теория возникла как специфическая субдисциплина (subdiscipline) внутри социологии в 70-е гг. XX в., и стала особенно заметной в восьмидесятые и девяностые годы. Она делает особый упор на стремление разработать онтологический и эпистемологический базис социологии, зачастую независимо от эмпирического анализа. Рассуждая слегка иронически, можно сказать, поиск социальной теорией онтологических и эпистемологических оснований (groundings) вел ее почти в каждом случае прочь от реальностей социальной жизни»³.

В действительности же «социологический империализм» начинает свое движение с методов социальных исследований и лишь заканчивает социальной теорией. Первый пункт на его пути — это отождествление *методов социологических исследований и методов социальных исследований*.

Так сложилось, что западная социология использует при обозначении социологических исследований термин «социальные исследования», и как только российским социологам удалось, наконец, ознакомиться в эпоху последних экономических и политических реформ со всем концептуальным богатством западной социологической мысли, они тут же пустили понятие «методы социальных исследований» (вместо «методов социологических исследований») в научный и образовательный оборот. Полученные дивиденды оказались весьма неплохими: везде, где речь заходит о «методах социальных исследований», подразумеваются, в подавляющем большинстве случаев, «методы социологического исследования»⁴!

² Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. СПб., 2002. С. 140.

³ King A. The Structure of Social Theory. London, New York, 2004. P. 5.

⁴ Из этого следует сделать вывод, что фундаментальной работы по «методам социальных (именно!) исследований» в России пока еще не написано. Но надеемся, такая работа всё же когда-нибудь появится на свет.

Гораздо более рационально обоснованную, на наш взгляд, позицию относительно понимания соотношения между социологической и социальной теорией занимает американский исследователь Д. Ритцер: «Социологические теории отражают разработки, осуществляемые в рамках социологии и представляющие интерес в основном для социологов. Социальные теории, как правило, междисциплинарны»⁵.

С этой позицией соглашается и Энтони Гидденс: «Мы хотели бы особо подчеркнуть, что используем термин “социальная теория” для обозначения проблем, волнующих все общественные науки. Круг этих проблем весьма широк. Речь идет о природе и характере человеческой деятельности и действующей “самости”, о том, как следует определить понятие взаимодействия и как оно относится к институциональным образованиям; а также об определении прикладного подтекста социального анализа. Я осознаю, что “социология” не является родовой дисциплиной, занимающейся изучением человеческих общностей в целом; скорее, она представляет собой отрасль социальной науки, которая концентрирует свое исследовательское внимание на “передовых” или современных обществах»⁶.

Гидденсу и Ритцеру вторит французский социолог Доминик Кола: «Утверждать, что социология признана быть социальной наукой, которая должна превосходить все другие науки, поскольку она раскрывает все пружины человеческого поведения, — это значит стать жертвой софизма»⁷.

Но, отвергая «социологический империализм», необходимо подчеркнуть, что социальная теория не должна становиться жертвой и других видов дисциплинарного империализма — «антропологического», «культурологического», «экономического» и т.п. По своей сути социальная теория междисциплинарна, полидисциплинарна и трансдисциплинарна, и она должна отражать теоретические достижения всех социальных наук, а не только какой-то одной из них.

Следующий смысл термина «социальная теория» (социальная теория как любая теория в исследовательском поле социальных наук) является, пожалуй, самым простым из всех существующих, и чаще всего используется либо в начальных курсах социальных наук (типа «обществознание» или «обществоведение»), либо у тех исследователей, которые более чем нестрого подходят к использованию тех или иных концептов и понятий в своих работах. Определение «социальной теории» является в

⁵ Ритцер Д. Современные социологические теории. М., 2002. С. 522.

⁶ Гидденс Э. Указ. соч. С. 10.

⁷ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 20.

таких случаях, как правило, весьма *свободным* — особенно в отношении понятия «теория»: это уже не строго обоснованная, доказанная и проверенная эмпирическим опытом система знаний, а вольная система каких-то положений — то, чему просто учат (т.е. учение) или что приводят в качестве тезисов для своих оппонентов.

Например, подобным образом определял социальную теорию американский исследователь Чарльз Лэмэрт: «Социальная теория, следовательно, есть просто словесное обозначение (name) для любого разговора (talk) о социальном мире, разговора, вырастающего из повседневных знаний, минимум которых нам необходим, чтобы мы оказались способны избежать последствий социальной деструкции»⁸.

Подобный, нестрогий, подход к термину «теория» характерен в первую очередь для постмодернистских и конструктивистских теоретиков в социальных науках, а также для социальных феноменологов. Снижение критериев научности и доказательности в социальном знании, выдвижение на первый план «повседневного» знания в ущерб знанию научному и теоретическому, умаление рациональных критериев в проверке социальной теории на истинность, сведение всех социальных связей и отношений к неясным образом интерпретированной «коммуникации» — таковы характерные признаки подобного постмодернистско-конструктивистско-феноменологического подхода.

Четвертый смысл термина «социальная теория» вытекает из использования определения «социальный» в узком его значении, как относящегося к проблемам социальной сферы или социальной работы.

Так, например, трактует социальную теорию американский исследователь Гарольд Схнепп. С его точки зрения, подлинным имиджем «социальной теории» обладает лишь социологическая теория, а сама по себе «социальная теория» — это не что иное, как применение социологической теории к реальной, практической жизни: «Социальная теория, как отличная от социологической теории, может быть определена как набор частично верифицируемых теорий и неверифицируемых гипотез (the set of partially verified theories and unverified hypotheses), которые используются в программах социального действия. Так, например, индивиды и организации, занимающиеся работой по предотвращению правонарушений, преступности и неудачных браков, улучшению человеческих отношений или международного взаимопонимания, или повышением общественного благосостояния, могут использовать более или менее легитим-

⁸ Lemert C. Social Theory: Its Uses and Pleasures // Social Theory: the Multicultural and Classical Readings. Boulder, 1999. P. 12.

ные принципы. Эти принципы не следует отвергать, но их никоим образом не следует смешивать с принципами, которые задает социологическая теория»⁹.

Подобная точка зрения, предполагающая, что социальная теория — это теория социальной сферы или теория социальной работы, встречается и в российской научной литературе¹⁰. Но вряд ли ее можно представлять адекватной, поскольку подобный подход демонстрирует излишне узкое и явно прикладное понимание термина «социальная теория», которое невозможно применить в глобальном, междисциплинарном аспекте. Тем не менее мы не склонны отрицать права тех социологов, которые профессионально изучают социальную сферу, использовать термин «социальная теория» в указанном значении, противопоставляя его термину «социальная практика».

Обратимся, наконец, к пятому и последнему значению термина «социальная теория»: именно это значение нам представляется наиболее адекватным реальности, для которой и предназначена, собственно, социальная теория, и именно это значение мы будем использовать в дальнейшем в данной статье.

Социальная теория — это междисциплинарное, синтетическое знание, суммирующее все основные теоретические результаты, достигнутые социальными науками, и конструирующее на этом фундаменте базовые теоретические концепты, предназначенные для изучения всей социальной реальности.

Подобное определение уже при его первом прочтении сразу может вызвать определенный скепсис. Этот скепсис может быть заявлен, как минимум, с трех позиций.

Во-первых, могут заявить, что подобное *грандиозное мероприятие* просто не под силу сделать какой-либо одной дисциплине — пусть даже социальной теории, и как бы последняя ни пыталась суммировать теоретическое знание социальных наук, все равно эта ее деятельность будет больше походить на механическое агрегирование, чем на подлинный междисциплинарный синтез. Это будет своего рода первое методологическое возражение.

Во-вторых, на обозначенное нами определение может быть заявлен и социологически обоснованный скепсис. Могут заявить, что подобные попытки создать своего рода синтетическую социальную теорию уже предпринимались в прошлом (О. Конт, К. Маркс, Т. Парсонс) и они за-

⁹ Social Theorists. Milvachd, 1953. P. 374.

¹⁰ Напр.: Ларионов И.К. Социальная теория: общие особенности и основы России. М., 2001.

кончились отнюдь не глобальной социальной теорией, а лишь конструированием локальных направлений в ней (позитивизм, марксизм, функциональная теория).

В-третьих, может быть заявлено еще одно методологическое возражение: «При попытках интегрировать все социальные науки в один всеобъемлющий системный подход или создать синтетическую социальную супернауку возникает проблема, состоящая в том, что подобного рода широко-масштабный синтез чаще всего осуществляется с позиций одной дисциплины. При этом кажется сомнительным, чтобы дисциплинарная замкнутость могла быть преодолена за счет империализма одной дисциплины»¹¹.

Ответим сначала последнее возражение, а затем уже на первые два.

Обозначим вариант междисциплинарного синтеза, при котором социальная теория строится прежде всего с позиций одной социальной науки как «междисциплинарный империализм» («социологический империализм», «антропологический империализм» и т.п.) и зададимся следующим вопросом: угрожает ли подобная опасность социальной теории?

Конечно, такая опасность существует. Мы уже разбирали в начале этой статьи возможность подмены социальной теории теорией социологической и обозначали это как «социологический империализм». Но «социологический империализм» — не единственный вид «междисциплинарного империализма», который может угрожать социальной теории. Возможны и другие типы «империализма» — «антропологический империализм», «культурологический империализм», «философский империализм» (который как раз и состоит в уже рассмотренном нами выше сведении социальной теории к социально-философской теории), «политологический империализм» и т.п.

Решение вопроса заключается в том, чтобы в конструировании социальной теории выбирать тот тип междисциплинарного синтеза, который в наибольшей степени соответствует равноправному участию в ней различных социальных дисциплин. Если, к примеру, мы будем строить социальную теорию вышеобозначенным методом «империализма» — социологического, антропологического и т.п., т.е. давать приоритет одной социальной дисциплине за счет других, то ничего путного из этого не выйдет. Мы должны выбирать иной тип междисциплинарного синтеза, который нами характеризуется как «равноправное сотрудничество».

«*Равноправное сотрудничество*» — тип междисциплинарного взаимодействия, когда социальные науки оказывают примерно равное влияние — как

¹¹ Дудина В.И. Сравнительная эпистемология социального знания // Компаративистика. СПб., 2001. С. 13-14.

в целом друг на друга, так и на разработку каких-либо конкретных исследовательских проблем на «стыках» между собой, тем самым обогащая и углубляя как собственную, так и чужую теорию и методологию.

«Равноправное сотрудничество» – вариант междисциплинарного взаимодействия, в максимальной степени пригодный для конструирования социальной теории. Другое дело, что констатацией этого факта мы обозначили лишь *экстенсивную характеристику* подобного конструирования. Но процесс создания социальной теории имеет и *интенсивный параметр*: равные плацдармы участия всех социальных наук в нем отнюдь не предполагают *одинаковую глубину* этого участия. Вопрос надо решать стратегически: данные какой науки способны в каждый конкретный момент обеспечить фундаментальный прорыв в области теоретического знания об обществе? Если, к примеру, в данном случае методология «междисциплинарного империализма» всегда слепо указывает на одну и ту же науку, то методология «равноправного сотрудничества» эту проблему решает конкретно в зависимости от самой проблемной ситуации. Естественно, что чаще всего выбор будет падать на философию, историю, социологию, антропологию, экономику, психологию, политологию, но не исключены ситуации, когда прорыв в области фундаментального социального знания может быть обеспечен педагогикой, социальной экологией или гендерными исследованиями.

Теперь по поводу первых двух возражений.

Бесспорно, что одной социальной теории или одному социальному теоретику не в силах тащить на себе воз всех теоретических знаний в современных социальных науках. Времена Маркса и Конта в этом смысле давно миновали, и ни один исследователь (или даже группа исследователей) никак не способен заменить самим собой (самими собой) громадную армию ученых, работающих на переднем фронте социальных наук. Да и трудно представить себе ситуацию, чтобы какой-нибудь знаменитый антрополог, историк или экономист вдруг стал прислушиваться к мнению даже самого крупного социального теоретика. Если уж идеи выдающихся философов прошлого редко привлекаются для разрешения современных научных споров (как теоретических, так и методологических) в социальных науках, то что говорить об идеях современных или прошлых лет, даже самых выдающихся социальных теоретиков? Парадокс как раз и заключается в том, что главным соблазном социального теоретика всегда будет построение собственной глобальной социальной теории – теории, которая вряд ли будет кому интересна, кроме самого этого теоретика.

Следовательно, главная функция социальной теории – отнюдь не теоретическая (как может на первый взгляд показаться), а методологи-

ческая. Социальный теоретик должен не строить собственную социальную теорию, а ответить на вопрос: как построить социальную теорию?

Данный подход сразу отводит упомянутые нами выше возражения и одновременно «расчищает» дорогу для исследовательской работы самому социальному теоретику. Если методология построения социальной теории (или социальных теорий) становится главной точкой приложения сил социального теоретика, то методологические вопросы в теоретических концептах социального знания должны отнимать не меньше его внимания, чем вопросы теоретические. Социальный теоретик, подобно социальному философу, должен выполнять в социальных науках функцию *методолога*, — только реализовать эту функцию следует не с позиций всеобщей методологии (как у социального философа), а с позиций общенаучной методологии. Кроме того, социальный теоретик, в отличие от социального философа, должен выполнять в определенной степени еще и охранительную функцию: следить за тем, чтобы социальные науки, во-первых, оставались «науками» во всех смыслах этого слова, а во-вторых, продолжали исполнять роль «социальных» наук, не антропологизируя и не гуманизируя свое знание¹². Объект изучения социальных наук — это общество, а человек, личность или текст должны рассматриваться в них именно в этом, социальном (значимом для общества), контексте.

Ну, а если, к примеру, социальный теоретик все же будет стремиться построить свою глобальную, синтетическую социальную теорию? Каков будет результат в этом случае?

Вероятнее всего, вместо глобальной социальной теории мы получим лишь теорию в рамках отдельного, конкретного направления социальной теории — чаще всего уже известное и давно существующее, и крайне редко — еще никому не известное, оригинальное и уникальное направление. Именно подобным образом, кстати, сложилась судьба социальных теорий наиболее выдающихся теоретиков XIX-XX вв. — Конта, Маркса, Фрейда, Парсонса. Социальная теория Конта стала впоследствии обозначаться как «позитивизм», Маркса — как «марксизм», Фрейда — как «фрейдизм», Парсонса — как «структурно-функциональная теория»¹³.

Еще одним тезисом нашей работы является тезис о существовании прямой связи не только между социальной теорией и социальной методологией, но и между социальной теорией и социологией социальных наук.

¹² Например, с нашей точки зрения, идея Ю.М. Резника об «антропологической направленности» социальной теории — это прямое противоречие *сущности* самой социальной теории.

¹³ Впоследствии, как известно, возникли модернизированные варианты первых трех течений — «неопозитивизм», «неомарксизм», «неофрейдизм».

И здесь следует обозначить еще одну значимую функцию социальной теории и социального теоретика: они должны вплотную заниматься социальными предпосылками происхождения и эволюции теоретического знания об обществе, поскольку исследование подобных вопросов должно подведет их еще к одному важнейшему вопросу: откуда вообще берутся социальные теории и социальные теоретики? Если они существуют, то почему и зачем? Нуждаются ли общество и социальные науки в социальной теории и социальных теоретиках в принципе?

Ответы на эти вопросы не так просты, как это, вероятно, может показаться. Необходимость для общества иметь социальную теорию и социальных теоретиков должна выясняться на двух основных уровнях: идеологическом и теоретико-методологическом. Интерпретация последнего уровня, вероятно, сводится к тому, что на определенном этапе своего развития общество в целом — вследствие глобального развития социального знания — начинает испытывать потребность в том, чтобы имелись субъекты, которые бы выполняли синтетическую, интегративную, обобщающую функцию в отношении социального знания — оппозиционную процессам дифференциации последнего. Скажем так: это *общесоциальный аспект* заявки на социальную теорию и социальных теоретиков. Но каков может быть *идеологический контекст* этой заявки? Социальной теории может требовать для себя класс («пролетариат» в случае Маркса), нация, государство, социальная группа («технократы» в случае Конта) и т.п.

Но следует снова задаться вопросом: внедрение (вкрапление) *идеологического* в знание о социуме — это хорошо или плохо для социальной теории? Можно ли вообще создать социальную теорию без идеологии? Или любая социальная теория обязательно включает в себя идеологическую «догрузку»? Как вообще должны складываться взаимоотношения социальной теории и идеологии? Насколько в принципе социальный теоретик является идеологом?

Ответы на эти вопросы — мы снова подчеркиваем этот факт — социальная теория должна искать в союзе с социологией социальных наук. Из последней должна быть выделена в отдельную отрасль «социология социальной теории», которая наряду с «методологией социальной теории» должна стать «ударным ядром» в современных социально-теоретических исследованиях.

Все вышесказанное подводит нас к первой осторожной рефлексии относительно структуры социальной теории. Заметим, что один вариант такой структуры был предложен Ю.М. Резником, который описывал общую структуру социальной теории четырьмя основными «элементами»,

или «частями»: 1) социальная онтология; 2) социальная эпистемология; 3) социальная системология; 4) социальная праксиология.

Мы предлагаем иной вариант подобной структуры, но, на наш взгляд, социальная теория должна также включать в себя четыре основных части:

1) «концептуальное ядро» («элементы», из которых складывается социальная теория)¹⁴;

2) «магнитный пояс» (теоретические концепты, направленные на исследование существующих социальных теорий)¹⁵;

3) методология социальной теории («социально-теоретическая методология»);

4) социология социальной теории («социально-теоретическая социология»).

Естественно, что подобная структура еще нуждается в фундаментальной разработке, но, по нашему мнению, перспективы анализа социальной теории в свете подобной структуры весьма многообещающи и могут уже в ближайшее время принести интересные плоды. На одно из направлений работы, которое вписывается как в рамки «концептуального ядра», так и в рамки социально-теоретической методологии, мы хотим обратить внимание уже сейчас: это проблема так называемых «оппозиций» социальной теории.

Оппозиция социальной теории — это противопоставление социальной теории другому виду знания или деятельности, результатом которого является прояснение фундаментальных оснований социальной теории.

Всего, на наш взгляд, существуют четыре основных «оппозиции» социальной теории:

1) социальная теория — социально-эмпирическое знание;

2) социальная теория — социально-практическое знание;

3) социальная теория — гипотетическое знание в социальных науках;

4) социальная теория — историческое знание в социальных науках.

Для чего необходимо исследование «оппозиций» социальной теории?

Прежде всего, для того, чтобы каждый социальный теоретик смог прояснить для себя *концептуальные и дисциплинарные границы* социальной теории, а также примерный круг проблем, которыми она должна заниматься. Для этого необходимо противопоставить *теоретическое зна-*

¹⁴ На английском языке это часто обозначается как «элементы социальной теории» — «The Elements of Social Theory».

¹⁵ Название «магнитный пояс» может быть объяснено следующим образом: главная задача этих концептов — «притянуть» к себе все наилучшее, что есть в существующих социальных теориях.

ние социальных наук другим возможным видам знания, которые есть в этих науках. Сюда относится, во-первых, эмпирическое знание, во-вторых, практическое знание, в-третьих, гипотетическое (вероятностное) знание, и, в-четвертых, историческое знание.

Первая «оппозиция» указывает нам на фундаментальное противопоставление эмпирического социального знания и теоретического социального знания. Что нужно знать, чтобы отделить первое от второго? Сначала, конечно, то, что эмпирическое знание в социальных науках — это результат применения эмпирических методов исследования (социального наблюдения и социального эксперимента), а теоретическое — результат действия теоретических методов (анализа, синтеза, аналогии, моделирования, индукции, дедукции и т.п.). Далее следует также помнить, что в генетическом плане эмпирическое социальное познание чаще всего предшествует теоретическому познанию, опережает его; однако теоретическое исследование социального мира задает ориентиры эмпирическому социальному познанию, направляет его в нужном направлении. И, наконец, то, что теоретическое социальное познание конструирует *прогнозы развития социальных явлений и процессов*, а эмпирическое социальное познание подтверждает или опровергает этот прогноз. И, как окончательный рецепт, социальному теоретику необходимо научиться отделять, сепарировать социально-теоретическое знание от социально-эмпирического, что, в принципе, в большинстве случаев сделать вполне реально.

Вторая «оппозиция» призывает социального теоретика к разделению социально-теоретического и социально-практического знания. Социально-практическое знание — это знание, добытое непосредственно из общественной практики, без применения теоретических знаний об обществе; в некотором аспекте его можно еще обозначить как «стихийно-эмпирическое знание». Например, это может быть практический опыт политического руководителя, менеджера, предпринимателя и т.п. Безусловно, этот вид знания может быть включен в социальную теорию только после прохождения теоретической концептуализации, когда стихийно-эмпирические и стихийно-практические факты и явления в нем будут осмыслены как социально-теоретические. Если же мы попытаемся строго демаркировать границу между двумя видами социального знания в этой оппозиции, то мы должны *весьма жестко* подойти к попыткам представить как «социально-теоретические» те направления в современной философии, социологии и культурологии, которые исходят из приоритета обыденного, житейского, повседневного социального знания в отношении научного знания об обществе. Это, в первую очередь, социальная феноменология, этнометодология, «социология знания» (“sociology of

knowledge” – в англоязычной интерпретации, которая, на наш взгляд, имеет весьма отдаленное отношение к реальной социологии знания), постмодернизм и иные культурогенные теории общества.

Третья «оппозиция» задает проблему, пожалуй, наиболее сложную из всех четырех нами здесь представленных. Это связано с тем, что демаркация «теоретического» от «гипотетического» – одна из самых трудных в социальном знании. Подавляющее большинство существующих «социальных теорий» должны быть, скорее, рассмотрены не как «теории» в строгом научном значении этого слова, а как гипотетические конструкции с определенным набором концептов, которые с большим трудом поддаются как «верификации» – в ее традиционном неопозитивистском понимании, так и «фальсификации», если последнюю трактовать в исконном попперовском значении. Проблема также заключается в том, что это понимание термина «теория» мы так или иначе вынуждены распространять и на концепт «социальная теория». Вот почему социальному теоретику в его теоретических построениях необходимо стремиться предельно точно определять уровень гипотетичности его концептуальных построений и, по возможности, задействовать максимально полный набор критериев истинности, в том числе и те, которые разработаны в частных социальных науках.

Четвертая «оппозиция» – социально-теоретического и исторического знания – должна быть направлена на демаркацию теоретического и исторического знания об обществе. Главные функции исторического исследования, как известно, сводятся примерно к следующему: исследование единичных фактов прошлого человечества, а также их последующее обобщение и создание целостной картины процесса развития человечества. Исторические факты здесь выполняют функцию «эмпирических фактов», на базе которых выстраиваются те или иные исторические «теории».

Задача социального теоретика, вероятно, сводится здесь к следующему: анализируя информацию, поставляемую историческим исследованием, интерпретировать ее в таком духе, чтобы, не искажая фактуальную часть исторического материала, качественно выстраивать в концептуальный ряд ценностно-нормативный элемент исторической информации. Главная проблема – избежать двух крайностей: с одной стороны, слепого доверия историческим фактам и исторической информации, а с другой – излишнего недоверия к ней. Но очевидно одно: без опоры на исторический материал и без верификации историческими фактами любая социальная теория будет вызывать скептическое отношение к себе. Впрочем, это, в первую очередь, проблема социологов, для социальных

философов, к примеру, наше предупреждение гораздо менее актуально.

Итак, в этой статье мы попытались в первом приближении исследовать вопрос о предмете и структуре социальной теории. Естественно, что это лишь самый первый пункт ответа на фундаментальные вопросы: «Что есть социальная теория, чем она должна заниматься и как она должна конструировать свои выводы?». Выразим надежду, что объединенными усилиями российских и зарубежных социальных теоретиков эта проблема получит свое окончательное определение, а впоследствии и решение.

Э.А. ОРЛОВА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Современное состояние социальных наук отмечено ярко выраженной рефлексивной тенденцией, в том числе осмыслением исходных оснований, на которых базируются используемые здесь ключевые теоретические модели. Эта тенденция стала одной из самых заметных черт пост-модерна и нашла выражение в критике классической познавательной парадигмы. В частности, сомнению подверглось отношение к границам университетских дисциплин как к обеспечивающим не просто удобство профессионального обучения, но и «чистоту» научного знания. В ответ на это сложилось представление о необходимости осуществлять междисциплинарные исследования. Соответственно, допустимым стало объединение разных теоретических моделей при решении определенных социально-научных проблем. Условием объединения является логическая совместимость таких моделей, а не жесткое соответствие общепринятым положениям породивших их общих теорий.

Значимость социокультурных исследований: обоснование

Тенденция к сближению социологии и культурной антропологии стала особенно заметной в 1980–1990х гг. с развитием микросоциологии, этнометодологии и изучением организационной, корпоративной культуры. В этот период обнаружилось определенное расхождение между разграничением областей и способов интерпретации данных, характерных для социологии и культурной антропологии, и использованием понятий каждой из наук в пределах другой. Так, в социологии используется ряд ключевых понятий, с помощью которых описывается культура: например, деятельность, поведение, личность, идентичность, символы, значения, субкультура и т.п. В свою очередь, в культурно-антропологических работах постоянно встречаются социологические понятия, такие как сообщество, институт, социализация, коммуникация, взаимодействие, обмен и т.п.

Кроме того, представители каждой из наук используют общие для них термины нерефлексивно, без специальных оговорок и определений.

Это ведет к тому, что значения понятий в контексте каждой из наук оказываются не только разными — например, институт понимается в социологии значительно шире, чем в культурной антропологии, — но нередко и противоположными: так, структура трактуется в социологии как производная социального взаимодействия, а в культурной антропологии — как его детерминанта.

Наконец, при изучении динамики совместной жизни людей, особенно в микроисторических масштабах, выяснилось, что неполнота или недостаточная убедительность выводов обуславливается тем, что при интерпретации данных в одной из наук не существует логической схемы привлечения концептуального аппарата другой. Например, в рамках социологической теории организации вариации стратегий управления трудно объяснить без разделения представлений о его режиме (структура связей между людьми) и стиле (содержание отношений в рамках определенного режима). То же справедливо и применительно к изучению динамики паттернов поведения в культурной антропологии: ее невозможно ни предсказать, ни проследить без анализа распределения таких паттернов в пределах социальной структуры и стратификации изучаемого общества.

Таким образом, в настоящее время обнаруживается расхождение между наличием дисциплинарных границ между этими двумя науками, с одной стороны, и необходимостью установить логические связи между ними из-за часто встречающейся междисциплинарности в практике каждой из них — с другой.

Одним из продуктивных способов преодоления этого расхождения может стать эксплицитное выделение такой области социально-научных проблем, где совместное использование социологического и культурно-антропологического способов познания оказывается эвристичным и целесообразным. Иными словами, предполагается возможность построения модели междисциплинарного исследования с полноценным использованием понятийного аппарата общих наук на основе содержательного взаимного дополнения при формулировке проблем и интерпретации результатов исследований. Такого рода исследование можно назвать *социокультурным*.

Наиболее заметной областью изучения, где этот тип исследования представляется необходимым, является микродинамика совместного существования людей. Во временных масштабах она определяется периодом одновременного существования трех поколений и прямых контактов между ними. В пространственном отношении речь идет о сетевых отношениях и ситуациях соприсутствия их представителей. Это важная (хотя и не единственная) область социально-научного зна-

ния, где особое внимание уделяется факторам, механизмам, движущим силам, обуславливающим порождение и формирование процессов взаимодействия и коммуникации, направленных на поддержание или изменение отношений между людьми. В рамках этой предметной области одинаково важное значение приобретают как структурно-функциональные (в социологическом смысле), так и семантические (в культурно-антропологическом смысле) составляющие этих отношений, поскольку как социальное взаимодействие, так и культурная коммуникация, являются источниками и социальной, и культурной динамики. Речь идет по меньшей мере о том, чтобы выявить социальные причины культурных изменений и культурные детерминанты микро-социальных процессов.

Для определения и структурирования области социокультурных исследований следует сопоставить ключевые понятия, характерные для социологии и культурной антропологии, которые при совместном использовании позволят получать информацию, недоступную в рамках каждой из них в отдельности. Они должны отвечать следующим требованиям:

— совместимость, непротиворечивость значений, взаимная содержательная дополнительность (например, организация как система связей между функциональными единицами и культура как содержание внутриорганизационных отношений вместе образуют понятие «организационная культура», позволяющее дополнить структурно-функциональную трактовку организации ее рассмотрением с точки зрения межличностных отношений);

— операционализация, позволяющая интерпретировать теоретические положения и данные одной науки в терминах другой (например, переинтерпретация социологической нормативно-организационной трактовки понятия «институт» в ситуативно-содержательную культурно-антропологическую);

— открытость каждой из наук для привлечения (при необходимости) дополнительных понятий и теоретических представлений из другой (например, для более глубокого понимания механизмов социальной дифференциации можно привлечь изучение их отображения на символическом уровне);

— необходимость и достаточность для описания динамики совместного существования людей (например, культурно-семантическая представленность социальных функций при совместном использовании понятий «роль» и «идентичность»).

Таким образом, предметная область социокультурных исследований определяется как зона смыслового пересечения взаимодополнительных,

взаимосовместимых социологических и культурно-антропологических понятий. В обеих науках существуют классические методы, которые при более полном их использовании оказываются вполне применимыми в социокультурных исследованиях:

– функциональный, позволяющий выделить основания социальной, понять значимость для индивидов и общества определенной устойчивой социальной и культурной единицы; ожидаемые и непредвиденные последствия взаимодействия таких единиц;

– структурный, обеспечивающий способы построения социокультурных форм; в структурной антропологии – позволяющий выявить устойчивые связи между символическими объектами;

– семантический, с помощью которого изучается содержание социокультурной жизни, ее символическая представленность в знаковой и символической форме;

– динамический, предназначенный для выявления причин, форм и движущих сил социокультурных изменений и процессов;

– системный, обуславливающий построение непротиворечивой теоретической концепции социокультурного исследования: зон пересечения социологического и культурно-антропологического анализа, логического перехода между ними.

Предметная область пересечения социологического и культурно-антропологического знания

Чтобы обеспечить равноправие социологического и культурно-антропологического измерений при изучении совместного существования людей, следует выделить основные понятия из обеих наук, которые позволят очертить область их совместного использования.

Эта область в целом может быть представлена такими общими понятиями, как социокультурная реальность, социокультурное пространство, социокультурные отношения и связи, социокультурные изменения и процессы. Содержание каждого понятия требуется пояснить с точки зрения сочетания их социальной и культурной составляющей.

Социокультурная реальность представляет собой философскую категорию, очерчивающую границы, условия, формы совместного существования людей в статике и динамике. При этом понятие «социальное» используется для указания на характер и формы отношений и связей между людьми, а «культурное» – для выявления их содержания, проявляющегося в функциях, значениях, смыслах социальных взаимодействий и коммуникаций, а также их результатов. Представление о социокультурном пространстве подразумевает методическое уточнение первого поня-

тия. Речь идет о теоретической системе измерений, определяющих упорядоченность и границы совместного существования людей. Здесь о социальной структуре можно говорить, чтобы указать на устойчивые и воспроизводимые связи между сообществами и институтами, а о культурных порядках — чтобы определить, какие виды активности и символические системы соответствуют этим связям.

Иными словами, выстраивается общий контекст совместного существования людей, где учитываются как социальные, так и культурные факторы, детерминирующие отношения между людьми в процессах их взаимодействий и коммуникаций. Социокультурные отношения — это понятие, раскрывающее содержание не столько институциональных, сколько межличностных связей. Их форма определяется представлением о социальных сетях, а содержание — концепцией культуры повседневности, рутинных форм («фреймов») взаимодействий и коммуникаций. Наконец, о социокультурных изменениях и процессах можно говорить, рассматривая динамические формы отношений между сообществами и институтами. В этом случае социальное измерение представлено сдвигами в структурах связей между ними, а культурное — формированием или деконструкцией видов активности, знаковых, символических образований.

Эти понятия в совокупности очерчивают область социокультурных исследований, позволяющих на микроисторическом уровне проследить взаимное влияние социальных и культурных факторов при поддержании или изменении форм и содержания отношений между людьми в различных областях социокультурного пространства. Их необходимость определяется значимостью тех аспектов совместного существования людей, на которые они указывают. Они могут считаться достаточными, поскольку отображают структуры и содержание, статику и динамику, контекст и события в совместном существовании людей, т.е. его основные модальности.

В социологии и культурной антропологии имеются понятия, которые оказываются логически соизмеримыми и могут использоваться как взаимодополняющие при осуществлении социокультурных исследований.

В рамках социологии фундаментальным атрибутом совместного существования людей можно считать понятие «социальное» в смысле основных форм такого существования. В контексте социокультурного исследования значимыми являются те понятийные ряды, с помощью которых можно описать и проанализировать упорядочение отношений между людьми. Соответственно, социальный аспект социокультурной реальности можно представить следующим образом:

- упорядоченность социального пространства:
 - общество: социальные структура – стратификация – сеть;
 - социальная структура: социальные институты – позиции – статусы – роли – функции;
 - социальная стратификация: социальные классы – слои – группы; – порядки в области отношений между людьми;
 - социальное взаимодействие: социальное действие – побуждения;
 - социальная коммуникация: коммуникатор – канал коммуникации – реципиент;
 - структура социального обмена (на уровнях взаимодействия и коммуникации): участники – структура обмена – направленность – результат.
- обобщенная представленность социальных порядков:
 - социальное целое: общество – социальная система;
 - характерологические состояния общества: стабильное – нестабильное;
 - характерологические состояния социальной системы: формирование – становление – установленное состояние – кризис – деконструкция; – динамические аспекты социальной целостности:
 - макродинамика: структурные трансформации – изменения – вариации институтов и массовых процессов;
 - микродинамика: смена конфигураций – изменение межличностных дистанций – вариации частоты контактов на уровне социальных сетей;
 - механизмы социальной динамики:
 - на уровне социальной целостности: функциональность – функциональная нейтральность – дисфункциональность (преднамеренная или случайная) ее составляющих;
 - на уровне социального института: активность, отвечающая – нейтральная – нарушающая (преднамеренно или случайно) в отношении нормативных требований и соответствующие позитивные и негативные социальные санкции.

В терминах этих понятийных рядов может быть представлено социальное измерение аналитического пространства, соответствующего социокультурному исследованию процессов и событий, происходящих в обществе, рассматриваемых с микросоциологической точки зрения.

Для культурной антропологии важнейшим атрибутом совместного существования людей считается «культурное», указывающее на такие его аспекты, как искусственная, созданная людьми жизненная среда; заученное поведение; содержание общественной жизни. Для социокультурно-

го исследования важно выделить соответствующие порядки по тем же параметрам, что и при определении социального. Тогда культурный аспект социокультурной реальности может выглядеть так:

- упорядоченность культурного пространства:
 - культура как целое: специализированный и обыденный уровни хранения, освоения и использования культурного опыта, зафиксированного в культурных темах и чертах;
 - специализированный уровень: предметная область – содержание деятельности – технологии – язык;
 - обыденный уровень: типичные повседневные ситуации – содержание активности – привычки – язык;
- порядки в отношениях между людьми:
 - социальное взаимодействие: содержание ситуации – интересы участников – парадигмы (консолидация, борьба, переговоры);
 - социальная коммуникация: коммуникативное намерение (термин Т.М. Дридзе) – содержание сообщения – символическая форма кодификации сообщения – понимание сообщения реципиентом;
 - структура социального обмена: культурные сходства/различия участников – предмет обмена – критерии эквивалентности – эффективность;
- обобщенная представленность культурных порядков:
 - культурное целое: здесь выделяются культурные единицы или панкультура (обобщенное представление о культурных достижениях человечества) – культурный ареал (регион) – локальная культура – субкультура, и культурная система;
 - характерологические состояния культурных единиц: они оцениваются в соответствии с эволюционной шкалой по степени сложности и организованности;
 - характерологические состояния культурной системы те же, что и у социальной системы, только речь идет о формах связей не между людьми, а между искусственными объектами (артефактами, к которым относятся идеи и образы, технологии, регулятивные образования, оценочные критерии, используемые людьми в отношениях с окружением);
- динамические аспекты культурной целостности:
 - макродинамика: смена культурных парадигм – культурная инновация – вариация культурной темы или черты;
 - микродинамика: смена локальной культурной конфигурации – изменение культурного паттерна – вариации обычаев и нравов;
- механизмы культурной динамики:
 - на уровне культурной целостности: следование культурным нормам – диффузия – независимое изобретение;

- на уровне культурного института: оправдание – критика – отвержение соответствующих нормативных и ценностных представлений;
- на уровне повседневной практики: следование привычке – вариация паттерна поведения – случайная удачная/неудачная инновация и ее закрепление в виде культурного образца.

С помощью этих культурно-антропологических представлений описывается культурное измерение социокультурного пространства. Оно вполне соответствует модели социокультурного исследования культурной микродинамики.

В построенном аналитическом пространстве, определяемом социологическим и культурно-антропологическим измерением, достаточно просто выделить в соответствии с каждым из них основные логические компоненты исследования, объединяющего оба.

Обращаясь к *исходным допущениям*, представляющим особое значение для социокультурного исследования, следует выделить вклад каждой из наук в уточнение и ограничение его познавательных возможностей. Как следует из сказанного выше, одним из базовых постулатов, относящихся к социокультурной реальности, является представление об осуществлении социального взаимодействия и сопровождающей его культурной коммуникации в организованных формах. С этой точки зрения каждой из наук соответствует своя область упорядоченности совместного существования людей:

– средствами социологии выявляется, каким образом организованы связи между людьми для реализации совместных действий на разных уровнях их рассмотрения (межличностный, межгрупповой, межинституциональный);

– средствами культурной антропологии определяются способы организации связей между артефактами, обеспечивающие взаимопонимание участников социальных взаимодействий.

На пересечении этих концептуализаций определяется, каким образом разделяемые артефакты способствуют организации совместных действий людей. Другой базовый постулат утверждает необходимость адаптации человека в его природном, социальном, культурном (естественном и искусственном) окружении. Соответственно:

– социология позволяет изучать процессы дифференциации и интеграции функций, обеспечивающих поддержание целостности социальной системы и ее связей с элементами окружения, приемлемых для обеих сторон;

– культурная антропология дает возможность рассматривать процессы дифференциации и интеграции в области оперирования артефакта-

ми в процессах поддержания социального взаимодействия и культурной коммуникации.

Совмещение обеих позиций обеспечивает теоретический инструментарий для определения культурных форм социальной адаптации человеческих сообществ в естественном и искусственном окружении.

Из сказанного следует, что субъектом построения и воспроизведения социокультурной реальности и в социологии, и в культурной антропологии является человек. Иными словами, она не изучается «сама по себе», вне человеческой активности, придающей ей динамические свойства. В то же время в рамках каждой из наук исходные представления о человеке отмечаются своеобразием:

– в социологии человек определяется суммой выполняемых им функций в рамках социальной системы, выражаемой в терминах социальных позиций, статусов, ролей, содержание которых позволяет осуществить их концептуальную связь с представлениями о культуре;

– в культурной антропологии человек определяется суммой побуждений, знаний, навыков, необходимых для участия в процессах взаимодействия и коммуникации. Она выражается в терминах обычаев, нравов, обрядов, ритуалов и др. паттернов культуры, предполагающих содержательную связь с представлениями об обществе.

Взаимное пересечение этих комплексов представлений позволяет построить концепцию образа жизни как интегративной модели жизненного цикла человека в рамках институциональных и частных порядков и процессов.

На основе этих исходных допущений можно в самом общем виде обозначить социологическую и культурно-антропологическую составляющие области изучения, соответствующей социокультурного исследования:

– в социологии *предметной областью* изучения являются связи между функциональными единицами на разных уровнях организации социальной реальности; в качестве объекта исследования принимается социальная система (группа, слой, общество);

– в культурной антропологии предметную область составляют артефакты (искусственные, не природные) объекты, которые можно разделить на следующие классы: вещи; идеи и образы; технологии взаимодействия и коммуникации; регулятивные образования, обуславливающие их воспроизведение; критерии, используемые для оценок людьми своих жизненных ситуаций; объектами исследования являются системы артефактов: черты культуры или личности; паттерны взаимодействия и коммуникации (обычаи, нравы, ритуалы и пр.); культурные темы и обусловленные ими личностные типы.

Взаимное положение областей изучения обеспечивает культурную категоризацию и классификацию ситуаций социального взаимодействия и коммуникации с устойчивыми и повторяющимися связями, позволяя определять их как типичные.

Такой исследовательский контекст определяет предметное поле изучение социокультурных событий и процессов:

– в социологии речь идет об ответе на вопрос, как возможны порождение, поддержание, трансформация и деконструкция социальных связей, социальных систем;

– в культурной антропологии рассматривается, как возможна динамика артефактов и их сочетаний (систем).

Сочетание этих теоретических позиций открывает возможности для выявления взаимных влияний социально-структурных изменений на динамику артефактов и наоборот.

Поскольку, как было сказано, объектами социокультурного исследования считаются системные образования (как правило, сконструированные на идеально-типическом уровне), следует обратиться к их социологической и культурно-антропологической интерпретации. Обычно система представляется через входы и выходы; составляющие ее элементы; связи между ними; характерологические состояния; механизмы поддержания и изменения системы как целого.

Входы, которые определяются как исходный «материал», поступающий в систему для преобразования в соответствии с ее функциональными необходимостями представлены:

– в социологии как неупорядоченность связей между людьми;

– в культурной антропологии как неупорядоченность индивидуальной и социально значимой информации.

Выходы, под которыми понимаются продукты переработки «материала», значимые как для системы, так и для ее окружения, можно обозначить:

– в социологической интерпретации как социальные структуры, стратификация, сети и их составляющие;

– в культурно-антропологическом понимании как артефакты и их объединения, имеющие социальную значимость, представленную в их разделяемых значениях и смыслах.

Единицы, которые рассматриваются как *компоненты* системы, определяются:

– в социологии как социальные институты, функциональные единицы, группы, сообщества;

– в культурной антропологии как артефакты и их объединения в такие культурные единицы, как черты, паттерны, темы.

Связи между составляющими системы рассматриваются:

- в социологии как функциональные институционализированные;
- в культурной антропологии как категоризация и классификация артефактов и их объединений.

Системы характерологические или подтверждающие самоидентичность состояния в общем виде определяются одинаково как в социологии, так и в культурной антропологии: порождение, структурирование (становление), установившееся (гомеостатическое) состояние, кризис, деконструкция или распад.

Механизмы поддержания системы в целом или в ее характерологических состояниях (кроме распада) связываются:

- в социологии – со временем и усилиями, затрачиваемыми людьми на воспроизведение повседневных практик, и институциональными нормами, правилами и социальными санкциями за их нарушение;
- в культурной антропологии – с процессами освоения культурного опыта (социализация, инкультурация, аккультурация и т.п.) через традиционное наследование или диффузию, обеспечивающими разделяемость представлений и оценок.

Механизмы изменения системы и перехода от одного характерологического состояния к другому описываются:

- в социологии через вариации функций ее составляющих; структурные трансформации; деконструкция – реконструкция;
- в культурной антропологии через вариации традиционных культурных единиц (черт, паттернов, тем); культурные нововведения (путем диффузии или независимого изобретения); деконструкция – реконструкция.

Совмещение этих представлений позволяет построить модель социокультурной системы, где социологически определяемые ее форма и структура дополняются культурно-антропологической интерпретацией содержания ее компонент и состояний.

Познавательное поле социокультурных исследований

Из всего сказанного следует, что в настоящее время есть все концептуальные основания для объединения социологического и культурно-антропологического знания в общую теоретико-методологическую модель исследований, которые можно назвать социокультурными. Прежде всего, обе науки являются логически сопоставимыми. Так, они имеют общее фундаментальное основание: и социальное, и культурное измерения совместного существования людей рассматриваются как производные их организованных взаимодействий и коммуникаций. Затем, целый

ряд используемых в них ключевых понятий пересекаются по значению, например, адаптация, порядок, взаимодействие, коммуникация, функция, структура и др. Кроме того, теоретические подходы, характерные для каждой из наук, могут использоваться как дополняющие друг друга по содержанию. Например, структурно-функциональный анализ форм социальной организации может быть дополнен семакритическим, что позволяет более дифференцированно изучать культурные вариации одной и той же социальной формы.

Далее, хорошо известно, что исследователи общества часто обращаются к его культурным аспектам (нормы, ценности, личностные черты, культурные измерения социальной стратификации и т.п.), а теоретики культуры – к ее социальным характеристикам (институционализация, социальное действие, формы коммуникации и т.п.). Известно также, что целый ряд проблем, относящихся к совместному существованию людей, средствами только социологии или антропологии оказывается неразрешимым. Например, в социологии невозможно определить механизмы социальных изменений без обращения к их детерминированности культурными факторами. Подобным же образом в культурной антропологии порождение культурных инноваций или факты культурной диффузии необъяснимы без обращения к формам и структурам социального взаимодействия.

Наконец, для решения такого рода проблем с использованием познавательных ресурсов обеих наук есть возможность построить особую познавательную область, где определенная часть их понятийного аппарата используется по принципу содержательной взаимодополняемости. Самым показательным примером в этом отношении можно считать используемое и в социологии, и в культурной антропологии выражение «общество и его культура» («культура общества»). Такая область и может быть обозначена как область социокультурных исследований.

Предметом изучения в этом случае становится совокупность основных атрибутов существования людей, обеспечивающих его совместность. С точки зрения социологии к ним следует отнести:

- организованность (упорядоченность) взаимодействий и коммуникаций между людьми (социальный обмен, символические интеракции);
- стереотипизация таких обменов и интеракций, подразумевающая воспроизводимость их форм и технологий в антропологически универсальных ситуациях взаимодействия людей с естественным и искусственным окружением;
- стандартизация подобных ситуаций, предполагающая, что можно выделить классы условий, при которых люди преследуют цели одного

порядка, используют одинаковые основания, определяющие средства их достижения, прибегают к сходным формам разделения функций;

– нормирование взаимодействий и коммуникаций в стандартных ситуациях, означающее фиксацию границ и правил реализации социальных обменов, а также санкций за их нарушение.

В таком контексте все происходящее за этими пределами можно отнести к нескольким разным категориям социальной реальности. В зависимости от результатов анализа речь может идти либо о ее неосвоенных областях, либо о результатах деконструкции социальных систем, либо о зоне перехода от одного их состояния к другому. Иными словами, на уровне социальной реальности выделяются источники социальной изменчивости.

Выделенные атрибуты можно считать необходимыми, поскольку они указывают на условия, обеспечивающие возможность социальных обменов, и на разграниченность их типов. Их можно определить как достаточные, поскольку они делают теоретически возможной воспроизводимость ситуаций совместной активности людей, обуславливающей экономно усилий, и их границ.

Культурно-антропологические атрибуты можно представить следующим образом:

– порожденность объектов человеческого окружения самими людьми (искусственность) в процессах взаимодействия и коммуникации;

– степень приемлемости искусственного окружения для совместного существования людей (источник intersубъективности в его оценке);

– символическое дублирование (на уровне культурной коммуникации) ключевых составляющих социального взаимодействия (источник конвенциональности и разделяемости знаков и символов, их значений и смыслов в стандартных социальных ситуациях);

– символическое упорядочение стандартных социальных ситуаций, способов взаимодействия и коммуникации в их рамках (категоризация, классификация); символизация их деконструкции.

О необходимости этих атрибутов для осуществления социокультурных исследований свидетельствует их прямая связь со способами символической организации воспроизводимых ситуаций социального взаимодействия и коммуникации и с изменением этих способов. Их достаточность определяется указанием на возможности коммуницирования социально значимой информации и их пределы.

Результаты совмещения атрибутов обоих классов задает область социокультурных исследований, которая включает в себя составляющие, синтезирующие социальное и культурное измерения и акценти-

рующие как статические, так и динамические аспекты социокультурной реальности.

При рассмотрении этой области в статическом плане выделяются:

– формы проявления и культурного выражения социальности, которая в рамках социокультурного исследования определяется как неизбежность совместного существования людей в природном и искусственном окружении, обуславливающая необходимость конвенциональности в построении отношений людей с его элементами;

– процессы взаимодействия и коммуникации, составляющие содержание этих форм;

– условия и ситуации совместной активности людей, выражаемые в их вещественном (природном и искусственном), социальном (структуры функциональных связей, формы социальных отношений, парадигмы социального взаимодействия), символично-культурном измерениях.

Если речь идет о динамическом аспекте совместного существования людей (затраты времени и усилий на поддержание или изменений форм, содержания, структур социального взаимодействия и коммуникации), то для его анализа необходимы следующие предпосылки:

– обоснование и построение системы социологических и культурно-антропологических показателей, позволяющих различать устойчивые и изменчивые области социокультурного пространства, в их пределах – стабильные и переходные состояния социальных и культурных систем, а также зоны неопределенности, находящиеся за этими пределами, которые можно рассматривать как потенциальные источники изменений;

– выделение категорий для описания динамики социокультурной реальности и представление их в логически совместимых терминах каждой из наук, составляющих единицы анализа и наблюдения:

· объекты изменения на базовых уровнях социального взаимодействия – вещественном (естественные и искусственные предметы), социальном (отношения и связи между индивидами, группами, институтами), символическом (знаковые и символические образования);

· социокультурные процессы, представленные такими компонентами, как единичные изменения: их сцепление (процесс); форма, содержание, направленность, скорость процессов;

· движущие силы социокультурных процессов, к которым можно отнести необходимость поддержания наличного состояния системы отношений между людьми; решить проблему, возникшую в рамках этих отношений; осуществить их деконструкцию – реконструкцию на уровне общества или института.

Заключение

Эта работа – результат поиска ответов на вопросы, в каких познавательных обстоятельствах появляется необходимость объединять представления о социальном и культурном, т.е. обращаться к социокультурному исследованию, и какой может быть теоретико-методологическая модель такого исследования.

Ответ на первый вопрос подразумевает выделение поля проблем, решение которых предполагает осуществление социокультурного исследования. Прежде всего речь идет об изучении влияния форм социальных отношений на способы их культурной представленности, а также культурных факторов на структурно-функциональную организацию социального взаимодействия. Иными словами, такое исследование целесообразно при необходимости более тонкого, чем принято сегодня, различения источников динамики в совместной жизни людей. Далее, к нему следует прибегать в сравнительных исследованиях при поиске универсальных форм и способов организации людьми своих взаимодействий и коммуникаций. В этом случае задача состоит в том, чтобы за демонстративными культурными различиями обнаружить скрытые ими общие формы социальности. Оно также имеет смысл, когда цель исследования состоит в выявлении культурно-специфичных категоризаций и классификаций, относящихся к фундаментальным связям людей с окружением. Соответственно, предметом изучения оказывается семантика социальности. Наконец, оно необходимо при совместном состоянии исследований процессов социализации (инкультурации). Сегодня стало очевидным, что сами по себе ни институционально-социологический ни личностно-культурный способы анализа не обеспечивают знаний о последствиях этих процессов для совместной жизни людей при разных состояниях социальных систем, в которых она осуществляется. Только дополнение социальных форм этих процессов культурным содержанием позволит судить об уровне культурной компетентности членов общества при выполнении ими социально значимых функций. Примерно так в самом общем виде можно обозначить проблемное поле социокультурных исследований. За его пределами такое исследование оказывается либо избыточным, либо нереализуемым.

Ответ на второй вопрос связан с выявлением способов осуществления такого исследования. При современном состоянии социальных наук они без труда обнаруживаются в рамках социологии и культурной антропологии. Прежде всего, как было показано, для них характерны общие исходные основания, «гипотезы о человеческом мире», которые позволяют говорить о возможности логического объединения их познаватель-

ного инструментария. Далее, сопоставление категориального аппарата общих наук применительно к выделенному проблемному полю показало, что соотношения соответствующих им понятий различны. По значению часть из них полностью тождественна, часть совпадает в зонах логического пересечения, часть характеризуется взаимной дополнительностью. Следовательно, совместное использование терминологии обеих наук оказывается возможным. Наконец, следует остановиться на способах такого использования. Совершенно очевидно, что ни бездумное перенесение понятий из одной науки в другую, ни попытки переинтерпретации категорий одной в терминах другой в познавательном отношении безуспешны. Предлагается применительно к выделенному предметному полю сопоставлять такие понятия по содержанию и строить логические схемы их совместного использования.

Таким образом, все сказанное свидетельствует о том, что систематическое рефлексивное социокультурное исследование возможно. Его теоретические и методологические основания обнаруживаются при совмещении социологического и культурно-антропологического способов познания в рамках проблемного поля, где оно оказывается необходимым и возможным.

ЛИТЕРАТУРА

- Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003.
Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.
Морфология культуры. Структура и динамика. М., 1994.
Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М., 2004.
Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972.
Alexander J. C. Neofunctionalism and After. Malden, MA, 1998.
Handbook of Method in Cultural Anthropology. N.Y., 1973.
Hoover K., Donovan T. The Elements of Social Scientific Thinking. N.Y., 1995.
Lash S. Sociology of Postmodernism. L.—N.Y., 1991.
The Sociology of Culture. Oxford, UK, USA, 1994.

Ю.М. РЕЗНИК

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: ПРЕДМЕТ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СТАТУС

Уточнение понятия «социальная теория»

В последние годы в научной литературе для обозначения общетеоретического знания в области социальных наук активно применяется термин «*социальная теория*». Его введение в научный оборот приписывают Флориану Знанецкому, одному из авторов знаменитой работы «Польский крестьянин в Америке».

В социально-научной литературе понятие «социальная теория» еще окончательно не прижилось. Часть ученых используют его как аналог термина «теория социологии», другая — понятия «социальная философия» (или «философия общества»), третья — понятия «теория социального вопроса» и т.д. Поэтому на сегодняшний день социальная теория имеет несколько значений.

Во-первых, социальная теория на ранней стадии своего развития сопряжена с теоретической рефлексией по поводу политической эмансипации народа. Не случайно Ханс Фрайер называл социологию «наукой политического народа». Социальная теория призвана изучать переломные моменты общественного развития, связанные с политическими революциями и катаклизмами, сменой эпох, цивилизаций. В этом плане она есть «политическая» дисциплина.

В разные периоды социальная наука становится инструментом политической элиты, используемым для изменения представлений (идей, идеалов, картин, моделей) о социальной реальности. В ее основе лежал определенный идеал общественного строя. Для одних таким идеалом выступал социализм, для других — либеральная демократия. Считалось, что социальная наука должна внедрять этот идеал в социальную реальность.

Так, например, исходным пунктом теоретического мышления Роберта Михельса является социализм, предполагающий возможность свободного и осознанного индивидуального существования, при котором не только устранены все источники эксплуатации, но и все причины угнетения, унижения и покорности¹. При таком понимании социализм фак-

¹ См.: Немецкая социология / Отв. ред. Р.П. Шпакова. СПб., 2003. С. 249.

тически отождествляется с персонализмом как формальным выражением интересов отдельной личности, а не народа, пролетариата и прочее.

Еще дальше в подобном понимании предмета социальной теории идет другой немецкий социолог *Франц Оппенгеймер* (1864–1943). Социология представляется ему как метод решения «социального вопроса». Он предлагает третий путь между капитализмом и безрыночным коммунизмом советского типа, а именно – *либеральный социализм*, который сочетает рыночную экономику с отсутствием эксплуатации и социального неравенства. Цель такого социализма – формирование супрасоциального человека, свободной, автономной и гармоничной личности².

Призыв к трансформации социальной теории в теорию социальной политики содержится и в работах других социальных ученых первой половины XX в. *Эдуард Хайман* (1889–1967) в своей работе «Социальная теория капитализма» анализирует духовные и исторические корни социальной политики и ее влияние на капиталистическое производство³. Социальный вопрос он понимает как проблему социальной несвободы и унижения человеческого достоинства.

Однако в сегодняшних условиях социальную теорию недостаточно рассматривать только как теорию социального вопроса. Призыв к эмансипации народа, не теряя своей актуальности в настоящее время, трансформируется с течением времени в идею формирования гражданского общества как союза свободных и автономных личностей, их ассоциированных организаций. В XX в. социальная теория утверждается как теория, выражающая идеологию гражданского общества.

Во-вторых, социальная теория рассматривалась в середине прошлого века как переходная стадия «в трансформации ранней социальной мысли в современную социологическую теорию и исследования...»⁴. Так, по мнению Г. Беккера и А. Боскова, «социальная теория возникает как вспомогательная область общественной мысли, когда социальные явления рассматриваются с какой-то степенью объективности и когда мыслители и философы занимаются обобщенным описанием и объяснением социальных явлений так, как они на самом деле происходят, а не так, как им “следовало быть”»⁵. В этой связи Г. Беккер и А. Босков выделяют два типа социальной теории: *редукционистские*, стремящие-

² Там же. С. 290.

³ Там же. С. 301.

⁴ Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 17.

⁵ Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961. С. 16–17.

ся объяснить социальные явления несоциальными факторами (физическими, географическими, климатическими и пр.), и *протосоциологические*, предшествующие непосредственно появлению современной научной социологии⁶.

В-третьих, еще одно значение социальной теории, приписываемое слабым попыткам концептуализации так называемой социальной сферы общества, не получило широкого распространения. Оно характеризует один из результатов бюрократической регламентации социального знания, а именно – конституирование псевдотеории социальной сферы, которая понимается как отдельно взятая сфера общества, т.е. как социальное в узком смысле. Спекуляции на эту тему продолжаются и по сей день, обнаруживая беспомощность их носителей в попытках найти свое место в социальной науке.

В-четвертых, социальная теория охватывает наиболее общие теоретические представления о социальной реальности, которые лежат в основе всех социальных наук. Именно к такому типу теории относятся, с нашей точки зрения, общая теория социального действия Т. Парсонса, «диалектическая» теория Ж. Гурвича, теория самореферентных систем Н. Лумана, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, «общая теория социального существования» Э. Тирикьяна, теория структуризации Э. Гидденса, теория социального пространства П. Бурдьё и другие. В известном смысле теория современного общества также обладает всеми признаками социальной теории. Однако ее научный статус необходимо определить более точно.

Э. Гидденс предлагает использовать термин «социальная теория» для обозначения проблем, волнующих все общественные науки: природа и характер человеческой деятельности⁷. И далее: «Социальная теория» – довольно размытый термин, хотя он и чрезвычайно полезен нам. С моей точки зрения, «социальная теория» подразумевает анализ широко распространенных философских проблем, но не является философией в полном смысле этого слова⁸.

Социальная теория в понимании Гидденса есть продукт совместных усилий разных дисциплин, изучающих организацию общества и деятельность его членов и групп⁹.

Моя позиция в этом вопросе известна. Она близка к точке зрения Гидденса. Мои представления о структуре и основных понятиях соци-

⁶ Там же. С. 17-18.

⁷ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003. С. 10.

⁸ Там же. С. 11.

⁹ Там же. С. 626.

альной теории изложены в серии книг «Введение в социальную теорию» (в 3 ч.), которая вышла в 1999–2003 гг.¹⁰. Социальная теория – это общая концептуальная и методологическая часть социальных наук, охватывающая круг «универсальных» проблем социума и прежде всего проблемы институционализации, структурной организации социума, социальной дифференциации и социальных изменений, которые находятся в центре внимания всех социальных наук, а не только социологии¹¹. Их междисциплинарный статус сегодня уже никто не оспаривает, хотя каждый социальный исследователь стремится «присвоить» или «закрепить» эти проблемы за своей областью научного знания.

Я не знаю, кто сегодня осмелится, например, называть общую теорию социального действия Т. Парсонса чисто социологической или сугубо социально-философской. Да и сам Парсонс никогда не считал, что он занимается только социологией.

Приведу другой пример: теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, в которой раскрываются проблемы рациональности, а также соотношение «системного» и «жизненного» миров. Вряд ли кто отнесет его к «чистым» социальным философам или социологам, не прибегая к определенным натяжкам и преувеличениям.

Вместе с тем, социальная теория сегодня – это особый стиль теоретизирования и познания социальной реальности, совмещающий в себе философские выводы и общие положения социально-научных дисциплин. Такое социальное конструирование реальности уже невозможно без учета всего контекста жизни и деятельности самого ученого. Это теория о том, как исследователь конструирует социальную реальность не с позиции внешнего и отстраненного наблюдателя, а присутствуя («живя») в ней постоянно. Напротив, его теоретическое существование есть момент самопрезентирующей экзистенции, полагающей себя вовне в качестве субъекта.

¹⁰ См.: Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Ч. 1. Социальная эпистемология. М., 1999; Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Ч. 1. Социальная онтология. М., 1999; Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Ч. 1. Социальная системология. М., 2003.

¹¹ Приведем близкую нам позицию Э. Гидденса. «Социальная теория, – считает он, – должна охватывать те проблемы, которые имеют значение для всех социальных наук. Это проблемы, связанные с природой человеческого действия; проблемы взаимодействия членов общества и проблемы отношения этого взаимодействия с институтами общества, а также проблемы применения и практических последствий социального анализа... Социологическая теория должна рассматриваться как часть общей социальной теории, а не как нечто совершенно самостоятельное». (См.: Современная западная теоретическая социология. Вып. 3. Энтони Гидденс: Реф. сбор. М., 1995. С. 43.)

2. Объект и предмет социальной теории

Так что же является объектом и предметом социальной теории?

Объектом социальной теории является, на мой взгляд, социум, рассматриваемый с точки зрения его «внутренних» связей, т.е. связей между отдельными сферами или подсистемами. Однако такая формулировка явно нуждается в уточнении.

Приведем сравнительную характеристику объектов социальной теории и сопряженных с ней уровней социального познания (см. табл. 1).

Сравнительный анализ объектов социальных наук, проделанный нами в первом разделе и приведенный в общих чертах в данной таблице, показывает, что социальная теория в отличие от других наук претендует на изучение интегративных процессов и явлений социальной жизни людей. Эти явления и процессы имеют «сквозной» характер, т.е. пронизывают собой все стороны социума. Однако теоретическое выражение социального имеет свои пределы и познавательные границы. Оно не может претендовать на универсальность, поскольку такую задачу берет на себя социальная философия.

Признание «внутренних» и «интегративных» связей социума, социальной реальности в качестве предмета социальной теории требует дальнейшей конкретизации.

Приведем теперь некоторые варианты построения предметной области современной социальной теории.

Представитель «диалектической» ориентации в социальной теории *Ж. Гурвич* (1894–1965) стремился к созданию общей науки о социальной реальности на основе интеграции познавательных возможностей истории и социологии. Объект такой интегративной науки – «целостные социальные феномены», выступающие как результаты или продукты коллективного творчества людей на различных уровнях социальной реальности.

Среди американских теоретиков идею общей социальной теории, высказанную и обоснованную классиками социальной мысли, развивает далее *Э. Тирикьян*. Он строит свою «общую теорию социального существования» на фундаменте феноменологической философии и социологии, переосмысливая определенным образом классическое наследие социальной науки. Социальная реальность рассматривается в рамках такой теории как «глобальный феномен intersубъективного сознания»¹².

Необходимость такой теории *Э. Тирикьян* выводит не только из своего понимания природы социальной реальности, но из сравнительного анализа предметных сфер различных социальных наук и прежде всего – социологии и культурной антропологии. Ни одна из них не может пре-

¹² См.: Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977. С. 143–144.

Табл. 1.

Уровень и тип социального познания	Типы объектов научного социального познания		
	Метаобъект	"Главный" объект	"Субобъекты"
1. Метанаучное социальное познание:			
Социальная философия	Мир в целом (универсум)	Социум, социальная реальность в контексте их "внешних" связей (например, социальное и природное или биологическое)	Социальное в контексте его "внутренних" связей; компоненты социума (личность, культура, социальная система)
2. Общенаучное (общетеоретическое) социальное познание:			
Социальная теория	Социум, социальная реальность в контексте их "внешних" связей	Социум в контексте его "внутренних" связей (т.е. связей между личностью, культурой и обществом)	Социальные системы (общества, социальные группы, коллективы и группы)
3. Конкретно-научное социальное познание:			
Общие социальные науки (социология, социантропология и социопсихология)	Социум в контексте его "внутренних" связей	Социальные системы (общества, социальные группы, коллективы и группы)	Компоненты социальных систем (политика, экономика, право и другие институциональные системы)

тендовать на статус общей социальной теории, поскольку каждая такая наука сосредотачивает свое внимание лишь на изучении определенного среза социальной реальности. Так, социология «реифицирует непосредственно видимое — институциональную систему, принимая ее за истинную структуру общества»¹³.

На самом деле истинной структурой общества выступает, по Тирикьяну, культура как многослойная система символов и соответствующих им ценностных ориентаций. Культура является основой, конституирующей социальную организацию всех существующих обществ, а не только «примитивных обществ», которые традиционно изучает культурная антропология. Вот почему последняя не может претендовать на статус науки, исследующей «глубинные», «истинные» структуры существования человека, отделяя их от поверхностных, институциональных феноменов. «Общая теория социального существования» должна понимать социальную реальность во всей ее сложности и глубине, т.е. быть способной соотносить видимую часть айсберга (институциональную жизнь) с его невидимыми слоями — латентными социальными структурами, коренящимися в глубинных слоях культуры и личности¹⁴.

Н. Луман относит социальную теорию к классу супертеорий. «Супертеории, — подчеркивает он, — это теории с универалистскими (то есть

¹³ Там же. С. 148.

¹⁴ См.: там же. С. 150-151.

включающими саму себя и свои альтернативы) притязаниями. Ведущие дифференциации есть различия, которые управляют возможностями переработки информации. Эти ведущие дифференциации могут обеспечить качество господствующей парадигмы, если организуют супертеорию таким образом, что общая переработка информации практически следует ей»¹⁵.

Именно такой супертеорией Луману представляется современная теория социальных систем. Он рассматривает ее как теорию системной дифференциации, которая делает акцент не на соотношении целого и части, как предшествующие системные теории, а на разграничении системы и окружающего мира, в т.ч. окружения внутри самой системы.

Ю. Хабермас, анализируя состояние современной социальной теории, приходит к выводу, что необходимо ввести новые теоретические горизонты в познание социального мира. Он предлагает обратиться к рассмотрению трех тематических комплексов, связанных с разработкой понятий «коммуникативное действие», «коммуникативная рациональность», «жизненный мир».

Это: 1) проблемы коммуникативной рациональности, противостоящей, как известно, инструментальному разуму; 2) двухступенчатая концепция общества, которая связывает парадигмы системного мира и жизненного мира; 3) теории модерна, которые объясняют сегодняшние социальные патологии, указывая на подчинение коммуникативно структурированных жизненных сфер императивам формально организованных систем действия¹⁶. «Теория коммуникативного действия, — подчеркивает далее Ю. Хабермас, — призвана сделать возможной концептуализацию общественной жизненной связи, сообразующуюся с парадоксами модерна»¹⁷.

Если у Н. Лумана социологическая теория является составной частью общей социальной теории, то у Ю. Хабермаса и социология, и культурантропология оказываются недостаточными с точки зрения своих теоретических оснований. Последний указывает не просто на тесную связь этих наук с социальной теорией, но и выявляет их исходные основания — структуры жизненного мира, лежащего в основе социального сообщества и культуры, рациональность и рационализацию общества и культуры и прочее. Все это делает настоятельной потребность в построении теории

¹⁵ Современная зарубежная социология (70–80-е годы): Реф. сбор. М., 1993. С. 200.

¹⁶ Современная западная теоретическая социология. Выпуск 1. Юрген Хабермас: Реф. сбор. М., 1992. С. 58.

¹⁷ Там же.

коммуникативного действия, которая способна связать воедино метатеоретические и методологические вопросы.

«Социальная теория, — считает Э. Гидденс, — должна охватывать те проблемы, которые имеют значение для всех социальных наук. Это проблемы, связанные с природой человеческого действия; проблемы взаимодействия членов общества и проблемы отношения этого взаимодействия с институтами общества, а также проблемы применения и практических последствий социального анализа... Социологическая теория должна рассматриваться как часть общей социальной теории, а не как нечто совершенно самостоятельное»¹⁸.

Теория структуризации, формулируя задачи общей социальной теории, имеет определенный социологический уклон, поскольку опирается на изучение современных обществ. Его главной задачей Э. Гидденс считает переосмысление дуализма социального субъекта и объекта как дуальности (двуединства)¹⁹.

П. Бурдьё, соотечественник Ж. Гурвича, является одним из самых известных у нас представителей современной социальной теории Франции. Суть своего подхода он определяет в двух словах. Это — «конструктивистский структурализм». Причем, структурализм Бурдьё понимает в смысле признания объективного существования структур внутри социальных систем вообще, а не только в системах языка, символов и пр. По его мнению, в генезисе социальных систем принимают участие не только модели восприятия и мышления людей, но и не зависящие от их воли и сознания социальные структуры. Дух конструктивизма Бурдьё можно выразить при помощи одного из его наиболее ярких высказываний: «Чтобы изменить мир, — писал он, — необходимо изменить способы его творения — как общее представление о мире, так и практические пути формирования и воспроизводства социальных групп»²⁰.

Теория социального пространства предполагает не только переосмысление природы социальной реальности в дуалистическом (субъективистско-объективистском) плане, но и принципиально новую трактовку социальной теории. Она все более становится социальной топологией, *analysis situs*, т.е. учением о соотношении позиций, занимаемых субъектами в общем для них пространстве жизни.

¹⁸ Современная западная теоретическая социология. Выпуск 3. Энтони Гидденс: Реф. сбор. М., 1995. С. 43.

¹⁹ Там же.

²⁰ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и система: Альманах. Весна 1993. М., 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 140.

В отечественной социальной науке претензии на статус общей социальной теории сохранял за собой исторический материализм. Его статус определялся, как правило, двояким образом. С одной стороны, в нем выделялась собственно философская часть, именуемая обычно философией истории («материалистическое понимание истории»), а, с другой – общесоциологическая теория, выступающая непосредственным теоретическим фундаментом конкретных социологических исследований.

В 70-е гг. XX в. в болгарской литературе имела место точка зрения, согласно которой между историческим материализмом как социально-философской теорией марксизма и частными науками об обществе (экономикой, правоведением и пр.) находится социология, изучающая взаимосвязь между главными общественными явлениями, т.е. структуру общества в целом.

В конце 80-х – начале 90-х взгляд на исторический материализм (и социальную философию вообще) как общетеоретическую основу социологии и других социальных наук стал постепенно преодолеваться. Вместе с тем, оказались возможными поиски новых теоретических оснований социально-научного знания. Впервые в отечественной литературе термин «социальная теория» стал рассматриваться наряду с понятиями «социальная философия», «общесоциологическая теория».

По мнению белорусских ученых, в теоретической социологии при определении предметной области на первый план выступила категория «социальное», понимаемая в узком смысле, т.е. как одна из сторон общественной жизни.

Главными недостатками такого подхода они считают, во-первых, возрождение прежней дилеммы: что изучать – социальные действия или отношения? Во-вторых, ставится проблема правомерности использования в социологии институционального анализа как одной из форм общетеоретического анализа. И, в-третьих, возникают проблемы с определением самого понятия «социальное». Выделение социальных явлений и отношений в отдельную сферу, существующую наряду с экономическими, политическими и духовными процессами, не может быть строго обоснованным. Социальными являются любая связь или действие индивида или группы в обществе, которые связаны с поведением других индивидов и групп²¹.

Итак, если объектом социальной теории выступает социум как исторически определенная целостность, то ее *предметом являются устой-*

²¹ См.: Методологические основы социологии: Социология как наука: Учебное пособие: В 2 ч. Ч. 1. / Елсуков А.Н., Писаренко И.Я., Абушенко В.Л., Лимаренко А.П. Мн., 1992. С. 69-70.

чивые, повторяющиеся, типичные и существенные связи, определяющие его «внутреннее» строение и «внутреннюю» логику развития.

Предметное содержание социальной теории можно представить в виде трехуровневой системы.

Во-первых, это — существенные связи между «главными» явлениями социума (личностью, культурой и социальной организацией). Они характеризуют содержание социально-философской части социальной теории, так как нуждаются не только в научном, но и в метафизическом обосновании.

Во-вторых, выделяются «интегративные» и «организационные» связи, характеризующие процессы объединения людей в социальные организации или системы. Эти связи и процессы получили название институционализации или, иначе говоря, институциональных связей и процессов.

Именно последние выражают, с нашей точки зрения, качественную определенность социальной реальности и своеобразие предметной области социальной теории.

Наконец, *в-третьих*, предметное содержание социальной теории дополняется еще одним уровнем — уровнем отдельных «социальных фактов» или «целостных социальных феноменов», исследование которых требует теоретического обобщения.

Статус и междисциплинарные связи социальной теории

Каково же место социальной теории в системе комплексного социального познания? На основании проделанного нами сравнительного анализа предметных сфер социальных наук необходимо отметить, что социум (как «конкретно-историческая социальная реальность») выступает своего рода «метаобъектом» всего социально-научного познания, которое дифференцируется внутри себя в зависимости от выделяемых субуровней или «субобъектов», определяющих познавательный ракурс той или иной научной дисциплины.

Научный статус социальной теории уже описан нами в общих чертах выше. Как известно, она занимает «промежуточное» место между общими науками о социальной системе (социальной антропологией, социологией и социальной психологией) и социальной философией, являясь одновременно общей концептуальной базой частных социальных наук — экономики, политологии и права.

Другими словами, социальная теория — это *общетеоретическая основа социальных наук*, служащая областью их пересечения и концептуального синтеза. То, что является метаобъектом (т.е. социум и его компо-

ненты) для конкретных социальных наук, выступает для нее «главным» объектом изучения. В свою очередь, различные социальные системы, являющиеся «главными» объектами социальных наук, становятся субъектами социальной теории.

Таким образом, социальная теория состоит, с одной стороны, из положений и концепций социально-философского и общетеоретического характера (общая социальная теория), а, с другой — из теоретических положений, служащих базисом социальных наук (специальные социальные теории).

Поясним сказанное. Социальная теория охватывает не весь объект социальной философии (социум в контексте его «внешних» и «внутренних» связей), а лишь его «внутренние» интегративные связи, обусловленные логикой собственного развития социума.

Отечественные исследователи также приходят к осознанию необходимости разработки общих проблем социальной теории, выходящих по своему статусу или уровню абстракции за пределы собственно философского и социологического теоретизирования.

Так, Ю.Н. Давыдов, определяя статус социальной философии в ее узком понимании, по сути дела характеризует предмет и задачи собственно социальной теории, выделившейся и обособившейся из теоретической социологии. Такая теория является результатом «вторичной» дифференциации социальных дисциплин, когда в недрах общей социологии, сохраняющей еще «родимые пятна» социальной философии, складывается общетеоретическое знание, которое может стать основой новой научной дисциплины.

Социальная философия в ее более узком смысле (*т.е. как социальная теория. — Выделено Ю.П.*) — это, по мнению Ю.Н. Давыдова: 1) раздел теоретической социологии, посвященный осмыслению предельно широких проблем и антиномий, нуждающихся в помощи философского умозрения и абстракции; 2) теория социального познания, т.е. исследование «условий, предпосылок и понятийного аппарата науки об обществе, который находится в тесной связи с общеполитической гносеологией»; 3) особая область «рефлексивного» осмысления общества, сопровождающаяся критикой используемых социологических понятий²².

Мы согласны с Ю.Н. Давыдовым в том, что социальная философия в узком смысле (т.е. как социальная теория в нашем понимании) складывается по мере «эмансипации» от философии таких специфических

²² История теоретической социологии: В 5 т. Т. 1. От Платона до Канта (Предыстория социологии и первые программы науки об обществе). М., 1995. С. 22-23.

социально-научных дисциплин, возникших в ее лоне, как политическая экономия, антропология и – в особенности – социология²³.

Проблема выделения и обоснования общетеоретического ядра социальных наук была разработана уже в XX в. представителями неомарксизма, которые попытались объединить социологический, психологический и философско-антропологический подходы к анализу категорий и понятий социальных наук. Они сосредоточили внимание на рефлексии теорией своей социальной обусловленности и на критике собственных научных оснований²⁴.

В то же время трудно провести искусственную границу между социально-философским и социально-теоретическим уровнями познания. «В отличие от социологии, – отмечает А. Леденева, – современная социальная теория включает анализ проблем, пересекающихся с философскими. Это обусловлено, однако, не механическим включением вопросов философии в область рассмотрения, а последовательной разработкой теоретических оснований социальной теории и переосмыслением ее статуса»²⁵.

И далее. Социальную теорию следует рассматривать как научную дисциплину нового поколения, «направленную на расширение горизонтов наших представлений и доказательство относительности существующих интерпретаций, каковы бы они ни были»²⁶.

Следовательно, по характеру решаемых проблем социальная теория занимает *«промежуточное» место между общими науками о человеке и обществе (социальной антропологией, социологией и социальной психологией) и социальной философией.*

Социальная теория представляет собой, таким образом, органический синтез социально-философского учения об обществе и теоретического ядра общих социальных дисциплин, изучающих различные стороны жизнедеятельности людей в обществе.

Социальная теория, будучи общей теорией социальной реальности, сосредотачивает свое главное внимание на изучении «интегративных», «сквозных» явлений социальной организации (системы) и других сторон социума (личность, культура и пр.).

Социальная теория, понимаемая как совокупность специальных теорий, включает некоторые исходные концепции общих социальных наук

²³ Там же. С. 23.

²⁴ Там же. С. 23-24.

²⁵ Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас: Учеб. пособие. Новосибирск, 1995. С. 10.

²⁶ Там же. С. 14.

(теории социального действия, теории социального взаимодействия, теории социальных групп, социальных систем и т.д.), связанные с изучением специфики отдельных фрагментов или аспектов социальной организации. По сравнению с ними социальная теория есть общая теория социальной организации.

И в том, и в другом случаях социальная теория представляет собой единое целое и может рассматриваться, следовательно, как отдельная научная и учебная дисциплина. Ее самостоятельный статус в системе социально-гуманитарных наук обусловлен тем, что она лишена каких-либо претензий на отдельную отрасль научного знания. Ее вполне устраивает «промежуточное», междисциплинарное положение.

Целостность самой социальной теории определяется характером решаемых ею проблем. Это – проблемы взаимодействия и интеграции основных компонентов и сторон социума (личности, культуры и социальной организации) с учетом рассмотрения последней как приоритетной сферы изучения.

Наряду с социальной теорией, образующей общетеоретический «каркас» социальных наук, необходимо выделить уровень прикладных подходов, совокупность которых получила название *социальной инженерии*.

Последняя объединяет, как известно, законы, механизмы, средства и методы прикладных социальных наук (социологии, антропологии и социальной психологии), ориентированные на обоснованное изменение или поддержание (воспроизводство) различных социальных систем – институтов, организаций и групповых общностей²⁷.

Совершенно очевидно также, что современная социальная теория должна быть обоснована и с точки зрения требований *лингвистики* и *семиотики*.

²⁷ См.: Резник Ю.М. Социальная инженерия как средство обеспечения управления: Учебно-методическое пособие. М., 1996; Социальная инженерия: Курс лекций: В 2 ч. Ч. 1. Теоретико-методологические проблемы. / Под ред. Ю.М. Резника, В.В. Щербины. М., 1994; Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления: Учеб. пособие. М., 1993; Социальная инженерия: Сборник трудов семинара / Под ред. Ю.М. Резника, В.В. Щербины. М., 1996; Попова А.В. От социологического анализа к социальной инженерии // Социол. исслед. 1988. № 1. С. 26-32; Резник Ю.М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социол. исслед. 1994. № 2. С. 87-95; Резник Ю.М. Социальная инженерия в системе социологического образования // Социол. исслед. 1994. № 5. С. 14-21; Резник Ю.М. Формирование институтов гражданского общества: социоинженерный подход // Социол. исслед. 1994. № 10. С. 21-30; Резник Ю.М. Институциональный подход в социальной инженерии // Социальная инженерия: Сбор. трудов семинара. М., 1996. С. 28-50; Сысоева Л.Д. Социальная инженерия и специфика промышленной социологии // Социол. исслед. 1984. № 1; Щербина В.В. Проблемы технологизации социоинженерной деятельности // Социол. исслед. 1990. № 8. С. 79-86 и др.

Таблица 2.

Философские дисциплины		
	Социальная философия	
"Общие" социальные науки		
	Социальная теория	
Социология	Социоантропология	Социопсихология
	Социальная инженерия	
"Частные" социальные науки		
Экономическая наука	Политическая наука	Правоведение
	Социальная история	
Исторические науки		
	Социальная лингвистика и семиотика	
Гуманитарные дисциплины		

Таким образом, мы вплотную подошли к уточнению междисциплинарного статуса социальной теории и ее конкретного места в структуре социальных, философских и гуманитарных дисциплин.

Схематически место социальной теории в системе социальных, философских и гуманитарных дисциплин можно изобразить следующим образом (см. табл. 2)²⁸.

Каковы же общие характеристики социальной теории?

Социальная теория является, *во-первых, интегральной теорией*, чем объясняется ее обобщающий, синтезирующий и генерализирующий характер.

Во-вторых, данная теория относится к числу *«интертеорий»*. Согласно такому статусу теория «развертывается как пучок, сериал относительно самостоятельных моделей-описаний предметной области» — закономерностей и механизмов возникновения, функционирования и развития социальных систем (организаций)²⁹.

В-третьих, социальная теория есть *метатеория*, которая вместе с философией социальной реальности составляет уровень метанаучного социального познания³⁰.

²⁸ Как видно из приведенной выше схемы, из всех социально-гуманитарных дисциплин к социальной теории ближе всего стоят социальная философия, представляющая группу философских дисциплин и являющаяся непосредственным фундаментом социальной теории, социальная история (или история социальных отношений), выражающая историческое измерение развития социальности, а также социальная лингвистика и семиотика, изучающие соответственно социальное и культурное содержание знаковых, в т.ч. языковых систем.

²⁹ См.: Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994. С. 85.

³⁰ Термин «meta» греческого происхождения. Он означает буквально «после», «за», «между». В логике и лингвистике метатеорией называют теорию, которая описывает структуру, методы и свойства другой (предметной) теории. Метатеория представляет собой ре-

Таким образом, социальная теория определяет познавательные границы конкретно-научного понимания социального мира. Она органически соединяет между собой уровни социально-философского и социально-научного познания современного социума.

флексивно-критическое изучение как собственных предметных оснований, так и оснований всех социальных наук. Именно поэтому она выступает общей предпосылкой построения и развития метатеорий конкретных дисциплин – социологии, антропологии, психологии и пр. Так, например, метасоциология занимается изучением «существующих эпистемологических и методологических структур социологии вообще, равно как и ее различных компонентов – концепций, теорий, моделей, методов и пр.» (Социология. Основы общей теории: Учеб. пособие / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М., 1998. С. 71).

Социальная теория и общество

П.К. ГРЕЧКО

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПОНЯТИЙНОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКАЯ УСТРЕМЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Востребованность социальной теории предстает перед нами разными истоками или объяснениями. В настоящей работе нам бы хотелось подробно рассмотреть образовательную перспективу данного вопроса. С нее, в плане развивающейся последовательности, и начинается собственно научная тематизация намечаемого таким образом дискурса.

От сказанного резонно перейти к общей характеристике нашей системы образования. Чем гордится российская система (социально-гуманитарного) образования? Тем, что мы лучшие в мире. Может, оно и так, только вот незадача: мир об этом почему-то не догадывается, не знает. А мы, выходит, не извлекаем уроков из прошлого, не учимся на собственных ошибках. Ведь подобное, и притом по «большому счету» – на макроуровне, уже было, помните: «Мы не пашем, не сеем, не строим – мы гордимся общественным строем». Догордились до того, что пришлось делать перестройку – общую, системную. Похоже, рано успокаиваться, перестройку, надо продолжать – теперь уже в отдельных сферах или областях, и конкретно, со знанием специфики, в деталях. Эффемизмами типа возрождения-преображения или модернизации тут явно не обойтись.

А еще – чем еще знаменита наша система образования? Есть официальный ответ: фундаментальностью и систематичностью.

Фундаментальность в образовании переоценить трудно. В конце концов, именно она питает своими соками всю инновационную деятельность педагогов и ученых. Вместе с тем, сама по себе фундаментальность, воспользуемся терминологией Фр. Бэкона, светоносна, а не плодоносна. Ее плодоносность почти целиком переносится на то, что ей противостоит и

одновременно ее продолжает – на разработки и проекты прикладные, «отраслевые», непосредственно удовлетворяющие потребности и запросы практики, жизни.

Так что там, где нет прикладного, не очень-то нужно и фундаментальное. Отсутствие качественных рыбопродуктов и неумение сохранять их полезные вещества при приготовлении вряд ли заменит знание места хордовых в эволюции жизни на Земле. Неумеренно акцентируя фундаментальность, мы рискуем недооценить важность прикладных направлений в образовательной и научно-академической работе. Без своего же прикладного продолжения-завершения фундаментальность вырождается в схоластику и теоретизм (абстрактно-общую концептуальность). Нет, мы не сторонники ползучего эмпиризма или бескрылого прагматизма.

Теория (фундаментальная разработка) не должна идти по рельефу практики, жизни, но и не реагировать на эту прагматику бытия она не имеет права. Нужно искать золотую середину: держать исследовательскую дистанцию, приподниматься, но не отрываться. Обозначать, хотя бы пунктиром, связь фундаментального с прикладным.

В нашем, отечественном, социально-гуманитарном образовании много не артикулированного, стихийного, с трудом угадываемого, доминирует не слово-логос, а слово-образ, притом образ размытый, неопределенный, никак (рационально) не причесанный. Безмерно эксплуатируются риторические фигуры речи, остроумие, начитанность, литературность, – словом, красное словцо, у которого нет и не может быть «сухого», предметно фиксируемого, функционально обзриваемого, практически-смыслового, «остатка». Между тем, членораздельная артикулированность, которую несет с собой слово-логос, является важнейшим условием любой аргументированности, а через нее – действенной и продуктивной связи теории с практикой.

Здесь мы подходим к систематичности в смысле системосозидаемости, которой страдают наши образовательные практики, как и большинство издаваемых у нас работ. Отличительное ее свойство – стремление ничего не упустить, охватить как можно больше, перечислить все и вся. Проще говоря, все свои проблемы наши гуманитарные умы предпочитают начинать с «самого начала» – с Фалеса, если выражать сию мысль языком философии. Важно, однако, понять, что времена теперь другие: некогда степенные реки знаний превратились нынче в бурные потоки информации, в которых легко потеряться и утонуть. «Объять необъятное» нельзя было никогда, а тем более в наши дни, в ситуации информационного бума. Бум этот только на поверхности однороден, гомогенно

шумлив, внутренне же он испещрен линиями дифференциации и квантификации.

Мы живем сегодня, без преувеличения, в мире блик-, или клип-, культуры. Не сплошное, полное и исчерпывающее, а «сетевое», хаотично-квантифицированное знание – вот реальная информационная среда любого познавательного процесса. Современный студент (учащийся) стремится сам создавать картину предмета с помощью тех отдельных (будем надеяться, и добротных) порций, «частей» информации, в которых концентрированно выражается исследование каких-то (не обязательно всех) его сторон. И важно не сбивать его с этого индивидуально-творческого пути.

Выступая против систематичности, мы в то же время настаиваем на системности. Исследованию социально-гуманитарного мира с его понятной всем «огромностью» без нее никак не обойтись. Строится системность на знании логики (и эвристики) перехода от отдельных частей-вопросов (круг их, естественно, ограничен) к целому, к показу целостности конкретно-аспектного знания. Системность позволяет с помощью одного, но тщательно проработанного вопроса открыть окно (пусть форточку) в проблемную неисчерпаемость исследуемого предмета.

Системность, в отличие от систематичности, есть знание того, как и за счет чего части соединяются, когерентно подгоняются друг к другу, как они растут в целое. Отсюда уже новая проблема – отобрать такие вопросы, которые бы с успехом выводили в мир большой («целой») науки. На первом месте опять же не полнота, а репрезентативность, или проблемная «узловатость», конкретно идентифицированных вопросов. Репрезентативность как выборность желательно связывать с репрезентативностью как образцовостью (модельной матричностью) и типичностью.

Как это делать – рецептов не существует. Опыт и интуиция – кажется, других «помощников» у нас здесь нет. Разве что некие общие принципы-ориентиры. Такой, например: культура – это то, что остается, когда все, чему суждено быть забытым, забыто (парафраз известной сентенции Б.Ф. Скиннера). Вот и надо работать на то, что не забывается, что выпадает в «осадок», кристаллизуется в виде культуры – мировоззренческой, методологической, имагинативной (лат. *imago* – образ).

И великость («Мы самые-самые!»), и фундаментальность, и систематичность – характеристики далеко не современные. Скорее наоборот, ностальгически-мемориальные, традиционные, инерционные. А востребованы характеристики современные, нужна сама современность. Но что это такое, в чем конкретно эта современность состоит?

Весьма интересную перспективу для поиска ответа на поставленный вопрос открывает общая логика эволюции изучаемой нами реальности (онтология) или предметности (эпистемология).

Вначале (и очень долго) такой реальностью были вещи, тела — образования достаточно плотные и упругие. Масштабы роли не играли. Те же атомы, из которых, как полагали древнегреческие мыслители, данная реальность состояла, не покидали вещных пределов, оставаясь просто маленькими тельцами. Даже античные идеи-эйдосы, считавшиеся умо-зрительной реальностью, достоянием только мышления, воспринимались как «телесная или пластическая данность». В терминах вещей-тел представлялись и все другие образования. Так, материальное тело и его перемещение в пространстве объясняли все на свете у Т. Гоббса. Государство, и то было для него телом, хотя и искусственным.

На рубеже XIX—XX вв., вместе с открытием радиоактивности и электрона — «атома электричества», вещно-телесная реальность превратилась в реальность энергетическую. Увлечение энергией было настолько сильным, что горячие головы заговорили об исчезновении, смерти материи. Со временем, однако, ситуация обрела равновесие, нормативную размерность. Набрал массу (хоть и движения, а не покоя), электрон посерьезнел и перестал пугать своей легковесностью — на фоне и в сравнении с привычной «весомостью» материи. Социально-гуманитарным преломлением «энергетической» определенности реальности стали воля и различные формы становления или процессуальности.

К концу XX в. реальность вдруг стала информационной. Ни вещно-телесная материя, ни энергия при этом не исчезли, просто на первый план вышла информация — в том вещно-энергетическо-информационном комплексе, которым и представлена реальность в своей бытийной (существование) полноте.

И те, кто, как, например, В.А. Кутырев¹, сетуют на исчезновение субстрата, вещей и тел в современном мире, бьют мимо цели, не принимают вызов времени, самой современности. Содержание этой последней вообще-то многообразно, но суть — в том, что ее не сближает, преимущественно уравнивает и продолжает, а как раз наоборот — противопоставляет, выделяет, отличает от предшествующих исторических периодов или эпох. Все исторические формирования, и современность здесь не исключение, специфичны, не нужно размазывать их по всем временам. Тем более что времена эти не хронологичны, а социально событийны, действительно историчны и потому неповторимы. Инновации, благодаря которым и

¹ См.: Кутырев В.А. Крик о небытии // Вопросы философии. 2007. № 2.

осуществляется историческое развитие, социальный прогресс, суть всегда знаки, акценты современности.

Займемся теперь информацией — что это такое? и какой образ реальности она нам готовит? Информацию, как и все в этом мире, понимают по-разному, но лидирует, похоже, ее толкование в качестве меры разнообразия, сложности, неожиданности-новизны. Так понимаемая информация тянет за собой и соответствующую онтологию — онтологию различий.

Переход на язык онтологии здесь тем более оправдан, что речь ведь у нас не об информации как таковой, а о реальности в ее информационной определенности, об исторической актуализации и обращении на целое одной, информационной, составляющей в комплексной (вещи-энергия-информация) предметности мира. Когда реальность понималась как вещество или энергия, онтология тяготела к унификации, тождеству и единству. Информация же поднимает на поверхность бытия разотождествление и различение, сохраняя, впрочем, одно, специфическое, отождествление — реальности с гетерогенностью.

Развернутая на информацию онтология имеет своим содержанием выявление и обоснование бытийного статуса различий. Она, воспользуемся словами Ж.-Ф. Лиотара, «оттачивает нашу чувствительность к различиям и усиливает нашу способность выносить взаимонесоразмерность»².

Информационное различие (различия) — предельная и в этом смысле последняя реальность, за ним ничего уже не стоит. Вернее, даже так: в основе бытия лежит некая возможность различения, которая предшествует действительности его единства. Тождество остается «дизъюнктивным синтезом», «оптическим эффектом» более глубокой реальности — бытия различий. Иначе говоря, различение не есть нечто внешнее или рядоположенное тождеству, а когнитивное вскрытие, прорывное (через сложившиеся традиции и стереотипы) углубление этого последнего.

Тождество-единство, особенно в социальной сфере, при этом не отрицается. Но теперь оно выступает в виде множества — рассредоточенного, диффузного, существующего не через гегелевское снятие или навивную (здравый смысл) интеграцию, а через коммуникацию различий. В различении всегда «бушует» настоящее (=современное), возвышающее инаковость и уникальность, удерживающее актуальность и полноту переживания «здесь-и-сейчас». Умножая различия, мы фактически наращиваем конкретность предмета исследования. Конкретное, как показал еще Гегель, есть единство многообразного.

² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 12.

Различения и различия заметны в святой святых цельности и единства – в Абсолюте. Обычный перевод этого латинского термина – совершенство, полнота – скрывает это состояние или положение вещей. Но будем более внимательны к семантическим корням: *ab* – от, *solvere* – развязывать, отпускать, – словом, «уходить от чего-то», «отпускать от». Видимо, абсолют все-таки не абсолютен в смысле не самодостаточен, ему предпосылается то, что нужно преодолеть в направлении полноты и совершенства. Оно-то как раз и первично. Еще более впечатляет семантика однокоренной с «абсолютом» «абсолюции» (англ. *absolution*, лат. *absolutio* – освобождение) – термина, обозначающего практику отпущения грехов в католицизме. Очевидно, что прежде чем освободить, надо иметь предмет освобождения, т.е. грехи. Опять же получается, что они – исходны, первичны.

Различение и различия переводят реальность из одного ее состояния – конечной субстанциональной интегрированности всего существующего, в другое – процесс, становление, дискретно длящуюся текучесть. Вещно-энергетический фундаментализм сменяется информационным антифундаментализмом.

Ясно, что ухватить, понять реальность в ее различительной определенности (внутренняя информационная дифференциация на различия) нельзя с помощью синтезов и других методических сопряжений (всеединства, живознания и т.п. отечественных забав). Для этого требуется другая исследовательская установка, иной теоретический инструментарий, который обобщенно можно было бы назвать аналитической понятийностью.

Вот здесь и должна вступить в свои права, показать свою когнитивную эвристику социальная теория. В регулятивно-методологическом плане она выражает собой тот предел, до которого может дойти исследовательское сообщество в действительно научном постижении реальности – мира человека и общества. «Предел» и «научное постижение», надо отметить, стоят здесь рядом не случайно. Наука – именно потому, что она стремится к определенности, – всегда имеет свои ограничения или границы. Есть такие границы и у социальной теории как науки. Но они не ограничивают творчество и свободу изнутри, в очерчиваемом ими поле исследования. Извне же к ним легко присоединяются (а без этого вообще-то не обойтись) не строго научные вещи, смыслообразы метафизики, например.

В итоге получается вполне целостное постижение социально-гуманитарной реальности – с сознательным акцентированием возможностей и перспектив «строгого» подхода. Метафизика, таким образом, не отрицается, но все делается для того, чтобы показать, где, как и насколько без

этого спекулятивного ресурса исследования можно обойтись. Иначе говоря, социальная теория как наука не игнорирует, не отбрасывает метафизику, но целеустремленно и настойчиво теснит ее. Стремиться быть наукой не на исконно своей территории, не у себя дома — это уже немало и достойно активной поддержки.

Социальная теория есть теория социального. И пусть не смущает нас эта тавтология: как уверяют логики, в истинности тавтологиям отказать нельзя. Тем более если их в дальнейшем аналитически эксплицировать. Эксплицирующей процедуре в нашем случае нужно подвергнуть и теорию, и социальное.

Теория — это очень серьезно. Строится она на базе неких общих идей или принципов. Общих — значит, относительно независимых от фактического материала, с их помощью объясняемого. Эти идеи-принципы могут быть и просто «дикими», как та кошка, что гуляет сама по себе, но чаще всего они задаются (иницируются) научной школой и продуцируемой ею парадигмой. Гипотетический, в чем-то даже спекулятивный характер данных принципов успешно преодолевается с помощью когерентной и аналитически выверенной сборки фактического материала.

В целом поэтому теория получается знанием методическим, знанием, последовательно осваивающим предметную логику изучаемой реальности. Так понимаемая теория является нормативным образованием, на нее императивно ориентируются, к ней стремятся как к цели. В дискурсивно-коммуникативном смысле теория есть диалог аргументов, а не безответственный (лишь бы поучаствовать) нарратив мнений. Некоторые наши «размышлительные» практики, в свете сказанного, предстают как откровенно дотеоретические и пралогические. Так, некая умственная облачность того или иного занятия.

Теперь о социальном. Оно тоже сложнее, чем мы привыкли думать и излагать. «Социальное», «социальность» — самое общее, объемлющее или охватывающее, понятие социально-гуманитарного знания³. К нему восходят, на него замыкаются все его сюжетные линии и связи. Но поскольку социальное и гуманитарное знание принято дифференцировать, различать, то, как следствие, и «социальное» можно внутренне расщепить — на «общественное» и «человеческое». Точнее даже так: общественное и человеческое — две стороны единой реальности, изучаемой всеми соци-

³ «Социальное» и «социальность» для нас синонимы. В конечном счете, они действительно совпадают. Но для тех, кто привык их разграничивать, мы можем предложить даже исходные точки различения: в социальном на первом плане акция, или действие, деятельность, в социальности — интеракция, или взаимодействие, отношение.

альными и гуманитарными науками. Перед нами всегда человеческое (не обязательно человеческое) общество и общественный человек. Симметрии, или балансной детерминации, однако, здесь нет. В конечном счете, само человеческое возможно только в лоне и на основе общественного. Никакие экзистенциальные трансценденции, как, впрочем, и социальные: идеология, утопия, — тоже не выходят за его границы.

Социальное живет постоянным переходом человеческого в общественное и наоборот. Это некая человеко-общественная целостность. Бытие-в-мире для человека есть, по сути, бытие-в-обществе. Именно общество обеспечивает прорыв человека к миру, а через это, став в той или иной мере осознанным, — и к бытию.

Нам понятен в данной связи социально-религиозный энтузиазм О. Конта, видящего в человечестве (обществе) Великое Бытие. Разделяем мы здесь в целом и следующее убеждение Р. Коллинза: «...Есть одна реальность, которая обладает всеми характеристиками, которые люди приписывают божествам. Она ни естественна, ни метафизична. Это само *общество*. Поскольку общество — это сила гораздо большая, чем любой отдельно взятый индивид. Оно привело нас в жизнь, и оно может убить нас. Каждый из нас зависит от него бесконечными способами. Мы пользуемся орудиями и умениями, которых мы не изобретали; мы говорим на языке, который пришел к нам от других.

В сущности, весь наш материальный и символический мир получен нами от общества. Институты, в которых мы обитаем — наша форма семьи, экономики, политики и чего бы то ни было, — пришли из накопленного опыта других, короче — из общества. Бог — *символ общества*⁴.

Но вернемся к трансценденции. Полнотой социального бытия она, безусловно, предполагается, вносит ее туда человек — существо, по общему признанию, трансцендирующее (постоянно выходящее за им же полагаемые пределы). Отталкиваться в любом случае приходится от социального: не «находящееся вне», а «выходящее за». Социальное — образование «энергийное» (гр. *energeia* — деятельность), отталкиваться в его интерпретации нужно именно от «глагольной» активности, от самого процесса движения-за-пределы. Пока выходит, трансценденция живет, но стоит ей только выйти, лишиться связи с процессом выхождения, и она тут же начинает терять свою энергию, усыхать и сжиматься в нечто статично-символическое, захватываемое потом мифами и идеологиями разного рода.

⁴ Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию // Личностно-ориентированная социология. М., 2004. С. 436.

Еще раз: трансценденция может и должна *выходить*, но не быть, не становиться *выходом*. Ничего общего с платоновским миром Идей и религиозной потусторонностью здесь, стало быть, нет. И даже если у такой трансценденции есть сакральность, то она всецело светская, т.е. человеческая, а не божественная. Располагается эта сакральность, как и трансценденция в целом, на горизонте мира социального, а не вне и независимо от него. Это нечто вроде дымки истории, укутывающей социальное, скрадывающей его пределы. Из «испарений» социального эта дымка в конечном счете и берется.

Хотя нельзя отрицать и того, что человек как исследователь – дерзкое существо, он всегда стремится заглянуть за горизонт, подкрепляя с этой стороны пограничный, трансгрессивный статус трансценденции. Если согласиться с К.-О. Апелем, что «никакое сущее не может быть вообще встречено нами как факт, который уже не был бы понимаем «как нечто», т.е. не был бы понимаем *a-rigori* в соответствии с его бытием»⁵, – если согласиться с этим и рассуждать далее по аналогии и в нашей терминологии, то можно сказать, что индивидуально-человеческое (как сущее) открывается нам всегда только в свете («просвете») совокупно- или интегрально-общественного (как бытия). Обращаясь к языку М. Фуко, можно сказать, что трансцендентное для нас – это «опыт предела» и «у предела» в многоликом дискурсе социального.

Предлагаемое понимание трансценденции делает из социального «поле имманенции» (Ж. Делез), поле, в котором все новое появляется в результате приведения в действие каких-то внутренних сил или ресурсов, а не внедрения или имплантации чего-то извне, из инстанции одновременно внешней и автономной в своем существовании. Творческая имманентность мира социального много продуктивнее его трансцендентной (трансцендентальной) идеальности.

Всем сказанным, однако, различия не снимаются – напротив, их позволительно даже множить, ставя на место общества систему, структуру, институциональную статику, а на место человека – жизненный мир, повседневность, индивидуально-волевую динамику. Это тем более так, что социально-сущностное сопряжение этих различий понимается нами не в традиционном смысле – как некая унифицирующая или монологизирующая сила, а как расчистка поля для коммуникации, т.е. многообразных и свободных связей все тех же различий. Различия превращают вертикальную, т.е. иерархически выстроенную структуру в сеть горизонтального взаимодействия.

⁵ Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001. С. 23.

С учетом нашего традиционного разграничения узкого (как отдельная сфера общественной жизни) и широкого (все общественное) понимания социального, возможно, имело бы смысл здесь обратиться к другому термину — «социетальное» (англ. *societal* обозначает как раз все целостные, или функционально взаимозависимые, характеристики общества), однако он для нас непривычен, и потому оставим в силе, будем пользоваться термином «социальное».

В нашем, отечественном, обществознании сильна так называемая «сферная» традиция. Принимая ее во внимание, мы не можем не поставить вопрос о соотношении социального, с одной стороны, и экономического, политического, социального в узком смысле (как социальная сфера) и духовно-культурного — с другой.

Социальное, как уже отмечалось, — реальность охватывающая, скобочная, сопрягающе-сквозная. Как приводящая к «предельному» единству сила, она «сопутствует» всякому делу, любой сфере человеческой жизнедеятельности. Создавая товарное богатство в экономике, обеспечивая мир и порядок в политике, выстраивая структуры (общности и взаимоотношения между ними) в социальной сфере, заботясь о гуманности и всестороннем развитии в духовной культуре, мы всегда, в конечном счете, заняты одним и тем же — воспроизводством человека (как человека, а не живой особи) и укореняющей его в бытие общественной инфраструктуры, поддержанием преемственной, фундаментально скрепляющей связи индивида и общества, то есть, по сути, социального.

Короче говоря, чем бы мы ни занимались, чтобы ни творили, создавали, мы всегда, в конечном счете, продуцируем человека и общество, вернее, человека, живущего в обществе. Если экономическое, политическое и т.д. считать формами или структурами, то социальное — это некая «бесформенная форма» (К. Кастириадис), неструктурируемая структура. Оно как свет, позволяющий видеть отдельные вещи, но сам при этом остающийся невидимым.

С учетом заявленной выше аналитической понятийности социальное как субстантивное единство резонно трактовать в терминах «сферных» различий: экономики, политики и т.д. На этом пути оно становится более конкретным и конструктивно-действенным. А его абстрактное в своей тождественности единство действительно превращается в коммуникативное, взаимодействием выстраиваемое множество. Множество, уходящее в горизонталь, а не вертикаль бытия. С таким, внутренне дифференцированным социальным можно уже предметно работать — как с ресурсом, эмпирически очерчиваемым и прагматически локализуемым.

Возьмем, к примеру, национальную, исходно Русскую, идею. Нечто предельно общее — непонятно, куда и как пристроить. В миф или идеологию тоже, похоже, уложить нельзя. Или не хотелось бы — возможно, это уже историческая аллергия: так долго и упорно нас всем этим кормили, что любой «большой рассказ» воспринимается с подозрением. Но если заземлить эту идею на различительную стихию жизни, тогда все встанет на свои места и многое прояснится.

Станет понятно, в частности, что есть связь, пусть и с трудом улавливаемая, только пунктирная, но — есть, должна быть, между национальной идеей и необходимостью поднять повалившийся забор или взять за правило не сорить, не разводить грязь в подъезде. Не может быть чистой национальной идеи в стране с грязными туалетами. То же, что не имеет такой связи, может, и в самом деле только миф, литературная мечтательность.

В аналитической понятийности, на которую развернута, которую представляет социальная теория, можно выделить, по меньшей мере, три составляющие: проблемность, рефлексивность и коммуникативность.

1. С проблемы, *проблемности* начинается любое исследовательское восхождение к теории. Теория как раз и призвана решать или разрешать проблему (проблемы). Проблема — род вопроса, на который нет ответа в данной, наличной системе знания, но который тем не менее в ней вызревает, ею индуцируется, так или иначе ставится.

Далее. Проблема — это не только то, что решают, но и то, чем понимают, чем очерчивают предметное поле исследования, выделяют фактические и иные релевантности, собирают относящийся к делу материал. Без проблемного стержня познавательная ситуация расплывается до полной неопределенности, лишается практической перспективы, жизненного горизонта, теряет свой преобразовательный потенциал, вырождается (при условии, что автор владеет искусством слова) в литературное эстетство. Последнее, заметим, не так уж и безобидно, как может показаться на первый взгляд. Красота соблазнительна и коварна, в ее незаинтересованной чистоте тонет реальный трагизм бытия. Агрессивная эстетизация всего и вся делает это бытие полым, пустозвонным. Ссылка на классика («красота спасет мир») тут вряд ли поможет. Тем более что и сам классик неоднозначен. Вспомним хотя бы горячечные слова Мити Карамазова: «Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая... Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воис-

тину, воистину горит, как и в юные, беспорочные годы». Красота — это чистая видимость, вводящая нас в соблазн.

Строго говоря, мы мыслим только в присутствии и по поводу проблем. Если их нет, а скорее, если они не идентифицированы, то можно заниматься всем чем угодно: воображением, ассоциированием, воспоминанием и т.п., но только не мышлением. Выходит, мы не так уж и много мыслим. На языке компетентностного подхода проблемное мышление называется культурой вопрошания. За последние годы мы ее изрядно растеряли. Закрадывается сомнение: а сохранилось ли вообще у нас искусство ставить по-настоящему оригинальные вопросы?

Судя по тому, как учебники и учебные пособия вытесняют (а нередко и подменяют собой) на книжном рынке монографически-академические издания, вопрос получается риторическим. Часто приходится наблюдать, как мы пытаемся отвечать на не нами поставленные вопросы. Но если нет самостоятельности в постановке вопросов, то откуда же ей взяться в их разработке? Рассуждениям в форме репродуктивной рецепции никогда не стать действительно свободными и творчески-продуктивными. Им также не избежать анемичности и абстрактности. Опять же следует заметить, что на уровне абстрактных рассуждений проблем и быть не может. Ну, кто будет спорить с тем, что «хорошо иметь домик в деревне»? Проблемы начинаются с конкретной деревни (как туда, скажем, при наших дорогах добираться) и с конкретного домика (как обеспечить его безопасность). То есть проблемы, как и истины, любят конкретность. А она открывается нам лишь вместе с информационной онтологией различий.

Изменить ситуацию к лучшему можно только на пути беспощадного осознания сложившегося положения вещей, что мы и пытаемся делать.

2. Теперь о *рефлексивности*. В социально-гуманитарной сфере она является аналогом естественнонаучной методичности. Рефлексивность как мысль о мысли, знание о знании — вещь самоотчетная.

В самоотчетности, этой важен не только конечный результат, но и путь, к нему ведущий. Исследовательский путь в форме «как» органично входит здесь в предметное «что», когнитивно раскрываемое в качестве истины. И еще неизвестно, чего в полученном результате больше — объектного «что» или субъектного «как». Ясно одно: дорога к храму истины в социально-гуманитарных исследованиях (социальной науке) явно выходит за рамки инфраструктурного, т.е. подчиненного, вспомогательного, средства.

В действительности это ее неубираемые строительные леса. Убедительной иллюстрацией такого положения вещей может служить Центр

им. Жоржа Помпиду в Париже, знаменитый Бобур, в котором все коммуникации в виде труб и балок вывернуты наружу и воспринимаются, по сути, как несущие структурные элементы самого этого здания. Рефлексивные действия, изначально ориентированные на объект, с необходимостью возвращаются к субъекту, его познавательной активности. Здесь уместно провести аналогию с возвратными глаголами (кстати, возвратные глаголы в английском языке называются рефлексивными – reflexive verbs), обозначающими обращенность действия на его субъект. Невычитаемость субъекта из социально-гуманитарной рефлексии говорит о человекообразном характере этого типа знания.

Не отрефлексированные должным образом знания, пусть и истинные по содержанию, не имеют иммунитета против иллюзий, суеверий и предрассудков. Да и сами они часто усваиваются на уровне или в форме предрассудков, что снижает их действенность и вводит в соблазн манипулятивного использования.

3. Третья составляющая аналитической понятийности – *коммуникативность*. Ее конститутивную силу, или релевантность, для социальной теории трудно переоценить. В коммуникативность и взаимопонимание, ею порожаемое, уходят самые глубокие корни социальности, социального как такового. Коммуникативность является материнским лоном доверия и солидарности – незаменимого социального капитала нашего бытия.

Без коммуникативной имманентности (информационной проницаемости или «унифицированности») научного сообщества не было бы парадигм, в свете которых мы привычно ставим и решаем свои исследовательские проблемы. Сама истина, как показывают новейшие исследования, есть продукт не только предметной корреспонденции, но и субъектной коммуникации. Когнитивные инвестиции со стороны последней даже возрастают.

Как и все в мире социального, коммуникативность имеет не только дескриптивное, но и прескриптивное измерение. Резонно поэтому ставить вопрос о нормативной концепции коммуникативности. А в этом плане, если верить Ю. Хабермасу – самому известному специалисту в данной области, у коммуникативности (коммуникативного действия) явно выделяются три основных аспекта: истинность, правильность и правдивость. Истинность указывает на то, что участники коммуникации претендуют на соответствие их высказываний действительности. Как говорящий, каждый из них «ссылается на что-либо существующее в объективном мире»⁶.

⁶ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 203.

Правильность разворачивает участников коммуникации на межличностные отношения, регулируемые определенными ценностями, нормами, идеалами. Точнее, разделив, приняв эти ценности, нормы и идеалы, они превращают свои действия в межличностные отношения. Как «правильно» говорящий, субъект коммуникации «ссылается на что-либо в социальном мире интеракций»⁷.

Правдивость — это личная искренность, честность, откровенность, непритворность участников коммуникации. По Хабермасу, правдивость есть притязание на то, что «в манифестируемой речевой интенции подразумевается то же, что и выражается явно»⁸. Правдиво говорящий «ссылается на что-либо в субъективном мире, к которому у него есть привилегированный доступ»⁹.

Все три ссылки на мир — объективную, социальную и субъективную — Хабермас считает возможным рассматривать также как, соответственно, когнитивный, интерактивный и экспрессивный модусы применения языка, как, коррелятивно, классы констативных, регулятивных и репрезентативных речевых действий.

Конечно, нормативная коммуникативная ситуация, о которой идет здесь речь, отличается, и весьма существенно, от реального коммуникативного взаимодействия. Но она тем и хороша, что помогает эту разницу уловить, сделать ее предметом обсуждения, а в конечном итоге и идеальным (от «идеал») ориентиром в *vita activa* (деятельной жизни).

Нормативность требует компетентности, в нашем случае — коммуникативной компетентности. Как компетентность, коммуникация включает в себя соответствующие (релевантные) знания и умения, рациональную мотивированность, способность адекватно ориентироваться в социальной ситуации, эффективно решать определенный круг задач и успешно преодолевать возникающие конфликты. Пожалуй, рациональная мотивация — главное в этом компетентностном наборе. Рациональность и коммуникативность прямо пропорциональны друг другу. Чем больше рациональности, тем успешнее коммуникативность, и наоборот. Саму коммуникацию можно рассматривать как диалог (рациональных) аргументов.

Обозначенные, вслед за Хабермасом, аспекты коммуникативности не являются жесткими и однозначно фиксируемыми. По субъектному усмотрению их можно даже выбирать. В данной связи Хабермас вводит понятие «децентрированное миропонимание». Речь идет о том, что уча-

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 204.

⁹ Там же. С. 203.

стники коммуникации могут выбирать между указанными мирами или «мировыми перспективами», могут сосредотачиваться либо на вопросах истинности, либо на вопросах нормы, нормативности, либо на вопросах самовыражения, экспрессии, либо, наконец, на перспективах, заложенных в самой речевой ситуации. Децентрированное миропонимание позволяет субъекту коммуникативного процесса «принимать в отношении внешней природы не только *объективирующую*, но и *нормосообразующую* или *экспрессивную* установку; в отношении общества — не только нормосообразующую, но и объективирующую или экспрессивную; в отношении внутренней природы — не только экспрессивную, но и объективирующую или нормосообразующую установку»¹⁰. Децентрированность миропонимания — убедительная демонстрация того, что коммуникация (коммуникативность) должна и может быть только свободной.

Социальная теория, вводящая в социально-гуманитарный дискурс аналитическую понятийность, относится к семье *liberal arts*. По своей природе, следовательно, она представляет свободу, должна учить свободе мышления, свободному мышлению. И не только свободе мышления, гораздо шире — *свободе жизни*.

Современная жизнь, сбросившая иго традиционности (приверженности к старым традициям), устремилась в инновационное русло, превратилась в «жизненное предпринимательство». Предпринимательству в смысле предприимчивости, находчивости, уместности есть, должно быть место и в социальной теории. Производительность, или продуктивность, у «теоретического предпринимательства», правда, совершенно особая — имажинативная, образно-смысловая.

Уточнение, в духе современности, этой продуктивности ведет нас к имажинативности модельного характера: созданию альтернативных порождающих моделей, контрфактическому моделированию и прочих свободно-творческих продуктов. Модельность, помноженная на альтернативность, существенно умножает различия, подтверждая тем самым развернутость социальной теории на информационную предметность, на информационную онтологию бытия. Кроме того, фальсификация как критерий истины сводится сегодня не к поиску эмпирически фиксируемых контр-примеров, а к их активной разработке — как раз в форме альтернативных моделей. Только создав такую модель, мы можем фальсифицировать испытуемую (проверяемую на истинность) гипотезу, концепцию, теорию.

Аналитическая понятийность — необходимое звено в той цепочке, которая связывает социальную теорию с *социальной технологией* (соци-

¹⁰ Там же.

альной инженерией). В центре социальной технологии стоит прагматика человеческого бытия. Довольно часто ее отождествляют с прагматизмом и обвиняют, далее, в узости, приземленности, стремлении извлекать из всего материальную выгоду или пользу – словом, в бескрылости. Нам это отождествление и эти обвинения не кажутся убедительными. Потому, во-первых, что данный «прагматизм» можно и нужно приподнять за счет надстройки дополнительного этажа в форме практопической («практопия» – термин А. Тоффлера, обозначающий практически реализуемую утопию) позиции-перспективы. А во-вторых, мы не видим принципиальных противопоказаний к тому, чтобы заниматься здесь фундаментальной (фундаментальность – не фундаментализм) прагматикой в духе Ю. Хабермаса и К.О. Апеля. Через такие расширения-пристройки прагматизм сможет обрести явно не достающие ему высоту (трансценденцию) и глубину (субстанцию).

Изложенный материал, как представляется, подводит нас к выводу, что отечественное социально-гуманитарное образование нуждается в серьезной и интеллектуально ответственной перестройке. С ситуацией растекания мыслию по древу давно пора прощаться. Профессионализм и компетентность медленно, но уверенно идут на смену забавной интеллигентской мечтательности и интеллектуальной необязательности многих наших педагогов и ученых.

Социальная теория с ее аналитической понятийностью призвана внести решающий вклад в предметную реализацию этой исторической перспективы.

Ю.М. РЕЗНИК

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ОБЩЕСТВО: ГРАЖДАНСКАЯ МИССИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ*

Роль социолога, стандартизированную в рамках культуры, как и любую другую роль в обществе, можно представить как «мост» – одновременно помогающий и задающий предел, дающий людям возможность «преодолевать» определенные препятствия ценой ограничения «другой стороны», которую они могут достичь.

А.У. Гоулднер

Постановка проблемы

Я долго думал о том, почему социальная теория (как система наиболее общих представлений о природе и путях изменения социальной реальности) так долго и мучительно получает общественное признание, и пришел к выводу, что причиной тому является ряд нерешенных вопросов и, прежде всего, *неопределенность миссии интеллектуалов*.

Отношение к социальной науке в обществе во все эпохи было достаточно противоречивым. Еще М. Вебер писал о снижении значимости науки в глазах молодежи. «Сегодня как раз у молодежи появилось скорее противоположное чувство, а именно, что мыслительные построения науки представляют собой лишенное реальности царство надуманных абстракций, пытающихся своими иссохшими пальцами ухватить плоть и кровь действительной жизни, но никогда не достигающих этого»¹.

Но этот взгляд из прошлого лишь напоминает нам о непреложности того факта, что социология, как и другие социальные науки, прошла тернистый путь обретения своего места в обществе, прежде чем получила признание и социальную поддержку. Этот же путь проходит сегодня и социальная теория как относительно новое для нашего сообщества на-

* Статья опубликована в журнале «Личность. Культура. Общество». 2006. Т. 8. Вып. 1. С. 60-79.

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 714.

правление фундаментальных исследований социальной реальности, рассматривающее ее в целостности и изменчивости.

Итак, меня интересуют два вопроса. Зачем и кому нужна социальная теория? И в чем состоят миссия и ответственность интеллектуалов, занимающихся социальной теорией?

Для начала поясню некоторые понятия.

Ответственность означает не только способность человека (или организации) сознательно выполнять определенные требования в соответствии с представлениями о долге, чести и достоинстве, но и возможность контролировать свои действия и предусмотреть их нравственные или правовые последствия. «Ответственность — это не что иное, как ответственность смысла, и что смысл значим тогда, когда он зиждется на ответственности. Этим я хочу сказать, что мы абсолютно ответственны за смысл (смысл или истину, в данном случае это одно и то же)»².

Следовательно, мы не только в ответе за общество, в котором мы живем, но и отвечаем за смыслы (идеи, истины, картины мира), которые мы производим в своей научной деятельности и предъявляем обществу в виде различных теорий, концепций и моделей.

Миссия — буквально, ответственное задание или призвание. Это — ответственность, которую мы принимаем на себя добровольно и сознательно за те дела и поступки, которые, с нашей точки зрения, нужны другим людям. По словам Ганса Йонаса, такая ответственность чаще всего является невзаимным отношением, т.е. навязанной ответственностью. Любая миссия, будь то индивидуальная или коллективная, выполняется в интересах одного лица или группы и редко осознается как общая цель того сообщества, кому она адресована.

В этой связи хотелось бы сформулировать ряд вопросов, связанных с миссией социальной теории в современном обществе:

1. Зачем нужна социальная теория и какова ее роль в обществе?
2. Кто конкретно представляет социальную теорию в обществе?
3. Каковы социокультурные различия и ориентации интеллектуалов, занимающихся социальной теорией?
4. В чем состоит специфика гражданского этоса интеллектуалов?

Социальная теория и ее роль в современном обществе

Прежде чем показать миссию социальной теории в современном обществе, необходимо определить вкратце ее содержание и основные типы.

² Нанси Ж.-Л. В ответе за существование. М., 1998. С. 311-312.

По мнению некоторых отечественных исследователей, любая социальная теория, как, впрочем, и весь корпус социальных наук, есть одна из множества разновидностей социальных или культурных практик. И как таковая, она имеет преходящее значение, поскольку появляются новые практики, вытесняя прежние, устаревшие практические схемы действия и познания. Эти практики представляют собой исторически сложившиеся комплексы правил и типичных (стандартных и повторяющихся) ситуаций решений интеллектуальных задач, связанных с объяснением и изменением общества.

Как считает Ю.Л. Качанов, «самая абстрактная социологическая теория есть специфическая форма организации фактического социального опыта. В силу этого любая социологическая теория значима лишь в определенном практическом контексте и должна рефлексивно соотноситься как с позицией исследователя в социальном пространстве, так и с его позицией в поле науки»³.

Социальная теория, по мнению Ю.Л. Качанова, не занимается изучением социальной практики как таковой. «...Ведь социологическая теория описывает не социальную действительность, а сконструированный наукой социальный мир — социологическая практика, то есть вообще исследования социального мира...»⁴.

Следовательно, социальная теория связана с социальной действительностью лишь опосредствованно. Социальный мир для нее выступает в виде символической конструкции, которая проявляется в контексте действий и взаимодействий людей. Соглашаясь в принципе с позицией Качанова относительно символической природы картины социального мира, я не могу разделить его взглядов на осуществление социальной теории исключительно как научной практики. Было бы неправильно ограничивать сферу влияния социальной теории только рамками жизни и деятельности самих интеллектуалов, которые ее создают и поддерживают.

Идеи социальной теории суть не только символическая реальность, опосредующая познание и социальную практику, но и «объективные мыслительные формы», которые имеют более широкое применение для осмысления общества, чем та или иная научная практика. Эти идеи способны проникать в сознание субъектов, наделенных властными возможностями и выступающих проводниками этих идей в различных структурах социальной организации.

³ См.: Качанов Ю.Л. Что такое социологическая теория? // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 15-22.

⁴ Там же.

Следовательно, социальная теория – это не только разновидность научной практики, в которую включена небольшая группа социальных ученых (философов, социологов, теоретиков организации), имеющих собственные концепции социальной реальности. Это еще и институт общества, способный воздействовать на сознание других людей и выполнять социально значимые функции: научно-познавательную, практическую, образовательную и идейно-просветительскую. Его просветительская роль состоит в формировании социальных ориентаций и ценностей людей с позиций определенной группы общества.

Социальная теория возникает как ответ на запрос людей о том, что представляет собой общество, в котором они живут. Она зарождается одновременно с индустриальным обществом как *научная рефлексия процессов* его становления и развития. Поэтому вопреки мнению Качанова я считаю, что у нее имеются собственные функции и задачи, решение которых возлагается на интеллектуалов, работающих в области социальных наук. Среди них – разработка новых моделей и конструкций современного общества, обладающих эвристическим потенциалом; критика идеологических конструкций социальной действительности, оправдывающих или допускающих несанкционированные обществом шаги властей; определение и рефлексия собственных (научных и личностных) оснований теоретизирования.

По функциональной направленности существует 2 основных класса социальных теорий:

1) так называемые *онтологические теории*, которые пытаются объяснить социальный мир и имеют полипарадигмальный и междисциплинарный статус (позитивизм, эволюционизм, структурализм, функционализм и пр.);

2) *практически-ориентированные и валюативные социальные теории*, которые стремятся сохранить или изменить социальный мир в соответствии с определенными идеалами и ценностями (теории либерализма, консерватизма, социализма, социал-демократизма и т.д.).

Социальные теории первого типа занимаются построением картин социального мира. Они различаются между собой отношением субъекта и объекта познания. Позитивистские социальные теории базируются на представлении о том, что результатом научной деятельности является объективное знание о социальной реальности, так как люди являются «предметами», поведение которых можно контролировать, например, в целях эксперимента. Отсюда вытекают практические варианты таких теорий – социальная инженерия, социальные технологии, технологии управления и пр. Субъективистские теории изучают индивидуальные и

коллективные представления людей о социальном мире, основывая свои выводы на обобщении их первичных установок и базовых ориентаций.

Социальные теории второго типа — это не только ценностно-ориентированная система знания, но и институциональная форма общественного движения интеллектуалов, движения, которое имеет вполне определенное идеологическое содержание. Данная часть социальных теорий ориентирована на построение моделей, связанных с достижением социально-политических идеалов. К их числу относятся теории «государства всеобщего благоденствия», «устойчивого развития общества», «хорошего общества» и «социального государства».

Во второй половине XX в. складываются предпосылки для формирования третьего типа социальной теории, интегрирующей в себе онтологические модели и идеи переустройства общества на новых концептуальных и методологических основаниях. К такого рода теориям я отношу рефлексивную теорию А.У. Гоулднера, коммуникативную теорию Ю. Хабермаса, теорию структуризации Э. Гидденса и некоторые другие.

Одна из задач социальной теории, по мнению А. Гоулднера, состоит в стремлении символически преодолеть социальный мир, который стал несанкционированным, и исправить нарушенную взаимозависимость между добром и силой, восстанавливая их «нормальное» состояние равновесия, и/или защищать санкционированный мир от угрозы нарушения равновесия между добром и силой⁵. Исторической же миссией рефлексивной социальной теории он считает преодоление академической корпоративности нынешних социальных наук и критику несанкционированного социального мира. Она должна содействовать «критическому осознанию характера современного либерализма, его влияния на университет, так же как и осознанию диалектики политики войны и политики благополучия...»⁶.

Любой социальной системе присущи два способа, ограничивающие независимость позиции социального исследователя: превращение его в идеолога или апологета ее политики; низведение его деятельности к инструментальному исполнению ее интересов. И в том, и в другом случаях у властвующих представителей существуют средства вознаграждения и распределения земных наград. Основное условие для такого рода исследователей, занимающихся социальной теорией, — это *принятие образа или картины социальной реальности, которая поддерживается правящей элитой*. С точки зрения Гоулднера, отказ ученых от своей позиции озна-

⁵ Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 542.

⁶ Там же. С. 560.

чает не что иное, как предательство фундаментальных целей социальной науки: «Максимальные возможности для институционального развития социологии предоставляют как раз те, кто наиболее извращает ее стремление к знанию»⁷. И далее: «Всякая существующая власть враждебна высшим идеалам социологии»⁸.

Гоулднер поясняет свой тезис, отмечая, что руководящие институты и правящая элита представляют собой главную внешнюю опасность для критически-рефлексивной социальной теории, стремящейся прояснить основания построения картины социального мира и определить свое место в этом мире. Он считает, что в условиях расцвета государства всеобщего благоденствия в США и других западных странах либеральная идеология утратила свои первоначальные идеалы и ценности. Такая идеология служит уже не делу освобождения людей, а усилению «централизованного контроля со стороны разрастающегося класса федеральных управленцев и ведущих институтов, в интересах которых она работает»⁹. Поэтому назначение либеральных технологий – связать неимущий класс и рабочий класс с государственным аппаратом и всей политической системой.

Современный мир претерпел существенные изменения, которые не укладываются в прокрустово ложе традиционной социальной теории. «Глобальное общество стремительно перестраивается вдоль новых линий напряжения... Кризис социальных наук означает кризис демократии, поскольку социальные науки – это идеология демократии. В рамках создававшейся ими картины мира демократия оказалась неизбежным ответом на вопрос о «естественном» устройстве общества»¹⁰.

Критика же господствующей социальной теории – это, прежде всего, изучение социальных и интеллектуальных оснований движения интеллектуалов¹¹. Но это только первый шаг. Для людей, способных идти на интеллектуальный риск и обладающих мужеством рисковать своей карьерой ради идеи, больше подходит *рефлексивная социальная теория*. Я согласен с У. Гоулднером, что такая теория есть не просто радикальная критика политических доктрин правящей элиты, но и позитивная программа, выдвигающая и обосновывающая модель нового общества. Помимо критического отношения к либеральным или тоталитарным картинам социального мира, она содержит также рабочие представления исследователя о повседневной жизни.

⁷ Там же. С.555.

⁸ Там же. С. 556.

⁹ Там же. С. 558.

¹⁰ Там же. С. 7-8.

¹¹ См.: *Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 6.

Итак, мой исходный тезис состоит в следующем: *социальная теория в современном мире подвергается мощной идейной экспансии со стороны апологетов господствующей идеологии, находящихся на службе у правящей элиты.* Главная пружина развития современной социальной теории — противостояние онтологических картин и ценностных (валюативных) моделей, претендующих на объяснение или изменение общества. Это противостояние имеет идейно-политический контекст, так как представляет собой борьбу за интеллектуальную власть над умами людей, их представлениями об обществе. Поэтому дальнейшее развитие социальной теории требует ее освобождения от влияния политических доктрин и технологий либерализма и иных «измов» и формирование рефлексивной парадигмы.

Второй же мой тезис таков: *рефлексивная социальная теория позволяет преодолеть господствующий взгляд на человека как на управляемый и контролируемый объект, т.е. пассивный продукт общества и культуры; она рассматривает человека как творца общества и культуры, а последние — как созданные человеком конструкции, предназначенные для прояснения оснований жизненного опыта и улучшения условий повседневной жизни.* Лейтмотив такой теории: *не человек для общества, а общество для человека.*

Жан-Люк Нанси считает, что демократию характеризует, прежде всего, ответственность за существование человека. Демократия — это равенство, требующее от мысли каждого ответственности абсолютного смысла. Создавать теорию как движение интеллектуалов в демократическом обществе — это значит снова и снова связываться со смыслом без всякой уверенности, рисковать безграничностью смысла, беспрестанно и бесконечно воспроизводить его, чтобы понять, что единственной мерой для смысла является его безмерность¹². Гражданская ответственность в отличие от корпоративной или политической ответственности интуитивно понимается многими как договорная ответственность, основанная на свободе выбора и принятия согласованных решений.

Так зачем нужна социальная теория сегодня и какова ее роль в современном обществе? Мой следующий тезис в состоит в следующем: *социальная теория нужна гражданскому обществу как наиболее активной и мобильной части современного социума, стремящейся поставить под свой контроль структуры власти и крупного бизнеса с целью реализации социальных прав и свобод индивидов и их независимых объединений.*

Но далеко не всякая социальная теория востребована гражданским обществом. Значительная часть теоретически мыслящих социальных

¹² См.: там же. С. 315.

ученых находится сегодня на службе субъектов государственной власти и организаций бизнеса, а следовательно, выражает корпоративные интересы господствующей ныне элиты. В своем практическом плане социальная теория гражданского общества призвана утверждать демократические ценности и идеалы свободы личности.

Гражданскому обществу нужна рефлексивная социальная теория, утверждающая ценности свободы личности, демократии и нравственного служения. У реальной демократии нет альтернативы, кроме другой, более совершенной модели демократии, в построении которой и должна помочь обществу современная социальная теория.

Социальная теория как поле деятельности интеллектуалов

Социальная теория — это не только форма знания, но и специфическая интеллектуальная деятельность или социально-научная практика.

Социальные теории вырастают непосредственно из жизненного мира ученых, являясь отображением их социального положения. И на первый взгляд, такие теории нужны самим ученым как интеллектуалам, работающим в сфере социального знания и обладающим особым менталитетом, который формируется в ходе длительных научных занятий.

Как известно, у каждой теории имеется свой субтеоретический уровень (инфраструктура теории по Гоулднеру), который, хотя и определяется культурой и обществом, но дифференцируется и модифицируется благодаря личному жизненному опыту. Автономизация культуры и общества приводит к мнению о том, что человек — продукт их деятельности, а не наоборот. Этим объясняется у Гоулднера репрессивный компонент социальной теории, связанный с проблемой социального отчуждения человека.

Так кому же нужна социальная теория? На первый взгляд, она нужна интеллектуалам, работающим в сфере социальных наук. Но это только на первый взгляд. Социальная теория нужна прежде всего политикам и идеологам, представляющим интересы отдельных групп правящей элиты. Кого же именно? Социальная база современной теории достаточно разносторонняя:

- 1) руководители системы государственного управления;
- 2) советники и консультанты бюрократических структур;
- 3) крупные предприниматели и финансисты;
- 4) консультанты бизнес-структур;
- 5) лидеры политических партий и общественных организаций;
- 6) преподаватели социальных и гуманитарных дисциплин образовательных учреждений.

Но кто же такие интеллектуалы как субъекты социальной теории и каков их статус в современном обществе?

Во-первых, необходимо раскрыть некоторые качества интеллектуалов как социальных теоретиков. В первую очередь, это – профессионалы, обладающие высокой социальной *ответственностью*, особым *менталитетом* и развитым *социологическим воображением*.

Об ответственности интеллектуала (философа, социолога и пр.) писали многие философы. По словам Ницше, «философ, как мы понимаем его, мы, свободные умы: как человек, несущий огромнейшую ответственность, обладающий совестью, в которой умещается общее развитие человека, – такой философ будет пользоваться религиями для целей дисциплинирования и воспитания так же, как иными политическими и экономическими состояниями»¹³.

Социальный теоретик как ученый обладает вполне определенными способностями. Как писал Ницше: «По сравнению с гением, т.е. существом, которое производит или рождает, беря оба слова в самом обширном смысле, – ученый, средний человек науки всегда имеет сходство со старой девой: ибо ему, как и последней, незнакомы два самых ценных отправления человека... Это человек незначительной породы, с добродетелями незначительной, т.е. негосподствующей, не обладающей авторитетом, а также лишенной самодовольства породы людей: он трудолюбив, умеет терпеливо стоять в строю, его потребности и способности равномерны и умеренны, у него есть инстинкт чужь себе подобных и то, что нужно ему подобным...»¹⁴.

Для Ницше человек науки относится к породе объективных и безличных людей, не знающих иной радости, кроме процесса познания. Он настаивает на том, чтобы не смешивать философских работников и вообще людей науки с философами¹⁵. Истинный философ должен пройти в процессе своего воспитания все стадии развития от обычного критика до человека науки, чтобы иметь возможность смотреть на мир с разных позиций. Главное же его предназначение – создавать ценности. Они законодатели и повелители, устанавливающие ценностные рамки изучения мира. Они определяют, куда и зачем необходимо идти, чтобы постичь истину.

Что же касается социологического воображения, то «первым результатом социологического воображения и первым уроком основанной на нем социальной науки, – как считает Ч. Миллс, – является понимание того, что человек может постичь приобретенный жизненный опыт и вы-

¹³ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 287.

¹⁴ Там же. С. 327.

¹⁵ См.: там же. С. 335.

верить собственную судьбу только тогда, когда определит свое место в контексте данного времени, что он может узнать о своих жизненных шансах только тогда, когда поймет, каковы они у тех, кто находится с ним в одинаковых условиях»¹⁶. Такое воображение «позволяет перейти от исследования независимых от воли отдельного индивида общих исторических изменений к самым сокровенным свойствам человеческой личности, а также видеть связь между ними»¹⁷.

Во-вторых, интеллектуалы, обладающие социологическим воображением и чувством ответственности, выполняют рефлексивную и идейно-просветительскую функции в обществе.

Интеллектуалы, по Миллсу, имеют собственное предназначение в современном обществе. «В настоящее время первостепенная политическая и интеллектуальная задача обществоведа, — подчеркивает он, — прояснить элементарные основания сегодняшних тревог людей и безразличия общества»¹⁸. Принимая на себя роль носителей ценностей свободы и разума, интеллектуалы чувствуют, подобно большинству людей, что находятся вне процесса принятия исторических решений эпохи. Однако, как считает Миллс, невозможно быть вне общества, вопрос только в том, какую позицию ты занимаешь. Интеллектуалы обязаны выходить за пределы той сферы повседневности, в которой они живут, чтобы изучать объективные тенденции развития структуры общества и определить место и жизненные шансы других индивидов, стремящихся преодолеть узкие рамки повседневности.

Общественное предназначение интеллектуала-теоретика как социального просветителя заключается, по Миллсу, в «постоянном переводе личных трудностей на язык общественных проблем и в объяснении индивидуальной значимости общественных проблем для людей различных категорий. Его задача как ученого — демонстрировать в своей работе, а как просветителя — и в своей жизни социологическое воображение, его цель — совершенствовать навыки этого воображения у мужчин и женщин в той аудитории, которую ему предоставляет общество. Достижение этих целей обеспечивает безопасность разуму и свободной личности, а также делает их доминирующими ценностями демократического общества»¹⁹.

Итак, рефлексивная функция интеллектуалов, работающих в области социальных наук, состоит в помощи людям в их работе по преодоле-

¹⁶ Миллс Ч. Социологическое воображение. М., 1998. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Там же. С. 22.

¹⁹ Там же. С. 213-214.

нию границ повседневности, пониманию исторических структур и определению своего места в мире. Их же политическая и просветительская миссия – научное и идеологическое содействие процессам дальнейшей демократизации общества. Ведь ни одно из существующих ныне обществ не является полностью демократическим. Вот почему роль интеллектуалов в развитии демократии только усиливается.

В-третьих, можно предположить далее, что социальная теория выражает идеологию средних слоев или «среднего класса». С этой точки зрения, социального интеллектуала необходимо рассматривать в качестве идеолога и просветителя среднего класса.

Как считает У. Гоулднер, значительная часть интеллектуалов, представляющих новый «средний класс», держащий нос по ветру, создают собственную социальную теорию, приспособленную к нуждам технологии управления правящей элиты. Эти интеллектуалы создают, по сути дела, «чиновничью» социальную теорию. Основной резерв кадров либеральной идеологии черпается из числа специалистов, близких или принадлежащих к либеральным кругам и входящих в систему управления²⁰.

Тезис о социальной (и социологической) теории как движении интеллектуалов, принадлежащих к среднему классу, поддерживается и некоторыми российскими исследователями. По мнению Н.Е. Копосова, «социальные науки – это интеллектуальный эквивалент среднего класса, культурным свершениям которого, увы, установлен предел. Они ориентированы на ремесленничество, на воспроизводство среднего уровня, в этом их сила, но в этом же их слабость. Поэтому и интеллектуалы, идеологи среднего класса и демократии, едва ли могут дать больше того, что у них есть. Но интеллектуалы – это мы, и средний класс – тоже мы»²¹. Поэтому ответственность за отсутствие моделей критически-рефлексивного изучения социальной реальности также лежит на нас, если мы считаем себя социальными интеллектуалами и теоретиками.

В-четвертых, интеллектуалы, занимающиеся социальной теорией, различаются между собой типом социокультурной идентичности. Часть из них не только представляет средние слои, но и очень часто выходит за узкие рамки их групповых норм и ценностей.

В некоторых странах, как например, в России, сообщество интеллектуалов долгое время находилась по другую сторону социальной идентичности, присущей средним слоям населения. По своему менталитету и духовному воздействию на общество они всегда были «больше», чем

²⁰ Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 557.

²¹ Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 7.

социальные ученые, но оказывали влияние на социальные изменения значительно меньше, чем западные интеллектуалы.

Особенность социальных наук в России заключается, по мнению Г.С. Батыгина, в ориентации интеллектуалов не столько на интерналистские нормы производства дисциплинарного знания, сколько на легитимацию социальных идентичностей и создание идеологий. Поэтому российское академическое сообщество является сообществом не профессиональным (автономным), а преимущественно интеллектуальным, так как интегрировано в систему воспроизводства и реформирования власти даже в том случае, когда у него возникает открытый конфликт с властью²².

Как полагает Батыгин, интеллектуалы такого типа — это не просто представители среднего класса, а незаинтересованная идеалистическая элита, не имеющая отношения к практике и заботам материального характера. Они живут для идеи, ориентируясь в своем поведении на фундаментальные ценности и утверждая моральные идеалы и символы, обладающие социальной значимостью. Интеллектуалы стремятся понять истину сегодняшнего дня, обращаясь к более высокой, всеобъемлющей истине, и поверяют свое обращение к фактам «бескорыстным долгом», считая себя хранителями абстрактных идей (истины, добра и справедливости).

Мне представляется, что Батыгин приписывает интеллектуалам некоторые черты интеллигенции, что не совсем правильно в данном контексте анализа. Чтобы понять различия между ними, уточним понятия «интеллектуал» и «интеллигент». Интеллектуал — это человек с высоко развитым интеллектом, использующий свои умственные способности в какой-либо профессиональной деятельности в соответствии с нормами и правилами, принятыми в данном сообществе (системе). Интеллигент же в европейских языках — это не просто интеллектуал, а человек, обладающий определенным набором духовно-нравственных и гражданских качеств, характеризующих его личное отношение к миру, стране, народу, их истории и культуре. Правила и нормы жизни интеллектуального сообщества здесь соизмеряются с научными убеждениями и ценностными ориентациями самого интеллигента.

Следовательно, понятие «интеллигент» уже понятия «интеллектуал». Далеко не всякий интеллектуал является интеллигентом. Для того чтобы

²² См.: *Батыгин Г.С.* Властители дум: миссия интеллектуалов и реформирование социальных наук в России //C:\Documents and Settings\Администратор\Local Settings\Temp\Rar\$EX00.281\Г.С. Батыгин – Властители дум. Миссия интеллектуалов и реформирование социальных наук в России.htm.

стать интеллигентом, необходимо перестать быть интеллектуалом в прагматическом смысле этого слова.

Главный признак в определении интеллигенции и интеллигентов заключается не в их профессиональном статусе и принадлежности к среднему классу, а в установке сознания на критическое созерцание социальных ценностей и воспроизводство публичного дискурса. Постоянный конфликт интеллигенции с властью может быть интерпретирован как «любовь-вражда». Если это так, то отчуждение интеллигенции является не столько результатом ее враждебного отношения к власти, сколько следствием чувства отлучения от власти.

В этом смысле Батыгин прав в том, что интеллектуализм представляет собой свободную, не связанную соображениями пользы умственную деятельность, сопряженную с претензией на моральное суждение, критическую позицию, игру и творческую оригинальность. Это — характеристика интеллигенции, а не интеллектуалов в целом. Поэтому позиция интеллигента предполагает оперирование символами общественной значимости, а их особенность — возможность быть вне институциональных рамок и сохранять свою независимость, одновременно сохраняя доступ к общественным ресурсам.

Чтобы быть интеллектуалом, не обязательно заниматься наукой, философией, литературой, искусством. Достаточно жить интеллектуальной жизнью. Для настоящего же интеллигента — это обязательное условие. Особое значение в формировании статусной идентичности интеллигентов имеют символические маркеры их жизни и деятельности: речевой стиль, внешний вид, круг чтения, этикеты, образы мира. Интеллигенты артикулируют и обеспечивают трансмиссию «социального мифа»: идеологий, норм морали и права, картин прошлого и будущего. Более того, они претендуют на установление критериев справедливого и несправедливого, достойного и недостойного, определяют представления о жизненном успехе и благосостоянии, сакральном и профанном.

Но если социальная теория — это интеллектуальная деятельность, а интеллектуалы — ее основные субъекты, то каковы же социальные и культурные различия между их основными группами?

Корпоративность и гражданственность интеллектуалов: социокультурные различия их теоретической деятельности

Внутри сообщества интеллектуалов, занимающихся проблемами социальной теории, наблюдается размежевание между двумя полярными группами: *интеллигенцией* как носительницей гражданских идеалов и

корпоративной группой интеллектуалов, находящихся на службе структур бизнеса и политики.

У интеллектуалов всегда имеется выбор: кому служить – субъектам власти, корпорации или гражданскому обществу?

У корпоративных интеллектуалов есть своя ниша в обществе. Они выступают, как правило, в качестве советников и консультантов бюрократических организаций и бизнес-структур и поэтому вынуждены смириться с утратой моральной автономии и академической независимости, а свои способности подчиняют целям управления и манипулирования поведением людей²³.

Задача интеллигентов совершенно иная. Она заключается в том, чтобы всегда оставаться независимыми, делать свою работу, самим выбирать проблемы и определять границы свободы в соответствии с ценностями разума и с целью прояснения оснований жизненного опыта и улучшения условий повседневной жизни людей. Главное, что отличает интеллигентов от обычных интеллектуалов – это авторский взгляд на социальную реальность и высокая гражданственность. В отличие от корпоративных интеллектуалов, являющихся анонимными авторами и пользователями научной продукции, которая принадлежит их корпорации, интеллигенты располагают правом на собственную авторскую позицию.

Корпоративная и гражданская культуры в сообществе интеллектуалов определяют два разных стиля в социальном теоретизировании. Их некоторые принципиальные различия можно зафиксировать при помощи следующих дуальных оппозиций (см. табл.).

Первая линия дифференциации корпоративной и гражданской культур в интеллектуальном сообществе намечается по линии построения картин социального мира.

Для носителей корпоративной культуры свойственно восприятие сообщества как живого организма, поддержание жизнедеятельности и работоспособности которого важнее судьбы каждого отдельного человека. Этот организм живет по своим законам и объединяет людей на основе общих ценностей и норм в единое сообщество. Такое представление о корпоративном сообществе исключает или ограничивает автономию и свободу интеллектуалов.

Напротив, гражданская культура определяет автономную авторскую позицию и высокий идейно-нравственный потенциал интеллигенции. Сообщество интеллигентов состоит из личностей, а его жизнь определяется их коллективной волей и согласованными решениями.

²³ См.: Миллс Ч. Социологическое воображение. М., 1998. С. 205.

Таблица

Индикаторы развития культуры	Типы культуры интеллектуального сообщества	
	Корпоративная	Гражданская
Открытость/ закрытость	Социальная теория как закрытая (или полузакрытая) система, ограничивающая "вход" в сообщество посторонних участников	Социальная теория как открытая система, доступная для вхождения других участников, не принадлежащих формально к данному движению или сообществу
Внутренняя/внешняя ориентация	Регламентируется и регулируется в основном внутренняя жизнь сообщества интеллектуалов	Направлена на включение сообщества интеллектуалов в гражданское общество
Автономность/ зависимость	Личная и групповая зависимость членов сообщества интеллектуалов от бюрократического руководства, анонимное авторство на интеллектуальную продукцию	Личностная автономия интеллектуалов, их авторская позиция при условии соблюдения гражданских идеалов и ценностей
Разнообразие/ однообразие	Униформность и однотипность корпоративных норм и принимаемых решений в сообществе интеллектуалов	Плюрализм культурных образцов в интеллектуальном сообществе и толерантность в их принятии
Директивность/ демократичность	Преобладание директивного стиля руководства и взаимоотношений в сообществе интеллектуалов	Демократичность сообщества интеллектуалов, преобладание отношений "по горизонтали"
Декларативность/ конструктивность	Декларируемая свыше или принятая формальным большинством сообщества система представлений о приоритетах ее развития	Выработка приоритетных решений происходит в сообществе интеллектуалов "снизу вверх" и во многом независимо от мнения формального руководства
Индивидуализм/ коллективизм	Доминирование корпоративных идеалов и ценностей в сообществе интеллектуалов	Преобладание индивидуально-личностных начал в жизни сообщества интеллектуалов
Рациональность/ традиционность	Сочетание рационально обоснованных решений с имеющимися в сообществе корпоративными традициями	Развитие гражданских ценностно-рациональных начал сообщества в противовес или в дополнение существующим традиционным устоям
Инновационность/ консервативность	Избирательное использование нововведений в социальной теории и сообществе интеллектуалов корпорации	Сфера распространения инноваций определяется в зависимости от творческой активности членов сообщества и их авторскими позициями

Второе важнейшее различие гражданского и корпоративного стиля теоретизирования состоит в понимании характера взаимодействия субъекта познания с внешней средой. Корпоративная культура – это культура конкуренции и борьбы за господство на рынке интеллектуальных услуг. Во имя достижения своекорыстных интересов корпорация интеллектуалов готова иногда идти на любые издержки нравственно-психологического характера, не затрагивающие напрямую экономических и политических основ ее существования.

Совершенно иначе обстоит дело в сообществе интеллигентов, придерживающихся модели гражданской культуры. Для такого сообщества социальная теория есть поле конструктивного познавательного взаимодействия между равноправными партнерами. Состязательность здесь носит второстепенный характер. Главное – не господство или победа над

другими, а обмен идеями и расширение пространства свободного дискурса в области социальной теории.

Если предположить, что миссия второй группы интеллектуалов в области социальной теории состоит в формировании гражданской культуры и утверждении гражданских идеалов, то следует уточнить понимание последней.

Так, известный специалист по проблемам гражданской культуры Г. Алмонд понимает ее как смешанную форму политической культуры, соединяющую в себе элементы *приходской культуры* (где отсутствует конкретизация политической роли), *подданнической культуры* (где отношение к политической системе является в целом пассивным, подчиненным) и *культуры участия* (где члены общества активно вовлечены в управление). Активистская культура или культура участия является, скорее, утопическим идеалом, чем реальным делом индивидов. Ни в одном, даже самом демократичном обществе, она не существует в чистом виде.

Гражданскому обществу, в котором присутствуют различные, порой полярные силы и движения, в меньшей степени соответствуют стандарты комбинированной, многослойной культуры, понимаемой в духе Алмонда. Поддерживая баланс между властью и ответственностью, традиционная культура устанавливает разумные пропорции между активновлиятельными и пассивными ролями субъектов общественно-политической жизни. Она примиряет враждующие стороны и снимает напряжения в обществе за счет ограничения прав и свобод отдельной личности.

Однако, с моей точки зрения, комбинирование форм гражданской культуры происходит в контексте ее соотношения с авторитарной культурой и совершенно по иным основаниям: активность — пассивность (культура участия — культура отчуждения), зависимость, определяемая рамками господствующей морали — автономия, основанная на чувстве долга (культура подчинения — культура добровольного служения). Гражданская культура интеллектуала — это активная, автономная культура, культура добровольного и ответственного служения.

В гражданской культуре интеллектуального сообщества отсутствуют какие-либо единые, предписанные «сверху» требования и нормы, помимо нравственных и собственно научных критериев. Чтобы соответствовать интересам интеллектуального сообщества, такая культура должна не только подчинять свои нормы и ценности требованиям индивидуальной свободы (самостоятельности, инициативы и предприимчивости), но и выработать ограничения (запреты), предотвращающие или исключающие возможность индивидуального или коллективного произвола, беззакония и нарушения прав и свобод других людей.

Гражданская культура – это культура, ориентирующая исследователей на активное, критическое и рациональное освоение социальной действительности. Гражданская рациональность имеет своим основанием идеал социальной свободы людей и, прежде всего, свободы их самовыражения и самореализации посредством тех или иных социокультурных форм (труда, творчества, социального участия, досуга и т.д.).

Таким образом, гражданская культура как историческая разновидность культуры обладает специфическими чертами и качественной определенностью, позволяющей отличать ее от культуры традиционных обществ. Особенности данной культуры являются автономность, рационально-критическое отношение к действительности, демократичность, толерантность и плюрализм.

До недавнего времени в России преобладал подданныческий и авторитарный типы политической культуры. И только в последнее десятилетие стала провозглашаться культура социального участия, которая является лишь одной из форм гражданской культуры. Культура гражданственности существовала в нашей стране еще с конца XVII в. Она вовсе не является достоянием тех перемен, которые произошли в российском обществе за последние 20 лет.

Применительно к ситуации, сложившейся в сообществе интеллектуалов в конце XX в., необходимо отметить следующее: *навязываемая сверху господствующая (либеральная) идеология настаивает на утверждении культуры участия как частичного и дозированного привлечения граждан к решению социально значимых проблем, тогда как истинная гражданская идеология исходит из приоритетности культуры общественного служения (служения идеалам и ценностям свободы) перед культурой социального участия.*

Гражданский этос как самосознание интеллектуалов

Применительно к анализу культуры интеллектуального сообщества в целом принято использовать термин «гражданский этос», характеризующий социальное самосознание и социокультурную идентичность интеллектуалов как субъектов гражданского общества.

Во-первых, гражданский этос интеллектуала как социального теоретика возникает не между политической культурой и слоями обыденного, зачастую ложного сознания, а внутри гражданской культуры как ее особенная часть и специфическое ментальное образование. Его особенность и самобытность определяется направленностью личности не на утверждение примата личных интересов, а на раскрытие родовых сущностных сил человека посредством тех исторических и национально-специфичных форм культуры, которые предоставляют ему реальные свободы и права.

К культуре гражданственности интеллектуалов и ее доминирующей черте — гражданскому этосу — следует отнести такие теоретические принципы и практические условия, как свободное и разностороннее развитие человека в пределах данной социокультурной формы; приоритет и конкретно-историческая реализация родовых ценностей; достижение гармонии индивидуальных и общественных интересов, наличие согласия по принципиальным мировоззренческим вопросам, где определяющим является отношение к человеку; установка на освобождение человека от сковывающих его творчество природных и социальных уз; требование защиты конкретных прав и свобод личности; признание уникальности каждого человека и значимости всех цивилизованных форм жизни, плюрализм и др.

Не абстрактные идеалы свободы, формальное равенство, так называемые общечеловеческие ценности, составляющие ядро идейных представлений либералов, а реальная свобода человека, рассматриваемого в определенных культурно-исторических условиях, — вот что является критерием гражданственности интеллектуальной деятельности.

Во-вторых, гражданский этос интеллектуалов появляется в ходе анализа и преодоления противоречий между «системным» и «жизненным» мирами социума, в котором они живут и работают.

Именно к системно-формальному миру относятся корпоративная культура интеллектуалов, культура их политического участия, некоторые формальные принципы и права их профессиональной деятельности. Попытки навязать гражданскому этосу интеллектуалов принципы деловой, профессиональной или иной корпоративной этики означают на самом деле «растворение» их научной деятельности в логике системного мира, в котором формальные возможности не всегда подкреплены реальными условиями для обеспечения свободы научного творчества.

Несколько иначе обстоит дело с культурой «жизненного мира» интеллектуалов, в которой реализуются их частные интересы и потребности, а также их объединений (семья, дружеские компании, этнические группы и пр.). Однако никакие неформальные связи людей, осуществляемые «по горизонтали», в т.ч. их обязанности перед семьей, коллегами, партнерами, членами многочисленных сообществ, не могут заменить их гражданского долга, направленного на исполнение родового предназначения человека.

В-третьих, нравственное содержание гражданского этоса интеллектуала обусловлено его потребностью в достижении свободы творчества и самовыражения и в развитии на этой основе родовых начал деятельности.

Можно лишь отчасти согласиться с мнением тех исследователей, которые усматривают существо свободы в обеспечении стремления личности быть самой собой, полнокровно реализоваться в творчестве и иметь достойный уровень жизни. Сфера персональной свободы интеллектуала как личности — это пространство сугубо индивидуального и/или одновременно рационально-критического отношения к социальному миру и самому себе. Она наделяет исследователя правом авторства на его картину социального мира и дает представления о его месте в нем.

Приведем для иллюстрации высказывание отечественных авторов: «Интересы, взгляды, моральные предпочтения, «репертуар» свободного выбора определяется при этом не столько высокой степенью слитности личности с группами, вынужденной навязываемой групповой (производственной, профессиональной, территориальной, поколенческой, этнонациональной, партийной и т.п.) принадлежностью, сколько широтой ее умственного кругозора, уровнем знания, неповторимостью. Именно они характеризуют личность как универсальное существо (идентификация с человеком, вселенская ориентация поведения), плюралистическое существо (идентификация с множеством групп и ассоциаций), как члена новой становящейся постиндустриальной или глобальной цивилизации»²⁴.

К гражданскому этосу интеллектуала относятся в первую очередь исторически обусловленная универсальность его личности, плюралистичность и автономия его социальной и научной позиции. Они выражают высокую степень его ответственности за судьбу общества и всего человечества.

В-четвертых, идейными предпосылками социальной теории выступают гражданская свобода и родовой человек.

Гражданская свобода, если отвлечься от ее формально-юридического определения, означает реальную возможность и реальное право интеллектуала быть субъектом родовой деятельности с учетом национально-специфических и культурно-исторических особенностей, привносимых данным социумом или группой. В широком смысле она тождественна пространству свободного осуществления родовой деятельности человека в целом, а в более узком смысле — относительной свободе и самостоятельности субъекта научного творчества, существующего в определенных социокультурных условиях.

Родовой человек — это не абсолютный идеал, а, скорее, идеальный тип социальной теории, предел устремлений ученого как разумного и

²⁴ Бахштановский В.И., Согомонов Ю.В. Социально-политический процесс и гражданский этос: феномен ко-эволюции // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 38.

свободного существа, осознавшего свою ответственность за судьбы мира и окружающих его людей. Поэтому гражданственность позиции интеллектуала есть не только его высокое нравственное подвижничество, служение обществу и всему человечеству, но и готовность удерживать целостность жизни в будничных делах и маленьких поступках, сколько бы незначимыми они ни казались²⁵.

Реализация родовых способностей и гражданских свобод личности как идейная основа социальной теории требует от интеллектуала невероятных нравственных усилий и творческого напряжения.

Таким образом, гражданский этос интеллектуала представляет собой *идеальное* (в рамках социальной теории) и *реальное* (в пределах научного, социального и жизненного опыта) воплощение обобщенного образа родового человека и культурно освоенного пространства человеческой свободы в конкретно-исторических условиях развития социума. Только обладая таким этосом, интеллектуал вправе выдвигать и отстаивать ту или иную социальную теорию, претендующую на общественное признание и социокультурную значимость.

Выводы

Приведем теперь некоторые ключевые тезисы данной статьи.

1. Социальная теория является ответом на вызовы, которые предъявляет общество своим интеллектуалам (философам, социологам, антропологам и пр.). Она призвана реализовать их рефлексивно-критическую миссию в обществе.

2. Социальная теория есть особая, символическая форма организации социального и научного опыта ученого, а также специфическая практика, которая предоставляет субъектам общества модели (картины) социального мира и технологии его преобразования. Идеи, вырабатываемые данной теорией, становятся «объективными мыслительными формами» (объективными смыслами), как только они проникают в сознание других субъектов и становятся движущей силой их социального и интеллектуального развития. Поэтому она должна располагать всеми функциями, необходимыми для познания и преобразования общества (научно-познавательная, рефлексивная, идейно-просветительская).

²⁵ Для иллюстрации данного тезиса приведу слова Вивикананды. «В высоком положении, — писал он, — кто угодно может быть великим... Все более и более истинное величие представляется мне в образе червячка, который делает свое дело молча и постоянно, из часа в час, из минуты в минуту!» (Роллан Р. Жизнь Рамакришны; Жизнь Вивекананды. М., 1991. С. 332).

3. Кризис социальных теорий выражает более глубокие противоречия, лежащие в основе современных западных обществ, идеалы и ценности которых были значительно деформированы за последние сто лет. Поэтому эти теории подвергаются сегодня идейной экспансии, а их носители – воздействию со стороны институтов, созданных в интересах властвующих элит. Мировоззренческой основой официальных социальных (как либеральных, так социалистических) доктрин выступает система взглядов на человека как объект управления и манипуляции (реализация формулы «человек для общества»).

4. Исторической миссией социальной теории является преодоление, с одной стороны, академической корпоративности, а, с другой – идеологической ангажированности, подчиненности существующим догмам и идеологемам (либерализм, социализм и пр.). Поэтому критика существующих социальных теорий есть, во-первых, критика оснований социального и научного опыта ученых, а, во-вторых, критика несанкционированного социального мира, картины которого предлагают апологеты различных идеологий (либеральных, социалистических, консервативных и пр.).

5. Истинной целью рефлексивной теории является прояснение оснований жизненного опыта людей и путей улучшения их социальной жизни (реализация формулы «общество для человека»). Она берет на себя ответственность за существование человека и достижение более совершенного общественного устройства. Политическая миссия социальной теории – содействие демократизации общества. Именно такая теория нужна гражданскому обществу, утверждающему идеалы и ценности свободы и демократии.

6. Социальные теории выражают в субъективном смысле жизненную позицию ученых, а в институциональном плане представляют собой их организованное движение за создание санкционированных картин социального мира, адекватных их представлениям о месте человека в обществе. Интеллектуалы, занимающиеся социальной теорией, должны обладать развитым социологическим воображением, которое позволяет связать исторические изменения, происходящие в обществе и мире в целом, с личностными изменениями, которые затрагивают повседневную жизнь людей.

7. Социальные теории в современном демократическом обществе отражают идеологию среднего класса, приспособленную к нуждам технологии управления правящей элиты. Если в западных странах они служат интеллектуальным эквивалентом средних слоев и продолжают сохранять свою научную автономию, то российское академическое сообщество гораздо более интегрировано в систему воспроизводства и рефор-

мирования власти. Отечественные интеллектуалы всегда претендовали на установление критериев истины, добра, свободы и справедливости. Именно это обстоятельство делает их зависимыми от разного рода идеологических течений.

8. Сообщество интеллектуалов, работающих в области социальной теории, дифференцировано на две полярные группы: *интеллигенцию* как носительницу гражданских идеалов и *корпоративную группу* интеллектуалов, находящихся на службе структур бизнеса и политики. Корпоративные интеллектуалы вынуждены смириться с утратой своей моральной автономии и академической независимости, подчиняя свои способности системе управления и манипулирования поведением людей. Гражданские интеллектуалы ориентированы в своей теоретической деятельности на создание картин санкционированного социального мира, основанных на идеалах свободы и демократии.

9. Гражданская культура как поле деятельности интеллектуалов, принадлежащих к интеллигенции, развивается в двух формах: социальное участие и служение гражданским идеалам и ценностям. Она выражает рационально-критическое отношение к социальной действительности и имеет своим основанием идеал свободного развития родового человека.

10. Гражданский этос (как самосознание гражданской культуры) формируется лишь у определенной части интеллектуалов, занимающихся социальной теорией. Его характеризуют такие черты, как универсальность (идея вселенской сущности человека), плюрализм, свобода (в т.ч. свобода творчества) и личностная автономия. В нем соединяются идейное содержание теоретической деятельности ученого (служение гражданским идеалам и ценностям), его независимая авторская позиция и практическое участие в делах общества, основанное на чувстве гражданского долга и ответственности.

Наши издатели

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ОБЩЕСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Уважаемые коллеги!

Представляем Вашему вниманию новый научно-организационный проект – *Междисциплинарное общество социальной теории* – творческое объединение ученых, сторонников интеграции социально-гуманитарных наук. Идея создания такого Общества нашла поддержку среди ученых во многих регионах России, а также в странах ближнего зарубежья – Белоруссии, Украине и Казахстане.

Краткая предыстория

Проблема образования профессионального сообщества, которое объединяет представителей разных социально-гуманитарных наук, изучающих теоретические проблемы человека, культуры и общества обсуждалась в Институте человека РАН и редакции журнала «Личность. Культура. Общество» еще в начале 2002 г. Ее инициаторы – Е.М. Бабосов (г. Минск), В.С. Барулин (г. Москва), П.К. Гречко (г. Москва), Г.М. Евелькин (г. Минск), В.С. Диев (г. Новосибирск), В.Ж. Келле (г. Москва), А.М. Кузнецов (г. Владивосток), В.В. Митрошенков (г. Москва), К.Х. Момджян (г. Москва), К.С. Пигров (г. Санкт-Петербург), В.И. Разумов (г. Омск), Ю.М. Резник (г. Москва), Н.А. Степанов (г. Рязань), В.В. Щербина (г. Москва), Б.Г. Юдин (г. Москва) и др.

Шаги к созданию Общества делались и на последующих конференциях и семинарах (на Всероссийском философском конгрессе 2005г.), на которых был сформирован Оргкомитет, усилиями которого эта идея сегодня становится реальностью.

Образование Общества обусловлено следующими факторами:

- потребностью в решении фундаментальных и прикладных проблем социальной теории;
- необходимостью восстановления лучших теоретических традиций отечественных ученых, их готовностью объединить свои усилия по организации совместных научных проектов и программ;
- потребностью в полноценном представительстве в деятельности международных научных ассоциаций.

В *структуру Общества* входят руководящие органы (Общее собрание, Администрация или исполнительная Дирекция, Научный совет), научные центры, секции, исследовательские комитеты, проблемные группы, образовательные, издательские и иные подразделения.

Целями Общества являются:

1. Всемирное содействие интеграции и развитию междисциплинарных исследований человека, культуры и общества на основе новых подходов в социальной теории.

2. Координация деятельности ученых по междисциплинарным направлениям и проектам социально-теоретического знания (исследовательские комитеты, секции и проблемные группы).

3. Организация и проведение научных конференций, методологических семинаров, конференций и дискуссий (в т.ч. заочных) по различным проблемам современной социальной теории.

4. Подготовка научных изданий — альманахов, журналов, сборников научных трудов и коллективных монографий по проблемам социальной теории.

5. Развитие международного сотрудничества в области социальной теории и методологии социального познания.

6. Создание условий для профессионального продвижения талантливой научной молодежи, в т.ч. организация и проведения Школ социальной теории для молодых ученых.

Направления деятельности и основные проекты Общества (на ближайшую перспективу):

· *Организационно-правовая деятельность* — создание и развитие региональных центров социальной теории, регистрация потенциальных участников — организаций (вузов, научных институтов), готовых войти в состав Общества как объединения юридических лиц;

· *Научно-организационная и образовательная деятельность* — проведение ежегодного международного научного симпозиума по социальной теории (г. Рязань); проведение ежемесячных заседаний Московского междисциплинарного семинара «Социальная теория и методология социального познания»; организация серии конференций и семинаров под эгидой межвузовских центров и проблемных групп по социальной теории; проведение ежегодной Школы социальной теории для молодых ученых;

· *Издательская деятельность* — издание научного альманаха «Вопросы социальной теории»; подготовка и издание Библиотеки журнала «Личность. Культура. Общество», в т.ч. серии научных трудов отечественных социальных ученых «Социальная теория в России»; публикация статей

и других материалов в специальной рубрике журнала «Современная социальная теория».

Сегодня уже сформирован ряд научных подразделений, способных составить структуру Общества:

1. *Межвузовский центр социальной теории* в РУДН, г. Москва (зав. кафедрой социальной философии – д.ф.н., проф. П.К. Гречко; научный руководитель – д.ф.н., проф. Ю.М. Резник, ученый секретарь – к.ф.н., доц. А.М. Орехов).

2. *Межвузовский центр социальной теории* в ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары (научный руководитель центра – д.ф.н., проф. Ю.М. Резник, зам. руководителя – д.п.н., доц. М.Б. Кожанова).

3. *Межвузовский центр социальной теории* в ЗГГПУ, г. Чита (научный руководитель центра – д.ф.н., проф. Ю.М. Резник, зам. руководителя – к.ф.н., доц. Т.В. Бернюкевич).

4. *Группа социальной теории и социальных проблем образования* в РГУ им. С.А. Есенина, г. Рязань (зав. кафедрой социологии и управления, руководитель группы – к.ф.н., доц. Н.А. Степанов).

5. *Группа социальной теории и проблем регионального развития* в ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, г. Омск (зав. кафедрой философии, руководитель группы – д.ф.н., проф. В.И. Разумов).

6. *Группа социальной теории и проблем развития местных сообществ* в ИвГУ, г. Иваново (проректор по научной работе – д.и.н., проф. Д.И. Польшвинный Д.И.; участники проекта: д.с.н. Е.А. Смирнов, д.полит.н., проф. Ю.М. Воронов).

7. *Группа социальной теории и комплексных проблем личности* в КГТУ, г. Курск (зав. кафедрой философии и социологии, руководитель группы – д.ф.н., проф. П.Ф. Кравчук).

8. *Группа социальной теории и конфликтологии* в КГТУ, г. Казань (зав. кафедрой конфликтологии, руководитель группы – д.с.н., проф. А.Л. Салагаев).

9. *Группа социальной теории и проблем социологии культуры* в Институте социологии НАНБ, г. Минск (директор – д.с.н., проф. Г.М. Евелькин, руководитель группы – к.ф.н., доц. А.Л. Абушенко).

Президиум Ассоциации «МОСТ»

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. И.Я. ЯКОВЛЕВА

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева был открыт 10 июня 1930 г. Он стал преемником Симбирского чувашского практического института народного образования, функционировавшего в 1921-1923 годах на базе бывшей Симбирской чувашской учительской школы.

За достигнутые успехи в подготовке педагогических кадров в 1980 году университет награжден орденом Трудового Красного Знамени.

За 77 лет своей истории педагогический университет – первенец высшего образования Чувашской Республики – подготовил более 42 тысяч учителей, среди которых Герои Советского Союза и Социалистического Труда, народные учителя, известные писатели и поэты, видные государственные деятели, заслуженные работники образования, науки, культуры, спорта. Вуз знаменит своими выдающимися учеными-педагогами, среди них член-корреспондент Академии педагогических наук М.Я. Сироткин, академик РАО Г.Н. Волков, академик Российской академии педагогических и социальных наук Ю.П. Сокольников, профессора, заслуженные деятели науки РФ Д.Д. Ивлев, Г.А. Анисимов, Л.П. Сергеев и многие другие.

В начале XXI века жизнь все настойчивее требует от университетов стать более динамичными, гибкими и чувствительными к социальным, научно-техническим, технологическим и экологическим потребностям, инновациям и международной конкуренции. Происшедшие и происходящие изменения в российском образовательном законодательстве существенно влияют на выбор стратегии развития вуза, еще более актуализируют разработку модели его поведения в новых условиях.

Структура и направления подготовки специалистов. В настоящее время подготовка педагогических кадров в нашем университете ведется на 12 факультетах и 57 кафедрах по 44 специальностям высшего профессионального образования по очной и заочной формам обучения.

В последние годы в вузе существенно изменилась структура подготовки специалистов, расширился спектр реализуемых образовательных программ, появились новые профили подготовки. Так, подготовка специалистов в университете осуществляется по 8 группам специальностей:

«Образование и педагогика»; «Гуманитарные науки»; «Культура и искусство»; «Экономика и управление»; «Технология продовольственных продуктов и потребительских товаров»; «Транспортные средства»; «Сфера обслуживания»; «Безопасность жизнедеятельности, природообустройство и защита окружающей среды».

Кадровое обеспечение учебного процесса всегда было и остается важнейшим условием качества подготовки специалистов. Образовательный процесс в 2006/2007 учебном году в университете обеспечивало 734 преподавателя, из них 546 штатных преподавателей. 343 преподавателя имеют ученые степени и звания (62,8%), в том числе докторов наук и профессоров – 55 чел. (10,1%).

Университет располагает современными источниками учебной информации в объемах, достаточных для успешной реализации всех основных образовательных программ подготовки специалистов. На сегодняшний день фонды научной библиотеки насчитывают около 740 тысяч экземпляров.

В учебном процессе используется более 400 компьютеров. На факультетах функционируют 18 компьютерных классов, объединенных в единую локальную сеть университета. Из всех компьютеров, подключенных к единой локальной сети университета, имеется выход в Интернет.

Многие процессы в библиотеке автоматизированы, функционирует электронный каталог, электронный читальный зал. Со всех учебных корпусов имеется доступ к электронным ресурсам: локальным (электронный каталог, полнотекстовые базы данных, медиатека) и распределенным (сеть вуза, региональная Интрасеть, Интернет). Библиотека находится в зоне беспроводного подключения к Интернет (Wi-Fi). Ведется – web-страница «Библиотека» на сайте университета.

В целях наиболее полного обеспечения образовательного процесса учебной литературой кафедры университета целенаправленно работают по созданию собственных учебников, учебных пособий и других учебно-методических разработок.

Общее количество учебных изданий, выпущенных за последние 5 лет, составляет 1669 наименований, из них 409 – учебники и учебные пособия, 1260 – учебно-методические пособия.

Подтверждением высокого качества подготовки специалистов в вузе явилось признание его одним из лучших вузов России и награждение Золотой медалью «Европейское качество», а также присвоение ректору Г.Н. Григорьеву почетного звания «Ректор года – 2005».

Научно-исследовательская работа. Одним из главных направлений деятельности вуза была и остается *научно-исследовательская работа* пре-

подавателей и студентов, которая осуществляется по таким наукоемким технологиям, как живые системы, индустрия наносистем и материалов, информационно-телекоммуникационные системы, рациональное природопользование, энергетика и энергосбережение.

К настоящему времени в вузе сформировались и успешно функционируют 6 научных и 11 научно-педагогических школ, а также Научно-исследовательский институт этнопедагогике, Межвузовский центр социальной теории и 5 научно-исследовательских лабораторий, в т.ч. лаборатории РАН при ЧГПУ им. И.Я. Яковлева «Механика предельного состояния», лаборатория чувашской диалектологии, лаборатория экспериментальной биологии, лаборатория «Формирование личности будущего учителя в условиях модернизации образования», лаборатория педагогики и психологии детства.

В рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование» подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации в университете ведется по 28 специальностям, где успешно функционируют 3 диссертационных совета: два — по защите докторских диссертаций и один — по защите кандидатских диссертаций.

Известно, что высшей формой самостоятельной работы студентов является их научно-исследовательская деятельность. В прошлом учебном году из 5072 студентов очной формы обучения в НИРС приняло участие 4346 (85,7 %), в т.ч. в НИР кафедр — 876 чел. Ими было опубликовано 448 статей, в т.ч. 272 — без соавторов. Результаты этой деятельности успешно использовались студентами при выполнении курсовых и дипломных работ.

Традиционно итоги научно-исследовательской работы студентов подводились на вузовских научно-практических конференциях. В рамках «Дней науки» работало 330 секций, где с сообщениями и докладами выступили свыше 3600 студентов, из которых 173 человека заняли призовые места. В последнее время 120 студентов приняли участие в международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях.

В целях дальнейшего совершенствования научно-исследовательской работы и повышения её результативности коллектив университета ориентирован на следующие задачи:

- обеспечение эффективной подготовки кадров высшей научной квалификации;
- расширение форм сотрудничества преподавателей с учеными ведущих научных центров и вузов Российской Федерации и зарубежных стран;
- увеличение числа профессорско-преподавательского состава, на-

учных сотрудников, докторантов, аспирантов и студентов, участвующих в выполнении научных исследований по различным федеральным и республиканским грантам, а также по хоздоговорам;

- повышение качества издаваемой в вузе учебной и учебно-методической литературы и более широкое участие авторов печатных изданий в федеральных и местных конкурсах университетской книги;

- активизация работы совета молодых ученых и студентов по всем направлениям научно-исследовательской деятельности.

Ректор, профессор Г.Н. Григорьев

О РЕФЛЕКСИВНОМ ПОДХОДЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ (ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА)

В заключении я не буду представлять результаты проделанной работы, как это принято делать в подобных случаях. Мне бы хотелось написать о том, что мне лично не удалось сделать в своих книгах¹ и почему я считаю свои разработки лишь частной попыткой рефлексивного выражения социальной теории.

Именно к рефлексивному подходу, предполагающему критическое отношение к собственному опыту и своему научному окружению, я постепенно пришел на протяжении последних лет.

1. В соответствии с традиционным разделением философии на онтологию и гносеологию (или эпистемологию) я предложил дифференцировать социальную теорию на два основных раздела — *социальную онтологию* (знание о природе социальной реальности) и *социальную эпистемологию* (знание о системной организации социального знания). Но мне так и не удалось провести четкую границу между научным знанием о социальном мире и знанием о социальном знании.

По-видимому, необходимо было с самого начала ввести читателей в свой замысел и представить традиционную социальную эпистемологию как «*знание о знании знаниевых социально-научных систем*», что мне удалось сделать лишь частично.

2. Мне не удалось убедить себя и читателей в том, что мир системно универсален или универсально системен. Я лишь пришел к гипотетическому выводу о том, что какая-то часть это мира имеет системную природу, а другая или, возможно, другие пребывают в спонтанном состоянии и развитии, в которых стремление к воспроизводству целостности уступает место тенденции к бесконечному разнообразию форм социального бытия.

В результате я попытался усилить мысль Ю. Хабермаса о том, что в современном социуме *существует системный мир*, в котором царит фор-

¹ См.: Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная эпистемология. М., 1999; Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная онтология. М., 1999; Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М., 2003.

мальная рациональность или организованная системность, а наряду с ним существует мир жизненный как сфера повседневной реальности людей.

Все, что было и остается основным лейтмотивом моих книг, оказалось вынесенным за скобки и теоретически соотнесенным лишь с этим фрагментом социальной реальности, гипотетически наделяемым условно-символической системностью. Да, действительно, системная часть социального мира локализована не только в реальном физическом пространстве, но и в пространстве мысли (мыследеятельности).

3. Мысль о возможном существовании системного мира социума побудила меня к дальнейшему развитию «трехаспектной» модели социума. Вслед за П. Сорокиным и Т. Парсонсом я взялся за построение собственной модели системного социального мира, в понимание которого были введены три категории анализа — «личность», «культура» и «социальная организация. Увы! Мне так и не удалось показать органическое единство этих сторон, аналитически вычлняемых в рамках данной модели социума.

4. Мне не удалось в полной мере развернуть в своих книгах и статьях по социальной теории положение о том, что *системность есть способ конструирования деятельности людей, как познавательной, так и практической*. Именно через деятельность люди воздействуют на реальные и воображаемые «объекты» окружающей действительности.

Человечество обладает, как известно, разными познавательными инструментами конструирования мира, разделяемого благодаря этому на «мир-вокруг» и мир-в-себе», «мир-для-других» и «мир-для-себя», «мир-как-сущность» и мир-как-существование» и пр. Это разделение проявляется и в соотношении *практики* (способа предметно-чувственного преобразования мира) и *познания* (способа мысленного конструирования мира). При помощи первой мы изменяем материальные свойства социального мира, посредством второго — картину этого мира как рационально обоснованного и символически обобщенного знания о нем.

5. Тезисы о незавершенности предлагаемого мною проекта социальной теории заставили отказаться от построения новой модели, выражающей в обобщенном виде преимущества всех других моделей.

Раз социальный мир имеет конструируемую природу и его системная организация есть ни что иное, как рациональное построение этого мира, то стоит ли дальше заниматься чрезмерной «онтологизацией» социальной реальности и «объективизацией» социального знания?

Логика системного конструирования социальной реальности имеет свои научно-познавательные и практические пределы. Но прежде чем достичь ее границ, необходимо вначале достроить системное социальное

знание снизу доверху. Именно этим мне пришлось заниматься в третьей части своей книги (см.: «Введение в социальную теорию. Социальная системология»), обращаясь к работам признанных авторитетов философии и науки.

Но любой здравомыслящий читатель скажет, что этого недостаточно, чтобы претендовать на построение системной картины социального мира, которая бы отвечала требованиям научности и достоверности.

Но моей целью была вовсе не разработка социальной теории, как таковой. Эта задача оказывается не по силам даже большой группе исследователей. Назначение моей научной работы состояло в другом, а именно – в *формировании рефлексивной модели конструирования социальной реальности*, призванной не сколько описывать или объяснять саму реальность, сколько представить в символически обобщенной форме результаты познавательных действий людей, именующих себя социальными исследователями и теоретиками.

6. Вот так, шаг за шагом я пытался убедить компетентного читателя и самого себя в том, что мне не удалось сделать невозможное – построить и обосновать формально-логическими средствами научную картину социального мира. Но такая констатация выглядит, по крайней мере, как новая претензия автора на достижение запредельных оснований социальной теории².

Другими словами, получение нового знания о системных объектах не является самоцелью в моих работах. Я могу конструировать не новое, а просто «иное» знание, выходящее по своему содержанию за черту привычного и традиционно понимаемого знания. Иное в данном контексте и есть «запредельное», т.е. постигаемое при помощи других средств познания.

С другой стороны, я предлагаю не новое знание, а новый подход к организации научно-познавательной деятельности. И тогда системное знание рассматривается как одно из возможных средств этой деятельности, а системность в целом как способ ее конструирования, а не атрибут социальной реальности, на изучение которой претендуют теоретики.

Таким образом, я лишь обозначил точки интеллектуального напряжения, но еще не убедил читателя в своей правоте. Ведь системно мыс-

² Термин «запредельный» здесь употребляется в смысле возможного выхода социальной теории за рамки формальной логики и правил логического вывода, делающих социальное исследование научным в строгом смысле этого слова. Потому что построить такую картину – это, значит, задействовать весь арсенал формально-логических средств социально-научного анализа и выйти за пределы «знаниевого» подхода к анализу социального мира.

литель — это, значит, в моем понимании представлять мир (или совокупность объектов этого мира) системным образом, т.е. задавать совершенно иные (возможно, далеко не новые) основания бытия человека.

В другой же системе координат степень новизны деятельности человека невероятно возрастает. Однако стремление упорядочить свой или чужой опыт конструирования не следует воспринимать как попытку создания новой социально-научной концепции. Это — предельное основание существования и развития «знаниевого» подхода. Мы же всего лишь допускаем возможность иного, например, рефлексивного подхода к организации социальной теории. Системность социального бытия и социального знания является для нас лишь символическим средством и в лучшем случае поводом, а не основанием познания.

Чтобы окончательно разъяснить свою позицию, приведу еще один довод. Системное конструирование является способом производства познавательных и символических средств, позволяющих объяснять «объективную» (и «интерсубъективную») реальность, т.е. реальность первого порядка (социальный мир) и символическая («интерпретативную») реальность, т.е. реальность второго порядка (представления самих субъектов о социальном мире), помещая их в резервуар знания и кладовую «знаниевого» подхода. Если же мы хотим выйти за пределы такого подхода, то тогда следует ввести категорию системности как конструируемой реальности.

Системная или конструируемая реальность наиболее наглядно представлена в таких сферах человеческой деятельности, как политика, наука, религия, искусство и др. Так, например, ученый конструирует воображаемые социальные миры подобно тому, как политик создает социальные проекты и программы, превращая их в реальность второго порядка при помощи избирательных технологий, средств массовой информации и т.д. При этом объективная реальность (как сфера последствий) никогда не совпадает с субъективно-опосредованной реальностью (как сферой интересов и намерений субъектов), а сама системная реальность (будь-то научно-исследовательские программы или политические проекты) зависит от многих других факторов, в т.ч. биографической ситуации субъекта, его персональной реальности.

В традиционном смысле реальность первого порядка является предметом изучения объективистской социальной теории (эволюционизм, марксизм, функционализм и др.), а реальность второго порядка — предметом субъективистского («понимающего») направления (социальная феноменология, интеракционизм, этнометодология и пр.).

Противопоставляя рефлексивный подход «знаниевому» подходу, мы тем самым подчеркиваем, что рефлексивность для нас выступает в виде

определенной междисциплинарной аналитической матрицы постижения социального мира (принципиально отличающейся от «знаниевой» модели), которая оперирует реальностями только двух типов («реальность-как-объект» и «реальность-как-знание-об-объекте»). Рефлексивный подход позволяет ввести новое понятие системной (в т.ч. аналитической) реальности – «реальности-как-деятельности» (рационально сконструированного мира познавательного или практического опыта), с позиций которой рассматриваются и конструируются реальности первого и второго порядка. Именно с ней соотносятся и «сопрягаются» другие реальности, пропускаемые через фильтры рефлексивности.

Системная реальность обладает рядом существенных признаков, которые на предварительной стадии изучения можно выделить лишь условно или гипотетически: *рациональная природа* (тип рациональности зависит от сферы социальной жизни людей), *анонимность* и личностная отчужденность, *нейтральность* (аперсональность), *формальный характер* (в смысле следования логике формальных процедур – правил научного дискурса, требований должностной инструкции, пунктов политической программы и т.д.), *самопрезентативность* (способность системной реальности описывать и выражать себя средствами языка, вырабатываемого внутри нее), *самоизолированность* (способность системы отделять себя от среды, поддерживать и воспроизводить границы между собой и другими системами или внесистемными объектами всеми дозволенными или допустимыми способами), *самореферентность* (способность системы к соотносению с самой собой, к созданию «внутренней» точки отсчета или сети координат) и др.

В структурном плане следует различать «внешнюю» системную реальность, опосредующую познавательное и практическое взаимодействие субъектов с окружающим миром, и «внутреннюю» системность, основанную на самосоотнесенности и самоотчужденности субъектов в рамках вырабатываемой ими собственной сети ценностно-нормативных координат.

Следовательно, системная (аналитическая) реальность представляет собой «внутреннее табло» социальной теории, на котором отображаются (проецируются) все другие виды реальности. Поэтому в рефлексивной перспективе данной теории возможны следующие процедуры анализа:

- 1) соотношение системной (аналитической) реальности с «объективной» реальностью (миром социальных фактов и последствий);
- 2) соотношение аналитической реальности с реальностью субъективного типа (миром намерений и интересов субъектов действия и познания);

3) соотнесение аналитической реальности с персональной реальностью (миром повседневной жизни, биографической ситуацией ученого-теоретика);

4) соотнесение системно-аналитической реальности, сконструированной учеными, с другими видами системной реальности – политической, экономической, художественной, религиозной и пр.

Таким образом, рефлексивная перспектива в современной социальной теории ориентирована на постижение множества уровней реальности, среди которых выделяются «объективная», «субъективная» или «субъективно-опосредованная» (символическая), персональная (биографическая) реальности, которые отображаются на табло системно-аналитической реальности как рационально сконструированного мира познавательного опыта. Концептуальное содержание и методологические рамки такого подхода к пониманию социального мира как многоуровневой реальности нам еще предстоит обосновать и ввести в научный оборот.

Ю.М. Резник

АВТОРЫ

Зарубежные авторы:

Коллинз (Kollins) Рэндалл (р. 1941) – известный американский социолог.

Коул (Koull) Джордж (1889-1959) – английский историк, социолог, экономист, деятель лейбористского движения.

Линтон (Linton) Ральф (1893-1953) – американский культурный антрополог, автор концепции «базисных типов личности».

Мертон (Merton) Роберт Кинг (1910-2003) – американский социолог, представитель структурно-функционального анализа.

Парсонс (Parsons) Толкотт (1902-1979) – американский социолог-теоретик, один из главных представителей структурно-функционального направления в социологии.

Тирикьян (Tiryakian) Эдвард Ашот (р. 1929) – американский социолог, автор работ по социальной теории и теории социокультурных изменений.

Хабермас (Habermas) Юрген (р. 1929) – немецкий философ и социолог, автор трудов по общей социальной теории и теоретической социологии.

Отечественные исследователи:

Абушенко Владимир Леонидович – кандидат философских наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института социологии НАН Беларуси (Минск).

Гречко Петр Кондратьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии РУДН (Москва).

Григорьев Георгий Николаевич – доктор педагогических наук, профессор, ректор Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (Чебоксары).

Грицанов Александр Алексеевич – кандидат философских наук, доцент, научный руководитель международного проекта «Гуманитарная энциклопедия» (Минск).

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Орехов Андрей Михайлович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии РУДН (Москва).

Орлова Эльна Александровна – доктор философских наук, профессор, директор Института социальной и культурной антропологии Государственной академии славянской культуры (Москва).

Рахманов Азат Борисович – кандидат философских наук, доцент социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва).

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заместитель директора Российского института культурологии, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество», президент Ассоциации «Междисциплинарное общество социальной теории» (Москва).

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного университета, руководитель Центра социальной философии и теоретической истории при Институте философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

Румянцева Татьяна Герардовна – доктор философских наук, профессор факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск).

Шапинская Екатерина Николаевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского института культурологии (Москва).

Contents (in Russian)	3
Preface (<i>G.N. Grigoryev, Yu.M. Reznik</i>)	5
Social Theory on the Path to Social Sciences Integration (<i>Reznik Ym.M.</i>)	7

Idea sources of Social theory

Foreign studies

COLLINS R. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change (<i>fragments from the book; trans. by N.S. Rozov</i>)	13
PARSONS T. Development of Sociology as Scientific Discipline (<i>trans. by M.V. Kalashnikova</i>)	37
TIRYAKIAN E. Sociologism and Existentialism (<i>trans. by V.G. Nikolaev</i>) .	50
HABERMAS J. The Theory of Communicative Action. Preface (<i>fragments from the book, trans. by A.B. Rakhmanov</i>)	85

Domestic studies

SHAPINSKAYA Ye.N. Social theory today: some problems and approaches	93
ROZOV N.S. New Social theory of intellectual creative work: “sociology of philosophies” by R. Collins	112
GRITSANOV A.A., RUMYANTSEVA T.G. The Evolution of Domestic Social Theory: from Monistic Polyparadigmacy to Framework Model	123
REZNIK Yu.M. Social Theory in Russia: the Search of Self-determination and Way out of a Crisis	140

Subject and status of recent Social theory

Foreign studies

COLE J. Social theory: the Main Forms (<i>trans. by A.M. Orekhov</i>)	158
LINTON R. Personality, Culture and Society (<i>trans. by L.A. Mostova</i>)	175
MERTON R. Science and Social Order (<i>trans. by V.G. Nikolaev</i>)	191
PARSONS T., BALES R.F., SHILS E.A. Working Papers in the Theory of Action (<i>fragments from the book, trans. by V.G. Nikolaev</i>) ..	208
HABERMAS J. The Theory of Communicative Action. The Concept of Rationality (<i>fragments from the book, trans. by A.B. Rakhmanov</i>)	229

Domestic studies

ABUSHENKO B.L. Social Theory: Possibilities of Concordance Disciplinary Epistemological Positions	246
GRECHKO P.K. Social theory: the Problem of Interdisciplinary Status ..	263
OREKHOV A.M. Social theory: the Experience of Interpretation	275

ORLOVA E.A. Methodological Angles of Sociocultural Studies 290
REZNIK Yu.M. Social Theory Today: Subject and Interdisciplinary Status .. 306

Social theory and society

GRECHKO P.K. Analytical Conceptuality and Practical Directivity
of Social Theory 321
REZNIK Yu.M. Social Theory and Society: Civil Mission
and Intellectual's Responsibility 337

Our publishers

Interdisciplinary Society for Social Theory 359
Chuvash State Pedagogic I.Ya.Yakovlev University 362

On Reflexive Approach Within Social Theory (*Editor's afterword*) 366
Contents (in English) 372

ISBN 5-901493-11-7

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: Научный альманах. 2007. Том I. Выпуск 1. Философские и научные основания современной социальной теории / Под ред. Ю.М. Резника. М.: «Независимый институт гражданского общества»; «Междисциплинарное общество социальной теории», 2007. 376 с.

Выпуск альманаха готовили:

Научный перевод: В.Г. Николаев, А.Б. Рахманов.

Корректурa: В.М. Хачатурян.

Верстка: М.В. Николаев.

Сдано в набор 07.09.07. Подписано в печать 08.10.07. Формат 60/90 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. — 23,5. Тираж 1000 экз.

Заказ №